Альберт Захарович Манфред (Отв. редактор) В. М. Далин В. В. Загладин С. Н. Павлова С. Д. Сказкин
История Франции

Альберт Захарович Манфред (Отв. редактор), В. М. Далин, В. В. Загладин, С. Н. Павлова, С. Д. Сказкин
История Франции. Т.1.

От редколлегии

Давние дружественные связи соединяют народ нашей страны с французским народом. Советские люди глубоко уважают демократические, революционные традиции французского народа, его вклад в сокровищницу мировой цивилизации. У нас любят Францию, проявляют самый живой интерес к ее прошлому и настоящему.

Не будет преувеличением сказать, что история ни одной другой зарубежной страны не пробуждала такого большого интереса русских и советских читателей, как история Франции. Все наиболее значительные работы, посвященные французской истории, – Минье, Тьерри, Токвиля, Кине, Луи Бланд, Мишле, Олара, Сореля, Жореса, Матьеза, Лефевра, Марка Блока, Альбера Собуля и многих других в разное время переводились на русский язык и издавались большими тиражами в нашей стране. В свою очередь, дореволюционные русские, а затем советские ученые-историки внесли существенный вклад в изучение истории Франции.

Здесь достаточно хотя бы напомнить труды по социальной и, в особенности, аграрной истории Франции XVIII столетия «русской исторической школы» (Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский и др.), работы старшего поколения советских историков: В. П. Волгина, Н. М. Лукина, Е. В. Тарле и многих других, труды по самым различным аспектам истории Франции современных советских исследователей, многочисленные статьи, сообщения, публикации, появляющиеся на страницах «Французского ежегодника», выходящего уже около 15 лет.

Однако, как ни велика и ни многообразна советская историческая литература, исследующая общие или частные проблемы истории Франции, в нашей стране еще ни разу не осуществлялась попытка охватить всю историю этой страны в целом, дать систематическое, хронологически последовательное изложение всей истории Франции от древней Галлии до наших дней. Потребность в таком издании несомненна. Нельзя понять современной Франции, не зная ее прошлого. Невозможно представить очертания будущего, не оглядываясь на прошедшее, не анализируя его.

Следует указать и еще на одну сторону дела. История Франции – одной из стран «классического» капитализма, одной из стран, в которых ранее всего зародилось революционное рабочее движение, – всегда была и остается для исследователей-марксистов богатейшим источником выводов и обобщений, затрагивающих общие закономерности исторического процесса. В прошлом веке анализ событий французской социально-экономической и политической жизни в значительной мере позволил К. Марксу и Ф. Энгельсу сделать величайшие открытия в области философии, политической экономии и научного коммунизма. В. И. Ленин именно на опыте Франции разрабатывал многие положения теории революции, составившие эпоху в развитии научного пролетарского мировоззрения. В наши дни французская действительность, борьба рабочего класса этой страны, свершения ее ученых и деятелей культуры дают неоценимый материал для новых размышлений общеисторического плана. И с этой точки зрения, следовательно, подготовка обобщающего труда по истории Франции имеет весьма важное значение.

Настоящее издание представляет первый опыт создания систематической, основанной на единой научной марксистско-ленинской методологии, истории Франции с древнейших времен до нынешних дней. Естественно, что такое большое и сложное научное начинание могло быть осуществлено лишь коллективными усилиями ученых-специалистов.

Издаваемый ныне труд был подготовлен сектором истории Франции Института всеобщей истории Академии наук СССР. В издании принимали участие ведущие специалисты по истории Франции. Авторы опирались как на свои собственные исследования, так и на последние достижения отечественной и зарубежной исторической науки.

Редколлегия отдавала себе отчет в том, что впервые издаваемая в нашей стране «История Франции», охватывающая весь многовековой путь, пройденный дружественным нам народом, привлечет, несомненно, внимание и интерес самого широкого круга читателей.

Это определило, в значительной мере, характер и форму изложения. Не устраняя своеобразия авторского почерка того или иного ученого и допуская, что по некоторым сложным проблемам истории Франции могут существовать не во всем совпадающие мнения, редколлегия считала себя в то же время обязанной, сохраняя всю научную строгость текста, обеспечить необходимую популярность изложения, делающую книгу доступной читателю-неспециалисту.

«История Франции» выходит в трех томах; каждый том соответствует определенному историческому периоду. Первый том охватывает время от ранних государственных образований на территории древней Галлии до кризиса феодально-абсолютистского строя, нарастающего на протяжении XVIII столетия. Это – более чем тысячелетняя история французского народа, история возникновения, роста и упадка феодализма.

Второй том посвящен новой истории Франции, т. е. времени от Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. и окончания первой мировой войны. Это – эпоха утверждения буржуазного порядка во Франции, формирования и развития французского рабочего класса, острых классовых битв, доходящих до самой высшей их формы – гражданской войны и первого в истории опыта диктатуры пролетариата в дни Парижской Коммуны 1871 г.

Последний – третий – том целиком отведен новейшей истории Франции, историческим процессам ближайшего к нам пятидесятилетия – истории Третьей республики между двумя мировыми войнами, трудным годам второй мировой войны и бурным событиям послевоенных лет – Франции четвертой и пятой республик, роли Франции в современном мире.

Одна оговорка необходима применительно ко всем трем томам. История французской литературы, давшей миру таких блистательных мастеров слова, как Мольер, Корнель, Расин, Вольтер, Стендаль, Бальзак, Гюго, Флобер, Мопассан, Золя, Анатоль Франс, Ромен Роллан, представлена в публикуемом издании гораздо менее полно, чем она того заслуживает. Редколлегия шла на это вполне сознательно. Не потому, конечно, что она преуменьшала значение великих французских художников слова. Скорее напротив: редколлегия отдавала себе отчет в том, сколь трудно отразить все многообразное богатство национального художественного творчества Франции в рамках того ограниченного места, которое могло быть отведено этому предмету на страницах общей истории Франции. Редколлегия исходила при этом из того, что уже существует четырехтомная специальная «История французской литературы» подготовленная Институтом мировой литературы АН СССР, значительно превосходящая по своему объему настоящее издание. К этому большому специальному труду советских ученых редколлегия отсылает читателей, желающих ознакомиться с процессом развития французской литературы и творчеством отдельных ее выдающихся мастеров.

При редактировании первого тома «Истории Франции» ценную помощь оказал доктор истор. наук Ю. Л. Бессмертный. Иллюстрации и карты подготовлены канд. истор. наук Е. А. Кравченко. Библиография составлена сотрудниками сектора истории Франции под руководством канд. истор. наук М. Н. Соколовой.

Научно-организационная подготовка издания осуществлена Н. В. Емельяновой и Е. А. Телишевой.

1. Возникновение франции[1]

Хронологические рамки

Нелегко сколько-нибудь точно определить рубеж, с которого «начинается» история той или иной страны. Особенно трудно это сделать по отношению к народам и странам, чья судьба издавна привлекала внимание современников и получила отражение уже в самых древних из дошедших до нас исторических источниках. Именно к таким странам относится Франция.

Что считать «началом» ее истории? Время, когда здесь появился человек (примерно миллион лет тому назад), или же время, когда (около VI в.) современники впервые заговорили о «Франции» (этим именем называли тогда обычно область в бассейне Мааса и Шельды)?.. А может быть, следуя традиции, долгое время бытовавшей во Франции, взять за отправной пункт правление Карла Лысого (середина IX в.) – первого короля Западно-франкского королевства, ко времени которого относится к тому же первый из дошедших до нас памятников прафранцузского языка?..

Видя в истории человеческого общества на территории Франции неразрывную цепь событий и процессов, историки-марксисты подразделяют ее на периоды, соответствующие времени господства основных общественных формаций, сменявшихся здесь, – первобытнообщинной, античной, феодальной, капиталистической. Развитие этих общественных систем составляет подоснову исторической эволюции Франции и, соответственно, главный объект исследований историка. Возникновение почти всех современных европейских стран – и, в том числе, Франции – относится к феодальной эпохе. Именно к ней вернее всего может быть приурочено «начало» собственно «французской» истории. Внутри этой многовековой эпохи особое значение для формирования Франции как государства имел период VI–X вв. К концу его наметились территориальные, политические и этнические контуры будущей Франции.

Разумеется, это «начало» французской истории не может быть понято без хотя бы краткой характеристики предшествующих столетий. Как мы увидим, события и процессы, происходившие на территории Франции накануне нашей эры и в последующие века, наложили заметный отпечаток на все дальнейшее развитие страны. Весь этот период – до конца первого тысячелетия нашей эры – можно, таким образом, назвать как бы «предысторией» французского государства или (условно) историей *возникновения* Франции.

Географические рамки

Общие контуры территории, на которой формировалось и которую занимает ныне французское государство, кажутся намеченными самой природой. Атлантический океан, два моря (Средиземное и Севернее), пролив Ла-Манш, Альпы и Пиренеи – вот ясные рубежи, по которым легко дорисовать почти симметричный пятиугольник Франции. Лишь одна из его сторон, восточная, не имеет в северной своей части достаточно надежных естественных препятствий. И потому не случайно именно она на протяжении десятков столетий была объектом ожесточенных споров и кровопролитных войн. В целом, однако, выгоды географического расположения страны настолько очевидны, что были замечены уже во времена глубокой древности[2].

---

1 Ю. Л. Бессмертный

2 Греческий географ Страбон писал: «Кажется, что само провидение воздвигло горы, приблизило моря, указало русла всех рек, чтобы создать из этой страны самое цветущее место на земле» (Страбон, IV).

И в самом деле, по своему расположению Франция совмещает преимущества морской и континентальной страны одновременно. Максимальное расстояние до моря почти нигде не превышает 400 км. Франция – это как бы перешеек, разделяющий Средиземное море и Атлантический океан в том месте, где они близко сходятся друг с другом, и в то же время – это западный край длиннейшей в мире континентальной полосы, тянущейся вплоть до северо-восточных пределов Азии.

Расположение на стыке трех природных зон – средиземноморской, североатлантической и континентальной – определило широко известное многообразие французского ландшафта. Как ни в одной соседней стране, во Франции ярко выражены все основные виды рельефа: высокие горы, обширные плоскогорья и изрезанные реками низменности. Их расположение неравномерно: на севере преобладают холмистые равнины, здесь расположена крупнейшая французская низменность – Парижский бассейн, занимающая добрую треть всей территории страны; южная половина Франции – за Луарой – гораздо более высокая; значительную ее часть занимает плато Центрального массива, средняя высота которого лишь на 300 м уступает Пиренеям. Это различие гористого юга и равнинного севера наложило, как мы увидим, известный отпечаток и на особенности социального развития южной и северной половин Франции.

Соседство различных природных зон сказалось и на климате. В отличие от рельефа, он, вообще говоря, не оставался постоянным на протяжении последних тысячелетий, колеблясь то в сторону более сухого и континентального, то в сторону более мягкого и влажного. Но, независимо от этих колебаний, всегда было заметно сочетание противоречивого воздействия сухого Средиземноморья, богатого осадками океанического района и континента с его более резкими температурными колебаниями. В результате во Франции довольно сильны региональные различия в климате. В целом же французский климат, складываясь из многообразных элементов, всегда отличался редкой мягкостью. Не удивительно поэтому, что растительный мир Франции очень богат и разнообразен, а реки – многочисленны и в своем большинстве полноводны.

Само расположение рек весьма своеобразно. Ни одна из них не пересекает всю страну. Зато их русла создают как бы круглый веер, центр которого – в Центральном массиве. Это с давних пор позволяло использовать реки для транзитного сообщения между Средиземноморьем и Атлантикой, увеличивая важное значение речных путей. Если ко всему сказанному добавить, что в большинстве районов Франции, особенно на севере, много плодородных земель (пахотные земли составляют три четверти всей площади, треть их отличается особенно высоким плодородием), что, наряду с хлебными полями, здесь с древних времен было много виноградников и оливковых рощ, что обилие строительного камня (особенно известняка) издавна облегчало создание построек, дорог, укреплений, то представление о богатстве французской природы будет достаточно полным.

Отмечая исключительно благоприятные природные условия французской территории, многие историки и географы подчеркивали их влияние на историческое развитие страны. Особенно ярко писал об этом один из основателей современной французской географической школы Видаль де ла Блаш, определяя его одним словом – precocite, т. е. «скороспелость». Действительно, невозможно отрицать благотворной роли природы в быстром развитии экономики и общества Франции. Наиболее велика она была на заре истории, когда жизнь населявших страну первобытных племен непосредственно зависела от природных условий. Мягкость климата, богатства лесов и рек, плодородие почв облегчали тогда обеспечение людей средствами существования и потому создавали возможность более быстрого роста населения и ускорения общественного прогресса в целом. Но и позднее богатая природа заметно влияла на условия жизни населения на земле Франции, освобождая его от многих трудностей, которые приходилось преодолевать жителям менее благоприятных природных зон. Немалое значение в истории Франции имело само ее расположение, издавна превращавшее страну как бы в торговый мост между севером и югом, позволявшее одновременно контролировать две важные морские границы Европы, легко

устанавливать связи со всеми континентальными странами и в то же время в значительной степени быть отгороженной ими от опасных вторжений кочевников. Сколь, однако, ни велико было значение природных условий в развитии общества на территории Франции, роль созидательной деятельности человека, как показывают факты, была намного важнее.

Начало этногенеза

С той же точки зрения, с какой мы говорили о природных условиях, подойдем к вопросу об особенностях заселения страны. Какое влияние оказали они на путь исторического развития Франции? История заселения Франции охватывает тысячелетия и завершается в основном лишь к X в. н. э. Источники позволяют с достаточной определенностью говорить об этническом составе населения Франции приблизительно с конца второго тысячелетия до н. э.[3] В это время в Западной и Центральной Европе происходят значительные по своим масштабам «переселения народов». Одним из важных очагов этнической экспансии была обширная область, охватывавшая территорию современных Чехословакии, Австрии, Венгрии и Южной Германии. Ее население составляли племена, которых греки впоследствии назвали кельтами. В течение ряда столетий они расселялись в различных направлениях – и, в частности, передвигались на запад. Кельтская колонизация Франции продолжалась более тысячи лет. Она началась, вероятно, еще в эпоху бронзы (около 1600 г. до н. э.), резко усилилась с началом «железного века» (в X–IX вв. до н. э.) и достигла наибольшей интенсивности в VI–V вв. до н. э. Последние ее этапы отмечены уже в письменных памятниках и относятся к 250–150 гг. до н. э.

Археологический и лингвистический материал позволяет восстановить, хотя и в самых общих чертах, ход и последствия кельтской колонизации [4]. Завоеватели намного уступали в численности местному населению. Их вторжения, растянувшиеся на столетия, не приводили к полному уничтожению коренных жителей. Разделенные между собой десятками, а то и сотнями лет, отдельные волны кельтских переселенцев успевали в большей или меньшей мере раствориться среди туземного населения прежде, чем начиналась новая полоса вторжений. Но в общем страна постепенно кельтизировалась, хотя разноплеменность ее не уменьшилась и в ряде районов даже увеличилась. Объяснялось это возникновением в ходе кельтской колонизации большого числа смешанных этнических групп, в той или иной мере отличавшихся как от новопришельцев, так и от более древних поселенцев. Современным исследователям удается нередко обнаружить общность антропологического склада и материальной культуры кельтов и автохтонных племен. Но сами они далеко не всегда сознавали свое родство, заслоненное для них вполне реальными этническими и социальными различиями.

Особенно заметна была разница между жителями севера и юга. В северных и восточных областях, через которые шел основной поток кельтских вторжений, население было значительно более кельтизировано, чем на юге и западе. В первом тысячелетии до н. э. почти на всем юге преобладали иберские племена, родственные народам Пиренейского полуострова. Лишь позднее и лишь в отдельных районах здесь стало складываться

---

[3] Первые следы человека на территории Франции относятся еще к периоду нижнего палеолита и отстоят от нашего времени приблизительно на миллион лет. Однако сведения о людях, населявших землю Франции в эти отдаленные эпохи, крайне скудны и позволяют дать лишь самую суммарную археологическую и, отчасти, антропологическую их характеристику, но не дают материала для уверенных суждений об их этнической принадлежности. См. *F. Bourdier.* Prehistoire de France. Paris, 1967.

[4] *H. Hubert.* Les celtes et l'expansion celtique jusqu'a l'epoque de la Tene Paris, 1950; *idem.* Les celtes depuis l'epoque de Tene. Paris, 1950; J. *de Vries.* Kelten und Germanen. Bern und Munchen, 1960; *R. Riquet.* Les rapports du groupe linguistique celtique et du cycle culturel a campaniformes. – «Celticum». Supplement a OGAM. Tradition celtique. № 73–75, 1961.

кельто-иберское население[5]. Небольшими островками среди него – главным образом, на Средиземноморском побережье – были разбросаны колонии малоазийских греков, оказавшие заметное влияние на материальную и духовную культуру этого района и ускорившие его развитие[6] (главная греческая колония – Массилия – на месте современного Марселя). Несмотря на то, что иберы и, особенно, греки очень долго сохраняли свою этническую самобытность, их роль в этногенезе французского народа была значительно меньшей, чем кельтов. Отчасти это определялось тем, что исходные области их расселения были отделены либо трудно проходимыми Пиренеями, либо морскими просторами и потому приток одноплеменного населения был сильно затруднен.

В целом последствия кельтской колонизации для дальнейшей истории страны были противоречивы. Кельтизация создавала известные предпосылки для будущего этнического сплочения. Но для ближайшего исторического периода важнее было то, что пестрота и разноплеменность населения еще более выросли, создавая благоприятные условия для новых иноземных вторжений.

Римская Галлия

Отзвуки последней волны кельтской колонизации, приведшей к расселению в северо-восточной части страны племен белгов, были заметны еще в середине II в. до н. э. Приблизительно в это же время на крайнем юго-востоке начались римские завоевания. Они не были случайностью. Захватив в III–II вв. до н. э. обширные владения в Испании и подчинив Цизальпинскую Галлию[7], Римская республика охотно воспользовалась просьбой греческой Массилии оказать ей помощь в борьбе против соседних кельтских племен как поводом для похода за Альпы. За семь лет (125–118 гг. до н. э.) римляне завоевали все Средиземноморское побережье и образовали здесь одну из своих многочисленных провинций [8], связав воедино метрополию с ее испанскими владениями.

---

[5] Особую этническую группу на юго-востоке страны представляли, кроме того, лигуры, о происхождении которых идут споры. По мнению А. Гренье *(A. Crenier.* Les Gaulois. Paris, 1945, p. 55), племена лигуров, не подвергшиеся кельтизации, с VI в. до н. э. были оттеснены в горные районы и только там и сохранились.

[6] *F. Benoit.* Recherches sur l'hellenisation du midi de la Gaulle. Aixen-Provence, 1965.

[7] Римляне называли кельтов галлами, а области по обе стороны Альп, заселенные галлами, – Цизальпинской и Трансальпийской Галлией.

[8] Римляне называли ее «Нарбоннской провинцией», галлы – просто «Провинцией», откуда дожившее до наших дней обозначение юго-восточной Франции – Прованс.

Римский легионер и галльский воин. Барельеф

Не прошло и пяти лет, как на оставшуюся еще свободной часть Галлии обрушился новый враг – на этот раз с северо-востока. Племена кимвров и тевтонов, перейдя Рейн, прошли войной через всю страну (113–101 гг.). Последовавшая затем мирная передышка длилась немногим более сорока лет. Около 60 г. до н. э. новый союз зарейнских племен – германцы-свевы во главе с Ариовистом – стал угрожать восточным галлам. Борьба между отдельными кельтскими племенами, в ходе которой одни из них обращались за помощью к свевам, а другие – к римлянам (проконсулом завоеванной части Галлии был тогда Цезарь), явилась предлогом для почти одновременного вторжения в Галлию обоих опасных соседей. Столкновение между ними самими не заставило себя ждать. Разбитые римлянами германцы были отброшены за Рейн.

Но зато вся Галлия – до берегов океана и Пиренеев – оказалась под властью Рима. Это второе по счету римское завоевание (58–51 гг. до н. э.) положило начало пятисотлетнему господству Рима в Галлии.

Чем объяснить сравнительную легкость завоевания галлов Римом? Она отчасти определялась уже отмеченными обстоятельствами их внешнеполитического положения, мешавшими дать действенный отпор могучему Риму. Но не менее важны были особенности внутриполитического строя Галлии.

Населявшие страну кельтские и кельто-иберские племена распадались на многочисленные племенные союзы. Их этническая и племенная разобщенность усугублялась социальным расслоением. Это последнее сыграло столь значительную роль, что на нем стоит остановиться специально.

Основными занятиями галлов II в. до н. э. были земледелие и скотоводство, достигшие сравнительно высокого уровня. Умение удобрять поля, использование довольно совершенного железного плуга (заимствованного позднее римлянами), соблюдение правильных севооборотов – все это позволяло галлам собирать относительно неплохие урожаи. Обширные пастбища благоприятствовали разведению лошадей, использовавшихся

галлами в военном деле, в лесах паслись многочисленные стада свиней. Изделия галльского ремесла – железоделательного, керамического, ткацкого – были известны и за пределами страны. Достигнутый хозяйственный уровень – особенно у наиболее развитых племен Юго-Восточной Галлии – давно уже не требовал коллективного труда и связанной с ним общественной собственности на средства производства и результаты труда. И потому не удивительно, что у этих племен уже накануне римских завоеваний значительная часть земли – главного богатства – находилась во владении отдельных семей. Еще сохранялась собственность всего племени или общины на лесные и пастбищные угодья, на вновь захваченные пространства или пустоши. Община, по-видимому, еще не утратила известных верховных прав на всю занимаемую ею территорию, включая и пахотную землю. Но в повседневной жизни большое значение имела уже не только верховная общинная собственность, но и собственнические права отдельных малых семей, владевших участками пахоты и ведших на них свое индивидуальное хозяйство[9].

Производственная деятельность и функции управления уже заметно отделились в галльских племенах друг от друга. Первая стала уделом большинства, вторые – концентрируются в руках племенной аристократии. Ко времени прихода римлян родовая знать обладала значительным влиянием во всех районах Галлии.

Особенно заметным было возвышение аристократии на юго-востоке и в центре страны. Представители знати окружали здесь себя многочисленными приближенными. Влияние и роль каждого знатного во многом зависели от числа таких «клиентов», имевших характерное название ambacts – «те, которые (находятся) вокруг». Их бывало по нескольку сотен, а у самых знатных – и несколько тысяч. Из них-то и составлялось теперь конное войско, (заменившее всеобщее ополчение, существовавшее раньше), как бы противостоявшее в этих племенах основной массе галлов.

С помощью своих военных дружин знать совершала набеги на соседей, захватывая богатства и пленников. Согласно старинным обычаям, большинство пленников приносилось в жертву богам. Лишь часть их обращалась в рабов и использовалась в поместьях, принадлежавших знати. Экономическая роль этих рабов была, однако, невелика. Главную рабочую силу в поместьях знати составляли рядовые галльские общинники, обрабатывавшие земли на правах временных владельцев или в качестве наемных работников. Одни из них еще сохраняли свою свободу, другие находились уже в той или иной форме зависимости от земельной аристократии. Если на юго-востоке страны социальная дифференциация достигла, таким образом, довольно высокого уровня, то в северных и западных областях она была выражена намного слабее. Основная масса членов племени сохраняла здесь еще свободу и полноправие. В результате сложность и неоднородность социальной структуры галльского общества в целом, как и его неспособность противостоять римскому вторжению, еще более увеличивались.

Тем не менее у галлов уже зарождались представления об их этнической общности. Выразителями подобных представлений выступали в первую очередь ученые жрецы – друиды. Друиды были у галлов не только религиозными наставниками. Они признавались также высшим авторитетом в спорах между родами и даже целыми племенами.

---

9 Основным источником для изучения отношений собственности и социального строя у галлов служат, помимо данных археологии, оставленные Цезарем «Записки о галльской войне» (см. «Записки Юлия Цезаря и его продолжателей». М., 1963). Однако, плохо понимая общественный строй галлов, особенно тех из них, которые не были непосредственными соседями римлян, Цезарь описал галльское общество в неясных, порой противоречащих друг другу выражениях (см. *M. Rambaud.* L'art de la deformation historique dans les commentaires de Cesar. Paris, 1953). В их истолковании среди историков существуют значительные разногласия (см. C. *Jullian.* Histoire de la Gaule. t. II. La Gaule independante. Paris, 1908; *A. Grenier.* Les Gaulois; *H. Hubert.* Les celtes depuis l'epoque de Tene; *A. Aymard* et *Auboyer.* Rome et son empire. Histoire generale des civilisations publ. sous la dir. M. Crouzet. t II. Paris, 1954; J de Vries Kelten und Germanen; F. Bourriot. La tombe de Vix et le mont Lassois. – «Revue Historique», t. 234, 1965). Картина галльского общества, рисуемая здесь нами, носит поэтому гипотетический характер.

Посредничество друидов в таких спорах оказывалось возможным благодаря тому, что жрецы всех галльских племен объединялись в особую религиозно-политическую корпорацию, действовавшую с известной регулярностью. Раз в год они собирались со всей Галлии в священном месте (близ современного Орлеана), чтобы обсудить общие дела. Над ними стоял пожизненный глава, пользовавшийся большим авторитетом. Друидизм был поэтому силой, в известной мере сдерживавшей рост усобиц между галльскими племенами.

Во II–I вв. до н. э. делались и прямые попытки объединения галлов. Их предпринимали вожди наиболее сильных племенных союзов арвернов, эдуев, секванов. Создававшиеся ими государственные образования были, однако, очень недолговечными. Противоречия между большинством галлов и знатью, достигшие наибольшей остроты у племен Юго-Восточной Галлии, различие интересов этих более развитых племен и населения ряда северных областей, где еще в основном сохранялся первобытный строй, наконец, постоянное соперничество внутри самой аристократии, враждующие роды которой были готовы на союз с любыми внешними силами, – вот основные причины постоянной внутренней борьбы, раздиравшей отдельные галльские племена и Галлию в целом. Эта внутренняя слабость в большой степени облегчила римское завоевание Галлии.

* * *

Военное поражение не лишило галлов воли к борьбе за свободу. Едва Цезарь в 53 г. до н. э. покинул Галлию, в ней началось восстание. Его возглавил Верцингеториг – сын вождя одного из сильнейших южногалльских племен арвернов. Цезарь не мог справиться с повстанцами около двух лет. Лишь тогда, когда он уже был вынужден начать отступление, ему улыбнулась удача, и он сумел запереть главные силы галлов в Алезии (в верховьях Сены) и разбить по частям остальные их отряды. Три миллиона побежденных, миллион убитых, миллион обращенных в рабство – таковы были итоги войны с галлами, официально объявленные во время триумфа Цезаря [10]. Но ни массовые порабощения, ни продолжающиеся жестокие карательные экспедиции, в ходе которых захваченным повстанцам отрубали кисть правой руки, долгое время не могли усмирить галлов. В 31–30 гг. восстают треверы, в 29 г. – морины, в 28 г. – аквитаны. Спасаясь, многие галлы пытаются бежать за Рейн, в Британию, в Богемию. Эта «эмиграция» была настолько значительной по своим масштабам, что следы ее остались даже в археологическом материале [11].

---

[10] Эти цифры, вероятно, сильно преувеличивают действительные потери галлов, но они, тем не менее, показательны для характеристики масштабов Нанесенного Галлии урона.

[11] *J.J Halt.* Histoire de la Gaule romaine. Colonisation ou colonialisme? Paris, 1966, p. 105.

Галльский ремесленник Надгробие. Бордо.

Что вынуждало галлов к столь активному и длительному сопротивлению Риму? Понять это нетрудно, познакомившись с системой римского управления Галлией. Победив галлов, поработив пленных, Рим не оставил Галлию в покое. Все галльские земли были превращены в собственность «римского народа». Отныне галлы стали лишь временными владельцами своих земель, которые завоеватель мог отобрать, основав на них колонию римских поселенцев, передав в награду ветеранам или продав кому-либо. И хотя подобные конфискации фактически затронули не большую часть галльских земель, они породили недовольство. Еще более тяжелым оказалось иго налогов. Уже при Цезаре римляне взыскали с Галлии 40 млн. сестерций. Со времен императора Августа раз в 15 лет в Галлии проводились описи имуществ, определявшие размер налогов, возлагавшихся на каждую семью. Их величина не менялась в течение следующего пятнадцатилетия, какие бы изменения в составе и материальном положении семьи ни произошли за это время. Помимо

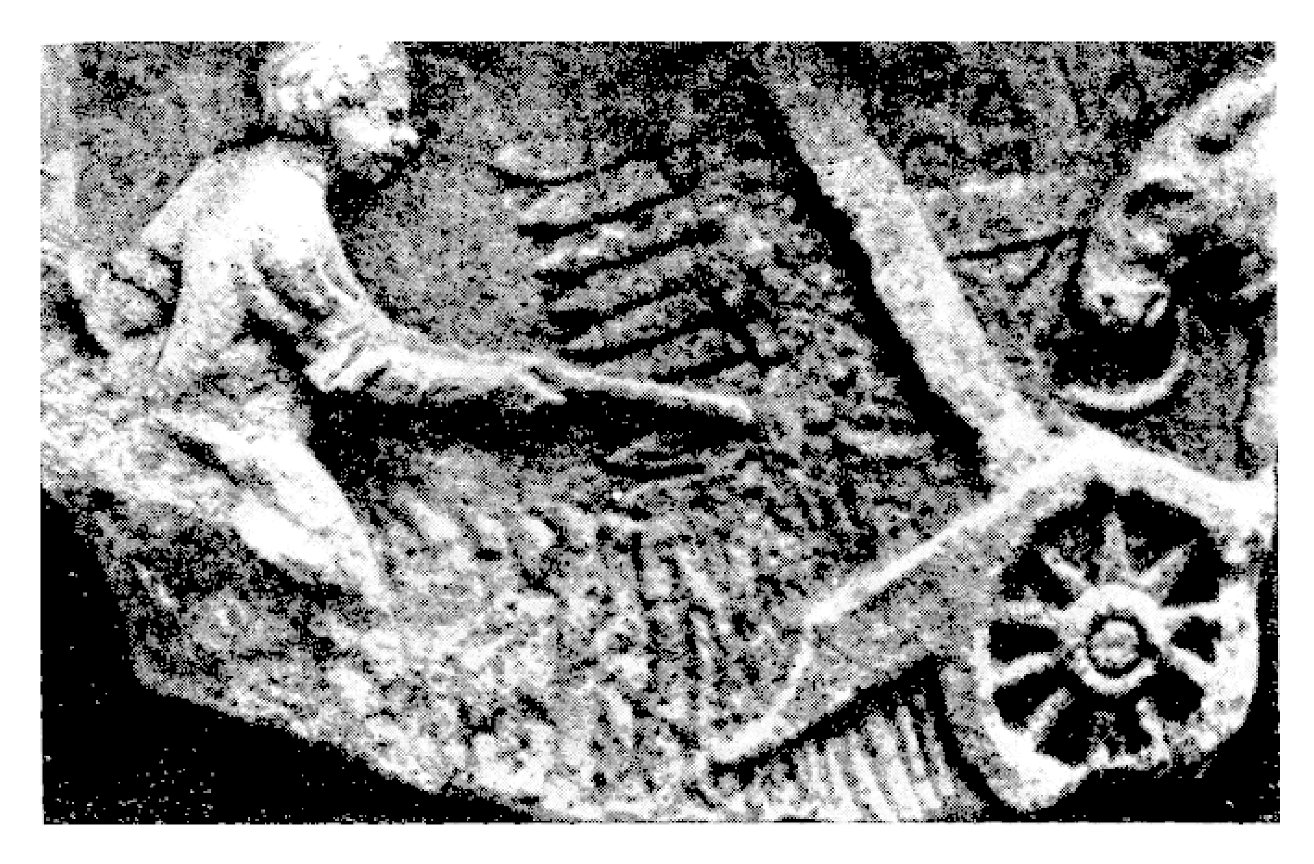
прямых налогов, Рим взимал многочисленные пошлины: с каждой купли-продажи, с товаров, вывозимых или ввозимых в Галлию, при отпуске раба на свободу, при наследовании имущества и т. д. Во многих пунктах Восточной и Южной Галлии появились гарнизоны, возникли римские колонии. Сто тысяч солдат, сто тысяч колонистов и еще столько же римских предпринимателей и их рабов – таковы приблизительные цифры, характеризующие, по мнению французского историка Дюваля, римское проникновение в первые века после завоевания [12]. Оно было не настолько интенсивным, чтобы создать угрозу самому существованию галлов, число которых измерялось, вероятно, 6–8 миллионами [13], но вполне достаточным для того, чтобы заставить большинство галльских племен почувствовать тяжесть римского гнета.

Не удивительно поэтому, что немалая часть пятивекового римского господства в Галлии наполнена напряженной борьбой галлов против Рима. Ее характер и формы были различны: крупные восстания в первые десятилетия римского правления, преимущественно местные конфликты в последующие 100 лет (до 70-х годов I в.) и, наконец, после довольно долгого затишья, массовые движения, продолжавшиеся с перерывами с конца II в. уже вплоть до падения Рима. Выражение «Римский мир» (Pax Romana), которым долгое время обозначали период римского господства, чем дальше, тем больше обнаруживает в применении к Галлии свою относительность. Твердая римская власть, действительно, покончила с внутренними междоусобицами галльских племен и на время приостановила германские нападения. Но она была не в силах ни предотвратить антиримские выступления, ни, тем более, исключить социальные конфликты, обострявшиеся по мере углубления противоречий внутри галльского общества.

---

[12] *P. M. Duval.* La vie quotidienne en Gaule pendant la paix Romaine. Paris, 1952, p. 28.

[13] *J. C. Russell.* Late Ancient and Medieval Population. – «Transactions of the American Philosophical Society», vol. 48, 1958, p. 83: 6,6 млн.; *R. Fossier.* La terre et les homines en Picardie jusqu'a la fin du XIIIe siecle. Paris – Louvain, 1968, p. 129: 6–8 млн. Есть, однако, авторы, оценивающие население Галлии гораздо большими цифрами: *R. Sedilot,* Survol de l'histoire de France. Paris, 1955, p. 34: 12 млн.; *F. Lot.* La Gaule. Paris, 1947, p. 66–69: 20 млн; *A. Grenier.* Les Gaulois, p. 225–231: 24 млн.; etc.

Изображение галло-романской жатки, найденное во время раскопок в Бюзеноль-Монтобане.

И все же изменения, происшедшие в Галлии за время пятисотлетнего господства Рима, охватили все области жизни и наложили сильнейший отпечаток на всю последующую историю страны. В чем сущность этих изменений? Как следует оценить историческую роль римского завоевания Галлии? Чтобы ответить на эти вопросы, охарактеризуем кратко важнейшие экономические, социальные и культурные итоги эволюции галльского общества за период римского правления[14].

Превращенная в одну из важнейших житниц метрополии, Галлия переживает в I–II вв. период интенсивного освоения новых земель. Не только на юге, но и на севере распахиваются пустоши, возникают новые хутора и села, расширяется хлебопашество. Растет число средних и крупных поместий, принадлежащих пришлым завоевателям и местной аристократии.

Галльская знать усвоила римские методы ведения хозяйства. В ее владениях значительно увеличилось использование рабов. Особенно широко применялся рабский труд новыми земельными собственниками – римскими ветеранами (в их числе были не только римляне, но и галлы, германцы, иллирийцы и т. д.). Их виллы были не так велики, как у владельцев латифундий в Италии (составляя максимально у солдат 100–150, у командиров – 400–500 га). Но число их было значительным, особенно в Южной и Центральной Галлии. В отличие от этих областей в бассейне Средней Луары и в районах, граничивших с

---

[14] Ограниченность места и самые задачи настоящего издания лишают возможности сколько-нибудь подробно рассматривать историю Галлии в период римского господства. Ограничимся поэтому кратким очерком тех изменений, происшедших в Галлии за время римского правления, которые оказали наибольшее влияние на последующую историю страны. См. об этом: Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957; А. Р. Корсунский. Проблема революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе. – «Вопросы истории», 1964, № 5; C. Jullian. Histoire de la Gaule, t. 2–6. Paris, 1909–1920; H. P. Eydoux. La France antique. Paris, 1962; J. J. Hatt. Histoire de la Gaule romaine.

Нарбоннской провинцией, росли крупные поместья местной знати и пришлых богатеев, напоминавшие по своему типу римские – с характерным для них преобладанием собственного господского хозяйства и большой ролью животноводства. Наряду с рабами галло-римские землевладельцы использовали также колонов – свободных арендаторов земли. Роль колонов была здесь значительно выше, чем в самой Италии. Это было тесно связано с особенностями Галлии как страны, позднее приобщившейся к рабовладельческой системе и потому не успевшей в такой большой мере, как Италия, отказаться от труда свободных людей.

Увеличившиеся в числе поместья Галлии производили на продажу хлеб, скот, вино[15]. В свою очередь потребности этих галльских вилл способствовали росту ремесла и промыслов. Расширилась добыча железа в Южной Галлии. Увеличилось изготовление деревянных и железных изделий. Деревянные повозки, бочки, плуги с железными сошниками, глиняные чаны, амфоры, горшки, железные топоры, косы, пилы, мечи, кожаные штаны, колпаки, фартуки и многие другие изделия производились в Галлии в большом количестве (например, гончарные изделия – сотнями тысяч штук) и распространялись по всей стране, а иногда и за ее пределами. Изготовляли их большей частью свободные ремесленники, работавшие в небольших мастерских. Рабы-ремесленники имелись в сравнительно немногочисленных поместьях наиболее крупных землевладельцев; рабов использовали также на государственных рудниках, в каменных карьерах, на строительных работах.

Расширение торгового обмена и военные нужды империи толкнули римлян на проведение в Галлии нескольких важных дорог, прорезавших страну вплоть до берегов Ла-Манша. Эти магистрали, мощенные камнем и достигавшие порой ширины в 13 м, позволяли римским легионерам проходить 30–40 км в день, а курьерам – проезжать по 75 км в сутки[16]. Дороги оказались одним из самых стойких памятников господства Рима. Они составляли основу дорожной сети Франции почти тысячу лет. Но не стоит преувеличивать их значение для галлов. Наиболее крупные из них шли вдоль границ и не проникали внутрь страны, особенно в северных и западных ее районах (в Пикардии, например, они пересекли лишь семь галльских деревень[17]). Сами галлы могли пользоваться римской дорожной сетью далеко не всегда. Дальней торговлей занимались почти исключительно иноземцы – греки, сирийцы, римляне. Римские дороги в Галлии оставались поэтому в основном путями передвижения чужестранцев; они не сломали замкнутость галльских областных мирков, традиционность их жизни.

Сравнительно большее влияние имело для Галлии появление значительного числа городов, особенно в южных и северо-восточных районах[18]. Возникшие на месте древних поселений или в стратегически важных пунктах, они по своему внешнему облику представляли нечто совершенно необычное на фоне галльских поселков, застроенных врытыми в землю глинобитными или деревянными домами-хижинами. Правильные кварталы каменных домов, городские стены, высокие храмы цирковые арены, триумфальные арки в честь римских императоров, акведуки, подводящие воду за десятки километров, – все

---

[15] Развитие в Галлии виноградарства и садоводства относится именно к римской эпохе (см.: R. Dion. Histoire de la vigne et du vin en France, des origines au XIXe siecle. Paris, 1959).

[16] H. P. Eydoux. La France antique, p. 132.

[17] R. Fossier. La terre…, p. 145.

[18] Десятки доживших до наших дней французских городов возникли в римскую эпоху. Среди них – Лион (Лугдунум), Ним (Немаузус), Вьен (Вьенна), Мец (Диводурум), Страсбург (Аргенторат), Тур (Цезародунум), Клермон (Аугустонементум), Труа (Аугустобона), Орлеан (Генебум), Бордо (Пурдигала) и др.

это было неведомо в доримской Галлии. В городах находились римские власти, стояли римские гарнизоны, в них же переселилась значительная часть галльской землевладельческой аристократии. В городах была намного сложнее социальная структура и социальные отношения. Римская частная собственность и характерные для нее правовые представления пустили здесь глубокие корни. Городские курии, коллегии торговцев и ремесленников, школы «грамматиков» и «риторов» (средние и высшие учебные заведения), гладиаторские игры и театральные представления – весь строй социально-политической и культурной жизни отличал город от села[19].

В то же время экономические и политико-культурные связи между городом и ближайшей сельской округой были довольно интенсивны. Этому способствовало, в частности, то, что преобладающая часть собственников сельских поместий жила в городах, немалую часть горожан составляли также купцы, торговавшие земледельческими продуктами, судебные и налоговые чиновники, распоряжавшиеся в сельских поселениях, ремесленники, обслуживавшие село. В результате создавались благоприятные условия для экономического и политико-культурного подчинения сельской округи городу, для возникновения в Галлии города-государства, полиса. Город оказывался одним из важнейших каналов романизации галлов.

Тем не менее Галлия не знала той повсеместной власти города над деревней, которая была характерна для античной Италии и многих римских провинций. Даже в Центральной Галлии немалая часть территории оставалась вне городского влияния. Еще более характерно это для ряда северных и западных районов, многие из которых оставались необжитыми, малонаселенными. На территории нынешних полуостровов Бретань и Нормандия, в левобережье Мааса и в некоторых других областях Северной Галлии в течение всего периода римского господства сохранялись важные черты древнегалльских порядков. Главной фигурой оставался свободный крестьянин, подчинявшийся общему собранию односельчан. Община распоряжалась землями, распределяла налоги, имела даже свое ополчение. Социальные отношения античного типа были, следовательно, распространены в северной половине Галлии, исключая прирейнские земли, намного слабее, чем на юге.

Для разных областей Галлии римское завоевание имело, стало быть, различные социальные последствия. В тех областях Центральной и Юго-Восточной Галлии, где уже накануне римского завоевания социальная дифференциация зашла достаточно далеко и возникли могущественные племенные союзы (эдуев, арвернов), стоявшие, фактически, на пороге складывания государственности, установление власти Рима резко ускорило развитие частной собственности и классов, и общество стало приближаться по типу к римскому. Там же, где к приходу римлян еще сохранялись общинные распорядки (в ряде северных, западных и некоторых других районов), новые отношения укрепились лишь на изолированных островках завоеванной территории вблизи римских гарнизонов или крупных городов. Разложение общины и образование классов внутри основной массы галлов здесь, хотя и ускорилось, шло медленно и далеко не завершилось вплоть до конца римского правления. Что касается малообжитых гористых районов (например, в Центральном массиве), то они остались почти полностью вне римского влияния. Поэтому, хотя в Галлии в целом за время римского господства резко выросло число рабов, образовался

---

[19] Специфика античного города (в частности, галло-римского) привлекает в последнее время большое внимание специалистов. Обсуждаются вопросы о том, насколько заметно различались трудовые занятия городского и сельского населения, общественные отношения в деревне и городе, степень многообразия социальных связей в них и т. д. См Е. М. Штаерман. Эволюция античной формы собственности и античного города. – «Спорные вопросы истории античного и средневекового города». Л., 1968, стр. 3-12; Ю. Л. Бессмертный Изучение раннего средневековья и современность. – «Вопросы истории», 1967, № 12, стр. 84–87; А. Гарсиа-и-Бельидо. Социальные проблемы урбанизма в античном Средиземноморье. М., 1970 (XIII Международной конгресс исторических наук); С. Martini. L'eta romano-barbarica. Milane, 1967; R. Fossier. Histoire sociale de I'Occident medieval. Paris, 1970, p. 67, 71; O. Jourdan-Lombard. Du probleme de la continuite: y a-t-il une protohistoire urbaine en France. – «Annates. Economies. Societes. Civilisations», 1970, № 4.

многочисленный слой вольноотпущенников и значительно углубилась дифференциация среди свободных, социально-экономическое расслоение общества далеко не достигло таких масштабов, как в Италии.

Отдельно следует остановиться на последствиях римского завоевания в области культуры. Наиболее яркое из них – вытеснение кельтских языков латынью. Произошло оно, конечно, не сразу и далеко не одновременно в разных районах Галлии. Раньше всего латынь получила распространение в среде галльской аристократии. Желая сохранить свое привилегированное положение, галльская знать стремилась слиться с завоевателями и воспринять их облик в одежде, обычаях и, главное, в языке. Поэтому уже в I в. н. э. верхушка городского населения Галлии стала говорить по-латыни. В деревне, особенно на севере и западе страны, кельтские языки сохранялись гораздо дольше. Даже в области Лиона еще в конце II в. местному епископу приходилось для общения со своей паствой специально изучать кельтский. А вокруг Бордо и в III, и в IV вв. люди, не знавшие кельтского, разговаривали с крестьянами с помощью переводчиков[20]. Но в конечном счете латынь победила. Несколько изменившись по сравнению с классической латынью и восприняв ряд кельтских слов, она стала ко времени падения Рима родным языком подавляющего большинства галлов.

Пути ее проникновения были многообразны. По-латыни говорили в армии, где служили многие галлы, латинский изучали в школах, латинскими были надписи на монетах, которые имели хождение в Галлии, латынью приходилось пользоваться при общении с властями, купцами. Однако победа латыни объяснялась не только этим. По своему строю и фонетике языки кельтских племен были отчасти родственны латыни[21]. Ее усвоение облегчалось также тем, что она конкурировала не с каким-либо единым кельтским языком, но с множеством племенных диалектов. И, что особенно важно, латынь была языком, на котором не только говорили, но и писали, в то время как кельтская Галлия не имела своей письменности.

В отличие от латыни, распространение которой в общем было прямо пропорционально степени римского культурного влияния в той или иной географической области, изменения в других сферах духовной культуры галлов не были связаны с римским влиянием столь непосредственно. Особенно это касается религиозных верований и представлений. И накануне римского завоевания, и в первые века нашей эры галлы, как и римляне, оставались язычниками и поклонялись десяткам и сотням различных божеств.

Но галльские и римские боги различались не только по именам и тому внешнему облику, в котором они представлялись своим поклонникам. Антропоморфным божествам Рима противостояли анимистские божки галлов, выступавшие то в виде трехликого богатыря с оленьими рогами, то змеи с бараньей головой, то священного быка или даже священного дерева. В Риме этого времени уже существовали общепризнанные боги, которым поклонялись практически все граждане государства. В Галлии общего пантеона не имели иногда даже члены одного и того же племени. Очень большую роль, особенно у менее развитых племен, продолжало играть поклонение богам отдельных общин. Эти боги мыслились в облике родоначальников общины, покровительствовавших только ей и охранявших только ее территорию. Их власть еще далеко не приобрела того могущества, с которым были связаны представления о римских божествах.

Римское завоевание не уничтожило культ галльских богов. Принцип многобожия, признававшийся римлянами, позволил им терпимо отнестись к религиозным верованиям галлов. Сменила веру лишь галльская знать, стремившаяся приобщиться к религии завоевателей. Но сохранившиеся в среде простонародья прежние культы не оставались

---

[20] P. M. Duval. La vie quofirlienne en Gaule…, p. 42.

[21] E. Perroij, R. Doucet, A. Latreille. Histoire de la France. Paris, 1950, p. 12.

неизменными. Их преобразование определялось не столько прямым влиянием римской религии, сколько развитием самого галльского общества, на которое римское завоевание в ряде случаев оказало немаловажное воздействие. Там, где галльская община окончательно разложилась, исчезли общинные боги. Их место заняли божества – покровители семьи и дома. Нередко они принимали более или менее стереотипный полуримский облик; их «божественная» природа усиливалась. Там же, где община в той или иной мере сохранялась, продолжали жить и общинные боги[22].

Различия в религиозных представлениях разных социальных слоев галло-римского общества сказались на особенностях их отношения к христианству. Впервые оно появляется в городах Южной Галлии во II в. К концу IV в. христианские общины существовали среди горожан уже не только на юге, но и в Центральной и Восточной Галлии. Деревенское население долго оставалось в своей массе чуждым христианскому вероучению. Но землевладельческая знать, следуя примеру императоров, постепенно сменила, начиная с IV в., римские языческие культы на христианство. Особенно это касается южногалльской аристократии. Уже в конце IV в. в Галлии насчитывалось 116 епископств. В руках епископов начали сосредоточиваться значительные имущества, включая земельную собственность. Сами же епископства все в большей мере становились очагами римского влияния как в религиозно-культурной, так и в социально-политической областях.

Подобно религиозным верованиям, галльское изобразительное искусство находилось в весьма сложной связи с римским влиянием. Дошедшее до нас доримское искусство (деревянная скульптура, бронзовые, железные и золотые украшения и статуэтки) отличалось значительным своеобразием. В противовес пластичному, антропоморфному римскому искусству для него была характерна стилизация геометрического или анималистического рисунка, широкое использование линейного и растительного орнамента.

После завоевания галло-римская знать, стараясь копировать обычаи и нравы метрополии, почти повсеместно украшала свои дома произведениями искусства, выполненными по римскому образцу. Далеко не все они привозились из Рима. Многие изготавливались местными мастерами, работавшими под руководством римлян или обучавшимися у них. Римское влияние ясно ощущалось и в архитектуре, и в каменной скульптуре многих городов. Но здесь же встречаются и образчики совершенно иного рода. Особенно ярко видно это на скульптуре надгробий и каменных рельефов, в которых с необычной для римской эпохи силой звучит тема труда. Дровосеки, несущие срубленное дерево, пильщики, превращающие его в доски, плотники и бочары со своими профессиональными инструментами, мясники, разделывающие тушу, крестьяне, работающие у жнейки или возделывающие землю, кузнецы с обязательными щипцами и молотом – обычные фигуры в этой скульптуре. Уважение к трудовой профессии, гордость ею видны в них совершенно ясно, представляя прямую противоположность римскому искусству первых веков н. э., которому было в принципе чуждо воспевание физического труда. Но и там, где галльский мастер берется за изображение более тонких сюжетов – любви, печали, женской красоты, – он часто привносит в свое искусство элементы искренности и выразительности, обычно не свойственные официальной римской скульптуре.

Сохранялось в римской Галлии и совершенно свободное от римского влияния изобразительное искусство. Используя в качестве материала то камень, то глину, то бронзу, то дерево, мастера создавали оригинальные изображения людей, богов, животных, обладающие большой художественной силой. И не случайно многие из таких произведений восхищают современного зрителя своей выразительностью и виртуозностью,

---

[22] Специальный анализ истории религиозных верований в провинциях Римской империи (в том числе в Галлии) и особенностей распространения культа в среде различных социальных слоев см.: *Е. М. Штаерман.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и западные провинции). М., 1961; см. также: *E. Male.* La fin du paganisme en Gaule. Paris, 1950; */. Gaudcmet.* L'eglise dans I'empire Romain (IV–V s.). Paris, 1958; *J. Moreau.* Die Christenverfolgung in tomischen Reich. Berlin, 1961.

сочетающимися с предельной лаконичностью изобразительных средств.

Заимствовав у римлян технику работы по камню и использовав в ряде случаев созданные ими художественные приемы, галло-римское искусство избежало, таким образом, полного подчинения римскому художественному стилю и сумело во многом сохранить свою оригинальность[23].

Подытоживая все сказанное, можно попытаться ответить на поставленный выше вопрос – какую роль сыграло римское завоевание в истории Галлии. Это – один из «вечных» вопросов исторической науки. Споры вокруг него начались еще среди современников, одни из которых (подобно галло-римскому поэту V в. Рутилию Нуманцию) прославляли миссию Рима и воспевали его «немеркнувшую» власть[24]; другие же (как драматург того же V в. – неизвестный автор комедии «Керолус») открыто сравнивали римских властителей с ненасытными гарпиями, оскверняющими все вокруг[25].

---

[23] Характеристику галло-римского искусства см.: H. P. Eydoux. La France antique. Paris, 1962.

[24] J. J. Hall. Histoire de la Gaule Romaine, p. 384.

[25] «Le Querolus», texte etabli et traduit par L. Herrmann. Paris, 1937, p. 22, 23.

Мертвый галл. Бронза. Найдено в Алезии.

В новое время дискуссия вокруг этого вопроса разгорелась с особой силой в связи с известной полемикой «германистов» и «романистов» (историографических течений, дающих прямо противоположную оценку роли германских и римских начал в складывании европейского общества). Впервые вспыхнув в XVIII в., эта дискуссия возобновляется всякий раз, когда новые конкретно-исторические данные побуждают к переосмыслению путей генезиса средневекового общества. Не удивительно, что отзвуки этой дискуссии прослеживаются и в западноевропейской историографии XX в. Так, некоторые ее представители считают римское завоевание, разрушившее галльскую цивилизацию, насквозь «пагубным» (К. Жюлиан), а в римской власти видят лишь бессмысленную систему неравенства и угнетения, ведущую к неминуемому краху (А. Мюссе). Другие, наоборот, полагают, что римское завоевание было единственной возможностью преодолеть тупик, в который зашло кельтское общество (Р. Седило), подчеркивают ненасильственный, благотворный характер романизации (Ф. Лот, Г. Юбер), ее важнейшее значение для всего последующего развития.

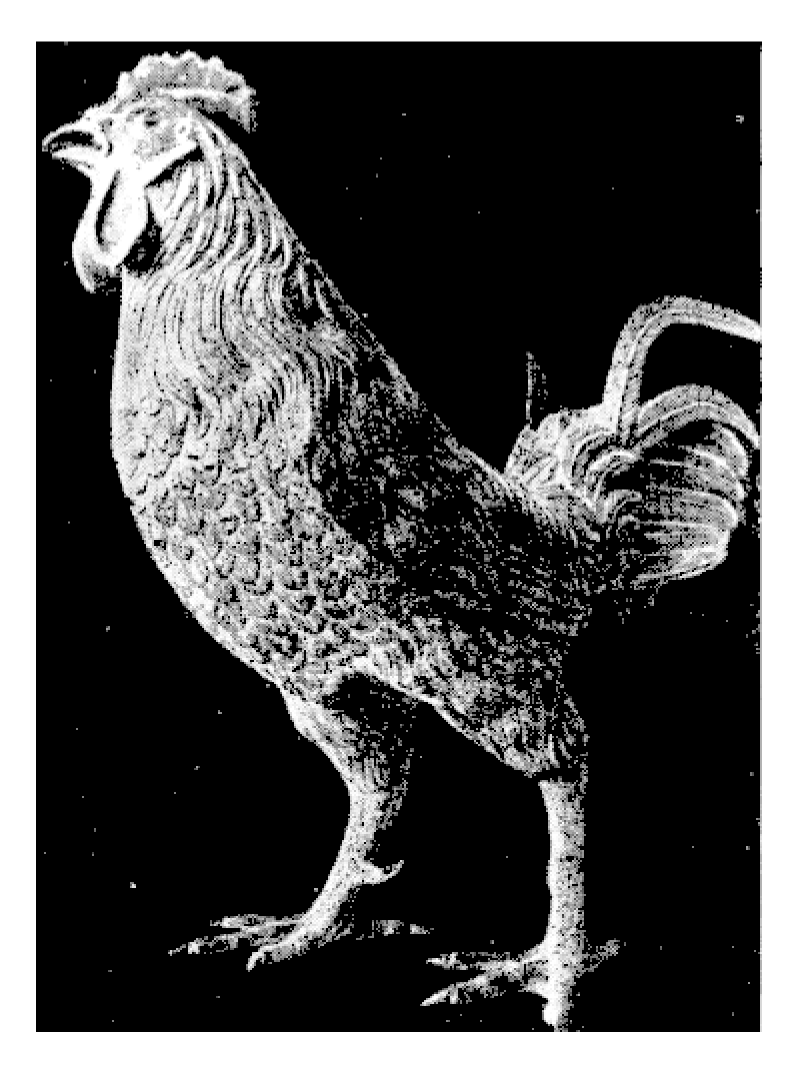
Научная оценка романизации Галлии не укладывается в рамки подобных

упрощенно-прямолинейных суждений. Она может быть дана лишь на основе всестороннего анализа противоречивых последствий римского завоевания. Сложностью такого анализа отчасти и объясняется длительность научных споров по этому вопросу и неизбежность их продолжения в будущем. Но уже и сегодня в трудах советских и зарубежных ученых (Е. М. Штаерман, А. Р. Корсунский, А. Гренье, А. Эмар, Э. Перруа, П. Дюваль, А. Эйду, Г. Фурнье) можно найти немало ценных наблюдений и выводов, позволяющих дать объективную характеристику многих результатов римского завоевания.

Оно привело к гибели и порабощению сотен тысяч галлов, насильственному изъятию (в виде налогов и реквизиций) немалой доли материальных ценностей, прямой конфискации части земель. Усилилась эксплуатация народа. Погибли многие проявления самобытной галльской культуры. В то же время романизация сопровождалась расширением земледельческих площадей, появлением новых сельскохозяйственных культур, ростом ремесла, улучшением путей сообщения, подъемом торговли, интенсификацией экономических связей и т. д. В ходе романизации резко ускорилось общественное развитие, углубилась социальная дифференциация, усложнилась социальная структура, убыстрилось складывание классов. Сколь ни тяжелы были для низов общества субъективные последствия всех этих явлений, нельзя не видеть в них тенденции прогресса, который в ту эпоху не мог осуществляться иным путем.

Конкретные условия, в которых протекало в Галлии разложение общинного строя и рост рабовладения, определили при этом возможность для нее избежать многих из тех застойных явлений, которые были столь характерны для общественного развития в Италии и в тех римских провинциях, где рабовладельческие отношения были доведены до своего логического конца. Сохранение во многих районах свободного крестьянства, преобладание груда свободных в ремесле, широкое использование наряду с сельскими рабами различных категорий полусвободных работников – привносили в социальную структуру римской Галлии очень важное своеобразие и создавали предпосылки для того, чтобы дальнейшее общественное развитие оказалось возможным без «общей гибели борющихся классов»[26], как это произошло в самом Риме. Иными словами, эволюция Галлии порождала оптимальные условия для зарождения элементов протофеодальной общественной структуры.

[26] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 424.

Галльский петух. Бронзовая статуэтка. Найдена в водах Роны близ Лиона

Большое значение имела, как мы видели, эпоха римского господства и для этногенеза. Уменьшилась разобщенность отдельных племен. Население Галлии в известной мере консолидировалось. Был сделан важный шаг на пути к становлению общего языка. И, хотя в основу его лег язык завоевателей, роль их самих в этногенезе, при всей ее значительности, не следует преувеличивать. Немалая часть галльского населения сохранила в римскую эпоху самобытность своего этнического облика, своей духовной культуры. Но это не исключало заимствования ряда форм римской жизни, начиная от одежды и кончая религиозными представлениями. Главными носителями этого романского культурно-этнического влияния была галло-римская аристократия, а также довольно обширный «средний» класс, пополнявшийся за счет осевших на землю ветеранов, разбогатевших вольноотпущенников и т. д. Именно эти слои вступали чаще всего в браки с римлянами, способствуя таким образом созданию смешанного этнического типа.

Франкское государство: Меровинги

Власть римских наместников в Галлии формально сохранялась до последней четверти V в., фактически, однако, господстве Рима над Галлией перестало быть реальным уже задолго до этого. Ослабевшая изнутри Римская империя не смогла противостоять натиску «варваров» (как именовали римляне чужеземцев – в первую очередь германцев), со всех сторон наступавших на ее границы. Галлия – один из западных форпостов Рима – оказалась во власти германских племен, нахлынувших из Центральной и Восточной Европы.

Уже в середине III в. на северо-восточных границах Галлии образуется племенный

союз франков[27]. Франки начинают совершать набеги и захватывать близлежащие земли в бассейне Шельды. Постепенно франкские отряды отваживаются и на более далекие походы – вплоть до берегов Нормандии и Пиренеев.

Южные соседи франков – алеманны[28] – продвигаются в это время на территорию современного Эльзаса. В конце III в. римлянам удается на время стабилизировать положение (в частности, благодаря широкому привлечению в свою армию самих варваров и созданию германских поселений в пограничных областях). Но в середине IV в. франкские и алеманнские вторжения возобновляются. Не имея возможности справиться с их натиском, римские императоры Юлиан и Феодосий были вынуждены официально разрешить франкам расселиться в междуречье Шельды и Мааса и в левобережье Среднего Рейна с условием защищать эту территорию от натиска других племен. Осуществить такую защиту франки были не в состоянии, так как в течение ряда десятилетий на всю северо-восточную границу Галлии (вплоть до Альп) одна за другой обрушиваются волны иноземных вторжений. Особенно мощными становятся они в V в. – как раз тогда, когда под давлением военной опасности для самой Италии римские власти должны были отозвать свои регулярные войска с линии Рейна. 31 декабря 406 г. германские племена свевов и вандалов и сарматские племена аланов, насчитывавшие десятки тысяч человек, начали по льду переход Рейна. Преодолев довольно упорное сопротивление франков, они за пять лет с огнем и мечом прошли сквозь всю Галлию, оставив за собой разрушенные города и сожженные деревни, особенно на востоке страны. На опустевшие земли в этом районе постепенно переселялись из-за Рейна новые волны франков, алеманнов и других германцев[29].

Едва успела основная масса свевов и их союзников уйти в 411 г. за Пиренеи, как с юго-востока нахлынули новые завоеватели – германцы-вестготы. Разграбив Италию, они уже в 412 г. добились от Рима расселения в Нарбоннской провинции. Через шесть лет они создали, по договору с римскими властями, свое собственное королевство, постепенно охватившее почти весь юг, вплоть до Луары. Лишь бассейн Роны не принадлежал им – здесь расположилось другое германское племя – бургунды. В середине V в., в 451 г., вестготы, франки, бургунды сражаются уже на стороне Рима против нового нашествия, угрожающего судьбам их владений в Галлии, – против нашествий союза племен, возглавленного гуннами. Разбитые близ Труа, гунны отступили. Их вторжение продолжалось всего четыре месяца. Оно охватило сравнительно узкую область на востоке Галлии – между Мецем и Орлеаном; но разрушительность его была столь велика, что в памяти народов само имя гуннов стало нарицательным.

Следовавшие друг за другом нападения иноземных племен нередко сочетались с волнениями в самой Галлии. Непосильный гнет налогов, злоупотребления местных властей, насилия завоевателей – все эти разнородные факторы сливались воедино, толкая галлов на борьбу за свободу. Волнения были особенно сильными в тех северных и западных провинциях, где, как указывалось, сохранились свободные крестьянские общины. Арморика (нынешняя Бретань), запад и юго-запад Галлии оказались охваченными в IV–V вв. настоящими восстаниями. Восставшие, костяк которых составляли свободные крестьяне, уничтожали имперскую администрацию и пытались создать независимые «королевства».

Подобные восстания, получившие название восстаний багаудов («борцов»),

---

[27] Исследователи расходятся в трактовке этимологии этого имени. Одни производят его от frakkr-отважные, другие от franca – свободные (см.: E. Schwarz. Germanishe Stammeskunde, Heidelberg, 1956. S. 148: R. Stampfuss. Die Franken. – «Vorgeschichte der deutschen Stamme» hrsg. H. Reinerth. t. I, S. 162: R Grand. Recherches sur l'origine des francs. Paris, 1965 p 21–23; E. Demougeot. La formation de l'Europe: les invasions barbares. Paris, 1969, p. 474, 475).

[28] От allesmani – «все люди».

[29] E. Demougeot. La Gaule nordorientale a la veille de l'invasion germanique. – «Revue Historique», t. 236, 1966.

охватывали – каждое в отдельности – не очень большую территорию и были обычно не очень длительными. Тем не менее, взятые вместе, они сыграли немалую роль. Недаром в V в. некоторые современники отождествляли власть багаудов с властью варварских королей[30].

Переживавшая иноземные вторжения и внутренние восстания Галлия в конце V в. была мало связана с римским императорским двором. Когда в 476 г. был свергнут последний римский император, это не произвело в Галлии большого впечатления: к тому времени она почти целиком представляла конгломерат возглавленных германскими вождями «варварских» королевств, которые даже формально далеко не все признавали власть Рима. Лишь в междуречье Луары и Сены сохранилась еще на несколько лет власть бывшего римского наместника Сиагрия. В 486 г. пала и она: владения Сиагрия завоевал девятнадцатилетний король салических (приморских) франков Хлодвиг.

Эта победа была началом целой серии военных триумфов салических франков. Они побеждают бургундов, разбивают войско крупнейшего государства того времени – Вестготского королевства, подчиняют рипуарских франков (живших в среднем течении Рейна), одерживают верх над алеманнами. Через 22 года после первой победы – к 508 г. – Хлодвиг овладел большей частью Галлии – от Гаронны до Рейна и от границ Арморики до Роны. Уже при сыновьях Хлодвига франки достигли Пиренеев на юге, альпийских предгорий на востоке и берегов Средиземноморья в Провансе. Почти одновременно франкам удалось подчинить и ряд зарейнских областей. Возникшее при Хлодвиге Франкское государство просуществовало в общем около четырех столетий – дольше какого бы то ни было из созданных германцами государств – и стало непосредственным предшественником будущей Франции.

Почему именно франкам удалось создать в Галлии наиболее устойчивую власть? Какие реальные изменения в социальном и экономическом строе отражало возникновение и расширение Франкского государства?[31]

Чтобы ответить на первый вопрос, сравним условия возникновения Вестготского, Бургундского и Франкского королевств (т. е. тех трех варварских государств, которые существовали в Галлии).

Сложившиеся в разных географических районах, они различались уже по специфике социальных отношений, которые были характерны для каждого из этих районов в предшествующий период. Выше уже отмечалось, что Юго-Восточная Галлия, как и многие другие районы юга – исключая западные области и гористую часть Центрального массива – являлись областями сравнительно быстрого развития института римской частной собственности и рабовладельческих классов. Вестготы и бургунды создавали, следовательно, свои королевства на территории, где социальное расслоение достигло наибольшей в Галлии остроты. В отличие от этого территория, занятая первоначально франками (особенно в северной ее части), принадлежала к числу наименее романизованных областей Галлии: вне городов здесь во многих местах еще сохранялась община.

Не была сходной и предыстория самих вестготов, бургундов и франков. Вестготский племенной союз, прежде чем обосноваться на территории Галлии, проделал измеряемый многими тысячами километров путь. За несколько десятилетий вестготы пересекли всю Римскую империю с востока на запад. Этот период не мог не оставить следа на социальном развитии вестготов. Все более и более исчезали черты демократического устройства. Очень быстро усиливалась знать, руководившая военными походами и присваивавшая львиную долю награбленных богатств и рабов. Глубокие социальные противоречия, с которыми на каждом шагу сталкивались вестготы в римских провинциях, играли, по-видимому, роль

[30] J. J. Halt. Histoire de la Gaule Romaine, p. 377–379.

[31] При рассмотрении истории Франкского государства в V–VII вв. мы ограничиваемся в основном освещением двух указанных здесь вопросов.

«катализатора», ускоряя действие внутренних процессов разложения общины. И потому не случайно через полвека после поселения в Галлии многие основные черты общинного устройства готов уже мало где удается проследить[32].

Путь, пройденный бургундами по римской территории до создания отдельного королевства, был короче. Он ограничивался в основном движением с севера на юг вдоль восточных границ Галлии. Тем не менее пребывание в этом сильно романизированном районе, где долгое время располагались римские гарнизоны и находились крупные города, не прошло для бургундов даром. Немалое значение имела для бургундов (как, впрочем, и для вестготов) и самая необходимость создать власть, которая была бы способна организовать перемещение племен, их расселение на новых землях и управление обширной областью. Видимо, уже тогда, когда бургунды оказались в бассейне Роны, их общественный строй мало отличался от строя вестготов.

Иначе сложилась история франков. До воцарения Хлодвига большинство их не участвовало в сколько-нибудь далеких походах. Место основания их королевства отстояло от их первоначальных поселений в дельте Рейна на какие-нибудь полтораста-двести километров[33]. Но и этим расстоянием измерялся не столько путь перемещения франков, сколько степень расширения области, которую они занимали. Сама эта область была населена сравнительно слабо, особенно после вторжений V в. Галльские общины и редкие галло-римские рабовладельческие виллы не занимали всей территории. Ничто не мешало поэтому франкам создавать свои отдельные франкские деревни. Меньше сталкиваясь в повседневной жизни с галло-римскими порядками, франки и на новом месте продолжали жить во многом по-старому. Распад древней общины шел здесь сравнительно медленнее, отношения эксплуатации среди самих франков – не развиты.

Вестготы же и бургунды, обосновавшиеся главным образом в густо заселенных районах, создавали преимущественно смешанные поселения. Германцы селились в них бок о бок с галло-римлянами.

Земли для новых поселенцев были выделены за счет галло-римских собственников, у которых отбиралось около двух третей их пахотных владений, половина лесов и большая или меньшая часть их рабов[34]. Полученные вестготами и бургундами земельные владения издавна обрабатывались колонами или рабами. Естественно, что новые собственники, по крайней мере на первых порах, не могли, да и не хотели изменять сложившуюся здесь хозяйственную систему, тем более что, благодаря долгому пребыванию на римской территории, она была для них достаточно знакомой. Но с прежним общественным строем совместить ее было невозможно.

Понятно поэтому, что ряд характерных черт общинных отношений, уцелевших у вестготов и бургундов к моменту их поселения на галльской земле, стал быстро исчезать, а социальные противоречия резко обострились.

Как видим, исходные условия общественного развития на землях, занятых вестготами и бургундами, с одной стороны, и франками, с другой, не были одинаковыми. В Вестготском и Бургундском королевствах позднеримские общественные отношения явным образом превалировали над элементами примитивного («варварского») общественного строя,

---

[32] А. Р. Корсунский. Готская Испания. М., 1969, стр. 44–57.

[33] Мы не касаемся здесь гипотезы французского историка Рожера Грана о скандинавском происхождении франков (см.: *R. Grand.* Recherches sur l'origine des francs). Теория Грана, представляющая попытку подтвердить взгляды, уже высказывавшиеся в XVI–XVIII вв. (А. Тюрнебом и Лейбницом), была весьма критически воспринята специалистами (см.: E. *Demougeot.* La formation de l'Europe…, p. 474). Характерно, однако, что и Р. Гран признает, что франкским завоеваниям предшествовало весьма длительное пребывание франков в дельте Рейна, после предполагаемого их исхода из Скандинавии (*R. Grand.* Op. cit., p. 184).

[34] А. Р. Корсунский. Готская Испания, стр. 32–36.

уцелевшими у вестготов и бургундов к моменту расселения в Галлии. Во Франкском же государстве на севере Галлии оба типа общественных отношений – и позднеримские, и варварские – были представлены примерно в равной степени.

Создается, казалось бы, парадоксальное положение. Более жизненным оказалось государство франков, социальная структура которого включала в себя особенно много пережитков «варварства». Государства же вестготов и бургундов, сложившиеся в экономически более развитом районе и имевшие в качестве отправного пункта своей эволюции более продвинутую стадию общественного развития, не устояли в борьбе и погибли. Видимо, отчасти это объясняется уже тем, что образование Вестготского и Бургундского королевств не разрешало многих из тех противоречий, которые раздирали римское общество в самой Италии и в ее провинциях в последние века существования Рима.

Хотя природа общественных отношений изменилась по сравнению с римской, острота социальной борьбы в этих королевствах почти не уменьшилась. Антагонизм рабов и рабовладельцев, колонов и земельных собственников дополнился глубоким расколом самих германцев, быстрым возвышением в их среде знати (сливающейся с римской аристократией), подчинением ею широкой массы рядовых свободных. Социальные противоречия дополнялись этническими (характерно, что в первый период после создания Вестготского государства готы не несли налогового бремени, целиком переложив его на галло-римлян) и религиозными (готы и бургунды исповедывали арианскую форму христианства, галло-римляне – римско-католическую). Ослабляя Вестготское и Бургундское государства, все это, без сомнения, уменьшало их способность выстоять в постоянных внешнеполитических столкновениях того периода.

Иным оказалось положение у франков. Относительная устойчивость общины обеспечивала свободному франкскому крестьянству сохранение прочных социальных позиций в течение двух с лишком столетий. Франкская знать была немногочисленна. Ее возвышение над своими соплеменниками ни в V в., ни в VI в. не выходило за рамки того, что характерно для варварского общества [35]. Это давало возможность Хлодвигу и его ближайшим преемникам использовать в войнах достаточно широкое народное ополчение.

Знать также поддерживала военные предприятия этих королей, ибо они сулили ей усиление и обогащение. Именно в ходе военных походов V и первой половины VI в., приведших к подчинению всей Галлии, знать сложилась в правящую верхушку франкского общества.

Победы франков объяснялись, однако, не только объективными условиями их социального развития. Немалое значение имел и выбор политических средств, использовавшихся для достижения своих целей франкскими королями. В первую очередь это касается самого Хлодвига. Этот молодой король из рода полулегендарного Меровея (отчего сам Хлодвиг и его преемники именовались Меровингами) проявил недюжинное политическое чутье, не раз находя оптимальное решение стоявших перед ним задач.

Особенно показательна политика Хлодвига по отношению к христианской церкви. Приняв христианство вместе с 3000 своих дружинников, Хлодвиг избрал католическую форму христианства.

---

[35] А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному. – «Проблемы истории докапиталистических обществ», М-. 1968 стр. 606, 607.

Крещение Хлодвига. Миниатюра середины XIII в.

Это решение, на первый взгляд, было тем более неожиданно, что и вестготы, и бургунды, и многие другие германские племена, воспринявшие христианство раньше франков, исповедывали арианскую его форму, отличавшуюся большей демократичностью церковной организации. Но предпринятый Хлодвигом шаг определялся трезвой оценкой сложившегося в Галлии положения. Католичество издавна укоренилось в среде галло-римской аристократии и горожан. Оно имело довольно крепкую церковную организацию. Преследуемые вестготами и бургундами католики охотно оказывали поддержку своим единоверцам. Избрав католичество, Хлодвиг одним этим решением обеспечивал себе поддержку влиятельных слоев галло-римского населения (особенно клира) и одновременно создавал осложнения для своих политических противников – вестготов и бургундов. Широкую известность приобрела и еще одна акция Хлодвига – физическое уничтожение всех своих сородичей, как возможных соперников в борьбе за власть. Кровавые распри в королевских семьях встречались у германцев, вообще говоря, издавна. Хлодвиг придал им небывалый масштаб, обративший на себя внимание современников потому, что в

это время солидарность и взаимопомощь среди сородичей не стали еще пустым звуком. Презрев давние традиции, Хлодвиг включил в арсенал средств своей внутриполитической борьбы коварство, вероломство, убийство, которые до этого использовались франками чаще во внешнеполитических столкновениях. Жестокостью и насилием Хлодвиг укрепил свою власть над франками, облегчив этим военные победы над соседями.

* * *

Чтобы понять изменение социального строя в Галлии в результате франкского завоевания, следует представить себе численное соотношение пришлого и местного населения в разных районах страны. Общее число вестготов, поселившихся в V в. в Аквитании, составляло 80-100 тыс. человек. Большинство их переселилось в дальнейшем за Пиренеи. Число бургундов было меньшим, чем вестготов. Численность салических франков, как полагает ряд историков, составляла немногим более 100 тыс. Алеманны и другие германские (и негерманские) племена, проникшие во время «великого переселения народов» на галльскую землю, были малочисленнее.

В отличие от этого население самой Галлии (до начала германских завоеваний) измерялось, как мы отмечали, 6–8 млн. человек. И, хотя за время завоеваний оно сократилось (по-видимому, на 10–15 %), германцы в целом (не говоря уже о франках) явно были в меньшинстве: по самым смелым подсчетам, они составляли 25–30 % всего населения, по более осторожным и достоверным – в два-три раза меньше[36]. Находятся и такие авторы, которые считают, что германцы не превышали 3–5 % от общего числа жителей в Западной Европе [37].

Следует учесть еще и неравномерность германского расселения в Галлии. Область на крайнем севере страны была, как указывалось, почти сплошь заселена франками. В прилегающих районах, вплоть до Сены, франки составляли в VI–VII вв. весомую часть населения. Романизованная прослойка здесь сократилась, но галло-римляне и галлы оставались все-таки в большинстве. Южнее Сены доля франкских поселений быстро падает. Они составляли здесь лишь изолированные островки. Еще заметнее это к югу от Луары, где франки в VI в. сильно уступали по численности не только галло-римлянам, но еще и вестготам.

Различия в численности германцев и в способах их расселения в разных районах Галлии, естественно, сказывались на особенностях эволюции отдельных ее областей. Но так как германцы, даже будучи в меньшинстве, представляли правящую силу, они могли оказать значительное социальное влияние, далеко не пропорциональное своей численности. Это влияние было тем интенсивнее, чем дольше сохранялась самобытность жизненного уклада того или иного германского племени. Не удивительно, что наиболее глубокое и преобразующее социальное воздействие оказали на Галлию именно франки, и притом в тех северных районах страны, где присущие им отношения оказались наиболее живучими.

Процесс социальной перестройки, происходивший в течение VI–VIII вв. в государстве,

---

[36] Изучение сравнительной численности и расселения народов в Галлии V–VII вв. наталкивается на большие трудности. Тем не менее нарративные источники, данные топонимики и лингвистики, подкрепляемые и сопоставляемые с археологическими материалами, позволяют получить те приблизительные оценки, которые приведены выше (см.: W. von Wartburg. Die Entstehung der Romanischen Volker. Tubingen, 1951, S. 123–125; E. Salin. La civilisation merovingienne, t. 4. Paris, 1959. p 449–452; Ch. Edm. Perrin. La seigneurie rurale en France et en Allemagne, t 1. Paris, 1951, p. 33; E. Perroy, R. Doucet, A Latreille. Histoire de la France, p. 45; J. C. Russell. Late Ancient and Medieval Population, p. 83; R Boutruche. Seigneurie et feodalite, t. I. Paris. 1968, p. 72; R. Folz. Le couronnement imperial de Charlemagne, Paris, 1964, p. 20–23).

[37] R. Sedilot. Sarvol de l'histoire de France, p. 88; P. Caxotte. Histoire des francais. Paris. 1951, p. 171; R. Fossier. L'histoire sociale de l'Occident medieval, p. 25.

созданном франками, следует, таким образом, рассматривать раздельно для областей к северу и к югу от Луары.

Своеобразие социального развития на севере Галлии во многом обусловливалось, как мы уже отмечали, прочностью франкской общины. Как показывает древнефранкский судебник Салическая правда, на рубеже V–VI вв. община еще сохраняла за собой верховную власть над всей территорией деревни. Во франкских деревнях еще соседствовали домовые общины так называемых «больших семей» (включавших родственников до третьего поколения) с выделившимися малыми семьями. Все они обладали сходными правами и обязанностями, все владели скотом и землей, участвовали в труде. Те из них, которые имели подсобных работников – полусвободных (литов) или рабов, не отказались еще от непосредственного участия в производстве[38]. Индивидуальный характер хозяйства обусловливал неизбежность имущественного неравенства среди крестьян. Однако в V–VII вв. общинные обычаи франков были достаточно прочны для того, чтобы предотвратить перерастание имущественного неравенства внутри общины в классовое. Даже самое понятие частной собственности малой семьи на землю во времена Салической правды у франков еще не сложилось[39].

Совершенно иными были в Северной Галлии VI в. отношения в галло-римских виллах. Напомним, что франки селились вместе с галло-римлянами очень редко. Принципы частной собственности и классового разделения сохранились здесь в полной мере. Уцелела и часть прежних собственников этих вилл: многие галло-римские аристократы перешли на службу к франкским королям; остались нетронутыми владения ряда средних землевладельцев. Организация хозяйства во всех таких виллах изменилась мало: здесь продолжали работать колоны, вольноотпущенники, рабы (юридически рабство так и не было упразднено). Немаловажными очагами позднеримских отношений являлись также земельные владения католической церкви и галло-римские города.

Сосуществование двух столь различных по характеру общественных укладов на одной и той же территории не могло долго оставаться без последствий для каждого из них. В результате их взаимодействия («синтеза») заметно ускорились исподволь назревавшие процессы социальной эволюции. В VI–VII вв. каждый из этих укладов подвергается перестройке. Еще важнее, что начинают возникать элементы новых, феодальных отношений[40].

---

[38] А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв М., 1956, стр. 104–135.

[39] 3? «Строго говоря, Салическая правда фиксирует и отражает лишь пропесс зарождения индивидуально-семейной собственности на землю». – Там же стр. 105.

[40] Генезис феодализма у франков с давних пор привлекает особое внимание историков. Связано это отчасти с тем, что само понятие феодализма, вошедшее в науку в прошлом столетии, было разработано впервые именно на материалах из истории Франкского государства. С тех пор историки разных направлений видят в феодальном обществе, складывающемся в Северной Галлии, наиболее полное конкретно-историческое воплощение одного из важнейших типов феодализма (или даже модель феодализма вообще). Не удивительно, что любая попытка теоретического углубления понятия феодализма побуждает историков заново обращаться к северофранцузскому материалу. И, наоборот, всякое крупное исследование по истории феодального строя у франков получает отзвук и в теоретических работах медиевистов. В связи с этим число специальных трудов, касающихся генезиса феодализма у франков, необозримо. Концепция этого процесса, излагаемая ниже, основывается на обобщении результатов основных марксистских исследований последнего десятилетия: A. I. Njeussychin. Die Entstehung der abhangigen Bauernschaft. Berlin, 1961 (см. также другие работы А. И. Неусыхина, названные выше); С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968; H. Koller, B. Topfer. Frankreich. Ein historischer Abrib. Berlin, 1969; А. Я. Гуревич. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. Из новых работ западных историков наиболее важны: R. Boutruche. Siegneurie et feodalite, t. 1. 2eme ed. Paris, 1968; E. Salin. La civilisation merovingienne, t. I–IV. Paris, 1950–1959; R. Fossier. La terre et les hommes en Picardie jusqu'a la fin du XIII siecle; idem. L'Histoire sociale de I'Occident medieval; C. Fourquin. Histoire economique de I'Occident medieval. Paris, 1969.

В VI–VII вв. немалая часть галло-римских поместий на севере Галлии была пожалована франкскими королями их приближенным. Служилая франкская знать, как и сами короли, становится собственником земель, скота, рабов, колонов. В результате возвышение знати над рядовыми германцами резко усиливается.

Расширяются и ее судебно-административные права, приобретающие особое значение в условиях длительных междоусобных войн и территориальных переделов, заполняющих собой историю Франкского государства в VI–VII вв. (уже в год смерти Хлодвига Франкское государство было разделено между его сыновьями; во времена внуков Хлодвига распри между правителями отдельных частей государства усиливаются, перерастая в постоянную, лишь изредка затихающую борьбу). Политическая анархия увеличивала потребность свободных франков в покровительстве сильных. Традиционные для древних германцев отношения «верности» племенному вождю все чаще выливались теперь в Северной Галлии в отношения патроната представителей служилой аристократии – собственников галло-римских вилл – над отдельными общинниками. В первую очередь под такой патронат подпадали оскудевшие семьи.

Увеличению социальной роли северофранкской землевладельческой знати способствовали также и особенности положения городов и торговли. Не достигшие такого расцвета, как на юге, северогалльские города и торговля особенно сильно пострадали в период «великого переселения народов». Из числа римских городов в междуречье Рейна и Луары уцелели далеко не все (Трир, Мец, Турнэ, Реймс, Орлеан и некоторые другие), но и они уменьшились в размерах и утратили свое прежнее значение. Зато они стали местопребыванием католических епископов, расширение прав которых превратило города в своеобразные административные центры. Исчезли многие традиционные отрасли галльского ремесла. Сохранилось (и отчасти даже расширилось) лишь железоделательное ремесло, обеспечивавшее в первую очередь нужды военного дела. Торговые сделки стали редкостью: лишь изредка заезжие купцы (главным образом фризские) привозили небольшие партии товаров, произведенных в Англии или в приморских областях.

Общий упадок торговли и ремесла и натурализация хозяйства сократили ценность всех видов богатства, кроме землевладельческого. Соответственно в Северной Галлии VI–VII вв. была сведена почти до нуля экономическая и политическая роль той части верхов общества, которые не обладали значительной земельной собственностью. Социальный же вес франкской земельной знати от этого еще более увеличился.

Вместе с возрастанием ценности земли увеличивается регламентация прав пользования ею. Собственником пахотной земли во франкских общинах выступает теперь малая семья (хотя ее права собственности остаются во многом ограниченными). Развивается практика отчуждения земельных владений. Между отдельными семьями увеличивается неравенство в объеме прав на землю. Значение этого неравенства состояло не только в чисто имущественном расслоении, но, в не меньшей мере, и в росте различий в социальном престиже. Передавая часть прав на землю своим патронам-магнатам, оскудевшие семьи все более подпадают под их власть. Социальное могущество и земельное богатство магнатов увеличиваются. В середине VII в. в Северной Галлии начинает складываться феодальная вотчина с характерным для нее разделением земли на господскую («домен») и крестьянскую («держания»). Франкская знать (включающая и многих вновь возвысившихся людей) и галло-римская аристократия сливаются, постепенно превращаясь в новый господствующий класс земельной знати.

В общем, изменение социальной структуры, происходившее в VII в. в Северной Галлии, свидетельствовало о зарождении феодального уклада. Он еще далеко не созрел и, тем более, не стал преобладающим среди других общественных укладов. Но обстоятельства его возникновения и развития в северной части Франкского королевства обеспечивали ему здесь наиболее благоприятные условия роста по сравнению с любой из сопредельных

областей, в том числе и по сравнению с Южной Галлией.

Социальное развитие юга Галлии имело, как указывалось, ряд особенностей. Франкское завоевание не уничтожило его специфику, так как, установив на юге свою политическую власть, франки ограничились размещением небольшого числа гарнизонов и взиманием налогов. Размеры франкской колонизации в VI–VII вв. были невелики. В ней участвовала в основном верхушка франкского общества, довольствовавшаяся обычно захватом земельных владений бывших вестготских правителей (менее обжитые районы в Центральном массиве и других областях эта колонизация вовсе не затронула). Права галло-римлян на землю отменены не были. Поэтому во многих местах сохранились обширные поместья, уцелевшие с позднеримских времен. Продолжалось широкое использование рабов, юридическое положение которых не изменилось. Действие римского права вообще не было прекращено, и им по-прежнему руководствовались во взаимоотношениях в среде галло-римского населения и при заключении различных сделок. Более прочным, чем на севере, оказалось и положение южногалльских городов. Хотя их число и размеры сократились (население их обычно составляло теперь 1000–5000 человек), они отчасти сохранили значение экономических центров (например: Марсель, Арль, Вьен, Лион, Шалон, Бордо). А роль ремесленников и торговцев благодаря переселению крупных землевладельцев в свои поместья в некоторых городах юга даже выросла (особенно это касалось приморских портов, участвовавших в транзитной торговле предметами восточного производства – шелками, пряностями, украшениями)[41].

Включение юга в состав Франкского государства вызвало тем не менее ряд глубоких изменений в социальной структуре этой области. Наиболее заметно стали проявляться они к концу VII в. Оседавшие на южногалльской земле франкские дружинники наделялись землей за счет раздробления крупных доменов вестготской и галло-римской знати. Это уменьшало долю крупной земельной собственности в пользу средней. Одновременно преобразовывалась система хозяйства в этих доменах, изменяясь в сторону все более широкого использования труда колонов и испомещенных на землю рабов[42]. Увеличение удельного веса подобного способа эксплуатации отражало тенденцию развития в сторону мелкого земледельческого хозяйства. Еще ярче эта тенденция проявлялась в росте числа свободных мелких собственников. Ими становились те (пусть не очень многочисленные) рядовые франкские воины, которые поселялись на юге Галлии и надел которых вследствие особенно прочного влияния здесь позднеримских отношений вскоре начинал рассматриваться как частная собственность. В число таких мелких земледельцев входили и уцелевшие во время франкского завоевания рядовые вестготы и бургунды, а также потомки свободного галльского крестьянства, особенно многочисленного на юго-западе. Слой мелких свободных земледельцев не был однородным не только с этнической, но и с социальной точки зрения. Те же процессы, которые приводили к его расслоению на севере Галлии, действовали здесь с удвоенной силой, благодаря длительному сохранению позднеримских институтов.

Все эти изменения, накапливавшиеся в течение VI и особенно VII вв., не устраняли, однако, значительного своеобразия общественной структуры в Южной Галлии. Среди трудящегося населения сельские рабы, колоны, вольноотпущенники составляли здесь гораздо большую часть, чем на севере Франкского государства. Верхи общества включали сельскую рабовладельческую аристократию, отчасти – городскую верхушку и епископат; франкская служилая и земельная знать, хотя и обладала политическим верховенством, долгое время была в меньшинстве. Это отражало особенности в самом содержании социальной эволюции севера и юга Галлии в VI–VII вв. В то время как на севере франкские и позднеримские порядки играли примерно равную роль, на юге в их взаимодействии явно

---

41 См.: P. A. Fevrier. Le developpement urbain en Provence de l'epoque romaine a la fin du XIV siecle. Paris, 1964.

42 C. Fournier. Le Peuplement rural en Basse Auvergne durant le haut Moyen Age. Paris, 1962.

превалировал позднеримский уклад. И хотя в процессе распада и синтеза этих двух общественных структур рождались сходные между собой элементы новых общественных отношений, последние еще долго будут хранить на себе «родимые пятна», указывающие на их различное происхождение и мешающие их слиянию.

* * *

Особенности пути, пройденного северными и южными областями Галлии, сказались и на этническом развитии. Различие в соотношении германских и галло-римских элементов обусловливало разницу в этническом типе, в языке, отчасти и в духовной культуре. Благодаря очень значительному преобладанию на юге Галлии галло-римлян и более высокому уровню их культуры латинский язык и элементы светской образованности долго сохраняются здесь и после франкского завоевания. Особенно это касается галло-римской знати. Домашние учителя обучают ее детей классической латыни. И даже в церковных школах изучение классического наследия продолжает играть заметную роль. Латынью пользовались и известные писатели и историки того времени – такие, как выходец из галло-римского сенаторского рода, составитель хроники «Деяния франков» Григорий Турский (влиятельный епископ, приближенный короля Сигеберта), провансальский аристократ Динамий Марсельский, автор многих «Житий», участники литературных кружков, действовавших в VI в. в Арле, Авиньоне, Вьенне, Бордо, Пуатье и других городах Южной и Центральной Галлии. Латинский язык сохранял свое значение и в среде простолюдинов. Об этом свидетельствуют латинские надписи на многочисленных надгробиях VI в., найденных в разных уголках юга Галлии [43].

Этническая и языковая обособленность германцев сохранялась на юге около столетия. В VII в. они были ассимилированы галло-римлянами. Смешению здесь германцев с галло-римлянами способствовали их совместные поселения, смешанные браки, общая религия. Немалое значение имело широкое использование франкскими королями галло-римской знати в качестве своих советников и чиновников. Документы, исходившие из королевских канцелярий (в том числе сборники формул для различных сделок), составлялись, естественно, по-латыни, ибо своей письменности германцы не имели. Латынь же легла и в основу нового разговорного языка, складывающегося на юге в течение VII–VIII вв. Потомки франков-завоевателей (не говоря уже о бургундах и вестготах, ассимилировавшихся еще раньше) усвоили, таким образом, словарный состав языка, на котором говорило все окружающее население, на котором составлялись и распоряжения королей, и проповеди христианских епископов. Но грамматический строй и фонетика этого нового языка отличались и от классической латыни, и от народной латыни IV–VI вв.

На севере Галлии франкский язык и франкская духовная культура продолжали жить дольше. Уцелевшая галло-римская прослойка была в ряде мест недостаточно многочисленна, чтобы оказать сильное воздействие на франкскую среду. Раздельность германских и галло-римских поселений затрудняла общение. Местное галльское население было здесь романизовано сравнительно слабо. Тем любопытнее тот факт, что, начиная, по крайней мере, с середины VI в., романское культурное влияние начинает все явственнее сказываться и на севере Франкского государства. Объясняется это в первую очередь привлечением франкскими королями к себе на службу администраторов из галло-римской аристократии, а также усилением роли христианства и галло-римского духовенства. К концу VI в. северофранкская знать порой не только говорила, но и читала по-латыни. В VII в. были открыты церковные школы; преподавание в них велось также на латыни [44]. Однако

---

[43] P. Riche. Education et culture dans I'Occident Barbare Paris, 1962, p. 232–252; E. Salin. La civilisation merovingienne, t. IV, p. 450 et suiv.

[44] P. Riche. Education et culture…, p. 254 et suiv; idem. De l'education antique a l'education chevaleresque. Paris,

подавляющее большинство северных франков, особенно в деревнях, еще долго продолжали говорить на родном языке. На крайнем северо-востоке Галлии (фламандские районы современной Бельгии), наиболее густо населенном франками, основа этого языка сохранилась до наших дней. В остальных районах разговорная речь, складывающаяся в VII–VIII вв. на основе латыни, удаляется от своего прототипа заметнее, чем на юге. Она пополняется несколькими сотнями германских слов, в первую очередь – в лексике, связанной с военным делом, с названиями предметов домашней утвари, с описанием флоры и фауны. Заметно упрощается построение фразы; сильно изменяется произношение[45]. Северогалльская речь оказывается, таким образом, не совсем похожей на южногалльскую. Даже утвердительная частица «да» на севере и на юге произносилась по-разному. Равнозначное ей по смыслу латинское выражение «hoc illud» южане лишь сокращали, говоря кратко «ос». На севере же фонетическое изменение было глубже: hoc illud сливалось в oil (позднее – в oui). Отсюда появились в дальнейшем и названия этих двух языков: северного – langue d'oil, южного – langue d'oc.

Различия в этническом составе населения в Галлии VII–VIII вв. не исчерпывались особенностями севера и юга. Самостоятельные этнические группы представляли, кроме того, бритты Арморики, в V–VI вв. переселившиеся сюда из Англии, и испанские баски, колонизовавшие в конце VI в. области между Пиренеями и Гаронной (будущая Гасконь).

На территории Галлии складывалось, таким образом, несколько различных народностей[46]. Наиболее многочисленными из них были северофранкская (будущая северофранцузская) и южнофранкская (будущая провансальская). Именно они сыграют впоследствии главную роль в складывании французской нации. В VII–VIII вв. (как и в более позднее время, вплоть до XIV–XV вв.) они различались между собой не только по языку и территориальному расположению, но, как мы видели, и по особенностям социально-экономического строя.

Тем не менее представление об этнической общности севера и юга Галлии уже зарождалось. И так как господствующую политическую группу первоначально составляли почти повсюду франки, именно их имя постепенно становится, начиная с VII в., общим «самоназванием» населения – независимо от действительного его происхождения. Новое имя появляется и у самой страны. В VII–VIII вв. ее все реже называют Галлией и все чаще «государством франков» (Regnum francorum)[47].

Особенности социального и этнического развития наложили отпечаток и на духовную культуру севера и юга Галлии. Это видно, в частности, по распространению христианства, число приверженцев которого росло на юге значительно быстрее, чем на севере. Даже после обращения Хлодвига и его приближенных христианизация сельского населения в северных областях шла медленнее, чем на юге. В течение всего VI в. абсолютное большинство галльского крестьянства, особенно на севере, оставалось языческим. Положение изменяется лишь в VII–VIII вв. Постоянная поддержка, оказывавшаяся франкскими королями

1968, p. 25 et suiv.

[45] R. Sedilot. Survol de l'histoire de France, p. 88.

[46] См.: А. Д. Люблинская. К вопросу о развитии французской народности (IX–XV вв.). – «Вопросы истории», 1953, № 9.

[47] В VI в. возникает уже и укороченная форма этого названия – Frantia, Francia, но им обозначают в это время не всю Галлию, а лишь область наиболее древних франкских поселений в бассейне Мааса и Шельды В VII в. и, особенно, в VIII в. под термином Francia подразумевают иногда уже всю территорию между Рейном и Луарой, включая и Южную Бургундию, но чаще – междуречье Соммы и Луары (см: F. Lot. Naissance de la France. Paris, 1948, p. 196; R. Sedilot. Survol de l'histoire de France, p. 84; R. Folz. Le couronnement imperial de Charlemagne, p 21, 40).

христианской церкви, позволила ей постепенно укрепить свои позиции. Растет число монастырей (уже к концу VI в. в Галлии было основано около 200 монашеских обителей[48]). Меровинги раздают им щедрые пожалования. Представители знатных родов создают в своих владениях новые церкви, содействуя проникновению христианства в отдаленные уголки страны. Увеличивается влияние епископов, назначавшихся королями. Облеченные также политической властью, они усердно насаждали новую религию, либо запрещая, либо христианизируя языческие обряды и обычаи.

Значение христианизации Галлии не ограничивается теми социально-политическими последствиями, о которых говорилось выше. В конкретно-исторических условиях Галлии VI–VIII вв. христианство имело немалое значение для сохранения ряда достижений римской культуры. Проклиная и осуждая «языческую» культуру Рима, христианская церковь вынуждена была в то же время заботиться о сохранении некоторых элементов латинской образованности для удовлетворения своих собственных потребностей. Один из немногих обломков Римской империи, уцелевших в Галлии после ее падения, – церковь оказалась объективно как бы преемницей Рима в отдельных областях культурного развития. Это был ненадежный и «нерадивый» преемник. Но другого не было. И потому именно христианской церкви обязана была Галлия сохранением письменности, спасением хотя бы части накопленных во времена античности врачебных знаний, сведений о мореплавании и т. п. Более того, многие литературные и научные произведения древности дошли до потомков только в копиях, изготовленных по античным рукописям монастырскими писцами, в том числе и галльскими.

Не приходится удивляться и тому, что влияние христианизации явственно сказалось на развитии изобразительного искусства Галлии V–VII вв. По своему характеру это искусство очень сильно отличается от того, которое мы обрисовали выше, говоря о периоде римского господства в Галлии. Почти полностью исчезла скульптура. Неузнаваемо изменилась живопись. Главная тема изобразительного искусства римской поры – человек – была забыта. Начиная с V в. ведущей отраслью изобразительного искусства становится ювелирное дело. Драгоценности были теперь главным показателем социального положения человека, как бы заменив в этом отношении каменные постройки древности, игравшие в свое время ту же роль. В причудливой форме и замысловатом орнаменте поясных пряжек, застежек, бус, браслетов, в украшении домашней утвари и воинских доспехов проявлялось ныне мастерство художника. Техника его работы представляла как бы сложный сплав римских ремесленных навыков с приемами работы «варварских» мастеров. Главным элементом произведений ювелирного искусства стали либо стилизованные изображения зверей, либо геометрические узоры, невольно напоминая ведущую тему галльского доримского искусства. Важнейшим изобразительным средством была теперь не форма, но цвет. Ювелирные изделия этой поры поражают сказочной игрой черной эмали, багровых рубинов, зеленого и голубого стекла, золота[49].

Столь резкое изменение тематики и формы галльского изобразительного искусства было связано с действием сложного комплекса факторов. Немаловажную роль сыграло влияние церкви, которая всячески подчеркивала превосходство духа над плотью и объявляла греховным всякий интерес к человеческому телу и его изображению. Но, вероятно, не меньшее значение имела специфика присущего «варварам» видения мира. Именно цвет и цветовая гамма были излюбленным изобразительным средством у германских народов. Не случайно именно тот или иной цвет играл у многих из них роль охраняющего талисмана. Что же касается линии, формы, то они обычно передавались не в своем реалистическом воплощении, но в сильно деформированном, вытянутом или искаженно угловатом виде.

---

[48] G. Fournier. Les Merovingiens. Paris, 1966, p. 95.

[49] См.: E. Salin. La civilisation merovingienne, t. IV, p. 450–470; G. Fournkr. Les Merovingiens, p. 83. 84.

Отсюда превращение фигур зверей в чудища, вплетение их в сложный орнамент, порой с трудом поддающийся расшифровке. Нерасчлененность рисунка, смешение в нем самых различных сюжетов и тем – характерная черта франкского искусства, связанная с синкретизмом общекультурных представлений германцев того времени. По своему содержанию рисунки часто были рассчитаны на то, чтобы произвести на зрителя устрашающее впечатление. Выполняя роль талисмана, они должны были отпугивать врагов, «охранять» и оберегать от опасностей.

Лишь в VII в. начинается возрождение антропоморфного искусства. Благодаря влиянию церкви важнейшими темами этого искусства было изображение человекоподобного божества или библейских сюжетов.

* * *

Более двух веков ученые вели спор о роли германских и римских институтов в истории меровингской Галлии. Спор этот продолжается и поныне, хотя хронологические его рамки значительно расширились, а постановка вопроса в корне изменилась: вместо противопоставления германских и романских порядков в историографии сложилась тенденция отрицать самый факт социального перелома, связанного с германской колонизацией[50].

Углубленный анализ фактического материала заставляет, однако, отказаться как от упрощенного подхода родоначальников дискуссии, требовавших признать определяющее значение либо только франкского, либо только романского начала, так и от концепции «подобия» римского и германского обществ. Трудами многих исследователей (в том числе историков-марксистов и прогрессивных западных ученых) выяснено, что, как это отмечалось выше, между галло-римскими и франкскими распорядками существовала принципиальная разница. Прямая преемственность в социальном развитии Галлии в V–VII вв. оказывалась поэтому исключением, а не правилом. Но подспудное влияние римского наследия было огромным. Оно обнаруживается во всех районах Галлии. Его интенсивность и значение для путей социальной эволюции зависели от конкретно-исторических условий, существовавших в той или иной области. Действительную роль галльских, римских и германских институтов в становлении общественного строя франков можно поэтому определить только при тщательном учете локальных особенностей, и прежде всего различий между севером и югом Галлии.

Однако, каково бы ни было соотношение германских и романских элементов в том или ином районе Галлии, повсюду смысл социальной перестройки, пережитой после падения Рима, состоял в постепенном переходе к новой общественной системе – феодализму.

С этой точки зрения рассматриваемый период повсеместно был временем глубокого общественного переворота, опережавшего по времени своего осуществления многие соседние страны.

---

50 Тенденции такого рода прослеживаются уже у немецкого историка начала XX в. А. Допша, доказывавшего сходство общественного строя в поздне-римской империи и во Франкском государстве. Они получают затем отражение у бельгийского медиевиста Анри Пиренна, подчеркивавшего сохранение позднеантичных отношений в меровингский период и считавшего, что гибель римского наследия была связана лишь с арабскими вторжениями VIII в. Идеи германо-римского континуитета защищали затем послевоенные последователи А. Пиренна – С. Булин, М. Ломбар, Р. Лопес, отстаивавшие преемственность экономического развития Галлии вплоть до вторжений норманнов в IX в, или даже вплоть до XI в. О сходстве или даже родстве позднеримских и германских порядков пишут и авторы только что вышедших во Франции общих работ по западноевропейскому средневековью Р. Фоссье и Г. Фуркэн (см.: «Histoire medievale». Serie dirigee par G. Duby. Paris, 1969–1970).

Франкское государство: Каролинги

Наследники Хлодвига сохраняли за собой титул франкских королей более двух с половиной столетий – до середины VIII в. фактически, однако их власть довольно быстро ослабела, а территория, на которую она распространялась, – сузилась. Ряд завоеванных в начале VI в. территорий перестает подчиняться франкам. В конце VII в. восстанавливается в качестве независимого герцогства Аквитания. Почти полностью отделяется Прованс. В Арморике усиливается государство бриттов, правители которых объявляют себя королями и значительно расширяют свои владения. Под властью франков к концу VII в. остаются реально только земли между Луарой и Рейном. Но и эта область не сохраняет единства. Внутри нее складываются три самостоятельных франкских королевства – Австразия («Восточное государство»), Нейстрия («Новое западное государство») и Бургундия, которые ведут между собой постоянную борьбу.

Этот ход событий был естественным и неизбежным следствием сложившейся в Галлии (особенно в северной ее половине) социальной системы, о которой мы уже говорили выше. Усиливавшаяся земельная знать всячески стремилась к укреплению своей власти, к расширению своих владений. Франкские короли могли поэтому рассчитывать на поддержку знати только ценой передачи ей все новых прав, все новых пожалований. По мере того, как земельные ресурсы франкских королей истощались, росло самовластье знати, и сами короли оказывались нередко игрушкой в руках наиболее могущественных аристократических родов.

В VIII в. распад и раздробление Франкского государства, однако, не только приостановились, но и были, казалось бы, решительно преодолены. Франкские королевства вновь воссоединились. Удалось остановить и отбросить за Пиренеи арабов, уже подчинивших было себе средиземноморское побережье и часть Аквитании. Восстановлена была власть франков над всей южной половиной страны. На рубеже VIII–IX вв. границы Франкского государства раздвинулись далеко за пределы древней Галлии, включив в себя Италию, значительную часть Германии, ряд западнославянских областей и Северную Испанию.

Чем объясняется этот поворот в истории Франкского государства? Наиболее очевидной представляется, на первый взгляд, его связь со сменой королевской династии. Пришедшие к власти Каролинги (носившие вначале имя Пипинидов) принадлежали к знатному роду рипуарских (восточных) франков, выдвинувшемуся уже в конце VI в В середине следующего столетия в руки этого рода попадает высшая административная должность майордомов при королях Австразии. Майордомы ведали доходами и расходами королевского двора, командовали дворцовой стражей, распоряжались людьми, находившимися под королевским патронатом. Не удивительно, что обладание этой должностью позволило роду Каролингов укрепить свою власть, расширить свои земельные владения и еще более увеличить число лично зависимых от них людей. Добившись главенствующего положения в Австразии, они уже в конце VII в. объединяют под своей властью и Нейстрию, и Бургундию и становятся, в полном смысле слова, некоронованными правителями Франкского государства.

Влияние Каролингов особенно резко усиливается во времена майордома Карла Мартелла. При нем получает особое развитие секуляризация церковных земель. Карл Мартелл стал значительно шире, чем его предшественники, вознаграждать своих приближенных путем передачи им земельных владений, принадлежавших не ему самому, но аббатствам или епископствам, находившимся в Галлии. Он опирался при этом на издавна укоренившуюся практику замещения должностей епископов и аббатов людьми, назначенными королевской властью. Сменяя на этих постах неугодных ему лиц, Карл распределял затем ту или иную часть их владений среди тех, кто был готов служить ему и приводить вместе с собой вооруженных слуг. В результате армия Карла пополнилась «новыми людьми» среднего достатка, теми, кто был достаточно состоятелен, чтобы служить в коннице, приобретавшей в эту пору все большую роль, и достаточно свободен от хозяйственных забот, чтобы овладеть необходимыми для этого рода службы воинскими

навыками (само вооружение, так же как и содержание, необходимое на время ежегодной трехмесячной службы, приобретались тогда каждым воином за свой собственный счет). Имя Карла Мартелла связывают обычно и еще с одной важной реформой. В период его правления постепенно прекращается раздача земельных пожалований в наследственную собственность. Воины Карла получают землю лишь на срок своей жизни, т. е. на срок службы своему сеньору. В случае отказа от службы или измены пожалованные им земли (или другие права) подлежали конфискации. Это способствовало развитию особого вида землевладения – условных держаний за службу (так называемых бенефициев). Реформы Карла Мартелла не остались безрезультатными. Они в немалой степени подготовили его победы над фризами, алеманами, баварами и главный его успех – отражение натиска арабов (в битве при Пуатье в 732 г.). В результате Мартеллу была обеспечена прочная власть над всеми землями между Луарой и Рейном и значительное влияние в ряде соседних областей.

Сын Карла Мартелла – Пипин Короткий, продолжавший политику отца, сделал следующий шаг на пути к упрочению власти своего рода. Воспользовавшись благоприятными политическими обстоятельствами и заручившись поддержкой римского папы, он в 751 г. официально короновался королем франков; последний из Меровингов был пострижен в монахи. Пипину удалось сломить упорное сопротивление южногалльской (аквитанской и гасконской) знати. В ходе многолетней войны значительная ее часть была истреблена, а ее владения – так же, как и земли, опустошенные арабами, – переданы служилым людям короля. Это была как бы вторая волна германской колонизации юга Галлии, имевшая далеко идущие социальные и этнические последствия.

Арабы были изгнаны из последнего своего оплота на галльской земле – Септимании. Под властью Каролингов объединилась, таким образом, территория всей страны – от Ла-Манша до берегов Средиземноморья. Своего апогея Франкское государство достигло при сыне Пипина Короткого Карле Великом (768–814 гг.), распространившем свою власть на большую часть Западной Европы и при содействии папы получившем титул императора.

История прихода Каролингов к власти показывает, что восстановление единства Франкского государства и его усиление в течение VIII в. действительно были в немалой степени заслугой представителей новой династии. Важную роль сыграл уже тот факт, что они сумели собрать в своих руках значительные земельные владения, позволившие им привлечь к себе большое число сторонников (около 800 г. Каролингам принадлежало несколько сотен вотчин в разных областях Галлии, особенно в Австразии; многие из них насчитывали по 1000 га и более)[51]. Не меньшее значение имело проведение первыми Каролингами таких внутриполитических акций, как секуляризация церковных земель, вознаграждение приближенных условными пожалованиями, требование от них присяги в личной верности. Ни одна из этих мер не была «изобретена» новой династией. Но именно ее представители впервые стали применять их широко и в комплексе[52]. Они же ввели в политическую практику европейских монархов тесный союз с папством, призванный освящать королевскую власть. Самая возможность использовать подобным образом авторитет римских первосвященников появилась во Франкском государстве лишь тогда, когда христианство стало повсеместно господствующей религией. И Каролинги не замедлили воспользоваться этим новым положением.

Однако, воздавая должное политической изобретательности и находчивости представителей новой династии, нельзя не заметить еще более важных объективных предпосылок усиления их власти. Никакие политические реформы Каролингов не смогли бы

---

[51] F. Lot. La grandeur des fiscs a l'epoque carolingienne. – «Revue beige de Philologie et d'histoire». 1924, p. 54; R. Boutruche. Seigneurie et feodalite, t.I 2[eme] ed., p. 114.

[52] 61 См.: R. Folz. Le couronnement imperial de Charlemagne, p. 32–37, 54, 55, 66 etc.; R. Boutruche. Seigneurie et feodalite, t. I. 2[eme] ed., p. 174 et suiv.

дать результата, если бы не существовало социальных слоев, способных поддержать их борьбу за укрепление и расширение Франкского государства. Во времена Хлодвига и его ближайших преемников опору королевской власти составляла не только франкская знать, но и основная масса свободных франков, составлявших народное ополчение. В завоевании новых земель участвовала тогда значительная часть племени; война была привычной формой жизни большинства населения. Участие в войне было доступно для всех и с материальной точки зрения, поскольку вооружение тогдашнего пехотинца было несложным и имелось у каждого франка.

Ко времени Каролингов положение существенно изменилось. Франки прочно осели на галльских землях. Перестроилось сельское хозяйство: в нем выросла роль таких интенсивных отраслей, как хлебопашество. Усложнилось военное дело: все большее значение стало приобретать конное войско. По мере обособления малых семей совмещение земледельческого труда с участием в войне становилось все более затруднительным. Покупка коня, вооружения и приобретение необходимых навыков в пользовании им для большинства были теперь непосильны. Это же касалось и мелких земледельцев галло-римского происхождения. Зато из среды тех и других в процессе имущественного расслоения постепенно выделялся слой зажиточных людей, заинтересованных в силу самого своего положения в закреплении своих привилегий. Их не могла не привлекать военная активность Каролингов, сулившая новые назначения, новые должности и владения. Каролинги были для них реальной силой, способной помочь им войти в состав господствующего класса. В то же время их имущественное положение рождало особый интерес к ним со стороны представителей подымающейся династии, которая нуждалась в пополнении нового конного войска. Так сложился естественный союз Каролингов с верхушкой зажиточных аллодистов, сыгравший особую роль в восстановлении и укреплении Франкского государства[53].

В основе возникновения этого союза лежал процесс социального расслоения франкского общества, особенно бурно протекавший на той поздней стадии, которая предшествовала завершению раскола общества на классы крестьян и крупных землевладельцев. В разных районах Франкского государства эта стадия была достигнута не одновременно. И потому не одинакова была и роль, сыгранная различными географическими областями в подъеме Каролингов. Особенно активную поддержку оказали в VIII–IX вв. Каролингам те центральные области севера (западная Австразия, восточная Нейстрия), в которых социальная дифференциация шла интенсивнее всего именно в VIII–IX вв. (в западной Нейстрии и Бургундии ее апогей относится к более раннему времени).

Все это, разумеется, не значит, что Каролингов поддерживала только «новая знать», выросшая из числа мелких и средних землевладельцев Северной Галлии. По мере того как росли успехи новой династии, вокруг нее сплачивались многие представители старой знати, рассчитывавшие на расширение своих прав и привилегий и на новые территориальные

---

53 Тесная связь политического усиления Каролингов с процессами социального расслоения франкского общества была показана Энгельсом (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 507–518). Она подчеркивается в работах ряда историков-марксистов (см.: А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956; E. Muller-Mertens. Karl der Grosse, Ludwig der Fromme und die Freien. Berlin, 1963; S. Epperlein. Herrschaft und Volk irn Karolingischen Imperium. Berlin, 1969). Близкой точки зрения придерживаются видные французские историки – Р. Бутрюш, Ш. Перрен (см.: R. Boutruche. Seigneurie et feodalite, t. I. 2[eme] ed.; Ch. Edm. Perrin. La seigneurie rurale en France et en Allemagne, t. I–III. Paris, 1951–1953). В отличие от них западногерманские историки школы Т. Майера рассматривают подъем королевской власти у франков вне связи с социальной эволюцией, а при его объяснении придают особое значение поддержке Каролингов со стороны «королевских свободных» – слоя, созданного самими королями (см. подробнее: Ю. Л. Бессмертный. Некоторые проблемы социально-политической истории периода Каролингов в современной западноевропейской медиевистике. – «Средние века», вып. 26, 1964, стр. 107 и след; М. А. Барг. Буржуазная историография о социальной структуре средневекового общества. – «Вопросы истории», 1966, № 12).

пожалования. Каролинги добились также поддержки со стороны церкви, которая сохранила в Галлии, несмотря на секуляризацию, громадные владения (около трети земель)[54].

* * *

Тесно связывая становление Каролингской империи с ходом социального развития, нельзя в то же время недооценивать то обратное воздействие, которое оказал процесс укрепления и расширения государства на внутреннюю историю франкского общества. Начать с того, что воссоздание Франкского государства сопровождалось географическими перемещениями ряда этнических и социальных групп. Преобладающая часть поддерживавшей Каролингов новой знати из Австразии и Нейстрии принадлежала по своему племенному происхождению к франкам, алеманам и другим германским племенам. В пользу этой новой знати происходили значительные по масштабам изменения в распределении земельной собственности. В той или иной мере они затронули все области Франкского государства, поскольку повсеместно земли, секуляризованные у церкви или конфискованные у политических противников, передавались сторонникам Каролингов. Но особенно значительными были эти изменения в южной части страны. Восстановление власти Каролингов было достигнуто здесь ценой многолетней упорной войны, в процессе которой франкская знать получила ключевые административные должности и обширные земельные пожалования.

Завоевательные войны VIII – начала IX в. оказали непосредственное влияние и на структуру франкского общества. Отличаясь длительностью и ожесточенностью, они прямо или косвенно содействовали дальнейшему углублению социального раскола франков. Уже резкое обострение междоусобной борьбы в период первых Каролингов (конец VII – начало VIII в.) всей своей тяжестью легло на плечи мелких свободных собственников. В обстановке внутренней анархии социальное расслоение значительно усилилось. Когда же победившие Каролинги отчасти восстановили политическую стабильность, на мелких собственников обрушились многочисленные военные повинности. Не имевшие материальных возможностей лично служить в войске, свободные крестьяне обязывались объединяться по трое или по четверо и совместными усилиями выставлять вооруженного воина. Их отягощали, кроме того, транспортные повинности, реквизиции, потравы и т. п.

Естественно, что многие из таких крестьян готовы были на все, чтобы защитить свое хозяйство от учащающихся посягательств со стороны власть имущих, от насилий и притеснений с их стороны. В этих условиях получают значительное распространение всевозможные сделки («прекарии», «коммендации», «самозакабаления»), по которым крестьяне передают самих себя или свою землю под покровительство и власть крупных землевладельцев, отказываясь в их пользу от своих гражданских прав. Число крестьян, оказывающихся, таким образом, в зависимости от светской знати и церкви, быстро растет. Упрочивается могущество земельной аристократии, концентрирующей военные и административные функции и приобретающей владения как в пределах прежних границ Франкского государства, так и в новых областях Каролингской империи – в Саксонии, на Дунае, в Северной Италии или в Испании.

И хотя в VIII–IX вв. немалая часть свободных (особенно на юге Галлии) еще избежала зависимости, их участь была предрешена. Феодальные отношения побеждают.

Повсюду – и, в первую очередь, на севере Галлии – укрепляется и распространяется феодальная вотчина, весьма различная по своей структуре и размеру, но единая как форма эксплуатации крупным земельным собственником мелких земледельцев, владеющих землей и ведущих на ней свое хозяйство. В областях севернее Луары в середине VIII и в IX в. во многих местах складываются крупные вотчины, имевшие барскую запашку, доходившую

---

[54] R. Fossier, Histoire sociale, p. 55.

иногда до трети всей пашни[55]. Обрабатывали ее преимущественно крестьяне, владевшие земельными наделами (число безземельных зависимых было невелико).

Крестьяне находились в различных формах зависимости от вотчинников.

Если не касаться рабов, в наиболее суровой зависимости находились сервы – потомки рабов и части вольноотпущенников и колонов меровингского времени, реже – лишившихся свободы общинников. Как показывают последние исследования, в Северной Галлии IX в. рабы и сервы составляли не более трети крестьянства[56].

Большая часть сервов владела в вотчине земельными держаниями – мансами, за которые полагалось выполнять многочисленные повинности. Они были тяжелыми и включали барщину и уплату оброков. Юридические права сервов были во многом ограничены. Они не могли отчуждать свои держания без разрешения сеньора, были лишены права обращаться за защитой в королевский суд, не могли свидетельствовать в спорах, касавшихся несервов, и т. п. сеньоры продавали и покупали их, дарили и завещали. Часть сервов не имела даже собственного дома и находилась на положении дворовых рабов. Важной особенностью в положении сервов-держателей было то, что все ограничения их свободы, так же как и многие повинности, сохранялись за ними независимо от владения земельным держанием и передавались по наследству. Они лежали как бы на самой личности сервов, навечно связывая каждого из них с определенным сеньором. Это не означало, однако, их навечного прикрепления к наделу. Попытки такого рода, предпринятые при Карле Великом, в общем не имели успеха. В условиях сохранения значительных неосвоенных пространств и при отсутствии достаточно сильной государственной власти осуществить юридическое прикрепление не было возможно[57]. Это позволяло многим сервам при наличии благоприятных условий уходить от своего сеньора, переселившись в другую вотчину или на неосвоенные земли. И хотя такому переселению мешали и материальные трудности переезда, и необходимость выполнять на новом месте повинности прежнему и новому сеньорам одновременно, и сила привычек и традиций, игравших в ту пору особую роль, – отсутствие реального прикрепления к земле создавало немаловажные предпосылки для улучшения в будущем правового статуса многих сервов.

Менее приниженным по сравнению с сервами был социальный статус колонов. В их число вошли не только потомки галло-римских колонов и вольноотпущенников, но и бывших свободных общинников. Их правоспособность была ограниченна в меньшей степени, чем у сервов. По-видимому, они обладали большей свободой распоряжения своими держаниями, могли защищать свои права в королевском суде, были освобождены от некоторых специфических сервильных повинностей. Но по своим обязанностям они во многом напоминали сервов, выполняя, как и те, разнообразные барщинные службы и оброки [58]. В наиболее благоприятном внутри вотчины положении находились полусвободные крестьяне франкского и галло-римского происхождения, оказавшиеся под патронатом крупных собственников. Они уплачивали обычно небольшие оброки, изредка выполняли барщины. Эта категория крестьян была полностью свободна от прикрепления к земле, вообще не составлявшего в VIII–IX вв. конституирующего признака феодальных отношений.

---

55 R. Boutruche. Seigneurie et feodalite, t. I, 2eme ed., p. 82–84.

56 S. Fourquin. Les campagnes de la region parisienne a la fin du moyen age. Paris, 1964, p. 164, 165; R. Boutruche. Seigneurie et feodalite, t. I, 2eme ed., p, 156–159; R. Fossier. La terre…, p. 209, 219; idem. L'histoire sociale…. p. 62, 63.

57 France. – In: M. Block. Melanges historiques, t. 1. Paris, 1963, p. 308.

58 Подробный анализ положения колонов см.: А. Р. Корсунский. О статусе франкских колонов. – «Средние века», вып. 32, 1969.

В условиях натурального хозяйства и при ограничении целей сеньора обеспечением его потребительских нужд оказывались достаточными сравнительно простые формы внутривотчинной эксплуатации.

Крупная вотчина с барщинным домениальным хозяйством была не единственным и не самым распространенным типом сеньории в областях к северу от Луары[59]. Наряду с ней здесь существовало много мелких и средних вотчин, в которых домен и барщина играли, по-видимому, значительно меньшую роль. Но именно существование этого типа вотчин, принадлежавших либо королям, либо отдельным сеньорам, составляет специфику Северной Франции по сравнению с югом страны, где барщинное домениальное хозяйство в VIII–IX вв. по источникам почти не прослеживается. Наиболее распространенной была здесь, по-видимому, система эксплуатации крестьянства путем взимания натуральных и денежных оброков[60].

Однако аграрные отношения в Южной Галлии VIII–IX вв. пока еще недостаточно изучены. Остаются невыясненными, в частности, степень сохранения крупных землевладельческих комплексов, сохранившихся от меровингского времени, характер рабочей силы, эксплуатируемой в них, пути эволюции меровингских рабов и колонов и т. п. Более или менее определенно можно говорить лишь о том, что втягивание мелких земельных собственников в феодальную зависимость шло здесь в целом сравнительно медленно. И в IX в., и даже в X–XI вв. на юге сохранялось гораздо большее число свободных земледельцев, чем на севере. Сеньория во многих районах юга (особенно в горных) отличалась крайней раздробленностью своих владений, делавшей невозможным ни создание домена, ни организацию барщинного хозяйства.

По мере восстановления и укрепления Каролингами Франкского государства в нем ускорялось становление новой системы политического господства и управления. По своей форме и сущности она отличалась и от той, которую Галлия получила в наследство от Рима, и от той, которая зарождалась у франков в IV–V вв. Позднеримская государственная система отличалась существованием разветвленного и централизованного бюрократического аппарата, крайним ограничением демократических начал, повсеместной победой публично-правового принципа в построении органов власти. В противоположность ей догосударственная по своей сущности система управления у франков накануне завоевания ими Галлии предполагала участие в управлении широкой массы членов племени и характеризовалась полным отсутствием какого бы то ни было бюрократического аппарата. Существенные изменения в развитии государственности произошли у франков уже во времена Меровингов. Прежние органы «военной демократии» либо отмерли, либо переродились, став инструментом в руках знати для осуществления ею власти над большинством населения.

В развитии структуры Меровингского государства известную роль сыграли позднеримские учреждения, частично сохранявшиеся – особенно на юге Галлии – еще и в VI в. Не без их влияния сложилась налоговая система, определились функции графов, как представителей власти на местах, расширился и дифференцировался центральный орган государственного управления – королевский двор.

Однако в своей основе государственная система франков уже при Меровингах стала обнаруживать большое своеобразие. Реальная власть концентрировалась в руках церковных и светских магнатов. Чем заметнее слабели короли, тем в большей мере административные и судебные функции над окрестным населением сосредоточивались в руках графов, герцогов, епископов и аббатов. Они присваивали себе налоги, пошлины и штрафы. Степень их

---

[59] 58 C. Fourquin. Histoire economique de I'Occident medieval, p. 67–69; R. Fossier. La terre…, p. 213; R. Boutruche. Seigneurie et feodalite, t. I, me ed.. p. 82, 115.

[60] C. Fournier. Le peuplement rural en Basse Auvergne, p. 326.

повиновения королю целиком определялась личными отношениями с королевским двором. Тем не менее известные пережитки эпохи военной демократии в VI–VII вв. еще оставались. Они выражались в сохранении за каждым свободным франком права (и возможности) иметь оружие, служить в ополчении, участвовать в судебном разбирательстве[61].

На период Каролингов приходится новый этап в формировании франкской государственности. Предпринятые Каролингами реформы уничтожают участие рядовых свободных в государственном управлении. Бенефициальная система закрепляет новый порядок формирования войска, основу которого составляют теперь крупные и средние собственники. Служба в армии и вообще военное дело постепенно становятся привилегией землевладельческого класса. В его пользу изменяется и порядок судопроизводства. Судебные коллегии меровингского времени, ежегодно избиравшиеся из числа свободных людей каждой местности, при Карле Великом были уничтожены. Отныне состав этих коллегий определялся должностными лицами короля. Назначенные сверху, их члены сохраняли судебные права пожизненно и, таким образом, превращались как бы в чиновников, стоящих над народом. Эти коллегии заседали под председательством королевских графов, возглавлявших все местное управление.

Графы контролировали исполнение государственных повинностей, взимали судебные штрафы и торговые пошлины, созывали ополчение, сообщали о королевских распоряжениях и следили за их исполнением. За свою службу графы вознаграждались правом присвоения части судебных штрафов и земельными владениями в пределах подвластной им области. Формально король мог в любое время сместить графа и назначить вместо него другого. Фактически, однако, это было сделать трудно, так как графы быстро превращались в крупных земельных собственников, тесно связанных с местной знатью и пользовавшихся ее поддержкой[62].

В результате уже при Карле Великом и, особенно, при его преемниках графы стали превращаться из сменяемых королевских чиновников в наследственных частных властителей. Их повиновение королю зависело от степени личных связей с ним. Поэтому для упрочения верности графов короли имели лишь одно средство – расширение их владений и привилегий. Но это еще более увеличивало независимость графов и только отсрочивало их выход из подчинения.

Такими же полусамостоятельными властителями были в своих землях епископы и аббаты, получавшие от короля иммунитетные привилегии, которые закрепляли их судебно-административную и военную автономию. Первые иммунитетные пожалования были розданы еще при Меровингах в VII в. Они имели своей целью привлечь на сторону все более слабеющих королей церковных магнатов, которые уже с давних пор реально обладали рядом государственных прав. Во времена Каролингов иммунитеты получают широкое распространение. Карл Великий попытался включить их в систему общегосударственного управления и для этого стремился поставить власть иммунистов под контроль особых должностных лиц – адвокатов («фогтов»). Добиться этого не удалось ни Карлу, ни, тем более, его преемникам. Фогты превращались постепенно в таких же независимых землевладельцев, бесконтрольно распоряжавшихся на выделенных для них землях, как и сами иммунисты.

Подобно графам, владельцы иммунитетных привилегий были связаны с королевской властью договорами личной верности. Эти частноправовые по своему характеру договоры оказываются главной в тех условиях формой социальных, поземельных и политических

---

[61] А. Р. Корсунский. Образование раннефеодального государства, стр. 108 и след.; R. Folz. Le couronnement imperial de Charlemagne, p. 60.

[62] R. Folz. Le couronnement imperial de Charlemagne, p. 57; E. Perroy, R. Dou C et, A. Latreille. Histoire de la France, p. 65, et suiv.

связей внутри господствующего класса. Карл Великий добивался принесения клятвы вассальной верности от всех своих приближенных (число личных вассалов Карла достигало, по-видимому, нескольких тысяч человек). Каждый из них в свою очередь должен был стать сеньором других землевладельцев и т. д. с тем, чтобы нити вассальных связей смогли объединить всех землевладельцев вокруг верховного сюзерена – короля. Однако, несмотря на то, что договоры о личной верности подкреплялись передачей вассалу земельного пожалования (или иных прав) от сеньора, преодолеть раздробленность класса феодалов не удавалось. Известное сплочение было достигнуто лишь в местных рамках, внутри которых авторитет и земельное могущество какого-либо крупного графа или епископа оказывались достаточными для более или менее реального подчинения остальных сеньоров[63]. Что же касается Франкского государства в целом, то соперничество магнатов внутри него не утихало.

Тем не менее период правления первых Каролингов во Франкском государстве оставил по себе долгую память. Особенно это касается времени Карла Великого, когда Франкское государство достигло вершины своего могущества. В течение ряда последующих столетий Карл выступал как герой легенд и сказаний. Ему приписывались подвиги, которых он не совершал, победы, которых он не одерживал. Самое имя его стало синонимом могучего властителя. И подобно тому, как в древности римские императоры присваивали себе титул «Август» (по имени Октавиана Августа), правители европейских государств стали впоследствии называть себя «королями» (по латинской форме имени Карла – Karolus). Объясняется это прежде всего тем, что в течение столетий, предшествующих и последующих правлению Карла Великого, на Западе не существовало политических образований, которые хотя бы формально объединяли столь значительную территорию. Существенно важной была также связь империи Карла со становлением трех крупных европейских государств – Франции, Германии и Италии. Известную роль в увековечении памяти о Карле Великом сыграло, вероятно, и то, что он был одним из очень немногих крупных политических деятелей раннего средневековья, о которых источники сохранили сравнительно богатый биографический материал, достаточный для воссоздания сколько-нибудь конкретного образа. Жизнь и деятельность Карла изучались несколькими поколениями историков, многие из которых, в свою очередь, способствовали идеализации его личности и преувеличению его значения. Сейчас, однако, накоплено уже достаточно материала, чтобы нарисовать подлинный облик Карла Великого, отделив реальные его черты от вымышленных[64].

Карл был действительно незаурядным государственным деятелем. Его основная заслуга в том, что он сумел максимально использовать политические результаты, достигнутые его предшественниками, и довести до конца начатое ими дело расширения Франкского государства. Осознанно или неосознанно, Карл стремился сохранять и укреплять свои связи с окружавшей его знатью и, несмотря на свою, казалось бы, неограниченную власть, не предпринимал обычно ничего, что не получало бы прямого или косвенного одобрения тех, кто составлял его социальную опору (известно, в частности, что, прежде чем обнародовать многие свои политические или военные решения, Карл обсуждал их не только со своими ближайшими советниками, но и на широких ежегодных съездах знати во время так называемых «майских полей»). И хотя Карл не мог, конечно, полностью оценить ограниченность политических перспектив своей империи, ему не была чужда известная трезвость в определении реальности тех или иных государственных задач. Он избежал, например, ошибки, допущенной в дальнейшем правителями Священной Римской империи, и

---

63 R. Boutruche. Seigneurie et feodalire, t. I. 2eme ed., p. 195.

64 Богатую сводку материалов о Карле Великом см. в издании: «Karl der Grosse. Lebenswerk und Nachleben», hrsg. W. Braunfels, Bd. I–IV. Dussedorf. 1965.

не позволил, чтобы борьба за подчинение Италии отодвинула на второй план внутриполитические задачи. Карл сознавал, по-видимому, невозможность сохранения единства созданной им империи и потому еще при жизни пытался разделить ее на отдельные королевства между своими сыновьями.

При всем том величие Карла во многом относительно. Карл Великий не был ни столь крупным военачальником, каким его нередко рисуют, ни оригинальным законодателем. За свою жизнь он не выиграл ни одного крупного сражения. Серьезные поражения наносили его войскам и саксы, и испанцы, и итальянцы. Нам не известно ни одно тактическое или стратегическое новшество, которое бы он предложил. Проведенные им политические реформы также содержат мало нового, ограничиваясь осуществлением мероприятий, намеченных еще его предшественниками. Как пишет Фердинанд Лот, Карл Великий не был политическим деятелем типа Петра I или Наполеона, который бы осуществил какой-либо крупный поворот в политическом развитии страны, «опережая свой век»[65]. Его роль не шла дальше завершения дел, начатых еще до него. И потому понятно, что усиление Франкского государства при Карле Великом следует объяснять не только (или даже не столько) его политическими талантами, сколько более глубокими социальными процессами, о которых говорилось выше.

Эти процессы позволили лишь на время восстановить могущество франкских королей. Новая знать приобрела экономическую и политическую самостоятельность и все меньше нуждалась в королевской поддержке. Апогей в ходе социальной дифференциации основной массы свободных – особенно в центральных областях Галлии – к концу правления Карла Великого был уже пройден. Ресурсы политического усиления Каролингов были, таким образом, в значительной мере исчерпаны. А между тем действие центробежных сил продолжалось и даже усиливалось. Сепаратистские тенденции знати сочетались со стремлениями многоплеменного населения Каролингской империи к высвобождению из-под власти чужеземцев – франков. Экономические стимулы к сохранению единства империи отсутствовали, так как хозяйственные связи отдельных ее частей были неразвиты. В этих условиях никакие политические акции – ни коронация Карла Великого в 800 г. в качестве «римского императора», ни реформирование системы государственного управления (в частности, создание для контроля за действиями местных властей института разъездных королевских «посланников» – так называемых missi dominici) не смогли надолго отсрочить распад государства.

---

[65] F. Lot. La naissance de la France, p. 389.

Карл Великий. Миниатюра X в.

Смуты в империи начались вскоре после смерти Карла Великого. Уже при его внуках (в 843 г.) империя формально разделилась на три самостоятельных королевства (Западнофранкское, Восточнофранкское и еще одно – «среднее» королевство, включавшее Италию и пограничные земли между западным и восточным королевствами). Западнофранкское государство по своим границам в основном предвосхищало будущую Францию. Оно не включало, правда, еще ряда восточных областей – Прованса, части Бургундии, Лотарингии, но известная географическая и этническая общность его территории не оставляла сомнений. Общепризнанным был, в частности, факт отличия диалектов романского языка, на которых говорили его жители, от языков восточнофранкских или итальянских земель.

С распадом Каролингской империи на три государства процесс политического раздробления не остановился. Крупные светские и церковные феодалы, не имея стимулов поддерживать ослабевших королей, употребляли всю свою энергию на усиление

собственных княжеств. Внутренними междоусобицами поспешили воспользоваться внешние враги – норманны, арабы, венгры, – опустошавшие своими набегами многие страны Европы IX–X вв. и в том числе Западнофранкское государство. Из-за неспособности королей отразить эти набеги борьбу с ними все чаще приходилось вести отдельным графам или герцогам. Те из них, которым удавалось добиться в ней успехов, быстро усиливались и подчиняли своей власти соседние графства.

В этих условиях на территории Западнофранкского королевства возникает большое число полусамостоятельных княжеств. Особенно независимы по отношению к западнофранкским королям были княжества юга (Аквитания, Гасконь, Тулуза, Овернь), отличавшиеся, как указывалось, и по своему языку, и по природным условиям, и по социально-экономическому строю.

Но наибольшую угрозу для ослабевших западнофранкских Каролингов представляли с конца IX в. графы Парижа – Робертины. Усилившиеся в период борьбы с норманнами, они то открыто провозглашают себя королями, заставляя своих соперников отрекаться от престола, то правят, прикрываясь их именем. Очередное избрание в 987 г. королем одного из Робертинов – Гуго Капета оказалось концом династии Каролингов в Западнофранкском государстве и положило начало династии Капетингов. На время их правления приходится период, когда феодальная Франция стала одним из сильнейших государств Запада.

Сколь ни непрочным государственным образованием была Каролингская империя, она оставила свой след не только в социально-политической сфере, но и в области материальной и духовной культуры. Относительная политическая стабильность, сохранявшаяся около столетия, и распространение новых – феодальных – отношений, содействовавших сосредоточению всех сил крестьянина на хозяйственной деятельности, дали известный толчок росту производительности земледельческого труда. Несколько расширяется поместное ремесло. В приморских районах активизируются купцы, ввозящие из стран Востока предметы роскоши для господствующего класса. Оживляется городская жизнь, увеличивается население[66].

Новые явления обнаруживаются и в области образования. Церковь и империя нуждались в грамотных священнослужителях и чиновниках. Между тем каролингская знать, в немалой части вышедшая из мелких и средних землевладельцев, была чужда даже той невысокой образованности, которой достигала меровингская аристократия. Арабские вторжения и франкское завоевание VIII в. разорили культурные центры на юге и покончили с остатками античного наследия, сохранявшимися здесь долгое время. Грамотность стала редкой не только в среде светской знати, но и среди высших церковников. Это заставило Карла Великого предпринять ряд мер для возрождения образования. При дворе и в центрах крупных епископств и аббатств создаются школы для детей знати. Приглашаются из-за границы учителя – ирландские, английские, итальянские монахи. Вместе с возрождением грамотности возобновляется интерес к произведениям древних авторов – Аристотеля, Боэция, Тита Ливия, Светония, Колумеллы и др. Переписываются принадлежавшие им труды. Усилиями безвестных писцов епископских и монастырских «скрипториев» в конце VIII в. создается так называемый каролингский минускул – легко читаемое письмо, явившееся основой современного латинского алфавита. Делаются попытки создания подражательных литературных произведений. При дворе Карла складывается своеобразный ученый кружок – «Академия» (включавший и семью самого императора), в котором обсуждались теологические и философские вопросы. Изменения затрагивают и искусство. Усиление связей с Византией и другими странами Востока способствует улучшению качества ювелирных изделий, появлению стенной росписи в церквах, усложнению каменной архитектуры.

Все культурные явления этого рода затрагивали узкий круг людей, и потому их

---

[66] R. Fossier, Histoire sociale…, p. 67; idem. L'homme et la terre…, p. 155, 163.

значение преувеличивать, разумеется, не приходится. Сугубо условный смысл имеет поэтому применение к ним предложенного в середине прошлого века обозначения «Каролингский Ренессанс», так как от подлинного Ренессанса культурное движение времен Карла Великого отличается коренным образом – как по содержанию, так и по социальным предпосылкам. Тем не менее оно не прошло бесследно, дав импульс развитию духовной культуры в Западнофранкском государстве[67].

* * *

Период французской истории, заканчивающийся падением Каролингов, может быть назван историей возникновения Франции не только потому, что в течение его определились очертания ее границ и ее этнический облик. Не менее, если не более, важен тот факт, что в это время, как мы видели, созревали предпосылки, определившие специфику социальной эволюции Франции в последующую эпоху. Они подготавливались исподволь и постепенно уже со времен глубокой древности. Природные условия благоприятствовали сравнительно быстрому развитию галльского общества уже в доримский период. Приобщение к античной культуре во времена господства Рима значительно ускорило экономический и социальный прогресс. Франкское завоевание создало благоприятные условия для перерождения протофеодальных элементов в феодальный уклад. Социально-политическая система, возникшая у франков во времена Меровингов, содействовала особенно быстрому вызреванию и упрочению этого уклада. Мощным стимулом распространения феодальных отношений во Франции оказалась политика Каролингского государства. В результате всего этого на территории современной Франции развитие феодализма оказывается более интенсивным, чем где бы то ни было в Европе, и быстро достигает своего полного расцвета.

2. Расцвет феодализма. (X–XIII века)[68]

В X в. Франция вступила в эпоху развитого феодализма, отлившегося здесь в наиболее завершенную, классическую форму, что оказало огромное воздействие на дальнейшие судьбы страны и сделало Францию своего рода образчиком западноевропейского феодализма вообще.

В IX–X вв. же началось и ее самостоятельное государственное существование. Характерно, что в течение X в. прежние наименования «Галлия» и «Западная Франция» постепенно исчезли, страна стала называться Францией. Однако еще долго это имя в равной мере прилагалось как ко всему королевству, так и к «сердцевине» капетингских владений – к окружавшей Париж области, которую впоследствии называли Иль-де-Франсом.

Оформление этого государства совпало с периодом феодальной раздробленности; фактически оно распадалось на многие феодальные владения, что определялось наличием уже сложившихся, в основном, феодальных отношений, которым предстояло достичь зрелости в политических рамках сравнительно небольших и более или менее компактных территорий.

Во всей Западной Европе это был самый ранний случай раздробления номинально единого королевства на настоящие феодальные княжества.

---

[67] R. Folz. Le couronnement imperial de Charlemagne, o. 86; «Friihe Kunst in Westfrankischen Reich»; W. Ulmann. The Carolingian Renaissance and the Idea of Kingship. London, 1968; P Riche. De l'education antique a l'education chevaleresque Paris, 1968; H. H. Anton. Furstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingerzeit. Bonn, 1968.

[68] А. Д. Люблинская

Вопрос о том, на какие именно владения распадалось это пока еще номинальное французское королевство, имеет первостепенную важность. Его составные части определялись не по воле случая. К X в. у них уже были свои устойчивые границы, свои географические, этнические и языковые особенности, своя история. Поэтому в состав объединенного национального государства они входили затем в качестве отчетливо выраженных по своему облику провинций, чье своеобразие частично сохранилось и до наших дней.

Административное деление страны на графства во Франкском государстве в значительной степени повторило деление на территории галльских племенных союзов, границы которых римская колонизация стерла лишь на юге. Это был старый устойчивый костяк страны, не зависевший от изменчивых очертаний непрочных государственных образований. Он проявился и при раздроблении на феодальные княжества.

Процесс дробления Французского королевства и распыление политической власти прошел два основных этапа. Сперва, в X в., появились крупные владения, затем, в XI в., совершилось их дальнейшее распадение на мелкие территории[69].

Основные области с населением, говорившим на диалектах северофранцузского языка, размещались в центре и на востоке северной части Франции: герцогство Нормандия (образовавшееся в начале X в. в результате завоевания норманнами, которые быстро растворились в местном населении и восприняли его язык[70]), графства Вермандуа, Валуа и Шампань, расположенные по течению Луары графства Невер, Блуа, Турень, Анжу, Мен и Пуату. Отошедшее к Франции герцогство Бургундия было лишь частью прежнего королевства Бургундского; прочие его территории (в том числе и Прованс) входили тогда в состав Германской империи.

Королевские владения (домен Капетингов) располагались по среднему течению Сены и Луары, вокруг Парижа, Орлеана, Эгампа, Шартра, Мелена. На территории расселения северофранцузской народности они занимали центральное место[71].

На крайнем северо-западе находилось совершенно самостоятельное герцогство Бретань с населением, говорившим на отличном от романских диалектов кельтском языке. На крайнем северо-востоке – графство Фландрия; в его северной части господствовал диалект немецкого языка.

Южная часть страны с населением, говорившим на диалектах провансальского языка, распадалась на крупные герцогства Тулузское, Гасконь, Аквитанию и графства Марш, Овернь, Бурбонэ. Географическая и языковая обособленность южных областей немало способствовала их почти полной в ту пору неподвластности королю. В аналогичном положении находились Бретань и Фландрия.

Различия в сельскохозяйственных условиях северных и южных областей сказались к X в. еще отчетливее, чем в предшествующий период. Для слегка всхолмленной равнины севера самой существенной чертой было необычайное плодородие. И поныне эти области – главная житница Франции. Лишь на востоке – в Шампани и, отчасти, в Бургундии – почвы более пригодны для виноградарства и технических культур, чем для зерновых. На гористом юге почвы гораздо скуднее, за исключением речных долин. Там возобладала поликультура: пахотные земли, виноградники, плодовые сады, оливковые рощи, технические культуры. В обширных горных районах господствовало скотоводство.

Для развития сельского хозяйства – решающей отрасли производства в течение всего

---

[69] J. Dhondt. Etudes sur la naissance des principautes territoriales en France, IX–X s. Bruges, 1948.

[70] А. С. Бартенев. Образование герцогства Нормандского. – «Уч. зап. Саратовского ун-та», 1939, т. I (XIV) Серия истор. наук, вып. 1.

[71] E. Pognon. Hugues Capet, roi de France. Paris, 1966.

средневековья – природные условия северной части Франции (рельеф, почвы, климат) были наиболее благоприятны. В конечном счете это и предопределило ведущую роль северных областей в экономическом и демографическом, а затем и в политическом отношениях, тем более что политическое объединение северных областей не наталкивалось на географические и языковые препятствия.

Прогресс сельского хозяйства

Наиболее важным процессом в истории Франции X–XIII вв., определившим течение всех остальных, был медленный, но непрестанный прогресс сельского хозяйства. Многочисленные исследования, появившиеся за последние 25–30 лет, позволяют достаточно отчетливо воссоздать его конкретную и убедительную картину[72].

Процесс этот полнее и интенсивнее всего протекал в плодородных областях северной части Франции – там, где уже и в каролингскую эпоху был выше уровень агротехники и наиболее плотное население. Сельское хозяйство южных и восточных областей развивалось не только медленнее, но и на меньших площадях; оно опережало север лишь в отношении тех культур, которые требуют теплого климата или особых почв (виноград, оливки, красящие вещества и т. д.).

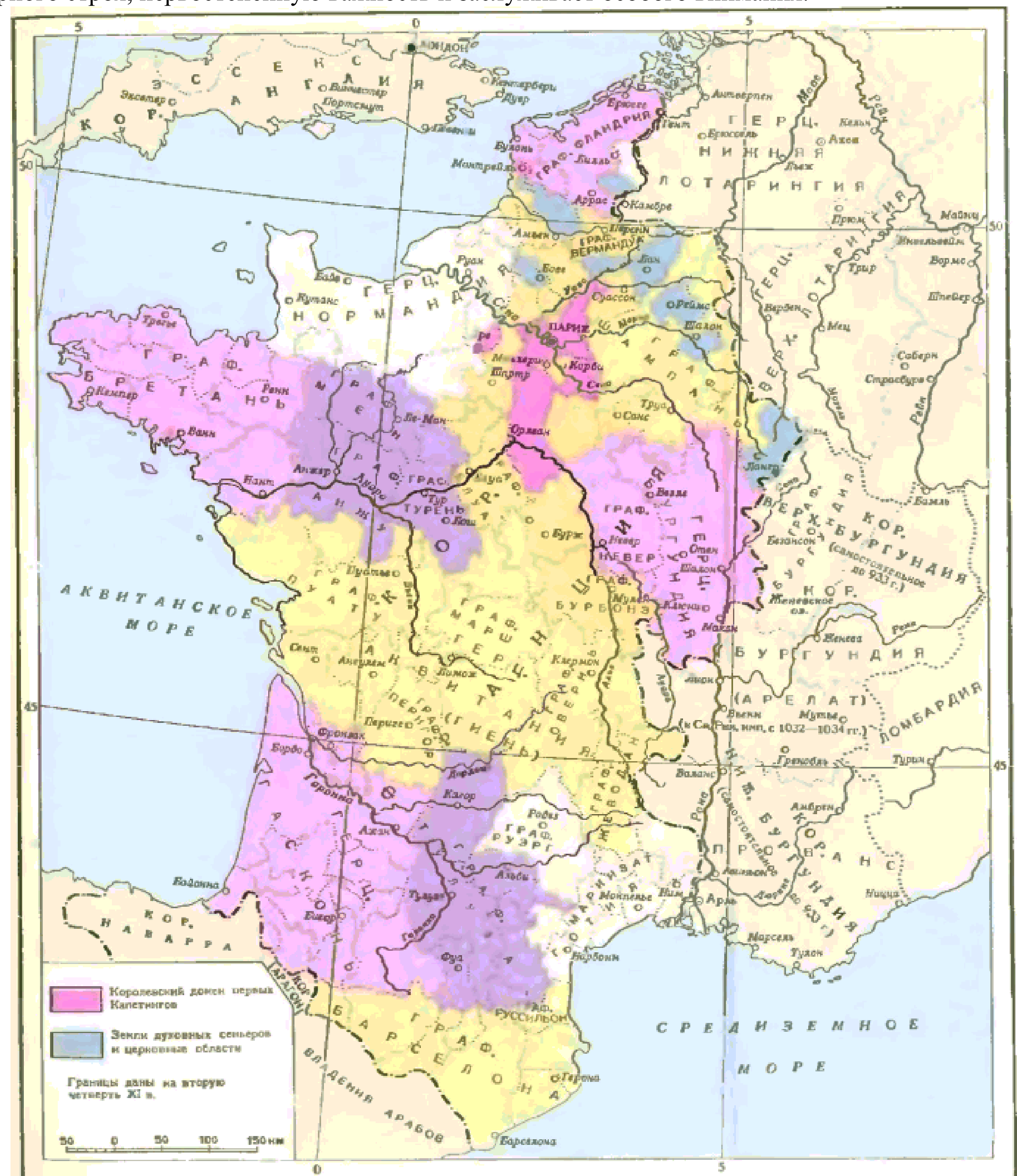
Прогресс выразился прежде всего в значительном расширении посевных площадей и в важном по тем временам улучшении сельскохозяйственных орудий. С этими явлениями тесно связаны изменения в способах использования тяглового скота и обработки почвы. Все это дало возможность повести систематическое наступление на леса, пустоши, болота, использовать во многих местностях более тяжелые почвы, интенсивнее обрабатывать землю и получать более высокие и устойчивые урожаи.

Некоторые улучшения в агротехнике, достигнутые в каролингскую эпоху, при всей своей бесспорности были относительными и ограниченными. Трехполье, плуг и т. п. еще не получили тогда широкого распространения, и земледельцы со своими по преимуществу деревянными сохами и заступами не могли повсеместно применять трехпольный севооборот, ибо плохо обработанная и мало удобренная земля требовала более частого и продолжительного отдыха. Население скапливалось главным образом в тех местностях, где повышенное природное плодородие почвы могло до известной степени компенсировать печальные следствия низкого уровня агротехники и обеспечить пропитание (в этом отношении характерно, что в IX в. население деревень вокруг Парижа немногим уступало по численности населению в XVIII в.). Но это неизбежно вело к значительному дроблению крестьянских наделов, что ставило под угрозу возможность вести нормальное пашенное хозяйство; сказывалось оно отрицательно и на хозяйстве сеньоров. Поэтому распашка нови повсюду стала первейшей необходимостью как для крестьян, так и для феодалов. Внутренняя колонизация имеет для общества, почти целиком живущего в условиях

---

72 Аграрная история средневековой Франции давно уже является объектом изучения. Новый и плодотворный этап был открыт замечательной книгой Марка Блока: M. Bloch. Les caracteres originaux de l'histoiie rurale francaise. Oslo-Paris, 1931. Второе издание 1952 г.; русский перевод: М, Блок. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957. В сводной работе Жоржа Дкби, где Франции уделено главное внимание, см. выборочную библиографию работ, вышедших в 40-50-х годах (Georges Duby. L'economie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident medieval. Paris, 1962). Как примеры монографий, образцовых по полноте материала и по обилию использованных источников (главным образом архивных), назовем: Guy Fourquin. Les campagnes de la region parisienne a la fin du moyen age. Paris, 1964; Robert Fossicr. La terre et les hommes en Picardie jusqu a la fin du XIII[e] siecle. Paris. 1968. Много данных о Франции в сводном труде: «Cambridge Economic History. The Agrarian Life of the Middle Ages», 2 ed. Cambridge, 1966. См. также: А. В. Конокотин. Очерки по аграрной истории Северной Франции в IX–XIV вв. Иваново, 1958; Ю. Л. Бессмертный. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII–XIII вв. М., 1969. Об агротехнике см.: R. Grand et R. Delatouche. L'agriculture au moyen age. Paris, 1950; D. Faucher. La vie rurale vue par un geographe. Toulouse, 1962; B. H. Slicker van Bath. Yield ratios: 1810–1820. Wageninden, 1963.

аграрного строя, первостепенную важность и заслуживает особого внимания.

Франция со второй половины IX в. по XI в.

Освоение в масштабах целой страны всей пригодной для земледелия площади распадается на несколько этапов в зависимости от характера и темпов этого процесса. Необходимо учитывать также его неравномерность в различных областях и разницу в достигнутых результатах. Кроме того, как было уже сказано, сельскохозяйственный прогресс послужил основой для общего развития Франции; поэтому важно определить возможно точнее хронологические рамки отдельных этапов внутренней колонизации.

В наиболее плотно населенных областях на севере, и отчасти в Бургундии, она началась уже с конца IX в., в других местностях – по большей части в XI в. Сперва объектом новых заимок послужили залежи и пустоши, более легкие для поднятия нови; затем люди

устремились в леса, болота, ланды, на морские побережья. На первом этапе – до начала XII в. – масштабы и темпы освоения новых земель были еще ограниченны. Они заметно возросли около 1140–1150 гг. и во второй половине XII столетия достигли апогея.

Расчистки были преимущественно делом крестьянских общин; своим массовым характером они обязаны именно крестьянам. Но ими активно занялись также и сеньоры. Монастыри меньше остальных приложили руку к поднятию целины. Старые бенедиктинские аббатства уже до X в. присвоили себе значительные культурные площади; монахи новых орденов, главным образом цистерцианцы, хотя и селились в глухих местах, но занимались преимущественно скотоводством, а не земледелием.

Сперва небольшие по размерам заимки возникали в итоге усилий отдельных крестьян, большей частью по окраинам старых полей или на лесных полянах. Сначала их использовали в качестве лужков, затем распахивали. Часто таким полям обычай присваивал имена тех, чьим трудом они были вызваны к жизни. В областях малоплодородных или там, где условия рельефа ставили препятствия более массовым расчисткам, поднятие нови шло медленно, и лишь постепенно вокруг поселений расширялся ареал культурных площадей. Наоборот, при совокупности благоприятных условий начиналось систематическое проникновение в густые леса, покрывавшие еще в X–XI вв. значительную часть страны, особенно на севере, и разобщавшие поселения. Тогда потребовалось не только приложение коллективных усилий, но и разрешение сеньоров – земельных собственников. Начали возникать новые селения. На севере они назывались «новыми деревнями» (villeneuves, neuvilles, bourgs – здесь термин ville означает еще не город, а по-старому: деревню), на юге – «убежищами» (sauvetes). Порой они возникали, когда группа крестьян какой-либо деревни самостоятельно переселялась в глубь леса, порой это происходило по призыву сеньоров, приглашавших пришельцев (госпитов), откуда бы те ни являлись. Феодалам было очень выгодно увеличение населения в их владениях, и они приглашали госпитов на льготных условиях пользования землей. Иногда они заключали письменные контракты с лицами, бравшими на себя организацию «новых деревень», и предоставляли им там немалые права. Такими лицами зачастую бывали младшие сыновья рыцарских семей, не получавшие доли наследства. Иногда сеньоры соседних владений выступали совместно: определялся характер участия каждого в организации новых поселений, соответственно делились доходы. В тех случаях, когда на первых порах для устройства поселенцев нужно было произвести денежные затраты, светские сеньоры заключали долгосрочные договоры с богатыми рыцарскими орденами, монастырями, капитулами и т. п., ссужавшими им деньги.

Замечательно, что этот второй этап колонизации проходил наиболее быстрыми темпами, и уже в первой половине XIII в. она почти повсюду пошла на спад. В Парижском бассейне расчистки прекращаются в 30-40-х годах XIII в., на северо-востоке и на юго-востоке страны – в середине столетия. К этому времени почти все пригодные земли (при сохранении необходимых площадей леса и пастбищ) были там распаханы. Третий (последний) этап характерен устройством одиночных хуторов с огороженными полями и пастбищами (так называемыми бокажами). Именно таким путем было освоено в XIII–XIV вв. большинство новых площадей в центральных районах Франции.

В итоге внутренней колонизации IX–XIV вв. площади, освоенные под пахотные поля, виноградники, луга и пастбища, увеличились настолько, что дальнейшее – и притом лишь незначительное – их расширение стало возможно не ранее XIX в. Внутренняя колонизация закончилась во Франции раньше, чем в других частях Европы, и это имело самое непосредственное влияние на всю аграрную структуру страны.

Параллельно расчисткам происходило развитие агротехники, и прежде всего трехпольного севооборота. Его широкое (но отнюдь не монопольное) господство в северной половине страны не подлежит сомнению, однако систематическое и правильное использование было достигнуто далеко не сразу. Само по себе деление пашни на три участка еще не означало их ежегодного кругооборота в определенном строгом порядке. Все зависело от степени плодородия почвы, от ее обработки и удобрения. Поэтому регулярное трехполье

довольно часто временно уступало место более продолжительным парам, а чередование озимых и яровых культур подчинялось различным местным условиям; на менее плодородных почвах сохранялось двухполье. К середине XIII в., т. е. когда уже кончились интенсивные массовые расчистки, во многих местах прочно установился четкий ритм трехпольного севооборота;

Работа на винограднике. Миниатюра XIII в.

в дальнейшем в некоторых наиболее плодородных районах даже делались попытки перейти к четырехполью, когда часть пара засевалась травами. На юге страны трехполье было известно, но применялось лишь на лучших почвах либо спорадически. Двухполье там господствовало из-за недостаточного плодородия почв и слишком раннего сухого лета.

Упрочению на севере правильных трехпольных севооборотов в большой степени содействовала улучшенная обработка земли, а именно более частая вспашка (как правило, четырехкратная). В условиях, когда пашня удобрялась далеко не достаточно, наилучший результат мог быть достигнут в итоге приложения больших трудовых усилий. Улучшились и сами орудия, особенно металлические части плугов. С XI в. широко распространился новый способ упряжки тяглового скота: появился хомут для лошадей, и во многих районах они вытеснили на пахоте волов. Последних продолжали применять либо на тяжелых или каменистых почвах, либо при поднятии тяжелой нови. Это было важное нововведение, ибо оно позволило значительно ускорить сроки пахоты (примерно в два-три раза) и обеспечить

многократную вспашку, широко применять борону. Возросла и тягловая сила рабочего скота в результате лучшего ухода и больших посевов овса.

Итогом было не только расширение посевных площадей, но и значительный для того времени рост урожайности. Разумеется, разнообразие местных условий, различные темпы расчисток и распространения трехполья и других улучшений не позволяют считать, что по всей стране происходил более или менее одинаковый рост урожайности. К тому же она почти всегда и везде резко колебалась в зависимости от погоды. Тем не менее повышение урожаев не подлежит сомнению. На юге оно было небольшим, но в центре и на востоке урожаи возросли в полтора-два раза. Наилучшие результаты были получены на севере: там в XIII в. пшеница давала нередко урожай сам-восемь, а в лучшие годы он доходил до сам-пятнадцать, рожь – сам-семь, овес – сам-шесть и т. д. Такие урожаи в ту пору можно было получить лишь на исключительно плодородных почвах северных областей[73]. Кроме того, даже на севере далеко не все крестьянские хозяйства могли использовать в полной мере прогресс агротехники; особенно это касается малоземельных крестьян.

Расширение посевных площадей и повышение урожайности несколько смягчали последствия частых до того неурожаев и сопутствовавших им голодовок и эпидемий. Улучшился помол зерна и повысилось качество муки, так как широко распространились ветряные и водяные мельницы, использовавшиеся и для нужд различных ремесел.

Прогресс происходил и в других отраслях сельского хозяйства. Как раз в ту пору прочно встало на ноги знаменитое французское виноградарство и виноделие, завоевав себе славу во всей Европе[74]. Были выведены новые, высококачественные сорта (около Бордо, в Лангедоке, в Бургундии, Анжу, Осерруа, Сентонже и т. д.). В этих районах виноградники начали вытеснять пашни, и вывоз вина занял заметное место в экономике. Виноделие широко распространилось по стране, даже на севере[75], и вино вошло в обиход всего населения.

Значительные перемены произошли в животноводстве. Сильно возросло поголовье коров, свиней и овец, улучшилась их породность. В некоторых районах на севере и в горах Лангедока паслись тысячные стада, дававшие отличную шерсть.

Расширились полевые посевы бобовых культур; в систематически унавоживавшихся огородах культивировались овощи, как давно известные, так и новые, привезенные с Востока (шпинат, разные сорта капусты, лучшие сорта моркови, свеклы и т. д.). Плодовые, ореховые, оливковые деревья насаждались целыми рощами, орехи и сушеные фрукты вывозились за границу.

Города

В X в. во Франции растет новая социально-экономическая сила – города[76]. Уже с XII в.

---

73 В своем обширном исследовании Ги Фуркен (Сиу Fourquin. Les campagnes de la region parisienne…) много раз подчеркивает необыкновенное для Западной Европы плодородие почв Парижского района, однако даже в пределах этой небольшой территории оно было неодинаково.

74 См. обширную и очень интересную монографию Роже Диона: Roger Dion. Histoire de la vigne et du vin en France. Paris, 1959.

75 Ги Фуркен указывает на большой размах виноградарства и товарный характер виноделия в Парижской районе.

76 История французских средневековых городов исследовалась за последнее время меньше, чем аграрный строй. Полная библиография по городам собрана в справочнике: Ph. Dollinger et Ph. IVolff. Bibliographie d'histoire des villes de France. Paris, 1967. Выборочную библиографию (включая статьи) см. в труде, посвященном истории средневековой Тулузы: С. М. Стам. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII вв.), Саратов, 1969. Из локальных монографий следует указать: Ch. Higounet et У.

они стали оказывать очень сильное воздействие на жизнь деревни; судьбы ее и города теснейшим образом переплелись.

В письменных источниках сведения о росте городов появляются с конца X в., но археологические данные свидетельствуют, что уже в начале столетия началось расширение площадей, занятых поселениями городского типа. В первую очередь это коснулось старых городов.

В главе 1 уже было сказано, что галло-римская эпоха оставила в наследство, особенно на юге, много городов. В эпоху раннего средневековья они захирели, их территории сжались, население сильно поредело и занималось преимущественно сельским хозяйством. Однако часть ремесел уцелела, обмен и деньги не исчезли полностью, и в целом города не превратились в деревни, т. е. не утратили своего прежнего облика.

В X–XI вв. возродилось подавляющее большинство старых городов, к числу которых принадлежали самые крупные: Париж, Бордо, Тулуза, Лион, Марсель, Ним, Пуатье, Руан и др. Тогда же на юге появились и новые городские поселения, например Монпелье. Наиболее интенсивно возникали и росли города в XII–XIII вв. В ту пору многие села и деревни, в том числе и те, что появились в результате расчисток, постепенно развились в небольшие и мелкие города, часть которых выросла затем в большие центры. В XIII в. Франция уже была покрыта густой сетью городов – крупных, средних и мелких. Все они существуют поныне, и до XX в. возникло лишь немного новых.

Далеко не случайным было совпадение во времени (X в.) начала двух важных процессов: нового этапа в развитии сельского хозяйства и роста городов, т. е. отделения ремесла от сельского хозяйства. Это означало, что производительные силы достигли во Франции, притом почти на всей ее территории, такого уровня, что дали сильный толчок одновременному подъему обеих отраслей хозяйства, которые продолжали в XI–XIII вв. непрерывно развиваться, не встречая на своем пути значительных препятствий.

Если не брать в расчет прежних римских центров, то первый этап жизни французских средневековых городов пришелся на X–XI вв. Его можно определить как период формирования торгово-промышленных центров, находившихся под владычеством феодальных сеньоров, светских или духовных. С конца XI в. начался второй этап, продолжавшийся около столетия: города завоевали себе ту или иную степень свободы и на севере вступили в политический союз с королевской властью, В течение XII–XIII вв. они пережили пышный расцвет и стали важной экономической силой в стране, приобретя к концу этого третьего этапа также и значительный политический вес. Для Франции, как и для других стран, характерна очень большая пестрота темпов и форм развития городов. Хотя это разнообразие еще далеко не изучено полностью, все же можно отметить некоторые его черты, характерные как для старых, так и для новых городов.

Одной из таких черт является сравнительно быстрое разрушение существовавшей на городской территории системы феодальных земельных держаний с их земельными и личными повинностями. Первоначально эта система прочно привязывала город к сеньору, и поэтому торгово-ремесленные центры (где бы они ни возникали – на новых местах или в пределах старых городов) до известной степени повторяли структуру феодального поместья. Основой этой структуры было то, что земля в городе, как и в деревне, принадлежала сеньору, иногда нескольким. Городское население продолжало заниматься также и сельским хозяйством – горожане держали домашний скот, возделывали огороды, виноградники, даже пашни (впрочем, пахотные участки сравнительно быстро исчезли). Сеньор рассматривал

Renouard. Histoire de Bordeaux, t. 2 et 3. Bordeaux, 1963–1965; «Histoire du commerce de Marseille», t. 1 et 2. Paris, 1949–1951; P. Fevrier. Le developpement urbain en Provence. Paris, 1964; Fr.Tuloup. Saint-Malo. Histoire generale. Paris, 1965; / Turlan. La commune et le corps de ville de Sens (1146–1789). Paris, 1942; Ch. Petit-Duiaillis. Les communes francaises. Paris, 1947. Много материала содержится во втором и третьем томах «Cambridge Economic History of Europe» (Cambridge, 1952–1963). См. также: «Recueils de la societe Jean Bodin», t. VI. La ville. Bruxelles, 1954.

горожан как выселившихся из деревень сельских ремесленников и взимал с них оброк и поборы поземельного и личного характера. Лишь купцы, странствующие или полуосевшие, были свободны от этой всеобщей зависимости, хотя и уплачивали разного рода пошлины.

Значительную часть городской территории занимал замок или «двор» феодала – укрепленный дом, сад, огород, хозяйственные и общественные строения, сеньор имел в городе постоянное местопребывание и держал при себе большое число вассалов-рыцарей и слуг. Немалая часть земли в городе была им роздана рыцарям во владение, остальная принадлежала церковным учреждениям. Поэтому переселившийся в город ремесленник не мог осесть там на «ничейной» земле и должен был брать участок у сеньора, рыцаря или церкви и платить за него, равно как и за построенный на нем дом, феодальную ренту (ценз). Городской рынок был расположен на земле сеньора, которому шли рыночные пошлины. Он же со своими слугами вершил в городе суд и расправу.

сеньор был обязан защищать город от внешних врагов, и в X в. эта задача была не из легких. Набеги норманнов, венгров и арабов опустошали страну, и лишь города могли устоять и оказать сопротивление. Только они являлись надежными убежищами, и в них стекалось сельское население округа. Но в XI в. внешняя опасность почти исчезла и такого рода общественно полезная деятельность феодалов значительно сократилась. Тогда на первый план выступили противоречия между горожанами и сеньорами.

Ярче всего они проявились в экономически развитых городах передовых областей Франции – на севере и на средиземноморском побережье. Ремесла и торговля достигли там в XI в. значительного расцвета, городское население быстро росло, упрочивались рыночные связи с сельскими округами. Особенно большую роль начало играть сукноделие. Наиболее быстро и широко оно развилось в областях интенсивного овцеводства; расположенные там города стали снабжать сукном многие местности. Более широкий рынок обеспечил сукноделию размах, который был тогда недоступен для остальных ремесел. Богатые купцы-суконщики вместе с некоторыми другими мастерами и купцами (ювелирами, мясниками, оптовыми зерноторговцами, виноторговцами) образовали сплоченную и влиятельную группу, выступавшую от имени города. Она пользовалась поддержкой остальных горожан, ибо экономическое неравенство, в ту пору уже вполне заметное, отступало пока на задний план. Главная же задача заключалась в борьбе с сеньорами; она объединяла горожан и ставила перед ними общую цель.

Сеньоры, господствовавшие в быстро богатевших городах, рассматривали их как полное свое достояние и как источник возрастающих доходов. Они произвольно повышали цензы, рыночные пошлины, судебные штрафы и прочие поборы, притесняли горожан в суде, держали их деятельность под контролем, не останавливались и перед актами насилия. Перед вымогательствами сеньора и его слуг горожане были беззащитны. Более того, алчность сеньора лишала смысла весь их труд – накопления и заработки уходили в казну сеньора, как в бездонную бочку.

Сопротивление горожан приняло сперва форму денежных сделок с сеньорами. Взамен уплаченной разом крупной суммы сеньор давал обещание не переступать определенных границ в обложении. Но данную при этом клятву он вовсе не считал нерушимой и через некоторый срок принимался за старое. Тогда горожане изменили тактику. Они стали образовывать тайные союзы (такой союз назывался коммуной, communio, члены его были связаны присягой), целью которых была подготовка к вооруженной борьбе. Союзы оказались весьма действенными.

В конце XI – начале XII в. во многих городах Северной Франции прокатилась волна кровопролитных восстаний, так называемых «коммунальных революций». Они принесли горожанам победу над сеньорами. При этом почти каждый город (Камбре, Сен-Кантен, Аррас, Амьен, Сен-Рикье, Корби, Нуайон, Лан, Суассон, Бове, Санлис, Реймс и др.) пережил какие-то особые перипетии в своей борьбе (порой победа доставалась лишь после нескольких восстаний), и результаты ее были не вполне одинаковы. Тем не менее цель была достигнута – многие города стали свободными коммунами. Основные их права были

зафиксированы в «хартиях вольностей», данных сеньорами и утвержденных королем. В дальнейшем эти права еще более расширились и были записаны в сводах городского права. Главными привилегиями были следующие.

На городской территории уничтожались все виды личной зависимости, ибо «городской воздух делает свободным». Эта правовая норма распространялась и на пришельцев; достаточно было крепостному прожить в городе год и один день, занимаясь каким-либо ремеслом, чтобы стать свободным, – и тогда притязания его бывшего сеньора лишались силы.

Чрезвычайно важным было уничтожение и поземельных связей с сеньором. Зависимые от него (или от его рыцарей) участки переходили во владение города и горожан, а ценз за землю и дома превращался в налог, поступавший в городскую казну. Этот порядок распространился и на определенную территорию вокруг города; впоследствии на ней выросли пригороды. Однако землевладельческие права церкви как в городе, так и в ближней округе почти полностью сохранились.

В некоторых случаях горожанам удавалось даже попросту изгонять из города сеньора с его рыцарями и слугами. При его возвращении они ставили ему строго определенные условия.

Вся власть в городе перешла в руки выборного городского совета, члены которого назывались эшевенами; их возглавлял мэр. Совет ведал судопроизводством, финансами, администрацией, городской милицией и вел сношения с королем, бывшим сеньором города и другими городами. Поскольку города и дальше должны были защищать свою свободу (сеньоры не раз пытались вернуть себе прежнюю власть с помощью феодалов соседних округов), они сохранили организацию прежнего союза (communio), распространив ее на все боеспособное население, которое было вооружено и обучено военному делу. Вокруг городов-коммун были возведены крепкие стены с башнями, выкопаны глубокие рвы. Города превратились в огромные по тем временам крепости, и взять их было под силу далеко не всякому феодальному войску. Городской замок сеньора был превращен во внутреннюю крепость, служившую городской ратушей и тюрьмой. Города-коммуны обладали внушительной военной и политической силой.

Освобождение городов имело для Франции (как и для других стран Европы, где оно происходило) огромное значение. Политическая самостоятельность дала им возможность беспрепятственного экономического развития, что было особенно важно в период XI–XII вв., когда система товарно-денежных отношений еще только складывалась. Свободные города сбросили с себя ярмо непосредственной феодальной эксплуатации (в дальнейшем их участие в налоговом обложении имело другой характер – деньги шли государству и тратились преимущественно для целей укрепления национального государства). В северных областях коммуны были многочисленны и образовывали сеть свободных городов, оказывавших сильное воздействие на экономику деревни и на эволюцию феодального строя. Их военная и политическая сила сделала их реальными и важными союзниками королевской власти в ее политике преодоления феодальной раздробленности. В городах расцвела своя социально окрашенная культура, сыгравшая главную роль в складывании культуры национальной. Свободные города воплотили прогресс всей страны. Характерна та ненависть, которую они возбудили к себе в феодальном классе. С этого времени берет свое начало ярко выраженная социально-политическая рознь между городами и феодалами Северной Франции.

Непосредственным и быстрым итогом появления городов-коммун были важные перемены в положении средних и даже мелких городков, в большей степени сохранявших многие черты деревенского строя. Сами по себе они были неспособны завоевать свободу; для этого у них не было сил, ибо их экономическое развитие было скорее вялым. Однако данный коммунами экономический и политический импульс коснулся и таких центров, сеньоры были вынуждены предоставить им хотя бы часть прав, чтобы тем вернее сохранить за собой остальные. Таким способом раздела функций и прав был достигнут статус сотен городков Северной Франции. Чаще всего горожане получали личную свободу,

имущественные права и выборное самоуправление, а за сеньором оставались верховная власть и взимание некоторых поборов и рыночных пошлин.

Характерно, что сильное коммунальное движение XII в. коснулось и некоторых сельских местностей. Иногда крестьянам деревень, расположенных вокруг коммун, удавалось образовать с их помощью нечто вроде свободных конфедераций деревень. Но эти сельские коммуны не смогли тогда сохранить свою свободу. Они не устояли против натиска феодалов и были возвращены в прежнее состояние.

На территории королевского домена (в XII в. он еще не включал всей Северной Франции) почти все города, в том числе Париж и Орлеан, не стали коммунами: король был сильнее любого городского сеньора. Главные города феодальных княжеств находились в таком же положении. Кроме того, Париж уже издавна пользовался многими правами самоуправления. Поэтому в королевском домене и в центральных областях страны преобладание получили так называемые «города буржуазии». В них «буржуа» (т. е. все полноправные горожане) пользовались имущественными правами и личной свободой, а избранный ими совет выполнял многие судебные и административные функции. Но наряду с ним действовали королевские (в княжествах – герцогские или графские) судебные и административные учреждения, и город был подчинен королю.

На юге города развились еще раньше, чем на севере. Бурный расцвет в XII в. Тулузы, Бордо, Альби, Монпелье, Нарбонна, Нима, Каркасона, Марселя и др. был связан с крестовыми походами. Южные города установили тесные торговые связи с Левантом, где имели свои фактории; они играли также роль посредников в торговле Востока со странами Северной Европы. Во многих городах процветало производство дорогих ярко окрашенных сукон, пользовавшихся большим спросом на всех рынках Леванта и Европы.

Быстрый экономический рост южных городов и сохранившееся в них еще с римских времен самоуправление помогли им скорее приобрести свободу. В большинстве случаев они ее купили у сеньоров и вскоре стали независимыми богатыми городами-республиками, во многом похожими на итальянские. Власть в городе принадлежала «консулам», избиравшимся купцами, ремесленниками и рыцарями (многие рыцари занимались торговлей). Наряду с консулатом существовал «Большой совет», включавший всех полноправных горожан[77].

Города Бургундии начали освобождаться несколько позже – с середины XII в., иногда в итоге восстаний, иногда путем денежных сделок. Наибольшее число коммунальных хартий было получено в XIII в.

* * *

Основой развития городов были ремесла и торговля. Организация средневекового ремесла имела во Франции некоторые особенности. Цеховая система не отличалась той жесткостью или принудительностью, которые характерны, например, для Германии. В северных городах Франции долгое время в цех можно было вступить беспрепятственно, при условии уплаты сравнительно небольшого взноса. Не всегда лимитировалось количество учеников, не во всех цехах требовался шедевр, не все ремесла были организованы в цехи. Качество изделий контролировали выборные старшины цеха. В южных городах цехов не было – там ремесло было «свободным», т. е. каждый мог им заниматься, а контроль осуществлялся городскими властями[78]. Эта структура позволяла использовать многие

---

[77] E. Engelmann. Zur stadtischen Volksbewegung in Sudfrankreich. Kommunenfreiheit und Gesellschaft. Berlin, 1960.

[78] Н. В. Ревуненкова. К истории свободного ремесла в городах Южной Франции. – «Средние века», т. XXI, 1962.

преимущества цеховой организации (дифференциация по профессиям, обеспеченное ученичеством высокое профессиональное мастерство, действенный контроль над качеством продукции), и в то же время были смягчены или отсутствовали такие минусы цеховой системы, как жесткое ограничение размеров производства, монополия цеха на профессию и т. п. Это объясняется тем, что во Франции ремесло работало на достаточно емкий городской рынок, к которому тяготела сельская округа. Кроме того, развивались также рынки областные, столичный и зарубежные. Поэтому не было нужды в принудительном ограничении производства.

К концу XIII в. в Париже насчитывалось около трехсот различных ремесленных и торговых специальностей, что свидетельствует об очень большой дробности ремесла. В некоторых отраслях она вообще достигла своего возможного в условиях ремесленного производства максимума. В других больших городах дробность ремесел была меньшей (70–80 цехов или групп). В средних и мелких она развивалась медленно; специализация внутри таких ремесел, как гончарное, кожевенное и т. п., потребовала длительного срока. Все это означало существенный прогресс в развитии французского ремесла, который тем более следует отметить, что в сельскохозяйственном производстве производительность труда росла медленнее.

Богатство природных ресурсов и обширность территории Франции способствовали тому, что потребности быстро развивавшихся городов в сырье и продовольствии полностью удовлетворялись в результате возросшей продуктивности сельского хозяйства. Французские города с их сельскими округами были вполне самостоятельными экономическими организмами, не зависевшими от зарубежного импорта сырья или продуктов питания. Но уже в середине XII в. явственно сказалась необходимость обмена между отдельными областями, тем более что последние обладали неодинаковыми природными ресурсами. Это разнообразие стимулировало известную экономическую специализацию различных частей Франции. О сукноделии уже шла речь; важную роль сыграли также виноделие, маслоделие, скотоводство, выращивание красящих растений и т. п.

О наличии внутреннего обмена свидетельствует развитие ярмарок. Сперва они происходили ежегодно во многих городах, но имели чисто местный и ограниченный характер – на них сбывали главным образом зерно, скот, лошадей. Эти ярмарки сохранялись в таком же виде очень долго. Затем постепенно выделились некоторые особо благоприятно расположенные центры. Они находились вблизи городов с интенсивно развивавшимся сукноделием и в то же время на удобных торговых путях. Наибольший размах и значение приобрели шампанские ярмарки, происходившие шесть раз в год в четырех городах (Барсюр-Об, Труа, Провен, Ланьи), расположенных цепочкой с юго-востока на северо-запад Шампани, на старом торговом пути из Италии в Северную Европу.

Уже в середине XII в. шампанские ярмарки переросли местные рамки: на них съезжались купцы из городов Северной и Центральной Франции. В конце столетия утвердился ставший затем традиционным шестикратный цикл ярмарок и их особая, строго регламентированная организация. В начале XIII в. они превратились в важнейшие пункты европейской международной торговли. В этих городах постоянно проживали торговые консулы итальянских, южнофранцузских и других городов. Главным предметом торговли служили сукна, скупавшиеся в Париже и в других северофранцузских и южнофранцузских центрах развитого сукноделия. На шампанских ярмарках торговали также восточными товарами, вином, полотном, кожами, зерном и т. д[79].

Большой товарооборот совершался на ярмарке Ланди, происходившей в июне в Сен-Дени (рядом с Парижем); там продавались изделия всех парижских ремесел и сельскохозяйственные товары. В XIII в. наладились систематические торговые связи почти

---

[79] «Recueils de la societe Jean Bodin», t. V. La foire. Bruxelles, 1953; E. Coornaert. Caracteres et mouvement des foires internationales au moyen age et au XVI s. – «Studi in onore di Armando Sapori». Milano, 1957.

во всей Северной Франции и помимо ярмарочных циклов.

Основные классы

В X–XI вв. во Франции в целом завершилось длившееся несколько столетий складывание двух основных классов феодального общества – сеньоров и зависимого крестьянства. Оба процесса – две стороны одной медали, но хронологически их течение совпало не вполне и мера завершенности тоже была различной[80].

Господствующий класс пережил в XI в. значительные изменения. Он очень усилился, возрос численно и распался на несколько слоев. Несмотря на присущее Франции разнообразие условий в отдельных провинциях, можно выделить основные черты, характерные для всего французского дворянства X–XI вв.[81]

Почти повсюду продолжала существовать крупная феодальная знать каролингской эпохи в лице своих прямых потомков. Но в X в. от нее отделились боковые ветви, образовавшие вместе с потомками королевских ставленников на местах многочисленную группу средних феодалов. Численно преобладавший слой мелких феодалов сложился из слуг и вассалов, окружавших короля, церковных и светских магнатов. Если в VIII–IX вв. они составляли свиту крупного феодала и считались «его людьми», частью «его дома» (familia, mesnie), то в X–XI вв. подавляющее их число было «посажено» на землю. Поэтому большие светские сеньории каролингской эпохи раздробились на множество рыцарских фьефов (так стали называться во Франции феоды). Церковное землевладение осталось несравненно более компактным, хотя и церкви пришлось выделить некоторые фьефы для рыцарей – своих светских защитников и слуг.

Другим источником пополнения низших слоев феодального класса послужило выделение из сельской общины зажиточных ее членов. Их сеньории были зачастую очень малы по размерам земли и числу зависимых крестьян, но все же позволяли владельцам оторваться от сельскохозяйственного труда и превратиться в воинов-профессионалов. Можно предположить, что именно таким путем во Франции возникло наибольшее число мелких сеньерий.

Формирование феодального класса шло во Франции классическим путем. Выражается это в том, что, во-первых, этот процесс (особенно на севере) совершился очень быстро. За вычетом некоторых неизбежных исключений, французские феодалы уже в XI в. превратились в привилегированную наследственную группу, принадлежность к которой определялась прежде всего по рождению[82].

Во-вторых, такое отчетливое выделение господствующего класса, т. е. завершенность социальной эволюции, явилось одной из главных причин складывания и наиболее законченного вассалитета (другой причиной была феодальная раздробленность). Феодальная иерархия приняла (главным образом в Северной Франции) в том же XI в. свою классическую структуру: от широких слоев низших «однощитных» рыцарей (уже не имевших вассалов и являвшихся в ополчение только со «своим щитом») через три-четыре промежуточные ступени более состоятельных феодалов к властителям значительных территорий и, наконец,

---

[80] M. Block. La societe feodale, t. 1 et 2. Paris, 1939–1940; 2 ed. Paris, 1949, см. также: Ю. Л. Бессмертный. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе в XII–XIII вв.

[81] G. Duby. Une enquete a poursuivre: la noblesse dans la France medievale. – «Revue historique», t. 226, Paris, 1961; Gerd Tellenbach. Zar Erforschung des hochmittelalterlichen Adels (9-12. lahrhundert). – «XII Congres International des sciences historiques. Rapports», t. 1. Wien. 1965.

[82] В дальнейшем приобщение к дворянству выходцев из других слоев общества обязательно должно было облекаться в форму «аноблирования», т. е. юридического оформления, предоставлявшего соответствующие прерогативы.

к вершине пирамиды – королю. Правовая норма «вассал моего вассала не есть мой вассал» охраняла не только привилегии магнатов от посягательств королевской власти на патронирование всего феодального класса в целом. Во Франции эта норма определяла также и действенность связей внутри класса, придавала ему в условиях феодальной раздробленности известную сплоченность, гарантировавшую господство над крестьянством. Следует заметить, что при наличии экономической разобщенности феодального хозяйства и при неизбежной феодальной анархии хотя бы минимальное объединение господствующего класса могло быть достигнуто лишь в политической форме.

Завершенность как социальной структуры класса, так и его политической организации сочеталась с системой землевладения, составлявшего монополию феодального класса. Параллельно феодальной иерархии *лиц* существовала повторявшая ее почти во всех деталях иерархия фьефов. Феодал был связан со своим фьефом, ибо через него он занимал соответствующее место как в хозяйственном, так и в социально-политическом строе общества. Из своей сеньории он извлекал не только средства для материального благополучия, но и свою классовую принадлежность и даже свое имя. Все французские феодалы (а не одни лишь территориальные владыки) не имели другого имени, кроме названия своей сеньории с приставками de, du, des, которые вскоре стали как бы гарантией принадлежности к дворянству носителей подобных имен.

Совокупность таких явлений, как многочисленность, многослойность и значительная замкнутость французского дворянства (что, однако, не мешало перемещению отдельных лиц из одних слоев в другие), его законченная политическая организация и особый правовой статус свидетельствуют о том, что господствующий класс полностью отделился от прочих слоев населения и выработал свои формы политического господства, присущие именно тому периоду. В масштабах всей Западной Европы это было наиболее ранним завершением важнейшего социального процесса.

Рост и консолидация господствующего класса определили возрастание его силы, что привело к важным последствиям. Прежде всего сеньоры захватили собственность на всю землю. Это не значит, что крестьянские аллоды совершенно исчезли (на юге и на востоке их было больше, чем на севере). Суть происшедшей перемены заключается главным образом в том, что общинные земли (леса, пустоши, пастбища, выгоны, воды, дороги и т. д.), которые до X в. находились по большей части в совладении сеньора и общины, подпали под верховную собственность сеньора. Крестьяне продолжали пользоваться ими, но уже не бесплатно: сеньор взимал за это особые поборы. Важно подчеркнуть, что благодаря этому захвату процесс присвоения феодалами прав верховной собственности на все непахотные земли был доведен до конца и, следовательно, *весь* земельный фонд страны оказался в их руках.

Примерно в это же время получили широкое распространение сеньориальные баналитеты, т. е. монополия феодалов на мельницы, печи, виноградные прессы и т. п. Ранее многие водяные мельницы и общественные печи и прессы находились в общинном владении и использовались крестьянами сообща и бесплатно. Взимание сеньором особых поборов за пользование означало присвоение им и этих необходимых для крестьян сооружений. Иногда сеньоры сами возводили мельницы, печи и т. п., результатом чего было новое и значительное отягощение крестьянского хозяйству в пользу феодалов.

Возросшая мощь сеньоров, в особенности крупных, сказалась не только в установлении прав на общинные угодья и на общественные сооружения. Не менее ярко она проявилась и в присвоении политической власти. Законченная система феодальной иерархии земель и лиц была достигнута главным образом путем субинфеодации, т. е. передачи части земельного фонда сеньории вассалам, которую практиковали феодалы всех рангов, кроме «однощитных» рыцарей. Субинфеодация приняла во Франции в X–XI вв., особенно на севере, очень широкий размах и сопровождалась значительным распылением политических прерогатив.

В первую очередь раздробилось судопроизводство, осуществлявшееся ранее

государственной властью в центре и королевскими чиновниками на местах. Владельцы сеньорий разных размеров и разного ранга присвоили (в разном объеме) также и судебные права – от низшей юстиции, занимавшейся мелкими проступками, до высшей, ведавшей уголовными делами, сеньориальные курии (т. е. суды) были источником значительных доходов, так как взимание судебных штрафов венчало собой рассмотрение подавляющего числа дел. В пределах своих сеньорий феодалы, особенно крупные, с немалой выгодой для себя собирали мостовые, паромные, дорожные, рыночные и другие пошлины.

Значительная экономическая замкнутость сеньорий и политические прерогативы превратили феодалов в мелких государей. Казалось бы, это обеспечивало неограниченный простор их своеволию. В отдельных случаях оно, действительно, могло принимать гиперболические размеры. Однако этим центробежным тенденциям противодействовали основные социальные интересы класса в целом, которые способствовали выработке определенных норм и понятий, стеснявших до известной степени дворянскую вольницу.

В итоге субинфеодации сократились огромные свиты магнатов и почти все феодалы расселились по замкам; это значительно развило и укрепило вассальные связи, так как обычай установил между сеньором и вассалом сложные многосторонние отношения, а нормы феодального права регулировали их во всех деталях. Нарушение этих правил приводило к «бесчестью», к потере репутации, и нередко кончалось изгнанием провинившегося из среды господствующего класса не только данной области, но и всей страны. Вассальные обязанности заставляли феодалов проводить периодически довольно много времени либо в замке сеньора за обсуждением его дел и отправлением судопроизводства, либо в его отряде. Обязанности включали также и уплату порой значительных «помощей» (aides): для выкупа сеньора из плена, для устройства празднеств по случаю посвящения в рыцари его старшего сына или свадьбы старшей дочери. Замок сеньора среднего ранга, сравнительно скромный как по размерам, так и по степени укрепленности, бывал временами наполнен вассалами до отказа, а временами в нем обитали лишь хозяева и слуги. Однако вассалы всегда могли быть собраны довольно быстро, ибо расстояния между замком сеньора и их владениями были, как правило, очень невелики.

В это же время выработалось классовое самосознание феодалов. Они предъявили претензию на монопольное обладание «благородством» как в прямом, так и в самом широком смысле этого слова. В сочетаниях с другими добродетелями профессионального воина и вассала – храбростью, верностью, стойкостью в защите чести и т. д. – это понятие благородства нашло себе наиболее полное выражение в институте освященного церковью «рыцарства» – общности всех благородных воинов, равных между собой. Рыцарство идеологически сплачивало все слои класса и несколько стирало их имущественное неравенство. Оно также способствовало резкому отделению феодалов от «неблагородных», т. е. от остального населения.

Всех этих связей, скоро ставших традиционными, было в тех условиях достаточно для проявления классовой солидарности перед угрозой со стороны крестьянства и, отчасти, для сплочения перед внешней опасностью. Значительно менее эффективно сказывались они в спорах из-за земли.

В X в., т. е. в период оформления феодальной иерархии и вассалитета, раздоры из-за земли или при определении границ сеньорий решались в большинстве случаев в яростных войнах между родичами или соседями. Развитая система вассалитета несколько смягчила феодальную анархию, но была бессильна ликвидировать ее полностью, ибо сама эта система покоилась на признании каждого феодала политическим владыкой в его сеньории. Справиться с феодальной анархией могли лишь территориальные владыки в пределах своих княжеств.

* * *

Последний этап в складывании французского зависимого крестьянства был несколько

более долгим, чем аналогичный процесс для господствующего класса. Кроме того, он привел к несравненно большей пестроте форм и отношений.

Ни в чем, может быть, разнообразие местных условий не сказалось столь выразительно, как в положении крестьян в X–XI вв., а отчасти и позже. Дело не только в бесконечном множестве местных терминов (юридических и бытовых) для определения различного статуса крестьянина и его многочисленных повинностей. Суть заключается в том, что само по себе положение феодально зависимого крестьянина допускало многие формы зависимости – от крепостного состояния до лично свободного с фиксированным оброком.

Благодаря исследованиям французских историков [83], становится все более и более очевидным то обстоятельство, что даже в период наибольшей нивелировки в положении крестьян в X–XI вв., когда, казалось бы, должны были исчезнуть следы их происхождения от галло-римских рабов и колонов, с одной стороны, и свободных франков и бургундов, с другой, – на деле эти следы все же сохранялись. Они находили себе выражение в разном размере и разном типе повинностей, а позже сказались и в разных формах освобождения от личной зависимости.

Это весьма важное наблюдение дает ключ к пониманию многих явлений в социально-экономической жизни французского крестьянства. В частности, оно объясняет отсутствие для многих групп крестьянства обязательного прикрепления к земле. Французский серв (крепостной) далеко не всегда был неразрывно связан со своим наделом. Это касалось как сравнительно недавно «посаженного» на землю дворового человека из числа бывших рабов, так и потомка свободного германца, сидевшего на своем же бывшем аллоде. В первом случае право «разъединить» человека и землю принадлежало сеньору, во втором – сам крестьянин еще не превратился в придаток к земле.

Однако ни явления подобного типа, ни само разнообразие форм крестьянской зависимости не дают оснований считать процесс феодализации во Франции незавершенным. Нигде и никогда феодальное крестьянство не было вполне однородным по своему положению и обязанностям. Для определения завершенности процесса феодализации гораздо важнее то, что основное средство производства – земля – составляло монопольную собственность господствующего класса, т. е., как уже было сказано, могло принадлежать лишь феодалам.

Одной из особенностей аграрного строя Франции было раннее исчезновение манса, т. е. тяглового надела определенной величины. Первоначально он был довольно велик и соответствовал (более или менее) большой семье. Затем на нем появилось несколько малых семей. Процесс распадения манса, начавшийся уже в IX в., завершился в X–XI вв. В экономически передовых областях он происходил скорее, в других – медленнее, но даже там не везде имело место его деление на половины, четверти и т. д., очень долго сохранявшееся в Германии и Англии. Во Франции новые тягловые единицы не были связаны с прежней, а определились в результате наследования, дробившего пахотные участки без соблюдения жестких норм единообразного надела или его частей. Причину распадения манса следует искать в подъеме сельского хозяйства. Расчистка нови, расцвет виноградарства, улучшение агротехники сыграли важную роль в сильном сокращении пахотной площади, необходимой для нормального хозяйствования малой семьи. Поэтому в первой половине XI в. отчетливо выступает система обложения повинностями не надела, но каждого крестьянского хозяйства в зависимости от его хозяйственного оснащения, т. е. наличия пашни и соответствующего количества тяглового скота.

Трудно говорить о всеобщем господстве барщины в исследуемый период. Она, несомненно, преобладала в церковных крупных сеньориях (но даже в них не повсюду),

---

[83] См.: P. Petot. L'heredite de la condition servile en France au moyen age. – «Melanges Philippe Meylan», t. II Lausanne, 1963; и особенно статьи М. Блока, собранные в посмертном издании: M. Block. Melanges historiques, t. 1. Paris, 1963. Статьи по истории серважа см. также в сборниках: «Melanges P. Petit». Paris, 1959; «Recueils de la societe Jean Bodin», t. IV. Le servage. Bruxelles, 1952.

однако церкви принадлежало не более трети всех земель Франции. В светских сеньориях, особенно мелких, полевая барщина должна была уступить место натуральному оброку. Часто встречавшейся нормой полевой барщины, на которую крестьяне являлись со своим тягловым скотом и своими орудиями, были три дня в неделю. Но к этим работам добавлялись очень трудоемкие строительные и транспортные повинности. Старые (т. е. взимавшиеся и до X в.) натуральные и денежные оброки были в X – начале XI в. сравнительно невелики и составляли лишь дополнение к барщине. Однако их пропорция была более значительна в феодальной ренте, взимавшейся с крестьян, плохо обеспеченных землей, не имевших тяглового скота и не обязанных полевой барщиной.

Личные повинности зависимых крестьян отличались большим разнообразием и варьировались не только от области к области, но даже внутри одной сеньории, что в большинстве случаев объяснялось различием в их статусе, о чем уже была речь. Считается, что наиболее распространенным было сочетание четырех сервильных повинностей: 1) шеважа (т. е. «поголовного» обложения), по размерам незначительного, 2) формарьяжа (т. е. «брачного» побора за брак с лицом, не подчиненным данному сеньору), размер которого был фиксирован обычаем, 3) менморта («посмертного» побора с наследства) – обычно это была лучшая голова скота и 4) произвольной тальи, т. е. натуральных и денежных платежей по усмотрению сеньора. Материально последняя повинность была наиболее тяжелой, юридически же сервильное состояние крестьянина обычно определяла уплата шеважа.

Состояние источников не дает возможности определить хотя бы приблизительно общее число крестьян-сервов по отношению к другим группам крестьянства, повинности которых состояли из фиксированных оброков. Возможно, что в X–XI вв. сервы были не только многочисленны, но и составляли большинство [84].

Появление в X в. новых поборов и повинностей, о которых уже была речь (плата за пользование общинными угодьями, баналитеты), а также увеличение взимавшейся церковью десятины свидетельствуют об усилении феодальной эксплуатации. Но этот же факт заставляет обратить внимание и на возросшую продуктивность крестьянского хозяйства, без которой оно быстро оказалось бы на грани истощения. Несомненно, что сеньоры стремились эксплуатировать именно эту возрастающую продуктивность, создававшуюся крестьянином в своем хозяйстве, а не на барском поле; если бы дело обстояло иначе, они увеличили бы число барщинных дней. В этом отношении чрезвычайно характерен самый тип повинностей, увеличенных или впервые появившихся в X – первой половине XI в. Все они представляют собой натуральные и денежные платежи: зерно за помол и выпечку хлеба, скот и вино за пастбища и пресс, деньги за угодья и т. д. Из всех видов отработочной ренты возросли лишь строительные и транспортные работы, особенно нужные сеньорам в X–XI вв., когда Франция покрылась густой сетью замков. Полевая барщина не только не была увеличена, но даже незаметны были тенденции к ее увеличению.

Возможно, именно это обстоятельство наложило свою печать на характер крестьянского сопротивления в ту пору. Крестьянство отнюдь не пассивно отнеслось к усилению эксплуатации. Наиболее ярко это сказалось в восстании 997 г., вспыхнувшем по всей Нормандии[85]. Крестьяне требовали восстановления своих прежних прав на свободное и бесплатное пользование общинными угодьями. Восстание было жестоко подавлено нормандскими феодалами, объединенными под руководством герцога. Однако несомненно, что происходившее повсюду сопротивление крестьян привело к компромиссу в установлении *размеров* поборов за пользование общинными угодьями.

---

[84] Источники лучше всего обрисовывают положение крестьян в церковных сеньориях. Именно там большинство крестьян состояло из сервов. Однако церковь владела лишь примерно третью земли.

[85] *А. С. Бартенев.* Из истории крестьянского восстания в Нормандии в конце X в. – «Уч. зап Пед. ин-та. им Покровского», т. V. Д., 1940.

В XI–XIII вв. жизнь французской деревни стала протекать – и чем дальше, тем все больше – под значительным воздействием расцветавших в ту пору городов. Города и села были территориально связаны друг с другом; почти повсюду (кроме горных районов) городов было много и тяготевшие к ним сельские округа не превышали в диаметре 20–25 км. Городское население первоначально целиком состояло из сельских пришельцев, а в дальнейшем непрестанно пополнялось ими. Наконец, многие деревни постепенно сами превратились в города.

В X–XI вв. рост городов происходил постепенно и их экономическое воздействие на деревню не могло сказаться быстро; горожане еще не вполне оторвались от занятий сельским хозяйством. Подъем агротехники только начинался, еще велика была экономическая замкнутость областей, часты неурожаи и голодовки, вызвавшие в конце XI в. волну крестьянской эмиграции – в 1-м крестовом походе участвовало много французских крестьян. Положение стало изменяться в XII в., когда начались массовые расчистки, а быстро развивавшиеся города предъявляли все возраставший спрос на продовольствие и сырье. Кто же поставлял их на городской рынок – сеньоры или крестьяне? Чье хозяйство становилось товарным в большей степени?

Эта проблема еще не разработана в должном объеме, но уже вполне четко поставлена, в частности в советской науке. Ясно, что сперва поставщиками сельскохозяйственной продукции были как крестьяне, так и, главным образом, феодалы, причем церковные сеньоры были в этом отношении гораздо активнее светских. Однако уже в XIII в. перевес стал склоняться на сторону крестьян. В этом убеждает эволюция натуральной и денежной ренты.

В XI–XII вв. происходило постепенное вытеснение полевой барщины натуральным оброком (строительные и транспортные повинности сохранились гораздо дольше). Если обязанность работать на барской запашке свелась в конечном счете (в XIII–XIV вв.) к нескольким дням в году, то все *новые* повинности (баналитеты и т. п.) обязательно выражались в оброчной форме – взносах зерном, вином, скотом. Сокращение барщины означало если еще не полное исчезновение барской запашки, которое относится к XIII–XIV вв., то во всяком случае уменьшение ее до таких размеров, что она могла быть обработана несколькими дворовыми с помощью барщинников, привлекавшихся лишь на несколько дней для уборочных работ. Характерно, что уже в первой половине XII в. Сугерий, аббат крупнейшего Сен-Денийского монастыря, расположенного рядом с Парижем, роздал крестьянам немалую часть монастырской земли за натуральный оброк, чем увеличил доходы аббатства. Но в целом в церковных сеньориях барская запашка и барщина сохранялись дольше, чем в светских, где уже в XIII в. остались преимущественно лишь виноградники, луга, леса. В XV в. барская запашка исчезла даже в наиболее консервативных по типу своего хозяйства церковных сеньориях.

Благодаря росту натурального оброка в руках сеньоров скапливались немалые излишки, поступавшие на ближайший городской рынок или на местную ярмарку. Однако и крестьяне не оставались в стороне – об этом свидетельствует хотя и медленное, но неуклонное возрастание в XII в. денежного оброка (ценза). С XIII в. перевес склонился в пользу товарности крестьянского хозяйства и отчетливо наметился путь дальнейшего развития французского крестьянства в сторону упрочения его экономической самостоятельности и социальных позиций.

Преодоление феодальной раздробленности

Начавшийся в XIII в. процесс преодоления феодальной раздробленности представлял собой закономерное следствие подъема городов и сельского хозяйства. Следует подчеркнуть, что представление о «собирании земель» только из центра (т. е. королями) является упрощением. На деле сперва происходило усиление политической власти *всех* территориальных владык, в том числе и короля, в пределах их владений, и оно совершалось

более или менее синхронно и единообразно по всей стране. Лишь затем началось расширение королевского домена за счет крупных феодальных владений, т. е. складывание национального государства.

Раздробление политической власти между членами господствующего класса, достигшее апогея в середине XI в., естественно, привело к обострению политических противоречий между отдельными его группами, сформированными на основе вассальных связей по территориальному принципу. Низшие рыцари не представляли собой в ту пору цельной для всей страны политической силы; они зависели от своих сеньоров и распадались на подчиненные им отряды. Королю, герцогам, графам необходимо было в первую очередь ликвидировать своеволие и независимость своих прямых вассалов (баронов), т. е. феодалов среднего ранга. Французские местные хроники XI–XII вв. изобилуют рассказами о бесчисленных военных экспедициях и сражениях, о денежных сделках, удачных брачных договорах и т. п., ценой которых добывалось *реальное* господство графа или герцога сперва над сравнительно небольшими территориями, затем над всем графством или герцогством[86]. Длительность этого этапа, занявшего собой XI–XII вв., объясняется как немалым числом непокорных баронов, так и относительно слабыми силами самих феодальных владык, располагавших вначале лишь своими рыцарскими отрядами и денежной помощью церкви, на земли и богатства которой претендовали бароны. В XII в. сильную поддержку централизаторским усилиям стали оказывать города, предоставляя деньги и вооруженные отряды городской милиции. Известная политическая консолидация больших областей отвечала насущным потребностям городов и помогала им в борьбе с их сеньорами за коммунальную свободу. На данном этапе союз городов с властителями крупных феодальных княжеств характерен для всей страны: он естественно вытекал из общности целей обеих сторон, заинтересованных во внутреннем порядке и безопасности торговых путей.

В результате к концу XII в. эта политическая консолидация областей заметно продвинулась вперед, особенно в экономически развитых районах (в гористых областях она растянулась на больший срок). Вместо «разбойничьих» замков, во всех стратегически и экономически важных пунктах возвышались крепости, начальники которых (шателены) были поставлены королем (или, соответственно, герцогом, графом). Дороги, рынки, переправы охранялись; королевский (герцогский, графский) суд был доступен для всех лично свободных людей. Дворянская вольница оказалась под известным контролем.

Успех этой политики был в немалой степени обеспечен эмиграцией значительной части французского рыцарства и баронов. В XI в. они составили армию нормандского герцога Вильгельма Завоевателя и помогли ему захватить Англию; они воевали с арабами в Испании, они же с конца XI в. и вплоть до конца XIII в. решительно преобладали во всех крестовых походах на Ближний Восток и в духовно-рыцарских орденах. Порой эта эмиграция принимала массовый характер (в завоевании Англии в 1066 г., в первом крестовом походе и т. д.). Причина ее крылась в материальной необеспеченности младших сыновей в рыцарских семьях – их сеньории были невелики и не допускали дробления, а земельный фонд многих областей Франции был уже в ту пору почти целиком освоен. Эмиграция была для этих «странствующих рыцарей» едва ли не единственным способом заполучить фьеф или нажить богатство где-то на чужбине. Поэтому избыточная – и наиболее предприимчивая – часть французского дворянства систематически покидала родину иногда на долгие сроки, а порой

---

86 Наиболее отчетливо этот процесс накопления владений на раннем его этапе прослежен для королевского домена (W. M. Newman. Le domaine royal sous les premiers capetiens (987-1180). Paris, 1937), но и в крупных феодальных владениях он происходил аналогичным образом. См., например, о Бургундии исследование Ришара (J. Richard Les dues de Bourgogne et la formation du duche du XI au XIV s. Paris, 1954). См. также сведения в многочисленных монографиях по истории всех французских провинций, изданных в сериях «Les anciennes provinces de France» и «Que saisje?»

Несмотря на популярный характер серий, авторы, по большей части крупные специалисты в своей области, дают ценный и свежий материал.

и навсегда [87].

Однако если деятельность королей по наведению порядка *внутри* домена вначале ничем не отличалась от аналогичной деятельности герцогов и графов, то вскоре к ней добавилась еще и задача *расширения* владений. Нельзя сказать, что у других владык не было таких же тенденций, но реализовать их было труднее – им ставили предел естественно сложившиеся границы герцогств и графств. Король же смог перешагнуть границы небольшого графства Парижского – в первую очередь в силу своего положения главы феодальной иерархии и верховного государя (суверена) над всей территорией страны. Под его властью накапливались различные территории (целые графства или их части), в то время как объединение под владычеством кого-либо из герцогов или графов нескольких крупных владений было, как правило, недолговечным.

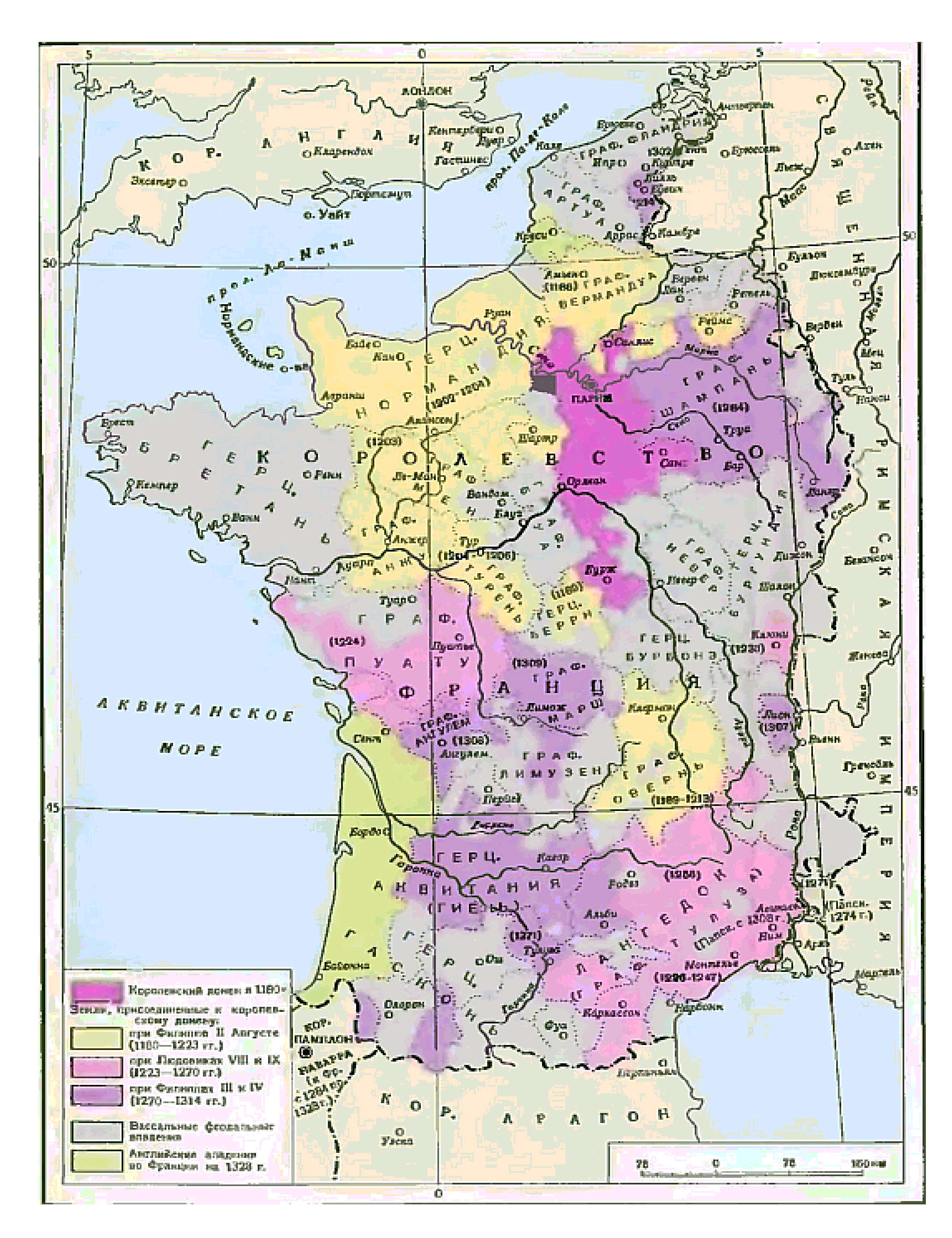
Кроме того, Капетинги очень быстро утвердили на практике принцип наследственности королевской власти путем приобщения к управлению старшего сына и его коронации еще при жизни отца. Благодаря бракам с последними наследницами каролингской династии, они упрочили династическую преемственность с Каролингами и унаследовали некоторые их поместья, разбросанные по северо-восточным областям. К тому же почти все графы в этой части страны были прямыми вассалами короля, и он вмешивался в их дела всякий раз, когда представлялся повод. Очень большую роль сыграло при этом освобождение городов, расположенных во владениях прямых вассалов, так как именно в качестве суверена король подтверждал городские «хартии вольностей» и получал за это деньги. В конце XII в. денежные доходы королевской казны уже достигали изрядных сумм, что позволяло королю покупать отдельные графства и епископства. Такими способами, а также наследованием владений при бездетности сеньоров, удачными браками членов своей семьи короли капетингской династии – Генрих I (1031–1060). Филипп I (1060–1108)[88], Людовик VI (1108–1137) и Людовик VII (1137–1180) постепенно наращивали домен, превращая его в компактный комплекс наилучших во Франции плодородных земель, расположенных по среднему течению важнейших водных артерий – Сены и Луары[89].

---

[87] G. Duby. Dans la France du Nord-Ouest au XIIe siecle: les «jeunes» dans la societe aristocratique. – «Annales E.S.R.», Paris, 1964, № 5.

[88] Франция XI в. и ее короли хорошо изображены в историческом романе А. Ладинского «Анна Ярославна – королева Франции» (М., 1961). Анна была женой Генриха I.

[89] J. Lemarignier. Le gouvernement royal aux premiers temps des Capetiens (987-1030). Paris, 1965; M. Pacault. Louis VII et son royaume. Paris. 1964.

Франция в XII – начале XIV в

Битва. Миниатюра конца XIII в.

Среди многих городов королевского домена все более и более выделялся Париж, превращаясь в крупнейший экономический, политический и культурный центр страны.

Однако во второй половине XII в. на пути утверждения власти короля в крупных княжествах Северной Франции встали серьезные препятствия. В 1154 г. граф Анжуйский Генрих стал английским королем, начав династию Плантагенетов. Его владения во Франции чрезвычайно увеличились еще в 1152 г., когда он женился на герцогине Альеноре Аквитанской сразу после ее развода с Людовиком VII. В качестве английского короля он владел также Нормандией и Мэном. У Капетингов оказался очень сильный и опасный враг, запиравший выходы к морю по Сене и Луаре и препятствовавший дальнейшей концентрации северо-западных земель вокруг королевского домена.

Филипп II (1180–1223), прозванный Августом, приложил значительные усилия, чтобы овладеть Нормандией и луарскими графствами Плантагенетов. Сперва он расширил свои владения на северо-востоке, использовав права суверена в борьбе, разыгравшейся вокруг наследования крупных графств, и присоединил в 1186 г. Вермандуа, а в 1189 г. Реймское графство. Он был женат на наследнице графства Шампань, что обещало в дальнейшем присоединение этой большой пограничной области, а пока позволяло употребить ее ресурсы на борьбу с Англией. В начале XIII в. король перешел в решительное наступление и за четыре года (1202–1206) отвоевал Нормандию, Мэн, Анжу и Турень. В 1213 г. он подчинил центральную область Овернь (графство Берри было присоединено еще в 1189 г.), в 1214 г. – Артуа на крайнем северо-востоке. В итоге основные северные области и часть центральных

оказались прочно сплоченными вокруг Парижа. Капетинги реально властвовали над половиной Франции.

XIII век по праву считается периодом блестящего расцвета феодальной Франции. В это время королевский домен охватил уже значительную часть страны, так как были присоединены также Пуату, Шампань, графство Тулузское, некоторые графства Аквитании. Крестовый поход северофранцузских рыцарей на юг (так называемые альбигойские войны), где получила широчайшее распространение ересь катаров[90], привел в конце концов к тому, что государем богатого Лангедока стал французский король. В начале XIV в. английские владения были сведены к прибрежной полосе между Бордо и Байонной, а королевский домен простирался от Фландрии до Средиземноморья, охватывая примерно три четверти территории страны; вне его оставались только Бургундия, Бретань и несколько аквитанских графств.

Внутренняя организация домена отличалась немалой пестротой. Присоединяя крупное феодальное владение, король в ту пору не переделывал его административной структуры. Он только замещал собой бывшего герцога или графа, перенимая все его политические и сеньориальные права. Он даже не всегда (особенно на первых порах) мог назначать на важнейшие посты своих ставленников, так как обычно торжественно обязывался соблюдать привилегии и кутюмы (местное право) провинции и не посягать на ее «вольности», среди которых едва ли не первое место занимали притязания местных феодалов на все административные функции. Поэтому специфика провинциального управления продолжала сохраняться и после присоединения, но следует учесть, что за вычетом нескольких действительно важных особенностей (главным образом в области налогов) она касалась деталей. По своему существу структура всех французских областей была в основном однотипной. Кроме того, в XIII в. короли еще не обладали достаточными возможностями для полной унификации страны – на это потребовалось почти пятьсот лет.

Деятельность Филиппа II Августа и особенно Людовика IX (1226–1270), прославившегося своим благочестием и мудростью, преследовала несколько целей: унифицировать хотя бы до известной степени управление доменом в узком смысле слова (т. е. теми владениями, где король имел всю полноту феодальных прав, включая и сеньориальные), организовать центральное управление в соответствии с расширившейся территорией, ликвидировать не только феодальную анархию, но и, по возможности, ее причины. Главные результаты предпринятых мер заключались в следующем[91].

Управляющие королевскими землями и чиновники королевских судов (прево, бальи, сенешалы), т. е. представители интересов короля как крупнейшего феодала всего королевства, внедрились во все провинции и образовали на местах как бы ячейки королевского аппарата. При слабых еще в ту пору экономических, социальных и административных связях наличие повсюду королевских чиновников, которые ревностно изыскивали (будучи в этом материально заинтересованы) предлоги для того, чтобы вмешаться в юрисдикцию сеньоров всех рангов и ущемить их судебные права и доходы, сыграло самую положительную роль. Королевские суды приобрели повсюду значительный авторитет. В них можно было апеллировать на любое решение феодальных судов, а важнейшие уголовные дела рассматривались только в королевском суде. Туда же мог обратиться любой феодал, получивший вызов начать феодальную войну, и суд рассматривал дело по существу. Этим способом для феодалов если не пресекалась, то затруднялась возможность с помощью оружия решать свои территориальные, имущественные и тому

---

90 О значении антицерковной ереси катаров см.: И. А Сидорова. О некоторых проблемах исследования средневековой культуры Франции. – «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 6.

91 Детальный обзор всех королевских, сеньериальных и церковных учреждений см. в большом коллективном труде под редакцией проф. Ф. Лота и Р. Фавтье: F. Lot et R. Fawiier. Histoire des institutions frangaises au moyen age, t. 1–3. Paris, 1957–1962.

подобные споры.

В Королевском совете – высшем политическом и административном органе государственной власти – происходила некоторая дифференциация функций. Выделилась особая судебная палата – Парижский парламент, ставший верховным судом всей страны (но за ним остались и многие административные обязанности). В Королевском совете существенную роль стали играть незнатные советники – знатоки права (легисты).

Королевская золотая монета, благодаря своему хорошему качеству и стабильности, начала вытеснять монеты, выпускавшиеся крупными феодалами. Это укрепляло и расширяло торговые связи. В XIII в. король стал признанным сувереном почти всех городов; они находились под его покровительством и защитой, уплачивая в казну фиксированный побор (городскую талью).

Судебная, административная и монетная реформы служили не только политическому укреплению центральной власти. Они умножали и доходы казны. Если в самом начале XIII в. (первый из дошедших до нас бюджетов относится к 1202–1203 гг.) все поступления в казначейство составлялись из двух примерно равных частей – сборы с городов, феодалов и церкви, с одной стороны, и доходы от королевского домена, с другой (судебные штрафы, доходы от лесов и королевских поместий), то в период долгого правления Людовика IX сильно возросли именно доходы с домена, причем главная их часть поступала из королевских судов[92]. Политическая мощь короля возрастала параллельно увеличению его доходов.

Перемены в положении классов в XIII веке

В этом же сравнительно мирном и благополучном XIII в. произошли важные перемены в положении классов и сословий французского общества.

Важнейшей переменой следует признать начавшееся освобождение крестьян от личной зависимости[93]. Сокращение барской запашки, которую сеньоры раздавали крестьянам за натуральный и денежный ценз (поэтому такие участки стали называться цензивами, и впоследствии этот термин распространился на все крестьянские земли), способствовало исчезновению не только барщины, но и серважа, так как отсутствие потребности в принудительном труде делало личную зависимость ненужной. Отдельные случаи выкупа бывали в XI–XII вв., но в XIII в. он принял в экономически развитых районах массовый характер. Специфика этого процесса во Франции заключалась в том, что во многих случаях освобождение от личной зависимости происходило в форме выкупа четырех сервильных повинностей: шеважа, формарьяжа, менморта и произвольной тальи. Но бывали и другие формы выкупа, определявшиеся разной степенью зависимости (например, если бывшие госпиты, занявшие когда-то новые расчищенные участки, не были обременены всеми сервильными повинностями). Выкупались как отдельные лица и семьи, так и целые деревни и даже группы деревень; в таких случаях инициатива исходила от сеньора, заинтересованного в получении крупной суммы. Цена выкупа устанавливалась в результате соглашения (иногда долгих споров) с сеньором и поэтому не была стабильной. Выкуп оформлялся особым документом, в котором были определены следуемые в дальнейшем с крестьян повинности; главное место среди них занимал денежный фиксированный ценз.

Светские сеньоры и король охотнее и дешевле, чем церковные учреждения, продавали

---

[92] Финансовые документы королевской власти за XIII–XIV вв. см. в обширной публикации под редакцией Ланглуа и Фавтье: «Documents financiers», t. 1–5. Paris, 1899–1965.

[93] 25 Основной труд по этому вопросу принадлежит М. Блоку (M. Block. Rois et serfs – un chapitre d'histoire capetienne. Paris, 1920). См. также его статьи, собранные в посмертном издании: M. Block, Melanges historiques, t. 1 et 2. Paris. 1963. Современные исследователи (Ch. Perrin, L. Verriest и др). полемизируют с некоторыми взглядами М. Блока (см.: Ю. Л. Бессмертный. Феодальная деревня и рынок…, стр 308–327).

хартии освобождения, ибо больше нуждались в деньгах (как правило, в крупных единовременных взносах), нежели богатая церковь, на землях которой дольше сохранялась барщина. По – видимому, по этой причине в крестьянском восстании «пастушков» (1251 г.) в Северной Франции главным объектом ненависти восставших была именно церковь[94].

Выкуп крепостной зависимости не мог быть осуществлен без достаточного развития денежной ренты и являлся важным признаком возросшей товарности крестьянского хозяйства. Однако далеко не все крестьяне обладали порой значительными деньгами, необходимыми для освобождения; многие брали их в долг у городских ростовщиков или у разбогатевших управляющих сеньориями. Обеспечением долга служила земля, т. е. появилась ипотека.

Развившийся в XIII в. процесс освобождения крестьян продолжался в XIV в., а отчасти и дольше. Хотя отдельные группы сервов сохранились во Франции вплоть до революции (главным образом в экономически отсталых восточных провинциях), но в целом французское крестьянство приобрело в XIII–XIV вв. личную свободу. Конкретно это означало свободу наследования и брака, а также охрану имущества от произвольного сеньориального обложения, что в экономическом отношении было самым главным. Однако эти благоприобретенные права на имущество крестьянам пришлось в дальнейшем неоднократно отстаивать в борьбе со стремлением феодалов увеличить феодальные платежи[95].

В социальном плане не меньшую важность имело освобождение от сеньориальной юрисдикции; в качестве лично свободных людей крестьяне могли обращаться в королевский суд.

При освобождении крестьяне сохранили все свои права наследственных держателей земли, пользующихся за плату общинными угодьями; никаких дополнительных денег за землю они не платили. Освобождение подняло также их социальное положение и приблизило его к положению мелких городских ремесленников.

Очень велики были социально-экономические результаты освобождения крестьян, полностью сказавшиеся в последующие столетия. Усилилась имущественная дифференциация крестьянства, т. е. выделение из его среды немногочисленных богатеев и слоя малоземельных и даже безземельных бедняков, существовавших благодаря огородам, общинным выпасам, найму на сезонные работы, домашнему ремеслу либо покидавших деревню ради города. Освобождение обеспечило беспрепятственный отлив в города рабочей силы, развитие в деревне временного наемного труда и возможность проникновения в сельские местности скупщика земли (главным образом горожанина). Неравноправность крестьянина сохранилась, но она мало чем отличалась от сословной ущемленности мелких ремесленников. Главное же, она не мешала крестьянину приобрести права юридического лица. Именно поэтому его владение землей стало приближаться к фактической собственности. Он по своей воле продавал, покупал, закладывал землю, дробил свой участок. Согласие сеньора на все эти сделки сделалось уже в XIV–XV вв. скорее формальностью (он даже был заинтересован в мобильности земли, поскольку каждая ее продажа или покупка облагалась пошлиной в его пользу, а ценз продолжал поступать и с нового владельца).

Освобождение сыграло большую роль и в политическом плане. Оно способствовало умалению сеньориальной юрисдикции, являвшейся оплотом политической власти феодалов. Оно ослабило патриархальные узы, связывавшие крестьян с сеньором, и до известной степени вывело их за узкие пределы сеньориального мирка. Оно привело к превращению

---

[94] В. Л. Керов. Восстание «пастушков» в Южных Нидерландах и Франции в 1251 г-«Вопросы истории», 1956, № 6.

[95] Следует учесть, что речь идет только о повинностях сеньору, а не о королевских налогах. Феодальная рента значительно повысилась лишь в XVIII в., с наступлением так называемой феодальной реакции.

зависимой общины в сельскую коммуну лично свободных крестьян. Оно же – и в данных условиях это было самым важным итогом – открыло широкие возможности непосредственной эксплуатации крестьян государством путем налогов, что создало прочную материальную основу для развития самого государства.

Эволюция господствующего класса в XIII в. во многом зависела от перемен в положении крестьянства. Такие явления, как сокращение барской запашки, появление и быстрое развитие денежной ренты и т. п., означали, что крестьяне уже начали вытеснять феодалов с городского рынка в качестве продавцов сельскохозяйственной продукции. Даже в тех случаях, когда у церковных сеньоров скапливались значительные количества зерна, скота, вина (поступавшие главным образом от десятины), они предпочитали продавать их оптовым торговцам, в роли которых нередко выступали управляющие поместьями, а не реализовать их самостоятельно в городах. В доходах сеньоров все большее место стали занимать деньги: ценз с крестьянской земли, денежные поборы за баналитеты. Сокращение непосредственной эксплуатации домениальной земли наблюдается в XIII в. даже у церковных сеньоров.

В то же время потребность сеньоров в деньгах все время возрастала. Простой быт дворянства испытывал сильное воздействие восточного образа жизни благодаря крестовым походам. Вооружение рыцаря стало более сложным и дорогим. В замковых покоях появилась удобная резная мебель, на стенах висели ковры (так называемые шпалеры) и драпировки. Нарядная одежда делалась из узорчатых шелковых и парчовых тканей, дамы и рыцари украшали себя драгоценностями. Приправленная дорогими пряностями пища стала вкуснее и изысканнее, появились ценные сорта вин. Не одна лишь знать и бароны, но и рыцари все чаще пользовались услугами городских купцов и ремесленников, все чаще им приходилось прибегать и к помощи ростовщиков. Мобильность захватила также и дворянскую землю – ее отдавали в залог, и это стало обычным явлением, приводя зачастую к продаже отдельных частей фьефов – лугов, лесов, виноградников, ценза и прочих повинностей (продажа целых сеньорий была в XIII в. еще редким явлением).

Покупателями по большей части выступали крупные феодалы, церковь, король, иногда богатые купцы. В целом, эти продажи означали не утрату дворянством земли, но ее перераспределение внутри господствующего класса.

Как материальное благополучие, так и политическая власть феодалов потерпели ущерб в итоге освобождения городов, усиления королевской власти и значительного сокращения сеньориальной юрисдикции. Наиболее отчетливо эти перемены сказались на положении низшего дворянства – рыцарей. Неудачи последних крестовых походов (7-й и 8-й крестовые походы Людовика IX в Египет и в Тунис) закрыли перед французским рыцарством возможность эмиграции на Восток. Главным поприщем приложения его сил стала королевская армия, в которой малопригодное для длительных войн феодальное ополчение все больше заменялось новыми формами военной службы.

В качестве показателя значительного развития денежных отношений и усиления центральной власти может служить характерный институт фьефа-ренты [96]. Эта промежуточная форма между чисто феодальной системой рыцарского ополчения и военным наемничеством достигла во Франции максимального распространения в XIII–XIV вв. Она заключалась в том, что рыцарю-вассалу предоставлялась не земля (фонд свободных земель во многих местах Франции был полностью исчерпан), а денежная пожизненная рента. Она связывала рыцаря с сеньором (в большинстве случаев – с королем) столь же прочно, как и вассалитет по земле, т. е. обеспечивала верность вассала. Рыцарю она предоставляла регулярный доход и завидное положение воина в королевской армии, Количество фьефов-рент зависело лишь от денежных возможностей и при благоприятных

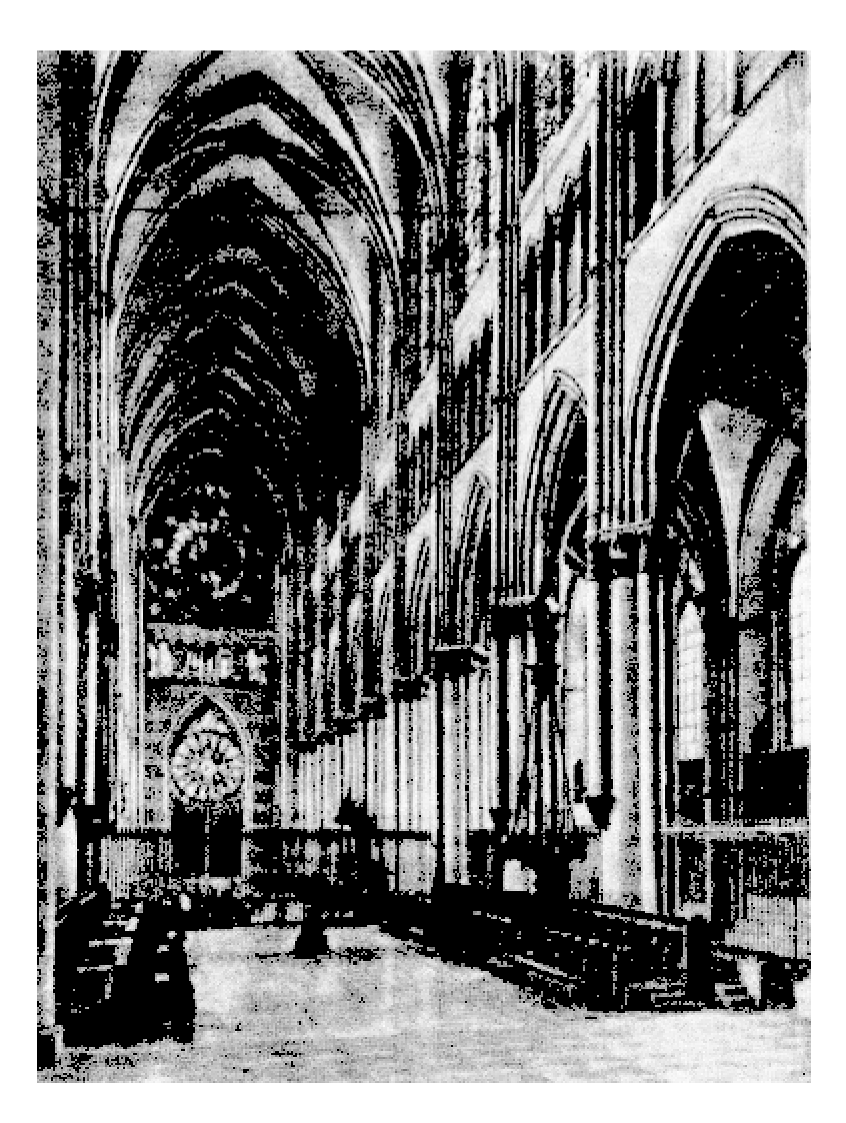
[96] M. Sczaniecki. Essai sur les fiefsrentes. Paris, 1946; R. Lyon. From Fief to Indenture. The Transition from Feudal to Nonfeudal Contract in Western Europe. Cambridge (Mass.), 1957; Ю. Л. Бессмертный. Изменение структуры межсеньориальных отношений в Восточной Франции XIII в. – «Средние века», вып. 28, 1965.

обстоятельствах могло сильно возрастать. Фьефы-ренты значительно увеличили рыцарские контингенты в королевской армии и до известной степени содействовали сплочению французского рыцарства вокруг короля. Это была, однако, лишь первая стадия в процессе притяжения центральной властью низших слоев дворянства всей страны. Сам по себе институт фьефа-ренты не мог разрушить вассальные связи между крупными феодалами и их рыцарями, базировавшиеся на феодальной иерархии земель.

В XIII в. северофранцузские города достигли значительного расцвета. Возрос объем их ремесленной продукции, упрочились торговые связи в пределах почти всей северной части страны, равно как и с другими странами (на шампанских ярмарках). Наоборот, южные города пострадали в результате альбигойских войн и ликвидации государств крестоносцев на Леванте. К концу столетия они оправились, но в средиземноморской торговле им было трудно конкурировать с чрезвычайно усилившимися в XIII в. итальянскими городами-республиками.

Беспрепятственное развитие ремесла и торговли, обеспеченное самоуправлением городов, усилением королевской власти и притоком выходцев из деревень, способствовало значительному в тех условиях росту городского населения. В начале XIV в. в Париже было около 100 тыс. жителей, в Руане – около 70 тыс. и т. д. Средние города насчитывали 5–6 тыс. жителей, и подобных городов было много.

Рост городов, особенно коммун, ускорил социально-экономическую дифференциацию городского населения и обострил противоречия между отдельными его слоями. Богатые купцы и мастера монопольно овладели всеми органами самоуправления, демократия эпохи «коммунальных революций» пошла на убыль. Олигархия жестоко эксплуатировала путем городских налогов основную массу мелких ремесленников и торговцев, используя муниципальные финансы в своих интересах. В крупных центрах появились значительные по тому времени контингенты чернорабочих (по большей части из пришлых элементов), не обеспеченных регулярным заработком и лишенных всяких прав. Не раз французские города становились ареной восстаний «мелкого люда», к которому порой примыкала и основная масса ремесленников. Это давало повод королю вмешиваться во внутренние дела коммун и контролировать до известной степени их финансовую деятельность в целях увеличения доходов государственной казны. Обострение социальных противоречий в городах при наличии усиливающейся королевской власти привело к тому, что политическая независимость коммун становилась для городской верхушки обстоятельством скорее опасным, чем благоприятным. Этим объясняется постепенная утрата коммунами их исключительных привилегий, что способствовало значительному уравниванию городов и национальному сплочению. Центральная власть, преодолевая феодальную раздробленность и феодальную анархию, создавала такие условия, при которых экономические функции городов могли развиваться и дальше, а их политическая независимость теряла смысл и становилась ненужной.

Собор в Реймсе. XIII в .

Развитие и сплочение феодальных сословий и городов имели результатом начавшееся еще в XII в. постепенное складывание в XIII в. сословного представительства[97]. Во Франции существовали как местные сословные учреждения – провинциальные штаты (термин etats означает и сословия, и их собрания) так и Генеральные Штаты, представлявшие всю страну. Однако между этими формами сословного представительства не было организационной связи. Провинциальные штаты оказались очень долговечными: они существовали самостоятельно и собирались с регулярной периодичностью, представляя собой политический и административный орган в пределах провинции. Они были связаны с сословными собраниями, функционировавшими в мелких областях (pays), на которые делилась провинция. Наоборот, Генеральные Штаты созывались лишь по инициативе короля и, за исключением некоторых периодов, действовали с большими промежутками. Они не приобрели никаких административных функций; последние целиком были возложены на

---

97 После устаревшей работы Ж. Пико (C. Picot. Histoire des Etats Generaux. 2[eme] ed. t. 1–5. Paris, 1888) большие сводные исследования пока отсутствуют; краткий обзор имеется в книге: C. Soule. Les Etats Generaux de France (1302–1789). Heule, 1968. Локальные монографии посвящены штатам отдельных провинций. Много материала имеется в трудах Международной комиссии по истории представительных учреждений («Etudes presentees a la Commission Internationale pour l'histoire des assemblees d'eta'ts», t. 1-35, Louvain – Paris, 1937–1969, там же библиография). О Генеральных Штатах начала XIV в. см.: Н. А. Денисова. Духовенство и дворянство на Генеральных Штатах 1302–1308 гг. – «Средние века», вып. 29, 1966; она же. К вопросу о политической роли горожан на Генеральных Штатах Франции начала XIV в. – «Вестник МГУ», 1966, № 3.

центральный королевский аппарат.

Такая организация соответствовала историческому ходу сплочения отдельных областей Франции в единое государство и отражала значительную самостоятельность провинций.

Местные штаты сложились путем регулярного созыва герцогом (или другим территориальным властителем) не только своих прямых вассалов (те издавна составляли его совет), но также рыцарей и горожан. Такая мера была естественна в процессе политической консолидации области, умаляя роль баронов и содействуя усилению герцогской власти. Она отражала также возросшую роль как городов, так так и рыцарства в армии и их более тесную связь с герцогом. Поголовное присутствие рыцарей на собраниях местных штатов оказывалось вполне возможным и в некоторых провинциях сохранялось очень долго. Города области посылали своих мэров; от церковных учреждений присутствовали епископы, аббаты и деканы церковных капитулов. Такое собрание сословий фактически исключало выборность, численное превосходство было у рыцарей. Собрание вотировало денежную «помощь» (aide), которая взималась сверх обозначавшейся тем же термином вассальной повинности рыцарей. Реально ее уплачивали все жители городов и сел, но взималась она сеньорами (духовными и светскими) и городскими властями. Таким образом, феодалы сами не платили и лишь давали согласие на обложение своих «подданных», оставляя себе за труды по взиманию денег известную часть собранных сумм. Это была эмбриональная форма государственного налога, ибо он взимался лишь в масштабе провинции; притом герцог (или граф) еще не имел прямого доступа к кошелькам всего населения своей области и был вынужден прибегать к посредничеству городских властей и всех сеньоров. Когда же появились настоящие государственные налоги, такой порядок содействовал оформлению в XIV в. налогового иммунитета французского дворянства и церкви.

В течение XIII в. для решения, главным образом, финансовых дел короли также неоднократно призывали к себе представителей от «добрых городов» (так стали называться города королевского домена) или от своих рыцарей. В начале XIV в. несколько раз были собраны представители сословий из всех областей королевского домена – Генеральные Штаты, причем каждый раз причина созыва имела политический характер: Филипп IV стремился получить поддержку рыцарства и городов в своей борьбе с папством и с верхами французской церкви. Но по-настоящему, как общепризнанный институт, Генеральные Штаты утвердились лишь позже, главным образом в связи со Столетней войной, когда потребовалась регулярная денежная помощь всей страны. Характерно, что порой одновременно собирались Штаты Лангедока (так стала называться в XIII в. вся территория провансальского языка) и Штаты Лангдойля (на территории северофранцузского языка). Таким образом, Генеральные Штаты иногда распадались в XIV в. на собрания, происходившие на территориях двух народностей.

Примерно с середины XIV в. структура Генеральных Штатов стала своеобразным отражением не только социального состава Франции, но и различного политического веса сословий. Палата первого сословия (духовенства) состояла обычно из самых крупных его членов – архиепископов, епископов, аббатов больших монастырей. Фактически они не выбирались, а участвовали в Штатах благодаря своему сану. Второе сословие (дворянство) посылало своих выборных представителей, так как присутствовать полностью оно уже не могло. Высшая светская знать в эту палату не входила: герцоги и графы, как прямые вассалы короля и члены его совета, не смешивались с депутатами. От «добрых городов» (термин «третье сословие» появился лишь в конце XV в.) призывались преимущественно мэры и члены муниципалитетов, т. е. опять-таки по должностям.

Уже на первых Генеральных Штатах правительство запрашивало мнение каждого сословия в отдельности, так как было важно получить поддержку городов и рыцарей против церкви. В дальнейшем за каждой палатой также сохранился лишь один голос (но для принятия решения внутри палаты требовалось большинство голосов). Как правило, это служило интересам королевской власти, позволяя ей маневрировать между сословиями, что сделалось особенно важным в тот период, когда на Штаты легла обязанность вотировать

налоги. Поскольку в XIV в. дворянство и церковь уже обладали налоговым иммунитетом, между дворянством и «добрыми городами», доставлявшими тогда основную часть субсидий, существовала непримиримая вражда; корнями своими она уходила еще в эпоху «коммунальных революций» и очень обострилась в период военных поражений в начале Столетней войны. Поэтому для Генеральных Штатов характерна резкая рознь между сословиями (в провинциальных штатах она была выражена несравненно слабее). Они почти никогда не выступали совместно. Понятно, что Генеральные Штаты не добились больших прав и самостоятельного существования.

Тем не менее роль сословного представительства была очень велика. В течение всего периода, когда складывался местный королевский аппарат, и до тех пор, пока он не вытеснил старые учреждения, связанные с территориальными властителями, Генеральные и провинциальные штаты осуществляли важную функцию добывания денежных средств для государственных нужд. Они в значительной степени способствовали созданию государственной финансовой системы и превращению феодальных по своему характеру эпизодических «помощей» и субсидий в регулярные налоги, взимавшиеся со всей страны.

Культура

Национальная культура Франции уходит своими корнями в средневековье.

Разнообразие, богатство и блеск французской средневековой культуры не имели в XII–XIII вв. себе равных. Вплоть до итальянского Возрождения Франция занимала в этом отношении ведущее место в Западной Европе, оказывая большое воздействие на культуру соседних стран. Ее университеты с прославленными лекторами притягивали массу иностранцев, французский язык (северофранцузской народности) считался самым распространенным, во Франции рождались и широко расходились по всей Западной Европе новые архитектурные стили, новые веяния в изобразительном искусстве, новые типы письма, приобретавшие затем в других странах свои ярко выраженные национальные особенности. В стране самого раннего и всестороннего развития феодализма выработались и наиболее законченные формы культуры феодального общества со всей присущей ей социальной окрашенностью.

Как и повсюду в Западной Европе, французская средневековая культура была многоязычной. В научных трудах, во всей учебной литературе, в церковной службе, в законодательстве и в документах господствовала латынь. Развившиеся на основе народных говоров латинского языка поздней античности диалекты старофранцузского (на севере) и провансальского (на юге) языков начали в XII в. проникать в письменную литературу, на юге – и в документы. На севере в XIII в. франсийский диалект Парижа и Иль-де-Франса стал господствовать в хрониках, литературных произведениях и в театре. Затем на его основе сложился французский язык, постепенно распространившийся по всей стране.

В XI в. уровень грамотности не отличался от предшествующей эпохи. Число образованных людей в церковных кругах было невелико, а в светских – и того меньше. Но уже в XII в. по мере развития городов увеличилось количество школ. К некоторым знаменитым учителям стекались сотни слушателей и последователей. Дошедшие до нас рукописные книги XII–XIII вв. исчисляются десятками тысяч, и среди них много университетских учебников. В XIII в. кончилась монополия церковных мастерских письма – появились городские мастерские, в которых цеховые переписчики работали на заказ или продавали рукописи всем желающим, преимущественно богатым горожанам и студентам [98].

Неравномерность в социально-экономическом развитии юга и севера Франции отразилась и в судьбах ее культуры. Сперва на первый план выступили южные области.

---

[98] О производстве рукописных книг и средневековом письме см.: А. Д. Люблинская. Латинская палеография. М., 1969.

Раннее развитие городов привело там к расцвету в XII в. провансальской поэзии трубадуров, замечательной по богатству стихосложения и психологической выразительности. В этой поэзии преобладала любовная лирика, оказавшая большое воздействие на литературу Северной Франции, Германии, Италии и т. д.

В Северной Франции появилось на рубеже X–XI вв. (но дошло в. записи XII в.) самое значительное произведение западноевропейского эпоса – «Песнь о Роланде». Литература XII–XIII вв. уже очень разнообразна по своим жанрам. Стихотворные, а затем и прозаические рыцарские романы (первоначальное значение этого слова: произведение, написанное на романском, т. е. разговорном, языке). В основе многих романов лежат старинные кельтские предания, обработанные в духе рыцарской «куртуазии» – понятий о чести и любви. Другие посвящены приключениям и подвигам странствующих рыцарей. Менестрели (бродячие певцы) пели их на празднествах и в рыцарских замках. Лучшие из романов («Тристан и Изольда», «Роман о Ланселоте», первая часть «Романа о розе» и др.) снискали себе громкую славу в Европе и принадлежат к шедеврам мировой литературы. Для лирической поэзии характерны короткие лэ.

Народный юмор и сатирические выпады против дворян и церкви наполняют городскую литературу: фаблио (побасенки), замечательный памятник народного животного эпоса «Роман о Лисе», вторая часть «Романа о розе», сирвенты (стихи на политические темы) парижанина Рютбефа, голиардики, т. е. веселые песни бродячих студентов. Этим же духом пронизаны фарсы – небольшие комические пьески на сюжеты из городской жизни. До сих пор живет на сцене знаменитый французский фарс об адвокате Патлене, где выведены классические типы сутяги-адвоката, глупца-судьи и оставившего всех в дураках хитроватого крестьянина. Во Франции получил свое законченное выражение и другой жанр средневекового театра, очень долго сохранявший не профессиональный, а самодеятельный характер, – мистерии, т. е. многодневные праздничные представления на библейские темы. В них актерами выступали сами горожане, и спектакль ставился на городской площади на общественные средства, привлекая все население города и широкой округи. В мистериях были и музыкальные эпизоды, исполнявшиеся менестрелями.

Урок астрономии. Миниатюра конца XIII в.

В XIII в. на смену кратким записям важнейших событий (анналам) пришли пространные хроники и мемуары, часть которых написана на разговорных диалектах и порой превосходным литературным стилем. Таковы мемуары участника 4-го крестового похода Виллардуэна и друга Людовика XI – Жуанвиля, оставившего характеристику короля и историю его крестовых походов.

На XI в. пришелся замечательный подъем строительного искусства; сложился романский стиль в архитектуре, скульптуре и живописи. Выстроенные из крупных тесаных камней романские соборы достигали в больших монастырях значительных размеров, вмещая тысячи молящихся. Наряду с ними во всех городах, городках и селах были тогда построены разной величины церкви и часовни, многие из которых стоят и поныне. Романский стиль характерен широким использованием полукруглой римской арки (отсюда его название, данное историками искусства). Нововведением были высокие каменные своды, заменившие плоские деревянные перекрытия и требовавшие очень толстых стен с узкими окнами. Внутри церквей все плоскости были покрыты фресками, а в капителях коринфских колонн из узорчатой листвы выглядывали приземистые фигуры людей и животных. И тогда небольшие колонны приобретали вид своеобразных колонн-статуй. Порталы украшались несколькими

рядами раскрашенных скульптурных сцен на библейские сюжеты и большими окнами.

Южнее Луары романские храмы были очень разнообразны (в каждой области выработались свои приемы украшения) и сохранились лучше, чем на севере, где многие были перестроены в XI–XIII вв. в новом стиле – готическом. Этот термин появился – для архитектуры – в XVIII в. как синоним стиля «варварского», противоположного зданиям античности и XVII–XVIII вв. Основой готического стиля являются внутренние столбы из пучков колонн, завершающихся стрельчатыми арками, на которых лежит свод. Расположенные снаружи, недалеко от стен, опорные столбы принимают на себя часть тяжести свода благодаря аркам между стенами и столбами (аркбутанам). Поэтому в готических зданиях стены гораздо тоньше, чем в романских, и большую их часть занимают огромные окна. Готические соборы чрезвычайно высоки. Вертикальные сечения преобладают над горизонтальными (обычно в соборе три продольных корабля (нефа) и один поперечный) и тянут взор ввысь, а струящийся из высоких витражей многоцветный свет усиливает это стремление. Необыкновенная красота и нарядность готического собора в соединении с музыкой огромного органа создавала торжественное настроение.

Готическая скульптура, обильно украшающая храм, и живопись витражей подчиняются тем же удлиненным пропорциям. Они помещены на большой высоте, и при нормальных пропорциях фигуры выглядели бы укороченными. Многоэтажные порталы почти сплошь покрыты скульптурой и украшены большими круглыми витражами («розами»).

стью рисунка. Многие рукописные книги, изготовленные для светской и церковной знати, поражают своей роскошью. На их страницах сверкает настоящее золото (его тончайшие листочки наклеивались на пергамент главным образом для фонов) и густонасыщенные краски одежд. Мастера парижской гризайли (от слова gris – серый) предпочитали светлый колорит слегка подцвеченных розовым и желтым серых зданий и одежд. Композиция и сюжеты миниатюр те же, что и в витражах и в скульптурных сценах, – библейские мотивы и жития святых. Характерно, что в готической миниатюре заметно подражание витражам: хотя книгу можно рассматривать вблизи, фигуры сохраняют удлиненные пропорции, присущие высоко расположенным витражам [99].

В XII в. во Франции происходит значительный подъем философской и научной мысли. В основном он был вызван знакомством с теми произведениями Аристотеля, которые были до того неизвестны в Западной Европе. Их перевели в Испании и в Италии с арабского на латинский. Однако для подобного пробуждения интереса к творениям великого философа античности должна была создаться соответствующая обстановка и появиться группа высокообразованных для того времени людей. Это произошло в результате развития городов, в связи с появлением многих городских школ и с широким распространением еретических учений. Наиболее знаменитым деятелем XII в. является Абеляр, автор философских сочинений и в высшей степени интересной автобиографии [100]. Одним из первых он осмелился противопоставить церкви рациональное мышление и был осужден как еретик.

В конце XII в. оформился Парижский университет, который был в 1200 г. официально утвержден королем и папой: за ним возникли и другие. Университеты сыграли огромную роль в развитии философии и науки во Франции. В их стенах происходили оживленные дискуссии представителей двух основных философских направлений – «реалистов», для которых общие понятия обладали реальным потусторонним существованием, и

---

[99] В библиотеках СССР хранится немало прекрасных иллюминованных французских рукописей XII–XVI вв. См.: *Т. П. Воронова.* Французские средневековые рукописные книги в собрании Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – «Средние века», т. XXII, 1962; *Г.А.Чернова.* Миниатюры «Больших французских хроник». М., 1960.

[100] *Н. А. Сидорова.* Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953; *Петр Абеляр.* История моих бедствий. М., 1959.

«номиналистов», считавших их лишь наименованием земных вещей.

3. Столетняя война и народные восстания XIV–XV веков[101]

Проблемы кризиса феодализма

Большинство зарубежных историков, в том числе и французских, считают XIV–XV вв. эпохой окончательного кризиса феодализма, затронувшего в той или иной степени все стороны общественной жизни во всех странах Западной Европы. По мнению этих исследователей, благоприятная экономическая конъюнктура непрерывного развития в XI–XIII вв. сменяется в XIV в. резко выраженной депрессией, которую характеризуют падение объема ремесленного и сельскохозяйственного производства, эпидемии и голодовки, убыль населения, финансовый и монетный кризисы, падение сеньориальных доходов, социальные движения, войны, политические кризисы и т. д., и т. п. [102] Историки расходятся между собой в определении хронологических рамок кризиса (считая его началом то конец XIII в., то начало или середину XIV в., а концом – середину или даже конец XV в.) и затронутых им стран. Дискуссионен и вопрос о причинах и следствиях кризиса, но большинство склоняется к признанию главной причиной несоответствие между ростом населения и материальными ресурсами общества и полагает, что кризис до конца разрушил старую экономическую, социальную, политическую и идеологическую структуру, подготовив наступление новой стадии – эпохи Возрождения. В советской науке проблема еще не исследована с должной полнотой [103], особенно для Франции, и тем важнее внимательно присмотреться к характеру процессов и событий, происходивших в течение этих столетий в классической стране европейского феодализма.

Действительно, времена были очень тяжелые. Об этом свидетельствует перечень только самых страшных бедствий: чрезвычайно долгая война с Англией (1337–1453), прошедшая почти целиком на французской территории, массовые эпидемии чумы (особенно «черная смерть» 1347–1349 гг., поразившая около трети всего населения), многочисленные восстания доведенного до отчаяния народа, разгул феодальной анархии и неоднократные острейшие политические кризисы. Военные поражения, убыль населения, разорение городов и сел, истощение материальных ресурсов поставили страну в 20-х годах XV в. на край гибели – ей грозила утрата национального суверенитета.

И, тем не менее, тогда же произошел решающий перелом в военных действиях, приведший вскоре к полной победе над внешним врагом, а затем к сравнительно быстрому в тех условиях возрождению хозяйственной жизни и политической силы. В конце XV в. Франция, наряду с другими передовыми странами, подошла к периоду зарождения капиталистического уклада, а в политическом отношении превосходила своих соседей на континенте, будучи самой сплоченной страной Европы.

Более того, несмотря на тяжелейшую разорительную войну и несомненный упадок экономики, во Франции продолжалось развитие всех ведущих и прогрессивных

---

[101] А. Д. Люблинская

[102] Литература по данной проблеме значительна и все время увеличивается. См. сводный труд Ж. Эрса (*Jacques Heers.* L'Occident aux XIVe et XVe siecles. Paris, 1963) и приведенную там библиографию. См. также общую оценку кризиса у Ж. Ле Гоффа (*Jacques Le Goff.* La civilisation de I'Occident medieval. Paris, 1964).

[103] Советские исследователи, изучая данный период в Англии, считают, что там можно констатировать лишь кризис феодального барского хозяйства: *Е. А. Косминский.* Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? – «Средние века», вып. X, 1957; *М. А. Барг.* О так называемом «кризисе феодализма» в XIV–XV вв. – «Вопросы истории», 1960, № 8.

социально-экономических процессов, хотя внешние обстоятельства были большой помехой и значительно замедляли их темпы.

В деревне (за исключением отсталых областей) восторжествовала денежная рента, продолжалась социально-экономическая дифференциация крестьянства, даже появились, хотя и в небольших масштабах, срочная аренда и временный наемный труд, а в сельских местностях вокруг крупных городов – домашние промыслы, работа на купцов-скупщиков. Укрепили свое положение сельские коммуны – издавна существовавшие деревенские общины, получившие после освобождения крестьян от личной зависимости юридический статус. Коммуны и их выборные уполномоченные представляли деревню в ее отношениях с сеньорами, выступали в суде в защиту прав крестьян. Они сыграли важную роль в крестьянских восстаниях и в организации партизанской борьбы и обороны против внешних врагов. Все внутренние дела деревни находились в их ведении: соблюдение порядка принудительного севооборота и выпаса, пользование общинными угодьями, постройка церквей и других общественных строений.

Таким образом, можно констатировать, что в экономическом и в социальном планах французская деревня отнюдь не регрессировала: старые формы эксплуатации (серваж, барщина и т. п.) были изжиты. Развитие совершалось именно по тому пути, который в дальнейшем привел к зарождению капиталистического уклада.

Еще отчетливее этот процесс протекал в городах, где социально-экономические противоречия стали заметны уже в XIII в. Города развивались, хотя война принесла им не меньше зла, чем селам. Резкое падение объема ремесленной продукции, нарушение налаженных экономических связей между областями, сокращение как внутреннего рынка в связи с отторжением от государства значительных территорий, так и возможностей участия французских купцов в международной торговле – все это пагубно отразилось на экономической жизни городов. Тем не менее в организационном плане ремесло не деградировало, армия была вооружена и боеспособна, а крепости и городские укрепления отстраивались и возобновлялись всякий раз, как только для этого представлялась малейшая возможность. Более того, несмотря на войну, концентрация экономической силы в руках богатых купцов и мастеров ведущих ремесел увеличивалась. В некоторых отношениях война даже способствовала росту их богатств: во-первых, они наживались на предоставлении казне займов под большие проценты, а во-вторых, контроль королевских чиновников над городскими финансами и над всей деятельностью муниципалитетов не мог быть особо действенным в условиях войны и политической разрухи.

Продолжало развиваться экономическое неравенство между ремеслами. Суконщики, оружейники, меховщики, мясники и т. д. подчинили себе смежные профессии. Теперь рост производительности труда, выражавшийся в дроблении ремесел на отдельные очень узкие специальности, приносил выгоду главным образом мастерам богатых цехов. Претерпела также значительные изменения и внутренняя структура цехового и свободного ремесла. В большинстве цехов подмастерья попали в полную зависимость от мастеров, державших заработную плату на таком низком уровне, что она не давала подмастерьям возможности накопить средства для открытия собственной мастерской и фактически приравнивала их к наемным рабочим. Таким образом, структура ведущих ремесел также эволюционировала, хотя и очень замедленными темпами, в направлении к капиталистическому укладу. Однако зародившаяся раздаточная система (в сукноделии, кожевенном производстве и т. д.) в условиях войны не имела возможности для нормального развития.

Захватив полностью власть в цехе, мастера бесконтрольно увеличивали число своих подмастерьев и учеников, удлиняли рабочий день и препятствовали попыткам подмастерьев добиться хотя бы скромного улучшения своей доли. Организованные подмастерьями тайные союзы (компаньонажи) жестоко преследовались городскими властями. Тяжелое положение цеховых подмастерьев и учеников, равно как и внецеховых ремесленников, сближало их с массой чернорабочих, сезонников и прочей бедноты, прилив которых в города особенно усилился в связи с войной. В крупных городах они даже численно преобладали над мелкими

и средними самостоятельными мастерами и торговцами и очень страдали от своего бесправия, так как их и без того скудные заработки произвольно облагались городским советом, к выборам которого они не имели никакого касательства. На них падала немалая доля городских сборов и государственных налогов, распределявшихся олигархией купцов и мастеров отнюдь не пропорционально доходам, что позволяло богачам изымать из обложения значительную часть своего имущества.

Параллельно обогащению городской верхушки шло возрастание ее политического веса, что особенно ясно сказалось в собраниях Генеральных Штатов, в парижском восстании 1356–1358 гг. и вообще в действиях городских муниципалитетов в обстановке войны и политических кризисов.

Итак, основные линии социально-экономического развития Франции в XIV–XV вв. не *позволяют говорить об общем кризисе феодализма.* Феодальная хозяйственная система вступила в это время лишь в первую фазу своего разложения и до ее действительного кризиса было еще далеко. В XIV–XV вв. еще только создавались условия для возникновения *в будущем* Элементов капиталистического уклада. Об этом свидетельствуют как победа денежной ренты, т. е. широкое распространение товарно-денежных отношений в деревне, так и эволюция ремесленной организации, не только способствовавшая накоплению денежных богатств у крупных купцов и мастеров ведущих ремесел, но и подготовлявшая их к роли организаторов производства. Параллельно шел процесс появления наемных рабочих из городского населения.

Очень важно отметить, что подобная эволюция происходила во Франции далеко не во всех ремеслах; ее преимущественной сферой были те отрасли (текстильное и кожевенное производство, судостроение и т, п.), в которых в XVI в. начался переход к мануфактуре. Остальные ремесла изменялись в XIV–XV вв. несравненно медленнее.

Крестьяне в поле близ Парижа. Из «Великолепного часовника герцога Беррийского».

Миниатюра братьев Лимбургов. XV в.

Еще более постепенной была эволюция аграрного строя. Феодализм родился в деревне, и она долгое время оставалась его цитаделью. Во Франции – классической стране феодализма – разложение феодальной аграрной системы совершалось особенно долго. В XIV–XV вв. оно только начиналось; такие новые явления, как наемный труд или срочная аренда, были еще очень мало распространены, и война сильно мешала их дальнейшему развитию.

Применительно к Франции трудно говорить о XIV–XV вв. как о периоде острого кризиса барского хозяйства (что характерно, например, для Англии). Постепенное исчезновение домена началось значительно раньше, еще в XII–XIII вв.; в XIV в. в подавляющем большинстве источников содержатся данные, свидетельствующие уже об окончании этого процесса, а не о его начале. Характерно, что во Франции барщина почти никогда не коммутировалась прямо в денежную ренту (как это часто бывало в Англии именно в XIV в.); уже в XII в. она уступила место натуральному оброку. Столь же закономерно протекал и процесс личного освобождения крестьян, и не менее существенно то, что выкупали они свои личные повинности, а не барщину.

Если считать признаком кризиса падение *объема* сельскохозяйственного производства, как полагают французские историки, то и это навряд ли доказательно. Война, разорение деревни, уменьшение численности сельского и городского населения мешают разглядеть точное положение вещей, т. е. проверить, был ли упадок вызван этими или другими причинами. Однако преобладание крестьянского хозяйства над барским само по себе не являлось в тех условиях причиной сокращения объема сельскохозяйственной продукции. Именно во Франции, где мелкокрестьянское хозяйство очень долго оставалось основой земледелия, оно доказало свою приспособляемость, бесперебойно снабжая растущую промышленность сырьем и городское население продовольствием.

Итак, победа денежной ренты и эволюция ремесла сами по себе свидетельствуют лишь о начале разложения феодальных производственных отношений, а не о кризисе всей системы в целом. Вопрос о якобы непременном в тех условиях падении объема сельскохозяйственной продукции вследствие господства крестьянского хозяйства, весьма спорен. Но остаются убыль населения, социально-политический кризис и войны. Их отрицать никак невозможно.

Однако на современном этапе исследования проблемы нельзя считать демографические явления доказанной *первопричиной* кризиса, как это принято в зарубежных трудах. Слишком мало источников для каких-либо убедительных датировок и определения масштабов убыли населения. Путают расчеты и грандиозные эпидемии чумы, унесшие миллионы жизней, хотя демографическое падение началось, по мнению многих историков, значительно раньше. В тех же случаях, когда богатство сведений позволяет детально проследить историю какой-либо области или района, причиной убыли населения и всяких бедствий оказывается именно война [104].

Вопрос о том, чем именно были вызваны эти небывало затяжные и разрушительные войны, представляет, на наш взгляд, наибольший интерес при исследовании природы явлений, характерных для XIV–XV вв. Рассмотрим его подробнее.

Начало столетней войны

Падение сеньориальных доходов заметно во Франции уже в XIII в., а в XIV в. оно приняло значительные размеры. Оно было вызвано всем комплексом

---

104 Книга Фуркена является тому примером (*Guy Fourquin.* Les campagnes de la region parisienne a la fin du moyen age. Paris, 1964). Автор – сторонник теории кризиса – считает его началом неурожаи 1315–1317 гг. Однако собранный в монографии обширный фактический материал показывает, что главной причиной была война и связанные с ней бедствия.

социально-экономических процессов. Увеличению сеньориальных поборов с крестьян был положен предел многими факторами: сокращением, а затем и исчезновением барской запашки, растущим удельным весом денежной ренты, как правило фиксированной при освобождении крестьян от личной зависимости, вытеснением феодалов с городского рынка в качестве продавцов сельскохозяйственной продукции и т. д.

Однако наиболее важным обстоятельством оказалось появление у феодалов сильного конкурента в эксплуатации крестьян – королевской власти. Мало того, что доходы от городов на территории обширного королевского домена поступали в XIII в. не сеньерам, а в казну, – государство предъявляло все растущие притязания на обложение налогами также и крестьянства и притом в масштабах всей страны. Выше было сказано о применявшихся при этом способах и о роли сословного представительства в постепенном формировании системы государственного налогового обложения податных слоев населения – горожан и крестьян. Начало этого процесса приходится как раз на рубеж XIII и XIV вв.

Положение феодального господствующего класса осложнялось еще и тем, что отлив части рыцарства и знати в заморские страны сильно сократился. Левант и Берберия (северное побережье Африки) стали с конца XIII в. недоступны. Оставались лишь Кипр, Морея (владения в Пелопоннесе) и захваченное французской анжуйской династией Неаполитанское королевство. Но и там везде французских сеньоров теснили арагонцы и венецианцы.

Кроме того, французское дворянство уже не могло предпринимать какие-либо экспедиции, полагаясь лишь на свои силы. Прошло то время, когда оно действовало на свой страх и риск, как в 1-м и 4-м крестовых походах или сопровождая в Италию Карла Анжуйского. Феодальную экспансию должно было организовать государство. Последние крестовые походы возглавил король Людовик IX. Его преемники обратили внимание не на далекий Левант, а на соседние земли на севере. Длительная борьба Капетингов с английскими Плантагекетами все больше перерастала в войну между государствами – Францией и Англией. Столетняя война была лишь последним, но самым длительным и самым тяжелым этапом этой борьбы. Ему предшествовали начавшиеся еще в конце XIII в. завоевательные походы французских королей во Фландрию. Поэтому сильное напряжение материальных и людских ресурсов для ведения войны заметно во Франции значительно раньше начала Столетней войны. В этом отношении походы Филиппа IV (1285–1314) и его преемников в конце XIII в. и в первые десятилетия XIV в. представляют для исследователей особый интерес.

Фландрия стала одним из главных объектов французских притязаний в силу многих причин. Политически она зависела от Франции лишь номинально (граф был прямым вассалом короля). Главную роль во Фландрии играли богатые сукнодельческие центры, особенно Гент, Ипр и Брюгге. С большим упорством и настойчивостью французские феодалы, от короля до рыцарей, пытались овладеть этим богатым краем. Это была феодальная экспансия: погоня за фьефами и деньгами – для сеньоров, овладение областью – для короля.

Филипп IV вмешался в ожесточенную внутреннюю борьбу во фландрских городах, встав на сторону олигархии против ремесленников. Вначале ему удалось установить в графстве свою власть, и он воспользовался ею для введения тяжелых налогов и для усиления феодальных повинностей. Это вызвало широкое народное движение в городах и селах. Французской армии пришлось воевать почти со всем населением графства, и в этой войне она была наголову разбита (битва при Куртре в 1302 г.). Французы были вынуждены очистить Фландрию; в дальнейшем Филиппу IV и его преемникам удалось удержать лишь несколько городов по южной границе.

История фландрской войны очень знаменательна. Это была первая крупная и, как показали дальнейшие события, непоправимая неудача в политике королевской власти, направленной на реальное овладение областями, номинально составлявшими французское королевство. Все прочие предприятия такого же рода могли сопровождаться временными и

частными неудачами, но в итоге они всегда приносили королям победу. Однако в этих случаях речь шла об объединении французских областей под властью французского короля. Фландрия же в целом не была французской областью ни по населению, ни по языку (исключение составляла лишь пограничная с Францией территория); кроме того, у нее выработались свои особенности социально-экономического и политического развития. Богатая и самостоятельная область защищала свой политический суверенитет.

Фландрская война поглотила небывалые до того огромные денежные средства, не дав положительных результатов. Экстраординарные субсидии на войну, взимавшиеся главным образом с городов, за несколько лет возросли вдвое. Резкое увеличение государственного бюджета привело к созданию в 1303 г. нового органа центрального аппарата – Счетной палаты, ведавшей финансами.

Необходимость изыскать новые средства заставила Филиппа IV несколько раз «портить» монету, т. е. сокращать в ней долю драгоценных металлов. В ту пору это было для казны наиболее удобной формой краткосрочного государственного займа: сперва казна выигрывала от более «легковесной» монеты, затем восстанавливала прежнюю долю драгоценных металлов – чеканила «тяжелую» монету. Король подверг обложению и церковные владения, что вовлекло его в острый конфликт с папством и с французским духовенством. Одержав в этой борьбе победу, король заставил нового папу переехать в Авиньон и фактически поставил его в зависимость от себя. Благодаря этому он смог затем уничтожить своего главного кредитора – богатейший духовно-рыцарский орден тамплиеров – и конфисковать его казну.

Проигранная фландрская война означала провал намерений французского дворянства осуществить во главе с королем феодальную экспансию в Европе. Господствующий класс пытался использовать общее развитие страны лишь в своих интересах. Но необходимо подчеркнуть, что расплачивалась за эти попытки вся страна. Чтобы дать французскому рыцарству возможность попытать счастье на чужбине, все население областей королевского домена платило чрезвычайно тяжелые налоги.

Этим объясняется начавшийся еще в конце XIII в., т. е. задолго до Столетней войны, некоторый (пока еще незначительный) экономический упадок Франции, выразившийся в известном сокращении ремесленной и сельскохозяйственной деятельности. Он привел также к обострению политических противоречий между центральной властью и крупными феодалами. Они выступили в 1315 г. (после смерти Филиппа IV) с требованием восстановления своих попранных королями прав: возвращения им прежней юрисдикции и прежнего положения в Королевском совете, откуда их вытеснили советники Филиппа IV – легисты. Характерно, что баронов поддержали не только зависимые от них рыцари, но и некоторые северные города. Королю Людовику X пришлось пойти на частичные уступки и выдать несколько хартий, подтверждавших вольности провинций. Но весь центральный аппарат остался в руках правительства, да и сами уступки оказались временными.

Несмотря на проигранную фландрскую войну, правительство рассчитывало снова вмешаться во фландрские дела при наличии благоприятных обстоятельств. Его происки во фландрских городах не прекращались, и это неизбежно вело к обострению отношений, а затем и к открытому конфликту с Англией – главным поставщиком шерсти для фландрского сукноделия. Однако основная причина Столетней войны заключалась в другом.

Длительную агрессию английских феодалов во Францию следует рассматривать под тем же углом зрения, что и французскую агрессию во Фландрию, причем война (особенно на первых порах) была для Англии удачной и для многих представителей английского дворянства очень и очень прибыльной, особенно в XV в., когда французские сеньории на оккупированной территории были розданы английским рыцарям[105]. Главной целью Англии

---

[105] K. B. McFarlane. England and the Hundred Years War. – «Past and Present», № 22, 1962; M. M. Postan. The Costs of the Hundred Years War. – «Past and Present», № 27, 1964.

было овладение юго-западной французской областью – Гиенью (южной частью бывшей Аквитании). Гиень имела с Англией прочные экономические и политические связи[106]; без них династические и территориальные притязания английских королей оказались бы фикцией, а захватническая экспансия английских феодалов не могла бы осуществиться. Из Гиени шли в Англию вина (в огромном количестве)[107], соль, сталь, красящие вещества и т. д. Богатство крупных портов (Бордо, Ларошели) и городов по Гаронне в значительной степени зиждилось на этой прибыльной торговле. Знать и рыцарство Гиени предпочитали номинальное владычество Англии, поддерживавшей их провинциальный сепаратизм, реальной власти французского короля. Поэтому они находились в союзе с англичанами даже тогда, когда вся остальная Франция во главе с королем воевала с Англией. Сепаратистские тенденции южных городов объяснялись также тем, что прочные экономические связи между ними и северными городами, в том числе и Парижем, еще не успели сложиться. По этим причинам война Франции с Англией из-за Гиени была одновременно и войной за объединение французского государства.

На первом этапе Столетней войны[108], в 1337–1347 гг., главная цель англичан заключалась в том, чтобы обеспечить себе владение опорными пунктами во Фландрии на побережье Па-де-Кале, а также закрыть туда дорогу французам. Разбив в 1337 г. французский флот при Слейсе (около Брюгге) и уничтожив таким образом военную охрану берегов, они высадились в Нормандии, разбили при Креси (на севере Пикардии) французскую армию и взяли в 1347 г. Кале, служивший складочным местом для вывозившейся из Англии шерсти. Экономическая и стратегическая важность этого порта с прилегающей к нему территорией явствует из того, что более двух столетий Англия прилагала огромные усилия, чтобы удержать его в своих руках; Кале был взят французами лишь в 1558 г.

Достигнув своей цели на севере (однако, несмотря на поражение французов при Креси, англичане не смогли развить там свои успехи), английская армия захватила в начале 50-х годов XIV в. Гиень, не встретив серьезного сопротивления. Юго-западные области вновь вернулись под власть английского короля; наместником был назначен его сын Эдуард – «Черный Принц» (по цвету лат). Базируясь на Бордо, он стал вместе с местными рыцарями совершать грабительские набеги в центральные французские области. При возвращении из одного такого набега в 1356 г. его настигла вблизи Пуатье французская армия и он разбил ее.

Поражение французов приобрело характер национального бедствия, и на нем следует остановиться[109].

Английский отряд был невелик и обременен большим обозом с награбленной добычей. Но английская армия отличалась сплоченностью и действовала согласованно. Лучники поддержали атаку рыцарей, и все подчинялись единому командованию. Французская армия, наоборот, хотя и вдвое большая, была менее боеспособна. Она распадалась на большие отряды под руководством крупных феодалов; фактически в ней не было единого

---

[106] Н. И. Басовская. Экономические интересы английской короны в Гаскони в конце XIII – начале XIV в. – «Вестник МГУ», серия истор., 1968, № 2.

[107] Ценные сведения о внушительных размерах экспорта вина из Бордо см в статье Ренуара (У. Renouard. Le grand commerce du vin au moyen age. – «Information historique», 1958, № 2).

[108] Литература по истории Столетней войны очень обширна. См. сводную работу Перруа и приведенную в ней библиографию (E. Perroy. La guerre de Cent Ans. Paris, 1945). Очень интересные данные имеются в указанной выше книге Фуркена. См. также: A. H. Burne. The Crecy War: a Military History of the Hundred Years War from 1337 to the Peace of Bretigny 1360. Oxford, 1955.

[109] Подробное описание битвы при Пуатье см. в книге Ж. Турнёр-Омона (J. Tourneur-Aumont. La bataille de Poitiers et la construction de la France. Poitiers, 1940).

командования. Лучники и городские отряды являлись вспомогательными частями, и рыцари не считали нужным действовать с ними заодно. Словом, во французской армии, как в зеркале, отражалась недостаточная политическая сплоченность страны.

Напав на неудачно построенное французское войско, англичане вызвали такую панику, что часть французских феодалов предпочла покинуть поле боя, уведя отряды своих рыцарей. Оставшаяся часть понесла тяжелейшее поражение. Король Иоанн Добрый и около двух тысяч рыцарей попали в плен, за них был потребован огромный выкуп.

Поражение при Пуатье поставило правительство и всю страну в крайне трудное положение. Необходимо было в кратчайший срок изыскать значительные денежные средства и почти заново создать армию.

Между тем состояние государственных финансов было катастрофическим. Оно также отражало незавершенность объединения страны и недостаточную силу центральной власти и ее аппарата. Уже первые годы Столетней войны внесли большое напряжение в доходную часть бюджета, так как обычных поступлений (от домена, займов у городов и отдельных лиц, субсидий, вотируемых Генеральными Штатами, и т. д.) не хватало. Управление государственными финансами находилось в руках членов Счетной палаты и было крайне громоздким. Знатные советники, члены Королевского совета и Парижский парламент претендовали на контроль над финансами и требовали реформ. В 1346 г. финансы были переданы в руки трех аббатов крупнейших монастырей, от которых ждали более осмотрительного и осторожного управления. Но из этой реформы ничего не получилось: слишком велик был разрыв между доходами и чрезвычайными расходами на войну[110]. Борьба за контроль над финансами особенно разгорелась в 1356 г., когда после страшного военного поражения одновременно с необходимостью срочно изыскать крупные суммы для ведения войны встала настоятельная необходимость реформ.

Парижское восстание и жакерия

Развернувшиеся после битвы при Пуатье события – парижское восстание и Жакерия – придали истории трехлетия 1356–1358 гг. чрезвычайно драматический характер. Острота социальных противоречий и политического кризиса достигла в эти годы апогея и придала им исключительное значение в истории феодальной Франции.

Уже более столетия историки стремятся охарактеризовать смысл и суть парижских событий 1356–1358 гг. Мнения резко расходятся; одни считают их неудавшейся буржуазной революцией, другие – народным бунтом и т. п.[111] Несомненно, что эта проблема нуждается в дальнейшей разработке. Хотя сами события 1356–1358 гг. описаны достаточно подробно, но общая обстановка в стране и, особенно, политическая и финансовая история предшествующих лет остаются во многом неясными[112].

Военное поражение при Пуатье вызвало в городах и деревнях, помимо тревоги за будущее, большое озлобление против дворян, сдавшихся в плен или бежавших с поля боя, и

---

110 Интересные данные по этим вопросам имеются в труде Р. Казеля (*R. Ca-zelles.* La societe poliliqae et la crise de la royaute sous Philippe de Valois. Paris, 1958).

111 См. интересную статью Э. Энгельман (E Engelmann. Biirgeiliche Revolution, revolutionare Volksbewegung oder Emeute Die Paiiser Ereignisse der Jahre 1356 bis 1358. – «Stadtische Volksbewegungen im 14. Jahrnundert». Berlin, 1960); автор показывает, что основная сила движения заключалась в народных массах столицы. В новой сводной работе Ж. д'Аву (Jacques d'Avout. 31 juillet 1358: le meurtre d'Etienne Marcel. Paris, 1960) главное внимание сосредоточено на роли Этьена Марселя. В книге приведена обширная библиография.

112 Упомянутая выше книга Р. Казеля дает в этом плане интересный материал. См. также его статью: R. Cazelles. Les mouvements revolutionnaires du milieu du XIV s. et le cycle de Taction politique. – «Revue historique», t. 228, 1962.

против правительства, не сумевшего организовать защиту страны от врага. Поэтому, когда сын плененного короля, дофин (т. е. наследник престола) Карл созвал в октябре 1356 г. для изыскания средств Генеральные Штаты, представители городов, а они приобрели на Штатах значительное влияние ввиду ослабления дворянства после поражения при Пуатье, потребовали важных реформ и прежде всего отставки членов Королевского совета и других важнейших должностных лиц. Вместо них ведать всеми делами должна была особая комиссия из 28 депутатов Штатов, без согласия которой дофин не имел права отдавать приказы по армии, смещать и назначать чиновников. Еще более обширный план реформ был выработан Штатами в марте 1357 г. («Великий мартовский ордонанс»); согласно ему из числа депутатов избирался весь центральный аппарат, а сами Штаты собирались периодически для решения важнейших дел, вотирования и сбора субсидий.

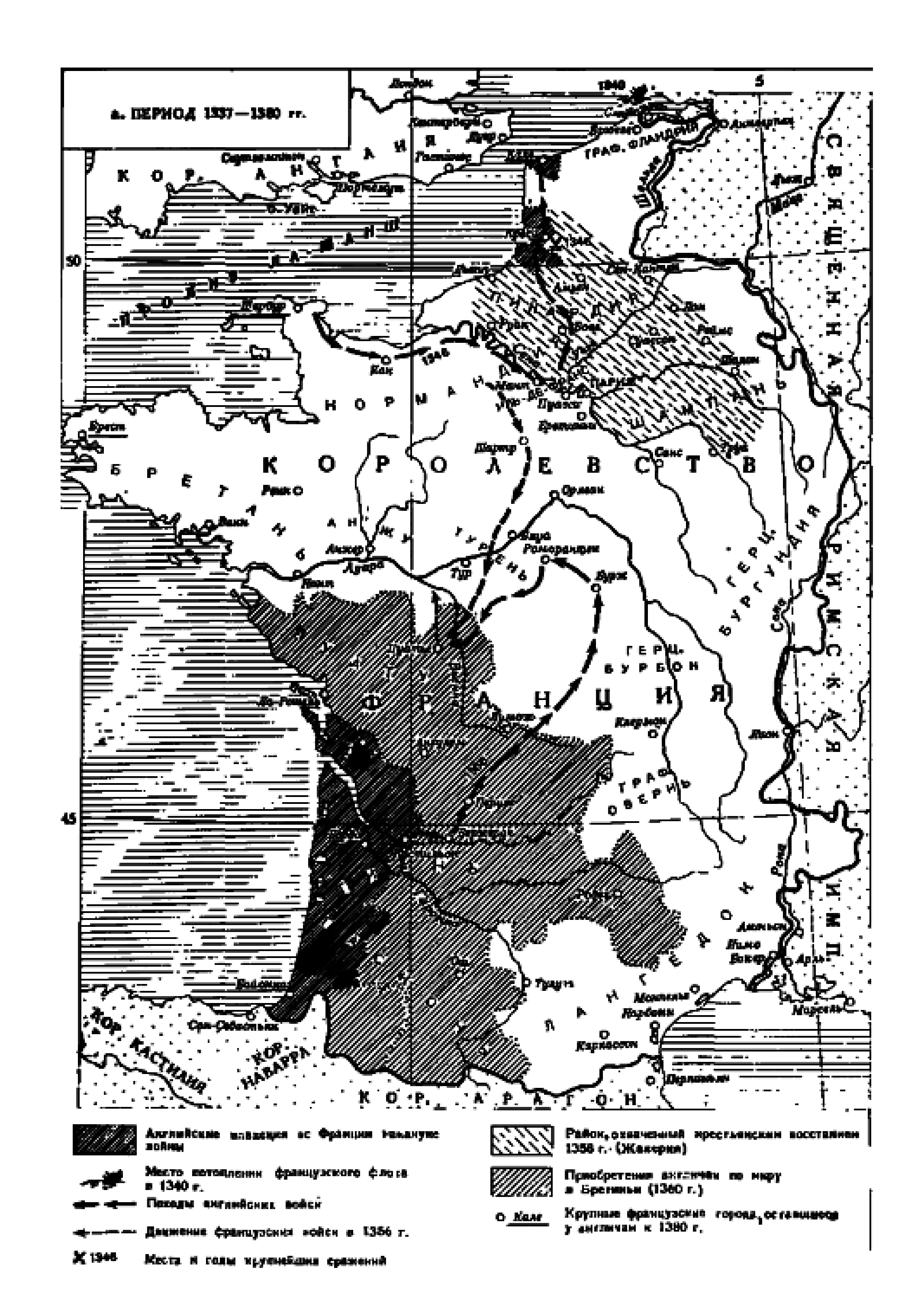
Своеобразное двоевластие правительства и Штатов продолжалось более полутора лет. Но правительство олицетворялось почти одним дофином (ему пришлось согласиться на отставку многих членов своего совета), Штаты же постепенно превращались в орган, представлявший лишь парижскую верхушку, возглавлявшуюся купеческим старшиной (т. е. мэром Парижа) Этьеном Марселем.

Первыми откололись от «добрых городов» духовенство и дворянство, потому что вотированная Штатами субсидия в размере 15 % годового дохода ложилась главным образом на привилегированные сословия. Но после заключения перемирия с Англией в апреле 1357 г. многие провинциальные города также отказались уплачивать свои доли субсидии и перестали посылать в Париж своих депутатов. Поэтому задуманную Этьеном Марселем конфедерацию городов не удалось осуществить; Париж оказался предоставленным самому себе.

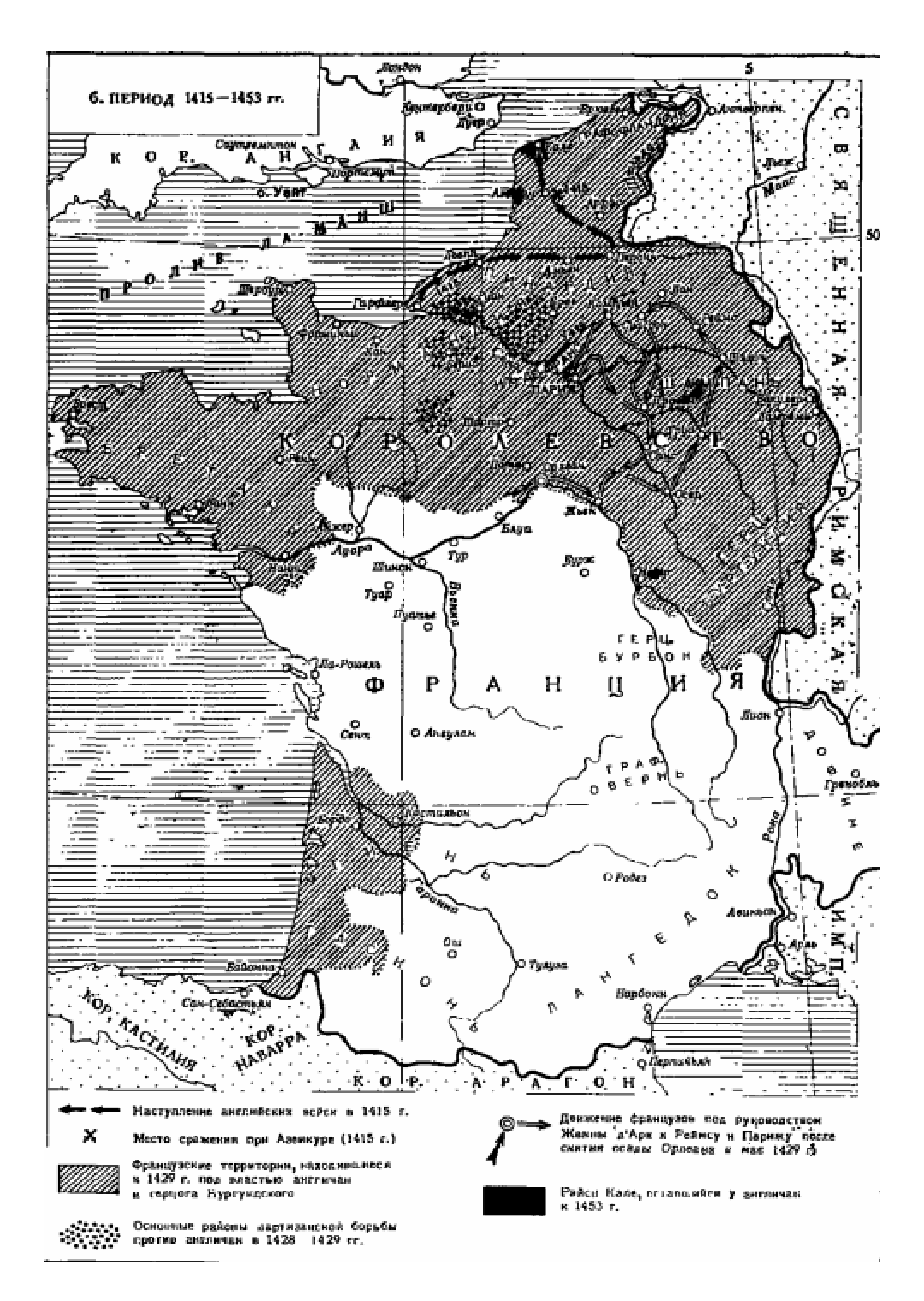
Изоляция Парижа от остальных городов объясняется недостаточно развитыми в то время связями между ними даже в пределах Северной Франции (характерно, что Штаты Лангедока поддержали не Париж, а дофина и дали ему субсидию). Парижская верхушка, игравшая на Штатах Лангдойля главную роль, выдвинула на все важные посты лишь своих ставленников, чем вызвала недовольство у членов олигархий других городов. Кроме того, обнаружилось бессилие Штатов осуществить свою финансовую реформу: назначенные ими сборщики субсидии не смогли получить деньги от привилегированных сословий, не говоря уже о многих городах; еще труднее было собрать их с разоренных войной и грабежами крестьян. В конечном счете Штатам пришлось прибегнуть к тому самому средству, которое они вначале с жаром осуждали, – к порче монеты, и это их очень сильно дискредитировало.

Первое время Этьена Марселя поддерживали широкие слои парижского населения, тяжело страдавшие от бедствий военного времени. Лишь благодаря этой опоре он достиг, наконец, победы над дофином 22 февраля 1358 г., когда вооруженные ремесленники вышли на площади Парижа, а купеческий старшина ворвался во дворец. По приказу Этьена Марселя были убиты в присутствии дофина последние его советники, а сам дофин был вынужден принять все предъявленные ему требования. Но вскоре зашаталась и эта последняя социальная опора парижской олигархии, состоявшей из богатейших купцов столицы. Они не собирались поступаться своими доходами ради облегчения налогового бремени, падавшего на народ. Характерно, что вотированная Штатами субсидия облагала мелкие доходы в большем размере, чем крупные. Правление Штатов не принесло парижским народным массам никакого облегчения. Предпринятая Этьеном Марселем попытка привлечь на свою сторону короля Наваррского Карла Злого (имевшего по женской линии право на французский престол) – с целью противопоставить его дофину – не встретила сочувствия у парижского населения, в глазах которого лишь дофин был законным правителем.

Полное подчинение дофина продолжалось всего десять дней. Ему удалось покинуть Париж, и он собрал в Компьене Генеральные Штаты из всех трех сословий Лангдойля; отсутствовали лишь парижане. Штаты дали деньги, и дофин перешел к военным действиям против столицы, подготовляя ее блокаду.

Столетняя война, а. Период 1337–1380 гг.

Столетняя война (1337–1453 гг.)

В это время, в мае 1358 г., положение усугубилось тем, что разразилась Жакерия[113].

Самое мощное крестьянское восстание в истории феодальной Франции и одно из крупнейших в Западной Европе, оно отчетливо отразило (в своих целях и в действиях восставших) особенности положения французского крестьянства в середине XIV в., сильно

---

113 Работа А. В. Конокотина «Жакерия 1358 года во Франции» («Уч. зап. Ивановского пед. ин-та», т. XXXV, 1964, стр. 3-98) написана на основе всего опубликованного материала. См. также его статью: «Три карты Жакерии» («Средние века», т. 28, 1965). Во французской историографии имеются монография С. Люса (S. Luce. Histoire de la Jacquerie, 2ème ed. Paris, 1894) и несколько статей. Некоторый новый архивный материал приведен в упоминавшейся книге Фуркена; см. также M. Dommanget. La Jacquerie. Paris, 1971.

ухудшившегося по сравнению с XIII в., ибо от всех бедствий войны тяжелее всего страдали крестьяне[114]. Необычайно возросли государственные налоги, а феодалы попытались увеличить сеньориальные поборы. Военные поражения привели к тому, что крестьянство оказалось фактически брошенным на произвол судьбы. Его грабили не только англичане, но и любые наемные отряды (банды, как их тогда называли), в том числе и французские, рыскавшие по стране в поисках добычи. Крестьяне защищались, как могли: превращали деревенские церкви в укрепленные убежища, вооружались, оказывали грабителям упорное и порой успешное сопротивление. Кое-где это сопротивление принимало форму партизанской войны.

Стремясь сокрушить парижское восстание, дофин подготавливал блокаду столицы. Крестьяне были обязаны укреплять замки и снабжать их продовольствием. Это было последней каплей, переполнившей чашу народного терпения. 28 мая около селения Сен-Лё-д'Эссеран (в области Бовези к северу от Парижа) в стычке с дворянским отрядом крестьяне убили нескольких рыцарей. Это послужило сигналом к восстанию, которое разгорелось с необыкновенной быстротой, охватив многие области Северной Франции: Бовези, Пикардию, Иль-де-Франс, Шампань. Крестьяне одного или нескольких селений образовывали вооруженные чем попало отряды и выбирали начальника (капитана). Эти мелкие отряды сливались в один крупный, имевший своего главного капитана, и действовавший на значительной территории, но объединения таких областных отрядов не произошло. К крестьянам примкнули некоторые деревенские ремесленники, мелкие торговцы, сельские священники. Восставших называли **Жаками** (от клички крестьянина «Жак-простак»), но слово «Жакерия» появилось позже. Современники называли восстание «войной недворян против дворян», и это обозначение хорошо вскрывает суть движения. С самого же начала оно приняло очень радикальный характер: жаки жгли и разрушали дворянские замки и дома, убивали феодалов, стремясь «искоренить дворян всего мира и самим стать господами». Они захватывали в замках военное снаряжение и уничтожали документы со списками феодальных повинностей. Общее число восставших во всех областях достигло примерно 100 тыс.

Некоторые города открыто перешли на сторону крестьян; в других восставшие пользовались сочувствием городских низов. Парижане послали несколько отрядов и помогли Жакам в разрушении многих замков в окрестностях Парижа, поскольку это мешало дофину блокировать столицу; Но эта помощь была незначительна, и настоящий союз горожан и крестьян так и не сложился.

Наибольший размах восстание приняло в Бовези. Во главе объединившихся отрядов крестьян встал Гильом Каль, человек бывалый и знакомый с военным делом. Он назначал капитанов в отдельные отряды и рассылал в другие области приказы, запечатанные печатью с королевским гербом. На знаменах восставших был королевский герб. В этом сказались монархические иллюзии крестьянства, выступавшего против феодалов, но за «доброго короля».

Около селения Мелло крестьяне встретились на поле боя с Карлом Злым, выступившим против крестьян со своими рыцарями. Два дня враги простояли друг против друга в полной боевой готовности, и рыцари не осмелились начать сражение – их было не более 1 тыс. против 6 тыс. крестьян. Тогда Карл Злой предложил перемирие и выразил готовность сотрудничать с **Жаками.** Поскольку он был союзником Этьена Марселя, от которого восставшие крестьяне получали помощь, то Каль явился к Карлу, поверив рыцарскому слову и не потребовав заложников. Он предпочел вестр переговоры, так как опасался, что необученные военному делу жаки потерпят поражение в бою. Он был вероломно схвачен, и лишь тогда рыцари набросились на лишенных военачальника крестьян и жестоко их

---

[114] Еще в 1320 г., в разгар фландрской войны в Южиых Нидерландах и Франции произошло новое восстание «пастушков» (см. В. Л. Керов. Народное движение в Южных Нидерландах и Франции в 1320 г. – «Средние века», т. 27, 1965).

разгромили. Гильом Каль и его товарищи были подвергнуты мучительной казни. На этом восстание в Бовези прекратилось.

Но в других областях, где действовали, по большей части разрозненные, крестьянские отряды, волнения продолжались; лишь в августе было покончено и с ними. Характерно, что сил местного дворянства оказалось для этого недостаточно, потребовались королевские отряды. После подавления восстания дворянство расправилось с крестьянами чрезвычайно жестоко: казни, штрафы и контрибуции обрушились на деревни и села. Все же феодалы долго не могли забыть панического ужаса, охватившего их во время восстания, и длительное время не решались снова увеличить феодальные платежи.

Разгром крестьян означал также конец парижского восстания. В конце июня дофин с большой армией подошел к стенам Парижа. Потеряв надежду на получение помощи от других городов, Этьен Марсель согласился впустить в столицу английский отряд, приведенный Карлом Злым. Это вызвало возмущение парижан. От Этьена Марселя отшатнулось большинство его приверженцев, и 31 июля он был убит сторонниками дофина. Карл вступил в Париж и расправился с главными участниками восстания. Мероприятия Штатов были отменены, и в дальнейшем они опять стали созываться только по воле короля для вотирования субсидий на войну. В чем причины поражения парижского восстания?

Поскольку Штаты не смогли радикально изменить налоговой системы и бедный люд должен был по-прежнему отдавать большую часть своего достатка, чем богачи, они потеряли поддержку народа. Созданный Штатами аппарат для сбора субсидий был не лучше королевского, и деньги поступали так же туго, как и раньше. Рознь между городами и феодалами, имевшая на севере Франции глубокие корни, не позволила сословиям выступить совместно; действия парижан на Штатах привели к тому, что рыцари перешли на сторону дофина. Когда же Штаты потеряли также и поддержку городов, парижское богатое купечество оказалось изолированным и пошло на сговор не только с Карлом Злым, но и с национальными врагами-англичанами. Тогда и парижский народ отшатнулся от Этьена Марселя, и его дни были сочтены.

Характерен радикализм, который отличал цели и действия крестьян, стремившихся «уничтожить дворян всего мира и самим стать господами». Эти цели были в ту пору совершенно недостижимы. Но, несмотря на поражение, практически жаки пресекли чрезмерные посягательства сеньоров, и это обеспечило возможность дальнейшего развития крестьянского хозяйства. Кроме того, Жакерия способствовала известному сплочению крестьян, действовавших на значительных (по французским масштабам) территориях. Война и восстание повысили у крестьян сознание своего политического значения и веса, своего долга перед родиной, что особенно отчетливо проявилось в партизанской борьбе и достигло полного выражения на последнем этапе войны – в 1420–1450 гг.

Руководители парижского народного движения желали поставить под свой контроль управление страной. Эта цель была более достижима. Контроль сословного представительства над государственной властью практически осуществлялся (правда, в гораздо меньших размерах) в других странах. Но в XIV в. он нигде не был в руках лишь одних городов, для этого последним надо было иметь союзников в лице рыцарей. Однако именно во Франции такого рода союз был невозможен. Его исключала четкость классового и сословного деления французского общества, классическая завершенность его социальной структуры, чреватая важными последствиями в будущем.

Из бурных событий 1356–1358 гг. королевская власть извлекла многие уроки. Проведенная налоговая реформа (установление новых податных единиц), упорядочение сбора субсидий, действенный контроль над сборщиками – все эти меры были подсказаны Штатами. Немалому научило и поражение при Пуатье. Возросла роль наемных отрядов в армии: была усилена артиллерия. На пост главнокомандующего (коннетабля) был назначен в обход крупных феодалов мелкий рыцарь, талантливый полководец Дюгеклен. Все это принесло свои плоды.

Условия мира с Англией, заключенного в Бретиньи в 1360 г.[115], были очень тяжелы – Англия получила весь юго-запад, от Луары до Пиренеев. Однако уже через 15 лет за ней осталось лишь побережье между Бордо и Байонной. Избегая крупных сражений и действуя одновременно почти по всей обширной границе английских владений, французская армия постепенно оттеснила англичан к морю. Эти крупные успехи были достигнуты в результате чрезвычайного напряжения всех сил страны. Огромные расходы на войну легли тяжелым бременем на плечи народа – крестьянства и основной массы городского населения, так как привилегированные сословия и городская верхушка по-прежнему перекладывали на них главную долю платежей. Но к концу 70-х годов, когда военные действия сильно сократились, а налоги между тем продолжали расти (для уплаты долгов казны), народ уже не видел никакого оправдания этим тяготам[116]. Он ответил восстаниями, которые прокатились в 1379–1384 гг. по всей стране [117].

---

[115] *Le Patourel.* The Treaty of Bretigny 1360. – «Transactions of the Royal Historical Society», 1960, ser. 5, v. 10.

[116] Эти важные события исследованы также недостаточно, главным образом из-за неизученности общей экономической и финансовой истории второй половины XIV в. См.: L. *Mirot.* Les insurrections urbaines au debut du regne de Charles VI. 1380–1383. Paris, 1906; C *Lecarpentier.* La Harelle.

[117] emeute rouennaise. – «Moyen Age», 1903, № 1; *Ph. Wolff.* Les luttes sociales dans les villes du Midi frangais aux XIII et XIV siecles. – «Annale S.E.C.», 1947, № 3; *M. M. Себенцова.* Восстание «гарель» в Руане 1382 г. – «Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. Ленина», т. 104, вып. 5, 1957; *Н. А. Сидорова.* Антифеодальные движения в городах Франции во второй половине XIV-начале XV *в.* Лекция. М., 1960.

Сожжение еретиков в присутствии короля. 1460 г. Миниатюра Жана Фуке

Начало положили южные города, так как в Лангедоке ко всем бедствиям прибавилась еще ожесточенная борьба местных крупных феодалов с королевскими наместниками. Как только в конце 1379 г. был объявлен новый чрезвычайный налог, вспыхнуло восстание в Монпелье. Ремесленники и беднота ворвались в ратушу и убили королевских финансовых чиновников, а затем обратили свой гнев против богачей – купцов и дворян, грабя и убивая их. Такие же восстания разразились в Алэ, Ниме и Клермоне. Правительству пришлось уступить и сильно уменьшить налог. Но, когда в начале 1382 г. была сделана попытка его восстановить, начались восстания в северных городах. В феврале в Руане восстали бедные ремесленники, подмастерья и внецеховая беднота; по их требованию городской совет отменил ненавистный налог. Но восставшие не сложили оружия и начали преследовать высшее духовенство, королевских чиновников, богатых купцов, ростовщиков. Часть членов городского совета бежала. Восставшие провозгласили отмену всех налогов и несколько дней были хозяевами города. Такие же восстания произошли в Амьене, Сен-Кантене, Лане, Суассоне, Реймсе, Орлеане.

Одновременно с руанскими событиями и по той же причине вспыхнуло восстание в Париже. Мелкие ремесленники и торговцы вместе с городской беднотой взялись за оружие, образовали отряды, перегородили улицы цепями, поставили стражу у ворот. Восставшие убили главного сборщика налогов и, захватив в ратуше боевые молоты (maillets – отсюда имя повстанцев raail-Iotins, «майотены») и другое военное снаряжение, стали грабить и убивать налоговых сборщиков, членов городского совета, богатых купцов и мастеров, дворян. Городская милиция была бессильна справиться с восстанием. Правительство отменило новые налоги и дало восставшим амнистию, но затем расправилось с их вождями.

Восстания были подавлены, города тяжело пострадали от репрессий и огромных

штрафов, потеряли многие свои права. Характерно, что все эти восстания (равно как и последующие) начинались с выступлений против налогов, но затем сразу же следовали насильственные действия против городских властей, богатой верхушки и дворян. Ненависть народа обращалась против тех, кто был виновен в его бедствиях.

Вслед за городами пришло в движение и крестьянство. Отдельные и разрозненные выступления произошли на севере в районах Жакерии. На юге – в Лангедоке, Оверни, Пуату, Дофинэ – разразилась настоящая крестьянская война, охватившая большую, чем Жакерия, территорию и длившаяся свыше двух лет (с марта 1382 г. по июль 1384 г.)[118]. Восставшие крестьяне, к которым присоединились и многие городские ремесленники, именовались тюшенами. Восстание началось с протеста против нового тяжелого налога, но вскоре тюшены объявили себя врагами дворянства, духовенства, купцов, «всех, кто не имел шершавых и мозолистых рук», и повели с ними беспощадную войну. Очень характерно это совпадение целей тюшенов и жаков. В открытом бою вблизи Нима тюшены, как и жаки, были разбиты, но, действуя мелкими отрядами и нападая из засады, они были неуловимы. Им удалось захватить немало замков и мелких городков; даже в крупных городах (Бокере, Ниме, Нарбонне, Каркассоне) они находили приют и поддержку, так как и там народ восставал против налогов, а городская верхушка была порой бессильна подавить движение своих сограждан. Некоторых мелких дворян тюшены принудили следовать за собой, чтобы использовать их военный опыт, но у крестьян были и свои вожди, руководившие действиями и ведшие переговоры. В первой половине 1383 г. тюшены фактически были на юге господами положения, так как дворянство, разделенное распрей с королевскими наместниками, не смогло быстро объединить свои силы, а многие города помогали восставшим и впускали их к себе. Поэтому крестьянское восстание как бы объединило отдельные городские восстания, которые сами по себе разыгрывались лишь в пределах городских стен. В то же время поддержка городов была во всех отношениях очень важна для крестьян и этому обстоятельству, в отличие от Жакерии, восстание тюшенов обязано своей продолжительностью. Положение изменилось летом 1383 г., когда дворяне заставили тюшенов бежать в Севеннские и Овернские горы. Там их главные силы были разбиты в 1384 г., но отдельные отряды тюшенов действовали еще в 1390 г. На южные города и на сельское население обрушились жестокие репрессии и штрафы; все же правительству пришлось значительно снизить налоги, и в конце XIV – начале XV в. оно не рисковало их повышать.

Несмотря на малую изученность истории народных движений в XIV в., можно сказать, что их эволюция чрезвычайно ярко характеризует общие линии развития всей страны. Если Жакерия была по преимуществу антисеньориальным восстанием, то в 80-х годах все народные движения начинались как антиналоговые, а затем быстро перерастали в восстания, направленные против дворян, городской верхушки и местных представителей государственной власти, т. е. принимали очень широкий антифеодальный характер. Но и на этом этапе они не утрачивали своих первичных антиналоговых целей. Это отражало тот факт, что государственные налоги стали в эту эпоху главной тяготой для трудового люда, а вызваны они были прежде всего и главным образом войной. Характерно также, что общим итогом восстаний было уменьшение налогового бремени, т. е. известное удовлетворение требований восставших. Наконец, необходимо подчеркнуть, что восстаниями фактически была охвачена почти вся страна, кроме западных провинций.

В период ослабления королевской власти (при психически больном Карле VI – 1380–1422) началась ожесточенная усобица двух феодальных партий, во главе которых стояли дядья и опекуны короля – герцоги Бургундский и Орлеанский. Последний действовал совместно со своими родственниками, крупными феодалами юга графами Арманьяками,

---

118 М. М. Себенцова. Восстание тюшенов. – «Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. Ленина», т. XVIII, 1954. Во французской историографии есть только старые работы: M. Boudet: La Jacquerie des tuchins, Riom, 1895; Ch. Porta!. Les insurrections des tuchins dans le pays de langue doc vers 1382–1384. – «Annates du Midi», 1892.

поэтому усобица называлась «войной бургундцев и арманьяков» [119]. Принцы королевского дома стремились к полной самостоятельности в своих апанажах (владениях, выделявшихся им из состава королевского домена) [120], а южные феодалы жаждали сохранить свою независимость, которой они добились во время Столетней войны. Обе партии наносили огромный ущерб экономике и населению страны, нещадно грабили казну и народ, а дворяне истребляли друг друга. В этой междоусобице совершенно открыто проявились узкоэгоистические классовые цели дворянства, и Франция снова легко могла стать добычей для англичан. К счастью, те были заняты грозными событиями у себя дома (восстание Уота Тайлера) и борьбой феодальных партий за английский престол. Поэтому они не отваживались на большое новое вторжение, ограничиваясь отдельными нападениями на северные и западные берега Франции.

Париж – не только столица Франции, но крупнейший торгово-ремесленный центр Западной Европы – представлял собой желанную цель для бургундцев и арманьяков. Овладение им означало завоевание политической власти в стране. Но парижское население воспротивилось этому. На созванных в 1413 г. Генеральных Штатах были высказаны резкие протесты против междоусобицы и жалобы на невыносимые злоупотребления назначенных герцогами чиновников. Однако сами Штаты были бессильны чего-либо добиться. Тогда в Париже вспыхнуло восстание [121]. Главную роль в нем играли мелкие ремесленники, подмастерья и городская беднота. По имени одного из вождей, живодера Симона Кабоша, они стали называться кабошьенами. Они требовали умиротворения страны, снижения налогов и упорядочения их сбора. Эта борьба была использована зажиточными слоями города для осуществления умеренных реформ в финансовом и судебном ведомствах, а также в армии. Однако по мере развертывания восстания бедноты против богачей умеренные слои отошли от движения. Париж был взят арманьяками, и те жестоко расправились с восставшими.

Для городских восстаний конца XIV – начала XV в. характерна еще одна черта: разрыв между верхами и низами города. Инициатива и главная движущая сила была теперь у городского плебса, а зажиточные слои и богатая верхушка непрочь были воспользоваться движениями, чтобы добиться некоторых реформ и смягчения междоусобицы. Но в то же время они были кровно заинтересованы в экономической эксплуатации плебса, и, как только его борьба начинала обращаться против богачей, имущие слои переходили на сторону королевской власти. Это позволило правительству почти полностью ликвидировать коммунальные вольности, а в дальнейшем установить действенный контроль над городами, что знаменует собой важнейший поворот в истории не только городов, но и всей страны.

Конец столетней войны

Разгул политической анархии во Франции сулил англичанам легкую победу. Как только на английском троне укрепилась династия Ланкастеров, в 1415 г. англичане снова

---

[119] Феодальная анархия конца XIV – начала XV в. исследована в работах: *Jacques d'Avout.* La querrelle des Armagnacs et des Bourguignons, Paris, 1943; *M. Nordberg.* Les dues et la royaute. Etudes sur la rivalite des dues d'Orleans et de Bourgogne. 1392–1407. Uppsala, 1964. Особо следует отметить монографию, посвященную финансовой истории начала XV в.: *B. A. Pocquet du Haut-Jusse.* La France gouvernee par Jean sans Peur Les depenses du receveur general du royaume. Paris, 1959; *idem.* Jean sans Peur. Programme, moyens, resultats. – «Revue de l'Universite de Bruxelles», 1955, aoOt – sept.

[120] О происхождении апанажей см.: C. *T. Wood.* The French Apanages and the Capetian Monarchy, 1224–1328. Cambridge (Mass.), 1966.

[121] *М. М. Себенцова.* Кабошьены и ордонанс 1413 г. – «Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. Ленина», т. XXXVII, 1946; *она же.* Восстание кабошьенов. – «Труды Моск. ист. арх. ин-та», т. 12, 1958.

вторглись во Францию. Генрих V высадился с войском в устье Сены и направился через Пикардию к Кале. При Азенкуре (к югу от Кале) рыцарская армия арманьяков (герцог Бургундский собирался действовать совместно с англичанами) была разбита, и снова многие французские феодалы, в том числе герцог Орлеанский, были убиты или взяты в плен. Затем англичане захватили Нормандию и Мэн. Опять, как и в 1356 г., Франция осталась без армии и без денег на войну. Наступили тяжелейшие годы в ее истории, так как междоусобица не только страшно разорила страну, но и привела к ее распаду. Герцог Бургундский стал независимым государем как в своем герцогстве, так и почти во всех восточных землях Франции[122]. Кроме того, он владел богатейшими в ту пору областями Западной Европы – Нидерландами. Фактически он превратился в совершенно независимого государя и, стремясь сохранить это положение, вступил в союз с англичанами, что было настоящей государственной изменой. Для населения Франции, сперва на севере, а потом и повсюду, бургундцы скоро стали такими же врагами, как и англичане.

После своих военных успехов англичане навязали Франции позорные условия мира (договор в Труа в 1420 г.). Она утратила национальную независимость и стала частью объединенного Англо-Французского королевства. При жизни Карла VI правителем Франции стал Генрих V, затем престол должен был перейти к сыну английского короля и французской принцессы, будущему Генриху VI. Дофин Карл (будущий Карл VII) был отстранен от наследования. Но смерть настигла Генриха V в 1422 г. в полном расцвете сил; спустя несколько месяцев умер и Карл VI. Невзирая на условия договора, Карл VII провозгласил себя королем Франции (1422–1461). Англичане и герцог Бургундский признали королем Англии и Франции десятимесячного Генриха VI, за которого стал править его дядя, английский герцог Бэдфорд.

Север Франции был оккупирован англичанами; на востоке их владения плотно смыкались с владениями герцога Бургундского. Герцог Бретонский тоже был союзником англичан. Территория Карла VII была сведена к провинциям, расположенным в центре страны, на юге (Лангедок) и на юго-востоке (Дофинэ). Королю принадлежала также провинция Пуату на Бискайском побережье, зажатая между Бретанью и английскими владениями вокруг Бордо. По размеру королевские земли были значительны, не уступая территории, занятой самими англичанами (т. е. без бургундцев). Там было много богатых городов, оказывавших в войне неоценимую помощь деньгами и людьми. Но в целом территория короля была менее компактна, слабее населена, менее плодородна (за вычетом нескольких областей) и хуже связана путями сообщения, чем владения его врагов. Из трех главных в ту пору властителей французской земли Карл VII был самым слабым еще и потому, что ресурсы для борьбы с врагами он был вынужден черпать только из своих земель, в то время как к услугам англичан были еще и ресурсы самой Англии. Герцог Бургундский также располагал богатыми областями и городами за пределами Франции. Но в такой длительной войне, когда на карту было поставлено существование Франции как независимого национального государства, действовали и другие факторы, сыгравшие немалую роль в освобождении страны.

Одним из них была политика англичан на завоеванных землях. Генрих V сразу же принялся раздавать французские фьефы английским рыцарям и баронам, а некоторые порты в Нормандии заселил только англичанами. В результате для потерявших свои владения французов было только одно средство вернуться в родные пределы – борьба до победы.

Еще более важным фактором стало народное сопротивление, вызванное чрезвычайно тяжелым положением населения оккупированной территории. Новые сеньоры неукоснительно взимали все феодальные поборы, новые власти взыскивали контрибуции и налоги, военные действия до крайности разорили сельское хозяйство. Малейшее

---

122 О Бургундском герцогстве см.: R. Vaughan. Philip the Bold. The Formation of the Burgundian State. Cambridge (Mass.), 1962; idem. John the Fearless. The growth of Burgundian Power. N. Y.t 1966; idem. Philip the Good. London, 1970/

неповиновение англичане карали самым свирепым образом.

Партизанская война началась чуть ли не сразу после вторжения и разгоралась все больше и больше. Она была очень эффективна по следующей причине. Английская стратегия завоевания заключалась в продвижении с опорой на линию частых пограничных крепостей, которая постепенно отодвигалась все дальше к югу. Однако из-за действий партизан гарнизоны приходилось держать и в тех крепостях, которые оказывались удаленными от линии фронта. В итоге все владения англичан были усеяны крепостями с гарнизонами, что требовало значительного рассредоточения их военных сил.

Особенный размах партизанское движение приобрело после смерти Генриха V в 1422 г., когда Бэдфорд перестал получать помощь из Англии и принялся нещадно грабить оккупированные области. Французское население ответило отчаянной борьбой. Неуловимые партизанские отряды, находившие у крестьян помощь и поддержку, хотя это грозило жестокими казнями, подрывали владычество англичан. Те уже не рисковали передвигаться иначе как многочисленными и вооруженными до зубов отрядами, порой они даже не осмеливались покидать свои крепости. Многие из занятых городов находились в тайных сношениях с Карлом VII. В Париже и в Руане были раскрыты заговоры против англичан, их власть подтачивалась и на окраинах, и в крупнейших городах. Налоги поступали плохо, гарнизоны крепостей превратились в отряды карателей. Плану Бэдфорда – прочно обосноваться в Нормандии и в прилегающих областях – грозил провал. Из захваченной территории ему не удавалось извлечь средства, достаточные даже для успешной борьбы с партизанами. Выход можно было найти лишь в дальнейшем победоносном продвижении, в захвате новых, еще не столь разоренных областей. С этой целью и было задумано взятие Орлеана. Он непосредственно примыкал к английской территории, и многие города по Луаре уже были заняты англичанами. Поэтому его можно было быстро окружить и взять, если не штурмом, то измором. В начале октября 1428 г. небольшая армия, состоявшая из прибывших наконец из Англии отрядов и сил, собранных по нормандским гарнизонам, прибыла под Орлеан и начала возводить вокруг него осадные укрепления.

Весть об этом ужаснула всех французов. Орлеан был первоклассной по тем временам крепостью и большим городом – овладеть им было нелегко. Но, взяв его и перейдя Луару, англичане не встретили бы на своем дальнейшем пути сильно укрепленных городов. В случае же, если бы с юго-запада к ним навстречу двинулись английские силы из Бордо, то королевские войска, зажатые с двух сторон, оказались бы в трудном положении. К тому же они вообще не могли быть многочисленны: в недавней битве при Вернейле (в августе 1424 г.) пятнадцатитысячная французская армия понесла не менее тяжкое поражение, чем за девять лет до того при Азенкуре. Орлеану надо было немедленно оказать помощь. В это крайне опасное для Франции время крестьянская девушка Жанна д'Арк сумела возглавить борьбу народа с иноземными захватчиками и добиться решительного перелома в войне[123].

Жанна д'Арк родилась в 1412 г. в местечке Домреми на самой границе Франции с Лотарингией. К 1428 г. война докатилась и до этой окраины. Как и все французские патриоты, Жанна тяжело страдала, видя бедствия, обрушившиеся на родину. Постепенно в ней зрело убеждение, что она должна отправиться к Карлу VII и стать во главе армии, чтобы изгнать англичан из Франции. Весть о начавшейся осаде Орлеана заставила ее решиться на этот шаг. Она явилась в ближайший городок Вокулёр, сумела добиться помощи от жителей и коменданта замка. Через занятые англичанами и бургундцами области она добралась до Шинона, к Карлу VII. Народ везде уже знал о ней и ее обещаниях и верил в нее. Ее поставили во главе армии, окружив лучшими и испытанными военачальниками. Они также

[123] Исследовательская и популярная литература о Жанне д'Арк огромна, но новых исследовательских работ пока нет. К 550-летию со дня рождения Жанны д'Арк появились отличные новые публикации основных источников – процессов осуждения и реабилитации: «Proces de condamnation de Jeanne d'Arc», Paris, 1959; «La rehabilitation de Jeanne la Pucelle». Paris, 1961. См. также: А. Д. Люблинская. Жанна д'Арк. – «Средние века», т. 22, 1962.

поверили в нее, видя ее удивительные успехи и наблюдая энтузиазм, который отважная и великодушная девушка зажигала в сердцах воинов. Жанна быстро усвоила несложную тактику того времени, а ее большой природный ум и острая наблюдательность помогали ей ориентироваться в обстановке. Кроме того, она всегда была впереди всех в самых опасных местах, а за ней бросались туда же и воины.

Король Карл VII и три сословия: наверху – духовенство во главе с папой, в центре – дворянство во главе с королем, внизу – горожане и крестьяне. Миниатюра середины XV в.

В конце апреля Жанна прибыла с армией в Орлеан. Английская армия была недостаточно велика, чтобы окружить город плотным кольцом, и укрепления под городом отстояли довольно далеко друг от друга. За четыре дня эти форты были поодиночке взяты французами, и 8 мая – день этот и теперь празднуется в Орлеане – англичане ушли. Победа под Орлеаном имела огромное значение. Это была первая большая победа после многих поражений и долгих лет национального унижения. По всей стране прокатилась слава о Жанне.

После взятия крепостей на Луаре, Жанна отправилась с Карлом VII в Реймс, где состоялась торжественная коронация. Это был факт огромного морально-политического значения: у французов был теперь свой законный государь, воплощавший национальный

суверенитет не только в глазах народа, но и во мнении государей и населения других стран Европы.

Слава Жанны возросла необычайно. Народ, города, армия видели в ней не только спасительницу родины, но и руководителя. Ее мнения спрашивали по самым различным поводам. Ее необыкновенная популярность отодвигала в тень не только советников короля, но и его самого. Поэтому Карл VII и его ближайшее окружение стали проявлять к Жанне все больше недоверия.

В мае 1430 г. в стычке под Компьенем, куда Жанна явилась, чтобы выручить осажденный бургундцами город, она была захвачена в плен. Герцог Бургундский продал англичанам свою пленницу за 10 тыс. золотых, и в конце 1430 г. Жанну перевезли в Руан. Инквизиционный суд, в котором судьями были французы – ставленники англичан, обвинил ее в ереси и колдовстве. Покинутая всеми Жанна мужественно защищалась, пыталась бежать. Англичанам нужно было во что бы то ни стало осудить ее как колдунью – тогда коронация Карла VII потеряла бы свое значение; 30 мая 1431 г. Жанна погибла на костре[124].

Но дело, начатое ею, не погибло. Французская армия одерживала одну победу за другой, и герцог Бургундский перешел на сторону сильнейшего: в 1435 г. он заключил союз с Карлом VII.

Была создана постоянная оплачиваемая армия и реформирована налоговая система: вместо временных субсидий были введены постоянные прямые и косвенные налоги. Вскоре англичане потеряли Париж, Руан, Нормандию, Бордо – и на этот раз навсегда (лишь Кале остался в их руках вплоть до 1558 г.). В 1453 г. кончилась война, стоившая французскому народу неисчислимых жертв, но именно народу принадлежала главная роль в изгнании англичан.

Война была для Франции тяжелейшим бедствием. Она нанесла тяжелый урон экономике страны. Немало деревень исчезло, многие пахотные земли запустели. В городах уменьшилось число ремесленников, сократилась местная и дальняя торговля, таяли купеческие капиталы. Сильно поредевшее население бежало из разоренных областей, ища пристанища в незатронутых войной местах и даже за границей (во Фландрии, Лотарингии). Особенно пострадали северо-восточные провинции; долго еще они разительно отличались от соседней богатой Фландрии и лишь через 20–30 лет снова достигли уровня, на котором находились в начале XIV В.

Возрождение Франции

По мере освобождения занятой англичанами территории уже к концу 30-х и в 40-х годах началось возрождение Франции. После окончания войны для сельского хозяйства и ремесла создались почти нормальные условия. Однако запустение многих жизненно важных районов на севере было настолько значительным, что правительство было вынуждено принять срочные меры. В 1451 г. король освободил на восемь лет от уплаты налогов тех крестьян, которые вернутся на свое прежнее местожительство, сеньоры, чьи земли запустели и почти не приносили дохода, звали к себе крестьян, предоставляя им землю в наследственное держание за низкий и неизменный ценз или за $^1/_6$-$^1/_{12}$ урожая, причем держателям предоставлялось право распоряжения землей. Но как только жизнь наладилась, сеньоры и правительство перешли в наступление на крестьян. За сеньорами было закреплено право собственности на запустевшие земли. Они воспользовались этим, чтобы захватить в полную собственность часть общинных угодий, принадлежавших сельским коммунам. Они пытались возобновить отмершие баналитеты, повысить ценз и другие поборы. Крестьяне вели с сеньорами упорную борьбу. Сельские коммуны, очень окрепшие во время войны,

---

124 В 1455–1456 гг. после окончательного изгнания англичан Карл VII приказал пересмотреть судебный процесс 1431 г. Жанна была признана невиновной в колдовстве.

когда деревни были зачастую брошены на произвол судьбы и крестьянам приходилось прибегать к вооруженной самозащите, оказались действенной силой. Их выборные ведали теперь также и раскладкой и сбором налогов. Сплоченность крестьян в коммунах помогла противостоять попыткам сеньоров увеличить феодальный гнет; ценз остался неизменным, а прочие поборы повысились лишь в незначительной мере.

Однако начавшееся с 40-х годов укрепление центральной власти принесло крестьянам новые тяготы. За 22 года правления короля Людовика XI (1461–1483) одна королевская талья, уплачивавшаяся преимущественно крестьянами, повысилась более чем в три раза. Налоги разоряли малоимущие слои деревни и тяжело ложились на крестьянство в целом. Лишь к концу XV в. благодаря росту посевных площадей и трудолюбию крестьянства к Франции вернулось известное изобилие. В урожайные годы зерно вывозилось в Англию, Нидерланды, Испанию, непрерывно рос экспорт высококачественных вин. По-прежнему все это означало рост продуктивности именно крестьянского хозяйства, ибо феодалы теперь почти полностью превратились в земельных рантье.

Ремесло возродилось быстрее; к тому же Людовик XI, стремясь к развитию экономики страны, покровительствовал городскому ремеслу и городам, особенно поощряя такие отрасли, как шелкоткачество, металлургию и металлообработку, книгопечатание, производство стали, изготовление легких шерстяных тканей (более дешевых, чем сукно, и оттеснявших его на второй план) и т. д., предоставляя различные льготы и привилегии, выписывая специалистов из Германии и Италии. Он приложил много усилий для того, чтобы укрепить цеховую систему, но исключительно из фискальных соображений, ибо звание мастера покупалось у короля. В этих целях он распространил ее и на многие южные города, где до того господствовало свободное ремесло. В его экономической политике[125], особенно в области таможенных тарифов, уже проступали черты будущего меркантилизма, но в основном она была направлена на то, чтобы страна не тратила денег на импорт ценных изделий, а производила их сама, что сокращало вывоз за границу драгоценных металлов, особенно золота.

Вторая половина XV в. была для Франции периодом расцвета ярмарок – общефранцузских, провинциальных, местных, – игравших большую роль в развитии общенационального рынка. Обеспечивая постоянные торговые связи между отдельными частями страны, ярмарки способствовали развитию хозяйственной специализации провинций. Крупная оптовая торговля велась на лионских и нормандских (в Руане и Кане) ярмарках; затем товары перепродавались на ярмарках местного значения. Очень выросло значение Лиона как крупнейшего торгового центра, связывавшего северные области с южными, и средоточия итальянских и немецких банкиров, ссужавших деньги французским королям[126]. Наряду с иностранными банкирами начали действовать и французы; стала налаживаться система кредитования государства. Еще при Карле VII крупные займы предоставлял правительству богатейший купец Жак Кёр, наживший огромное состояние на торговле с Левантом, эксплуатации рудников и откупе налогов.

---

[125] Экономическая политика Людовика XI исследована в интересной и обширной монографии Р. Гандильона (*R. Candilhon.* Politique economique de Louis XI Paris, 1941). Ценна по своему материалу и старая книга А. Сэ (H. See. Louis XI et les villes. Paris, 1891); см. также: *В. Н. Шошин.* Налоговая политика королевской власти в отношении городов Франции в 60-70-х годах XV в. – «Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции в XIII–XVII вв.». М., 1960; *Л. П. Горбачева.* К вопросу о развитии внутренней торговли и экономических связей во Франции во второй половине XV в. – «Средние века», т. XVI, 1959.

[126] См. очень интересную работу Р. Феду (*R. Fedou.* Les hommes de loi lyonnais a la fin du moyen age. Paris, 1964), посвященную, несмотря на заглавие, всему городскому строю Лиона.

Улица в XV в. Миниатюра

Людовик XI сохранил торговые привилегии и полное самоуправление важнейших портов Атлантического побережья – Бордо и Ларошели. Расцвела морская торговля, в которой главным образом и складывались крупные купеческие капиталы. Французские купцы и мастера крупнейших цехов сильно разбогатели.

После полувека феодальной усобицы возобновился процесс укрепления королевской власти, служившей в ту пору оплотом национального единства и государственного суверенитета. Но принцы королевского дома, крупные сеньоры южных областей и особенно герцоги Бретонский и Бургундский, которые были полными государями в своих владениях, пытались этому противодействовать. В 1465 г. они образовали «Лигу общественного блага» и первыми открыли военные действия, провозгласив демагогическое требование уничтожения налогов; они надеялись использовать недовольство городов и крестьянства усилением налогового гнета. Главой Лиги был герцог Бургундский Карл Смелый, чьи владения еще больше возросли за счет северных нидерландских провинций и областей по Рейну. Теперь так называемое Бургундское государство охватывало кольцом весь северо-восток Франции почти до Лиона и включало чисто французские области: герцогство Бургундское, Нивернэ, Пикардию.

Лигу поддерживала часть зависимого от ее членов среднего и мелкого дворянства, а также городские власти некоторых городов, находившихся на территории принцев. Большую роль во время междоусобицы сыграл Париж[127]. Когда войска Лиги подошли к столице, то

[127] С. *М. Маневич.* Париж во время Лиги общественного блага. – «Уч. зап. Карело-Финского ун-та», т. II, вып. 1. Петрозаводск, 1947.

основная масса парижан оказалась на стороне короля и не допустила вступления принцев в город. Однако значительная часть столичного духовенства, чиновничества и купечества колебалась и прислушивалась к обещаниям Лиги вернуть им в полном объеме муниципальные права, незадолго до того отобранные королем. Эта позиция верхов Парижа ослабила Людовика XI и заставила его подписать в конце 1465 г. тяжелые условия мира, предоставившие членам Лиги самостоятельность в их владениях. Но вместе с тем король получил передышку в борьбе и воспользовался ею для укрепления союза с городами и разъединения своих врагов. Это позволило ему привести к покорности крупных сеньоров.

Теперь главная политическая задача заключалась в подчинение Карла Смелого. Она оказалась очень трудной и потребовала больших расходов и дальновидной дипломатии, в которой Людовик XI был очень искусен. Наличие «Бургундского государства» препятствовало завершению территориального, экономического и культурного объединения Франции в национальное государство. Потерпев неудачу в военных действиях против Карла Смелого, Людовик XI перешел к политике активной поддержки его врагов – лотарингцев, швейцарцев, фландрских городов, что ему полностью удалось. Смерть герцога в 1477 г. в битве с швейцарцами и лотарингцами при Нанси позволила Людовику XI воссоединить с Францией Пикардию, Нивернэ и герцогство Бургундское. Графство Бургундское (Франш-Контэ) и Нидерланды остались у дочери Карла Смелого Марии, вышедшей замуж за Максимилиана Габсбурга, сына германского императора (эти владения послужили в XVI в. основой для формирования империи Карла V Габсбурга, а борьба за них явилась одной из причин войн Франции с Габсбургами).

В 1481 г. к Франции был присоединен Прованс с крупнейшим средиземноморским портом Марселем, уже давно игравшим большую роль в торговле французских купцов с Левантом, Италией, Испанией и северным побережьем Африки. В итоге к концу правления Людовика XI территориальное объединение страны в национальное государство с крепкой центральной властью было в основном завершено, но необходимо отметить что южные и восточные области выговорили себе при присоединении значительные привилегии политического и налогового характера. Поэтому до настоящего административного, судебного и финансового единообразия было еще далеко.

Для успешного развития культуры в XIV – первой половине XV в. не создалось благоприятных условии: воина нарушила нормальную деятельность школ и университетов, в городах не было спокойствия. Однако культурная жизнь возрождалась, как только наступали более или менее длительные перерывы в военных действиях. В последние годы правления Карла V появилось немало переводов латинских античных авторов на французский язык, во Францию начали проникать произведения итальянских гуманистов. Король собрал превосходную библиотеку[128], ему подражали знать и богатые горожане.

Обострение классовой борьбы и тяжелая война с Англией выразительно сказались на содержании исторических произведений. Расширился круг их авторов: большинство хроник были в ту пору написаны не в монастырях или епископских дворцах, а горожанами и мелкими рыцарями. Стал более свободным характер изложения; хронисты писали обо всем, что привлекало их внимание, и шире давали волю проявлению симпатий и антипатий; поэтому в их трудах отчетливо выражены интересы отдельных социальных слоев[129]. Все хроники, мемуары, дневники и т. п написаны на французском языке, а те хроники, что писались еще по-латыни, были в большинстве случаев переведены. Число дошедших до нас списков хроник XIV–XV вв. очень велико – их усердно читали и переписывали, и это

---

128 Она составляет основу собрания рукописей Национальной библиотеки в Париже. См. *F. Avril.* La librairie de Charle V. Paris, 1968.

129 См.: *Н. Н. Мелик-Гайказова.* Французские хронисты XIV в. как историки своего времени. М., 1970.

свидетельствует о возросшем интересе французов к истории своей страны. Наиболее важные исторические произведения XIV в. принадлежат Фруассару, Жану де Венет и канцлеру Пьеру д'Оржемон; в конце XV в. появились знаменитые мемуары Филиппа Коммина.

Фруассара называют «певцом рыцарства» – и. действительно, в его многотомной хронике французское дворянство изображено необыкновенно живо и красочно. Он подробно описал военные действия, ездил осматривать поля сражений, расспрашивал полководцев и рядовых рыцарей. К восставшим крестьянам и горожанам он питал ярую ненависть, и его описание Жакерии насквозь фальсифицировано. Зато в хронике Жана де Венет имеются замечательные сведения о тяжелых бедствиях народа (к которому автор относился с искренним сочувствием), о Жакерии и о последовавших за ней жестоких репрессиях. Труд д'Оржемона охватывает 50-80-е годы XIV в. и содержит наиболее полную сводку событий этого бурного периода, составленную с политических и идеологических позиций королевской власти. Мемуары Коммина начинают новую эпоху во французской историографии. Этот труд долгое время считался непревзойденным по четкости мысли и превосходному языку. Он был переведен на многие европейские языки и служил своего рода руководством для государей и политических деятелей, черпавших из него уроки политической мудрости и поведения. Многие суждения Коммина о причинах тех или иных событий, о роли, мотивах и интересах государственных людей его времени и т. д. подтверждаются историками в наши дни.

Среди десятков поэтов XIV–XV вв. крупнейшие – принц Карл Орлеанский и бродяга Вийон, два социальных полюса, олицетворяющих собой два важнейших направления – дворянское и народное – во французской литературе. Эти направления сложились задолго до XIV–XV вв. и получили свое наиболее яркое воплощение в XVI в.

Война нанесла большой ущерб памятникам архитектуры, многие соборы, церкви, дворцы были повреждены или разрушены. Их восстановление не привело к полной реконструкции былого облика: развилась так называемая пламенеющая готика – особый стиль архитектуры, скульптуры и витражей. При сохранении прежних принципов строительства, в этих зданиях особенно виртуозно оформлены своды, а башни, порталы и розы украшены необыкновенно пышно и изысканно. В таком же стиле стали строить дворцы в городах (например, дом Жака Кёра в Бурже), а загородные замки постепенно превращались из крепостей в летние резиденции.

Расцвет французского искусства во второй половине XV в. дает основание говорить об этом периоде как о раннем французском Возрождении. Станковые картины, главным образом портреты, рисунки, миниатюры рукописей свидетельствуют о крупных достижениях в воспроизведении реального мира, в области перспективы, колорита, света и пространства. Знаменитые мастера – Фуке, Мармион, король Ренэ Анжуйский и многие другие – создали в ту пору подлинные шедевры французской национальной живописи. Французскую скульптуру конца XV в. можно поставить в ряд с лучшими образцами тогдашнего итальянского искусства. Расшифрованные недавно нотные записи познакомили с прекрасной музыкой – хоралами, песнями и т. д.

К концу XV в. во Франции было 15 университетов; вместе с Парижским славились университеты в Орлеане (юридический факультет) и в Монпелье с его знаменитым медицинским факультетом. Труды университетских профессоров по математике, астрономии, физике и медицине стали в наши дни предметом тщательного изучения, и специалисты отмечают накопление знаний и подъем рационалистической мысли.

Рост школ и университетов, огромное число дошедших до нас рукописных книг XV в., а после 1470 г. – и печатных, свидетельствуют как о расширении слоя образованных людей, так и о значительном распространении грамотности, в первую очередь среди городского населения. Но школы были также и в деревнях; хотя с несравненно более узким кругом образования, они все же давали части крестьянства начатки грамоты.

*** * ***

На рубеже XVI в. во Франции началось зарождение капиталистического уклада. Каковы же основные итоги предшествовавшего шестисотлетнего развития?

Производительные силы достигли своего максимального в условиях феодализма предела. Были освоены все земельные площади, пригодные для земледелия и скотоводства, страна покрылась густой сетью городов. Сельское хозяйство и ремесло в общем удовлетворяли нужды многомиллионного населения (Франция была тогда самой населенной страной Западной Европы); ввозились лишь восточные пряности и отчасти шелка. Вино, зерно и другие продукты питания экспортировались. Благодаря торговым связям были заложены основы внутреннего рынка.

Производственные феодальные отношения исчерпали свои прогрессивные возможности и вступили в первую фазу разложения. В деревне решительно преобладало мелкое хозяйство лично свободных крестьян, плативших денежную ренту. В некоторых цехах подмастерья превращались фактически в наемных рабочих, многие купцы и мастера ведущих отраслей ремесла обладали большими по тому времени капиталами.

Как в экономической, так и в политической сферах господствующий класс понес к концу XV в. значительный ущерб, однако феодализм пустил во Франции столь глубокие корни, что для полного его изживания и разрушения понадобилось еще три столетия. Большие потери понесла к концу XV в. феодальная знать. Le политические прерогативы в значительной степени перешли к усилившейся королевской власти – абсолютизм был не за горами.

В XVI век Франция вступила как самое крупное из централизованных государств Западной Европы, обладавшее богатой и разнообразной духовной культурой, носившей ярко выраженные национальные черты.

4. Франция первой половины XVI века[130]

Франция – единое государство

Королевская власть есть достоинство, а не наследственное достояние – эта фраза, прозвучавшая впервые на Генеральных Штатах в Туре в 1484 г., едва Людовик XI навеки закрыл глаза, подводила итоги долгой, черновой работе столетий, завершенной только что умершим королем. Франция теперь была единым и, пожалуй, самым сплоченным из всех европейских государств, и это знаменовало собой наступление в Европе новых времен. На сцене европейской политики выступали крупные политические объединения, в лоне которых создавалось новое единство – единство нации. И этот факт в сознании современников, еще не понимавших всех вытекавших из него последствий, отложился в вышеупомянутой фразе, смысл которой заключался в том, что королевская власть, олицетворявшая новое государство, одновременно и возвышалась на пьедестал морального достоинства, и превращалась в общественное служение.

Само собой разумеется, что это осознанное современниками положение не было полным пониманием смысла свершающихся процессов и их значения как звена всемирно-исторического развития. Раскрыть этот смысл и есть задача историка-марксиста, рассматривающего каждый факт и процесс прошлого в единстве целого.

В 1491 г. сын и преемник Людовика XI Карл VIII женился на герцогине Анне Бретонской, и с этой женитьбой последнее крупное герцогство – Бретань фактически вошло в состав земель французской короны, хотя окончательное присоединение ее к Франции произошло значительно позже, в 1532 г. К этому времени территория Франции была лишь

---

[130] С. Д. Сказкин

немногим меньше нынешней. На востоке ей не хватало Лотарингии, Франш-Конте, Бресс, Бюже, Жекс, Савойи и Ниццы. Княжество Оранж, Авиньон и графство Венессен на юге находились в особом отношении к Франции. Первое считалось вассалом французской короны, а его государь должен был приносить королю обычную вассальную присягу (foi et hommage); вторые два принадлежали папе, но король пользовался на их территории некоторыми правами. На юго-западе у Франции не было еще Руссильона (отошедшего в 1494 г. к Испании), Наварра оставалась самостоятельным государством, и даже Беарн был связан с Францией феодальной зависимостью весьма непрочного и сомнительного свойства.

Но в целом Франция к XVI в. – крепкое и сплоченное по тем временам королевство. Однако все же не следует преувеличивать степень этой сплоченности. Она – продукт долгого и мучительного процесса, и это обстоятельство давало себя чувствовать даже в первую половину XVI в. при сильных (или, по крайней мере, популярных) королях.

В буре гражданских войн второй половины столетия Франция снова готова была развалиться на свои составные части. Исход войн, однако, показал, что центростремительные силы взяли верх над центробежными.

Давал себя чувствовать и так называемый «феодализм принцев». Апанажи (уделы) принцев крови представляли еще большие феодальные владения. Крупнейшие из них принадлежали родственникам короля, фамилиям Орлеанов, Алансонов и Бурбонов. Особенно сильна была последняя, наименее близкая по крови ветвь королевского дома – Бурбоны. Она состояла в свою очередь из трех родственных фамилий: Ламарш, Бурбоны, Монпансье, которым в начале века принадлежали громадные владения в центре Франции в области Орлеана. Фамилия Алансонов, правда, была небогата. Орлеаны после смерти бездетного короля Карла VIII сами оказались на престоле Франции в лице Людовика XII (1498–1515), тоже не имевшего наследника, и единственным представителем этого дома остался двоюродный брат короля Франциск Ангулемский, который после смерти Людовика XII занял французский престол под именем Франциска I (1515–1547).

Кроме принцев крови, большие феодальные владения принадлежали титулованным феодалам. Эти знатные фамилии гнездились главным образом на юго-западе. Таковы были д'Альбре, Наварры, де Фуа и т. д. Около трех десятков крупных сеньорий было разбросано повсюду, будучи вкраплены в королевский домен. Но их владельцы – уже не средневековые сеньоры. Они утеряли свои суверенные права. Впрочем, на юге еще в конце XV в. кое у кого из феодалов были свои многочисленные дворянские свиты, и между такими феодалами иногда возникали настоящие войны, на которые королевская власть принуждена была смотреть сквозь пальцы. Новые порядки, возникавшие с усилением королевской власти, не сразу вошли в сознание современников. Феодалы еще долго смотрели на усиление королевской власти как на узурпацию своих вольностей и прав, и во второй половине века эти взгляды ожили с новой силой.

Трудным делом оказалось присоединение Бретани. Для этого понадобился ряд браков между королями французскими и герцогами бретонскими. Анна Бретонская после смерти Карла VIII стала женой Людовика XII (1499). В это время Бретань оставалась доменом королевы, и последняя ревниво оберегала самостоятельность и обособленность своих подданных бретонцев. Дочь Людовика XII и Анны Бретонской Клотильда Бретонская была женой Франциска I. И только этот король добился от своей жены, чтобы она завещала свое государство, т. е. Бретань, их сыну, а в 1532 г. получил согласие бретонских штатов на признание дофина, будущего Генриха II, герцогом и сеньором Бретани, вследствие чего Бретань окончательно вошла в состав Франции при условии сохранения своих прав, вольностей и привилегий.

Что же представляла собой эта новая Франция с точки зрения населения, экономики страны, ее социального и политического строя?

Мы не знаем и не можем знать при отсутствии в XVI в. статистики точных цифр населения Франции. Данные и подсчеты современников в большинстве случаев совершенно фантастичны (от 25 млн. до 150 млн.!). Хорошо осведомленные в деле взимания налогов

люди считали, что в 70-х годах XVI в. во Франции, включая сюда и феодальные владения, было 3 711 783 очагов по 4 человека в среднем на очаг, т. е. 14 847132 жителя. Не считая полусамостоятельных территорий, Франция насчитывала не больше 3 млн. очагов, т. е. около 12 млн. жителей. Предполагая, что во второй половине XVI в., в эпоху гражданских войн и разорения, во Франции едва ли мог быть прирост населения, можно думать, что и в первой половине века население ее не превышало 14,5-15 млн. жителей. Из всех государств Западной Европы Франция была самым большим и самым многолюдным.

История каждого общества и государства вырастает на основе материальной базы, трудовой организации этого общества – иначе говоря, зависит от развития производительных сил. Европа с XVI в. переживала период так называемого первоначального накопления, т. е. развития капиталистического хозяйства как уклада в недрах все еще продолжавшего господствовать феодального хозяйства и общества. Как происходил этот процесс и каковы были его последствия в конкретных условиях Франции?

Крестьянство и дворянство

Экономическое развитие Франции шло по другому пути по сравнению с Англией, которая представляла собой классический пример капиталистического развития в Европе. Во Франции и до XVI в., и позже отсутствовали благоприятные условия для большой вывозной торговли хлебом и другим сельскохозяйственным сырьем, не было также и своей внутренней промышленности, достаточно емкой для использования больших масс своего сырья. Поэтому ни дворянство, ни буржуазия во Франции не были заинтересованы в создании в деревне крупных хозяйств предпринимательского типа и не имели надобности изменять технику и размеры сельскохозяйственного производства. Чем дальше, тем больше дворяне отходили от сельского хозяйства и покидали свои деревни ради подчас весьма незавидной жизни в Париже при дворе короля или даже при дворе крупных сеньоров.

Параллельно менялось и положение крестьянства. К концу XV в. основная масса крестьян состояла из лично свободных мелких землевладельцев, имевших право уходить, куда им угодно, и заниматься, чем им угодно. Но, освободив себя лично, крестьянство не получило земли в полную собственность. Вплоть до самой буржуазной революции XVIII в. французское крестьянство представляло собой массу средних и мелких держателей на феодальном праве в его разнообразных формах. Наиболее распространенным видом держания была так называемая цензива. Землю свою цензитарии имели право продавать, дарить, закладывать и т. д. и вследствие этого владельческие права крестьян на цензиву считались близкими к собственности, с одной, однако, оговоркой, что ценз должен был всегда уплачиваться феодальному собственнику-сеньору, который в данном случае рассматривался как верховный господин всей земли крестьян. В целом положение французского цензитария было благоприятнее положения английского копигольдера, тоже лично свободного, но далеко не всегда наследственного держателя земли на феодальном праве.

В восточных провинциях Франции, более отсталых экономически, и кое-где на севере еще существовали крепостные крестьяне (сервы, менмортабли), не имевшие права передавать свою землю по наследству и уплачивающие поэтому при наследовании особый выкуп, но количество их, вероятно, было невелико, да и сама зависимость несколько ослабела, и за небольшое вознаграждение сеньор отпускал обычно крестьянина на заработки и даже навсегда при условии, если последний находил себе заместителя.

Развитие денежных отношений и переход к денежной форме феодальной ренты имели и еще одно важное последствие. Требования со стороны сеньоров уплаты ценза в определенные сроки, необходимость денежных займов для расширения и улучшения производства (распашка нови, осушка болот, покупка инвентаря), имевших место при общем хозяйственном подъеме к началу XVI в., влекли за собой рост крестьянской задолженности. Ростовщический капитал начинал поэтому в довольно значительных размерах просачиваться

в деревню, росло влияние буржуазии (и местной, и городской). Буржуазия скупала домениальные земли сеньории, покупала целые сеньории, право сеньора на получение феодальной ренты с держателей. Она скупала даже отдельные крестьянские цензивы. Приобретаемые земли буржуазия, однако, не обрабатывала при помощи наемной рабочей силы, а предпочитала сдавать в аренду крестьянам, и, таким образом, крестьянские краткосрочные (от пяти до десяти лет) аренды становились наряду с цензивой обычной формой крестьянского землепользования. Буржуазия давала ссуды под обеспечение недвижимостью, причем ипотека, т. е. ссуда под залог земли, осуществлялась часто в форме так называемой конституированной ренты (rente constitutee a prix d'argent), появившейся еще в XII в., но получившей особое распространение именно в это время. При этом процент по займу выплачивался либо натурой, либо деньгами и раскладывался на всю земельную площадь должника, следуя, таким образом, порядку взимания феодального ценза. Выражение «купить мешок ренты» в то время означало дать под залог земли такую ссуду, ежегодный процент на которую составлял мешок зерна или соответствующую этому денежную сумму. Такая ипотека могла устанавливаться и на вечные времена (наследственно) – и в таких случаях она походила по способам своего взимания на феодальный ценз, почему и называлась сверхцензом. Но надо помнить, что ни по происхождению, ни по своему назначению она не имела ничего общего с сеньориальными платежами в собственном смысле слова, а поэтому и не защищались нормами обычного (феодального) права. Ее распространение означало лишь проникновение ростовщического капитала в деревню.

Поэтому следует подчеркнуть, что несмотря на благоприятную в общем для французского крестьянина эволюцию аграрных отношений, экономическое положение крестьянства в XVI в. было очень тяжело. Кроме ценза, уплачиваемого за землю, крестьянина опутывала сеть самых разнообразных повинностей, связанных с судебной зависимостью крестьян, а также платежи нефеодального характера, вроде вышеупомянутых сверхцензов-ипотек, которых могло быть несколько одновременно на одной и той же земле. Вред, наносимый феодальными повинностями, был чрезвычайно велик (например, исключительное право охоты, вследствие которого крестьяне не могли бить дичь, портившую посевы) и не соответствовал тем выгодам, которые получали сеньоры. Последние не будучи сами земледельцами, не принимали во внимание интересы сельского хозяйства в целом и поэтому, ради немедленной выгоды или барских забав, пренебрегали основными источниками собственных доходов.

Заинтересованность буржуазии в земельных приобретениях и спекуляции землей имела и свои положительные стороны для крестьянина. Буржуазии, как и самому крестьянству, нужно было, чтобы владельческие права крестьянства на землю были прочными и устойчивыми. Поэтому буржуазия еще с XII в. принимала деятельное в целом участие в записи обычного права (кутюмы), что имело положительное значение и для крестьян. Юристы XVI в. старались доказать, что цензива является почти полной собственностью крестьянина, что последний имеет право распоряжения землею такое же, как и собственник по римскому праву, и что «права» сеньора на цензиву исчерпываются правом получения ценза – пусть «вечного», но зато неизменного в своем номинальном размере платежа. При общем упадке реальной ценности денег в период так называемой «революции цен» такое толкование ценза (надо учесть, что запись обычного права стала признаваться королевским судом) было выгодно для крестьянина (и для буржуазии), так как реальная стоимость ценза падала.

Так, в области аграрных отношений и крестьянских прав на землю уже в XVI в. подготовлялось то частичное совпадение интересов буржуазии и крестьянства, которое в XVIII в. опрокинуло весь феодальный строй. Это совпадение интересов буржуазии и крестьянства позволило мужику укрепить свои права на землю и добиться реального понижения денежной ренты. Дворянство во Франции оказалось недостаточно сильным, чтобы соответственно повысить феодальную ренту. Слабость же дворянства во Франции, в

отличие от дворянства, например, в Англии, объясняется тем, что оно все меньше принимало непосредственное участие в хозяйстве страны, превращалось в паразита, жившего на феодальную ренту с крестьян, на пенсии и подачки короля, который в свою очередь черпал эти средства из налоговых сумм, поступавших с того же крестьянства и с той же буржуазии.

Абсолютная монархия во Франции с ее централизованным аппаратом взимания налогов была поэтому при создавшихся хозяйственных отношениях единственной формой, гарантировавшей дворянству некоторое восполнение тех потерь, которые оно несло вследствие закрепления абсолютного размера феодальной ренты.

Сами налоги в этом феодально-абсолютистском государстве были лишь концентрированной формой феодальной ренты, взимаемой по-старому со всего третьего сословия, т. е. не только с крестьянства, но и с торговли и промышленности (а следовательно – и с буржуазии) в пользу дворянства. Последнее обстоятельство усиливало паразитический характер привилегированного класса во Франции, а вместе с тем и антагонизм между дворянством, с одной стороны, буржуазией и крестьянством, с другой, тем более, что само крестьянство переживало в это время процесс дифференциации, приближавший его верхушечную часть к буржуазии.

Вышеуказанная особенность социальных отношений во Франции нисколько, конечно, не устраняла того антагонизма между буржуа, с одной стороны, плебеем и крестьянином, с другой, который был свойствен этому периоду создававшегося капиталистического уклада. Тем не менее, пока существовало феодальное общество, и государство было выражением господства класса феодалов, прежний антагонизм между дворянством и третьим сословием перевешивал антагонизм в пределах самого третьего сословия именно в силу конкретного своеобразия экономического развития Франции. С одной стороны, как мы уже говорили, во Франции не было хозяйственных условий, благоприятных для крупного хозяйства, работающего на рынок, – следовательно, у сеньоров не было причин к тому, чтобы в союзе с буржуазией, как в Англии, экспроприировать крестьянскую землю. Здесь не было, с другой стороны, необходимости как в Пруссии, Польше, славянских землях Австрии, в Венгрии и далекой России, где развивалось барщинное хозяйство, прикреплять крестьян к земле, что в этих частях Европы оказалось возможным вследствие слабости развития промышленности, городов и буржуазии. Франция не имела таких отраслей хозяйства, как овцеводство в Англии, и по причинам, о которых здесь мы говорить не будем, не могла заниматься массовым вывозом сельскохозяйственного сырья за границу, как указанные выше страны Восточной Европы. Эти обстоятельства предохранили французского мужика и от потери своей земли, и от потери свободы.

*** * ***

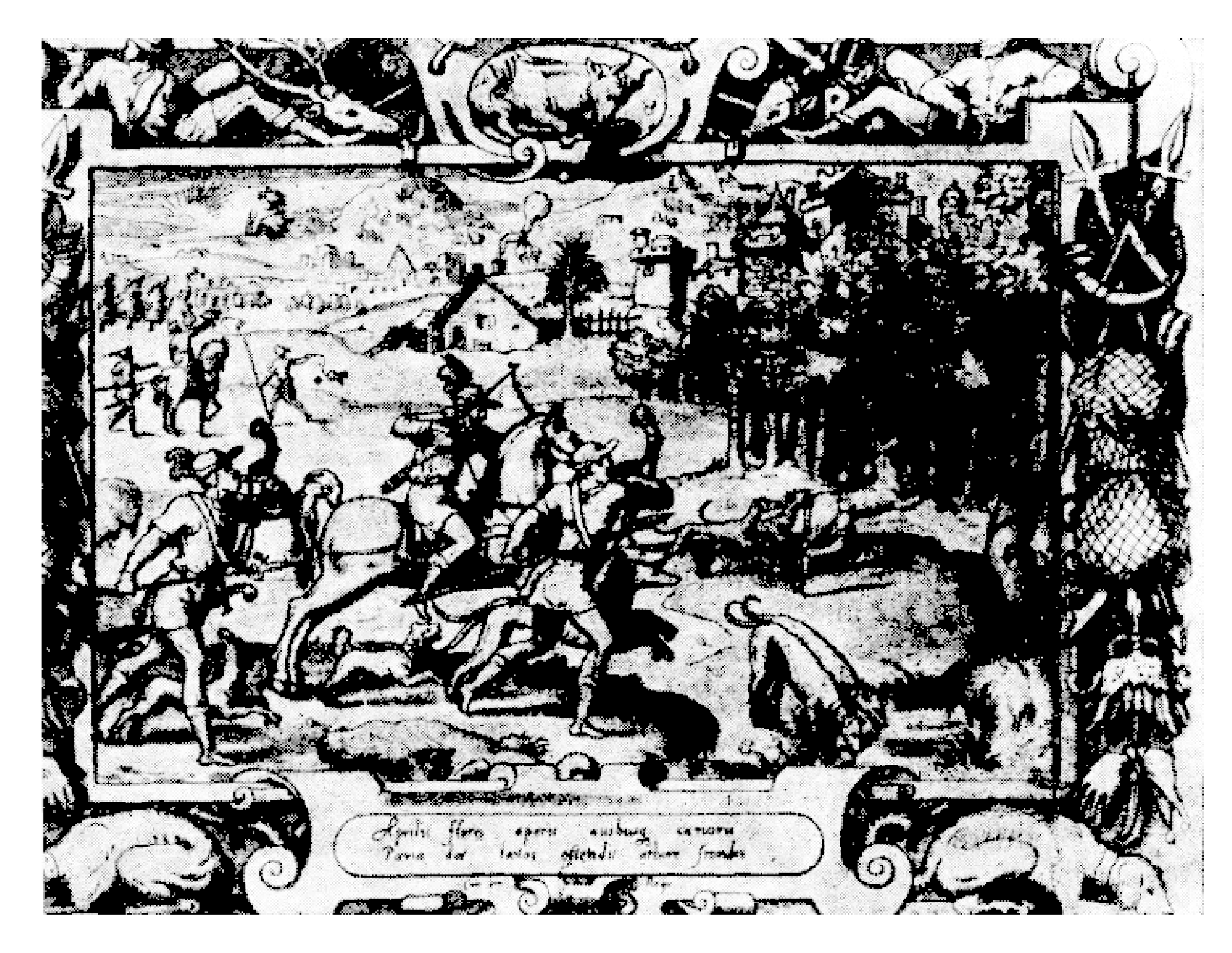
Французские историки не без основания называют XVI век веком рождения французского дворянства, а с ним и придворной аристократии. Это верно в том смысле, что прежний класс феодалов с его феодальной иерархией и отношениями вассалитета, связывавшего высшую ступень с низшей, претерпел с усилением королевской власти существенные изменения. Крупные и фактически пользовавшиеся политической независимостью сеньоры были либо физически, либо, по крайней мере, политически уничтожены. Феодальный класс возглавлялся теперь только одним сеньором – королем Франции, которому каждый дворянин был обязан служить безусловно. В этом дворянстве создается новая иерархия, лишь отчасти совпадающая со старой, потому что она определяется теперь близостью дворянина как члена господствующего класса к главе этого класса – королю Франции. Это: 1) принцы крови, 2) пэры Франции, 3) титулованное дворянство, 4) простое дворянство. В основном уже в XVI в. складываются две группы дворянства: это придворная аристократия и дворянская масса, живущая в провинции.

Наиболее крупные из сеньоров и счастливцы, облагодетельствованные королевским фавором, составляют высший слой дворянства – придворную аристократию. Она живет

доходами со своих имений, но пышность двора самого блестящего из королей Европы, необходимый при дворе блеск их собственного образа жизни, требуют от них таких огромных расходов, что им необходима постоянная помощь короля в виде жалования по должности, которая в большинстве случаев является чистейшей синекурой, или просто пенсии, выплачиваемой единственно в силу королевской милости. Феодальная масса живет доходами со своих фьефов, служит в свите феодальных сеньоров, исполняя здесь почетные, но по существу лакейские обязанности, служит в армии короля. Но так как постоянный контингент в королевской армии сравнительно невелик, дворянство может рассчитывать на массовый набор в армию только в случае войны.

Служба в армии – важный источник дворянского существования, и король Франции принужден был вести постоянные войны для того, чтобы поддержать нищающее благородное сословие. «Надо сказать, – писал еще Клод де Сейсель, – что постоянное войско многочисленнее и лучше оплачивается и содержится, чем в какой-либо другой известной нам стране, и заведено оно столько же для защиты королевства, сколько и для того, чтобы всегда было достаточно вооруженных людей, верховых и обученных обращению с оружием, а также для содержания дворян; и должности там так распределены, что довольно большое число дворян разных состояний может жить спокойно, хотя бы и не было никакой войны в королевстве. Потому что знатные люди занимают военные должности более или менее важные, смотря по их способностям и доблести. Другие занимают второстепенные должности: одни – лейтенанты, другие – знаменосцы, третьи – копейщики и стрелки, и наконец, молодые дворяне приставлены туда пажами»[131].

131 C. de Seyssel. La grande monarchic de France. Paris. 1541, f. 17 revers-18.

Сеньер на охоте. Гравюра Этьена Делона

Дворянство в целом, как класс и вместе с тем как привилегированное сословие, является основной опорой королевской власти. Поставленное силами объективных обстоятельств социально-экономического развития перед крепнущей буржуазией и крестьянством, интересы которых соприкасались до известной степени в самом важном для дворянства земельном вопросе, дворянство в сильной королевской власти инстинктивно чувствовало наилучшую гарантию своего привилегированного положения. В то же время во Франции буржуазия консолидировалась как класс в пределах нового объединенного государства. В этих условиях формируется единая власть в форме абсолютной (неограниченной) монархии, которая правит при помощи разветвленной бюрократии, благодаря чему центральное правительство пользуется относительной самостоятельностью. ***«…Абсолютная монархия,*** – писал Маркс, – возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой»[132]. Абсолютная монархия имела тем большую для дворянства важность, чем меньше дворянство принимало участия в прогрессирующем капиталистическом развитии и чей больше его источники дохода носили паразитарный характер феодальной ренты.

Таково было положение двух классов феодального общества – крестьянства и дворянства, которые своими доходами связаны были с землей и которые представляли собой два основных антагонистических класса феодального общества.

[132] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 306.

Промышленность и торговля. Буржуазия

Развитие городов и промышленности, появление элементов капиталистического хозяйства, начальные стадии пролетаризации непосредственных производителей – все это выдвигает значение нового общественного класса – буржуазии, который начинает складываться именно в XVI в. В предшествующий период, представляя еще сословие горожан, связанных с феодальным ремеслом и средневековой торговлей, эта буржуазия помогла французским королям объединить Францию, и за это королевская власть, усилившись, расправилась с вольностями и суверенностью городов, превратив их, так же как и аристократию, в своих послушных подданных. Но если абсолютная монархия, создавшаяся в XVI в., возникла в связи с ослаблением враждовавших между собой феодальных классов – аристократии и городов, то это обстоятельство «позволило городам променять свое средневековое местное самоуправление на всеобщее господство буржуазии и публичную власть гражданского общества»[133]. Это значило, что буржуазия начинала превращаться в класс в национальных границах объединенного государства. Ее положение и ее роль находились в непосредственной зависимости от состояния торговли и промышленности, от степени развития капиталистического хозяйства в стране, т. е. зависели от конкретных условий французского хозяйства XVI в.

Перемещение центра торговли с Средиземного моря на Атлантический океан имело для Франции вначале меньшее значение, чем для Испании, Португалии и Нидерландов, и тем более – для Англии. Но все же общее экономическое оживление на побережье Атлантики коснулось и Франции. Хотя Франция не имела на первых порах непосредственного доступа во вновь открытые страны, общее расширение торговли усилило ее коммерческие связи со странами, расположенными на берегу океана, – с Испанией, Нидерландами и Англией – и подняло значение ее западных портов. Дальнейшее развитие получила также торговля на Средиземном море с Левантом через Марсель и торговля с Италией, потерявшая, впрочем, во второй половине XVI в. свое значение в связи с хозяйственным упадком в Италии.

Большую роль играла и сухопутная торговля. Лион с его ярмарками, полученными от королей привилегиями сделался в XVI в. одним из центров европейской торговли и важнейшим международным денежным рынком. Здесь заключались государственные займы и совершались крупнейшие финансовые и кредитные операции, особенно в связи с тем, что создавшиеся в конце XV в. крупные европейские державы с их большими наемными армиями нуждались в [134] значительных денежных средствах и постоянно искали кредита у тогдашних капиталистов, особенно у итальянцев и немцев.

Донесения венецианских послов, дающие обильный и интересный материал о хозяйственном положении Франции в XVI в., склонны пожалуй, несколько преувеличивать благосостояние страны и размеры ее торговли и промышленности. Марино Кавалли отмечает разнообразие, прекрасное качество и изобилие французской продукции. Франция экспортирует хлеб в Испанию, Португалию, Англию и даже Швейцарию и Геную, когда это позволяют цены на хлеб и королевские ордонансы. Бордосские, бургундские и орлеанские вина, а также фрукты идут в Англию, Шотландию, Лотарингию и Швейцарию. Во Франции производится, много шерсти (правда, грубой), распространено производство льняных и шерстяных тканей (Пуату, Бретань, Нижний Мэн), и вывоз их идет в Испанию, Италию, варварийские страны (северное побережье Африки) и даже в Англию. Во Франции много леса (дуб, бук). Леса занимают по подсчетам Кавалли шестую часть страны, но лес стоит

---

[133] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 432.

[134] Цит. по: *E. Lavisse.* Histoire de France depuis les origines iusqu'a la Revolt tion. Paris, 1911. v. V, 1er part. 270.

дорого, так как почти все леса принадлежат королю, устанавливающему монопольные цены. Что касается металлов, то добывается только железо, все остальные покупаются за границей. Во Франции много соли, и ее вывозят в другие страны, особенно в Англию. Гораздо подробнее наши сведения относительно ввоза. Тот же Марино Кавалли подробно рассказывает об импорте во Францию[135].

Большое значение имеет также найденный в конце XIX в. анонимный мемуар о торговле Франции в середине XVI в. «Le Commerce d'importation en France au milieu de 16 s.». Ввоз во Францию идет из Верхней и Нижней Германии, Португалии, Италии. Леванта и Англии. В Нижней Германии (Фландрия и район Нижнего Рейна), жалуется автор этого мемуара, Антверпен за последние 40 лет «поглотил все почти торговые города и привлек к себе всю торговлю. Это обстоятельство наносит великий ущерб производству и торговле Франции. Антверпен захватил даже торговлю шелком-сырцом, который предназначается для французских мастеров, и напрасно правительство пыталось помешать этой торговле через Фландрию…»[136].

Из Германии в собственном смысле Франция ввозит металлы, оружие, шерсть, мясо, полотно, материи, ковры, пряности, рыбу, ветчину, сыр, лошадей. В Италии и Леванте она закупает преимущественно предметы роскоши и материи: шелк, хрусталь, ювелирные изделия и оружие. Англия снабжает Францию оловом, серебром, золотом, свинцом, кожей, шерстью и рыбой. Испания платит за французский хлеб золотыми монетами, которые затем перечеканиваются в экю. Португалия – главный посредник в торговле с вновь открытыми странами. Отсюда идут пряности, благовония, драгоценные бразильские породы дерева, аптекарские товары, драгоценные камни.

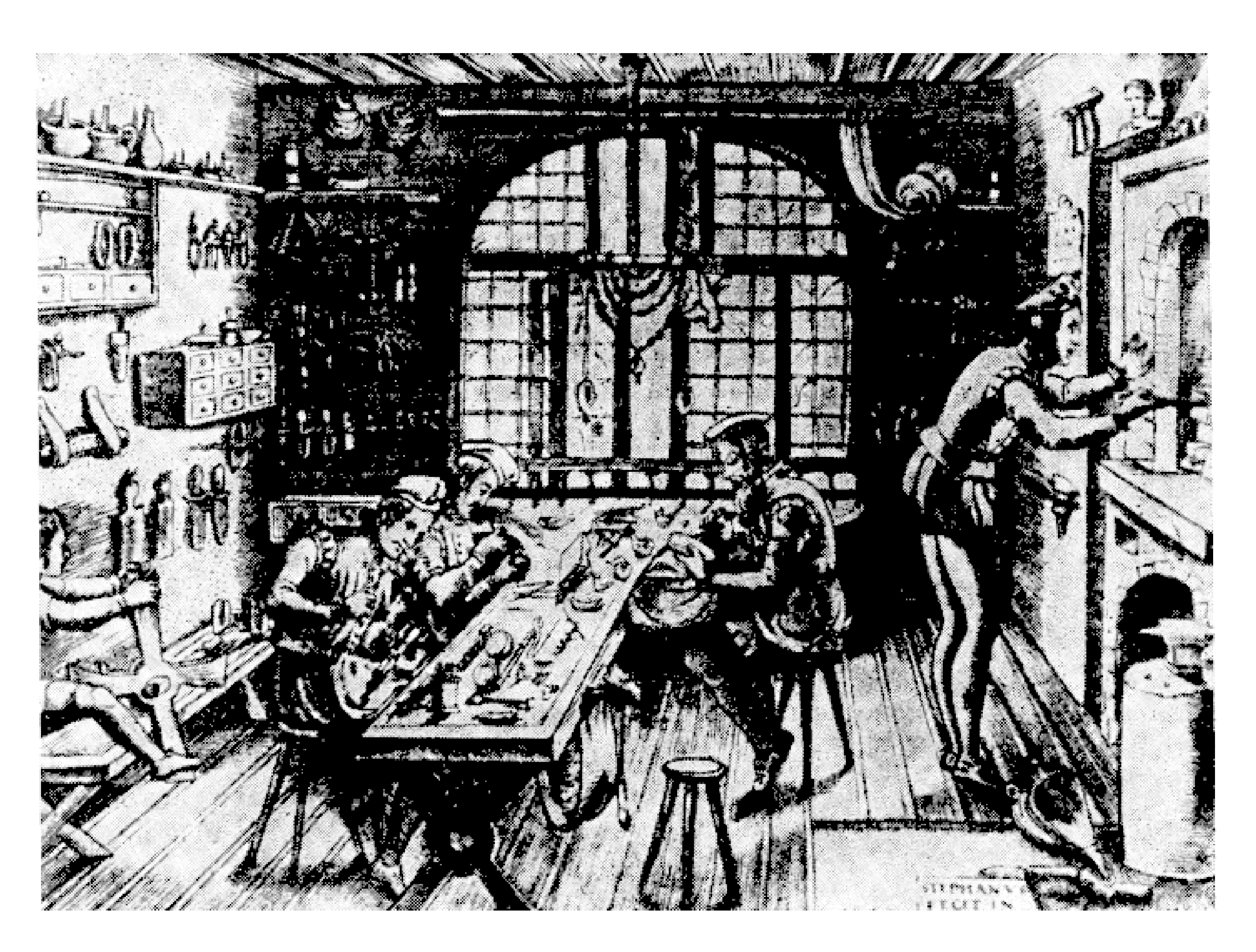
В связи с возросшими потребностями высших классов, особенно со времени итальянских войн, которые «открыли» французскому дворянству богатую и культурную жизнь итальянской буржуазии, во Франции появляются и быстро развиваются новые отрасли промышленности, главным образом производство предметов роскоши: шелка, атласа, бархата, серебряной и золотой парчи, изящного стекла, эмали и фаянсовых изделий, развивается ювелирное дело.

В XVI в. во Франции так же, как и в других странах, большие капиталы постепенно проникают в сферу производства. Сначала владельцы капиталов организуют сбыт, затем прибирают к рукам и само производство, мобилизуют домашнюю промышленность, создают зачаточные формы рассеянной мануфактуры. Но в целом французская промышленность покоится еще на старом феодальном фундаменте мелкого ремесленного производства в той его стадии, в которой оно начинает разлагаться под влиянием возникающих капиталистических отношений. Развитие капиталистических отношений отражается в сфере ремесла и цеховой промышленности. Цех превращается в замкнутую привилегированную корпорацию мастеров, покупающих у правительства звание мастера и передающих это звание по наследству. Подмастерья и ученики становятся почти пролетариями, продающими свою рабочую силу.

---

[135] N. Tommaseo. Relations des ambassadeurs venitiens sut les affaires de France au XVI siecle. Marino Cavalli, v. 2. Paris, 1838, p. 254; см. также: [C. Haton. Memoires de Claude Haton, contenant le recit des evenements accomplis de 1553 a 1582, principalement dans la Champagne et la Brie, риЫ par F. Bourquelot. Paris, 1857, v. I, p. 112, 113.

[136] Цит. по: E. Lavisse. Histoire de France depuis les origines iusqu'a la Revolt tion. Paris, 1911. v. V, 1er part. 270.

Мастерская ювелира. Гравюра Этьта Делона

Не случайно поэтому, что как раз в начале XVI в. мы встречаем первые упоминания о товариществах подмастерьев, о так называемых компаньоннажах. Эти организации существовали и раньше, в качестве союзов взаимопомощи. Но в связи с перерождением цеха, в связи с тем, что во Франции неорганизованная в цехи промышленность имела не меньшее, если не большее значение, чем промышленность цеховая, и последнее обстоятельство облегчало проникновение капиталистической эксплуатации, – одним словом, в связи с начавшимся процессом перерождения подмастерья в рабочего, эти компаньоннажи превращаются из общества взаимопомощи в боевые организации подмастерьев, ведущих борьбу с мастерами за улучшение своего экономического положения.

Правительство сразу стало на сторону мастера-хозяина и начало запрещать компаньоннажи. Однако, перестав быть легальными, они продолжали существовать и сделались органами стачечного движения, начало которому положил XVI в. Первые большие стачки подмастерьев имели место в той отрасли промышленности, которая, получив свое начало только на исходе XV в., сразу же была организована на капиталистических началах, – книгопечатном деле.

* * *

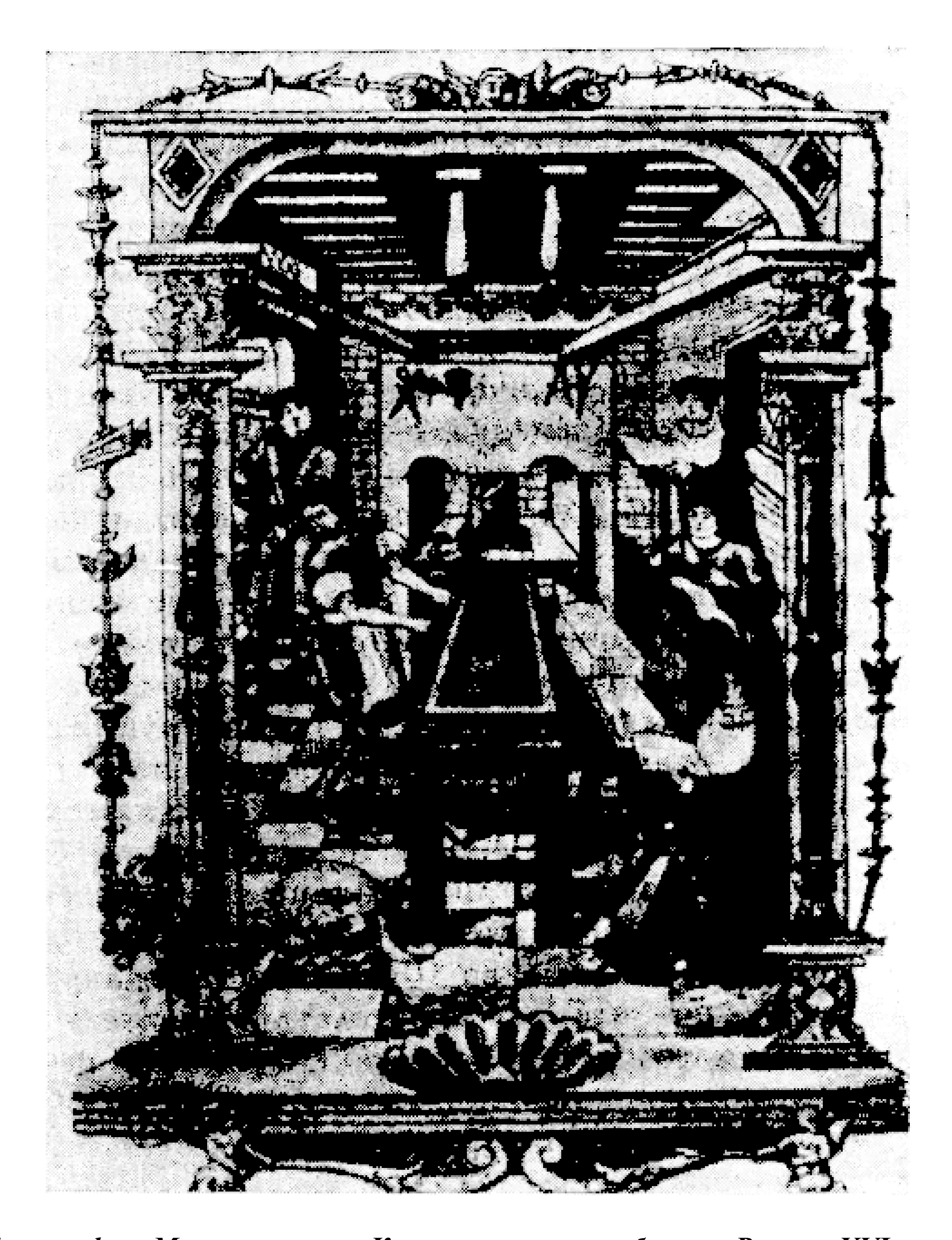
Изобретение Гутенберга проникло во Францию в 1470 г. Первый ручной книгопечатный станок был установлен в подвале Сорбонны тремя немецкими рабочими, выпустившими за первые три года двадцать три книги. В 1474 г. они получили права французского гражданства и на следующий год издали первую библию. В 1487 г. Пьер де Руже издал в двух томах. «Мать историй» – самую красивую иллюстрированную книгу XV в. В Лионе, который скоро стал центром французских книгопечатен, первая книга

появилась в 1473 г. В конце XV в. свыше сорока французских городов выпустили свои первые книги. В книгопечатание вкладывались большие капиталы. Издание библии в семи томах с толкованием обошлось ее издателю в 60 тыс. ливров.

Вполне понятно, что печатное дело стало полем особенно острых столкновении хозяев с подмастерьями. В 1539 г. в Лионе, «где находились самые прекрасные печатни этого королевства, а может быть, и всего христианского мира», внезапно типографские подмастерья бросили работу. Этой стачке предшествовало, по-видимому, соглашение подмастерьев, или, как тогда говорили «монополия». Результатом соглашения было учреждение товарищества подмастерьев – компаньоннажа. Последний объявил стачку («трик»). Королевский прокурор обвинял забастовщиков в том, что они «избили прево и сержантов вплоть до увечья и пролития крови». Они «выступили со знаменами и флагами большими отрядами в полном порядке и под командой своих капитанов, лейтенантов и т. д.»[137]. Требования стачечников заключались в следующем: увеличение заработной платы, уменьшение числа учеников, обесценивавших труд подмастерьев. Мастера, в свою очередь, жаловались на то, что подмастерья бросают работу «иногда по самому ничтожному поводу»: свадьба, крестины, похороны.

---

137 *H. Hauser* . Ouvriers du temps passe (XV–XVI siecles). Paris, 1899, p. 179 et suiv; см. также *E. Coornaert* . Les compagnonnages en France du moyen Sge a nos jours, Paris, 1947; *idem.* Les corporations en France avant 1789. Paris, 1951.

Типография. Миниатюра из «Королевских песен области Руана». XVI в.

Борьба шла три месяца. Подмастерья начали голодать. Начала нажимать и администрация. Сенешал лишил забастовщиков права коалиции и постановил, что подмастерья не могут оставлять работу под страхом уплаты штрафа за прогульные дни. Хозяева должны лучше кормить подмастерьев, но мастера имеют право набирать учеников, сколько им заблагорассудится. Это была победа хозяев. Подмастерья не успокоились и стали жаловаться дальше. Дело дошло до самого короля, и в результате был издан ордонанс 1539 г., который объявлял подмастерьев бунтовщиками и запрещал коалиции подмастерьев по всей Франции. Сенешалу дано было право осуждать подмастерьев не только на тюремное заключение и ссылку, но вплоть до пыток и смерти. Не дремали и подмастерья. Они добились судебного решения, запрещающего ученикам работать в некоторые праздничные дни. Тогда раздосадованные мастера постановили эмигрировать в город Вьенн. В Лионе началось настоящее смятение. Муниципальные власти отправили в Париж делегацию и добились для хозяев права иметь неограниченное количество учеников. Это было уже в 1541 г.

Почти одновременно с лионскими забастовали и парижские

типографщики-подмастерья. Но и здесь хозяева одержали победу и потребовали для себя тех же прав, что и в Лионе. Король 28 декабря 1541 г. издал эдикт, направленный против подмастерьев. Последних обвиняли в том, что «они собираются целыми бандами, чтобы принудить мастеров-печатников давать им более высокую заработную плату и более обильные харчи, чем таковые им предоставляются согласно старинному обычаю»[138]. Король одновременно давал мастерам право увольнять подмастерьев и устанавливал продолжительность рабочего дня с 5 часов утра до 8 часов вечера (15 часов!).

Еще долго не могли успокоиться парижские и лионские подмастерья. Но общие условия XVI в. были, говорит историк труда и заработной платы во Франции Озе, для них неблагоприятны. Единственно, что могло сделать правительство – это понизить цену на хлеб путем запрета его вывоза не только за границу, но и из одной провинции в другую. Однако эта мера не столько облегчала положение подмастерьев, сколько обогащала хозяев за счет производителя хлеба – французского крестьянина.

Движение подмастерьев все же было очень далеко от форм, свойственных движениям пролетариата в развитом капиталистическом обществе. В полном соответствии с корпоративным мелкоцеховым духом эти товарищества не обнаружили, да и не могли обнаружить понимания солидарности всех подмастерьев независимо от отрасли производства, к которой они принадлежали. Их крупные союзы, раскидывавшие свои учреждения часто по всей Франции, враждовали между собой, и шумные потасовки и драки разных союзов в каком-либо маленьком городке – обычное явление в жизни подмастерьев старой Франции. Протоколы и дознания, производившиеся по поводу таких стычек, – обширный источник, откуда мы черпаем наши, в общем довольно скудные сведения о положении подмастерьев и о внутренней жизни компаньоннажей.

* * *

Хотя развитие капиталистического хозяйства и буржуазного общества происходит в сфере промышленности и производства, но процесс первоначального накопления знает и иные сферы деятельности буржуазии, которые ускоряют ее развитие и способствуют созданию крупных состояний. Таковы колониальный грабеж, эксплуатация буржуазией государственных финансов, появление и рост государственного долга. В этом отношении развитие французской буржуазии имело свои особенности, не проявившиеся в других странах так ярко, как во Франции.

Средневековое сословие горожан, в XVI в. начинавшее складываться в буржуазию, давно уже принимало участие в управлении государством в качестве бюрократии. Знаменитые легисты третьей династии (Капетингов и Валуа) были скромного и обычно не дворянского происхождения. Усложнение государственного аппарата с ростом территории и усилением королевской власти способствовало умножению этого слоя буржуазной по происхождению бюрократии. Часть ее, занимая высшие должности в суде и администрации, получила от короля дворянское звание, но в XVI в. она еще не была признана равноправной настоящему дворянству, «дворянству шпаги», которому приличествовала лишь военная или духовная карьера.

Бюрократия эта все же выделялась из остальной буржуазии, как привилегированная ее часть, и буржуа всегда стремились во Франции, скопив капитал, занять какое-либо чиновное местечко, полагая, что получать жалованье и возможные «безгрешные» доходы куда как спокойнее, чем рисковать своим благосостоянием в торговле и промышленности. Должности свои они покупали у правительства, и жалование было своего рода процентом на капитал, затраченный на покупку.

Эта тяга французской буржуазии к теплым местечкам использовалась дворянским

[138] H. Hauser. Ouvriers du temps passe, p. 196–197.

государством, которое смотрело на продажу должностей, как на своего рода внутренний заем, и создавало часто огромное количество совершенно ненужных чиновников, плодило бюрократию и тем привлекало на свою сторону и делало себе послушными верхи горожан, поставлявшие раньше кадры муниципальных учреждений. Указанное явление – чрезвычайно важная черта социального строя Франции и своеобразного развития ее буржуазии. Ее собратья по классу в Англии, встретившись с сильным местным самоуправлением, находившимся в руках местного дворянства-джентри, не могли и мечтать о чем-либо подобном.

«…Сразу же, – говорит Маркс, – по крайней мере с момента возвышения городов, французская буржуазия становится особенно влиятельной благодаря тому, что организуется в виде парламентов, бюрократий и т. д., а не так, как в Англии, благодаря одной торговле и промышленности. Это, безусловно, характерно даже и для современной Франции»[139].

Тяжелые последствия имела принятая абсолютизмом система государственного хозяйства. Почти все косвенные налоги сдавались на откуп компаниям капиталистов, прямые налоги в случае нужды – а дефицит был постоянным состоянием французских финансов – закладывались под громадные проценты на несколько лет вперед. Эти компании «финансистов» получали, таким образом, право, пользуясь аппаратом государственного принуждения, выколачивать у населения суммы, иногда во много раз превышавшие размеры откупа.

Таким путем составлялись крупнейшие состояния французской буржуазии XVI–XVIII вв.

Неслыханные барыши и беспощадные вымогательства этих «пиявок и губок», как называл их впоследствии Ришелье, вызывали постоянные возмущения и негодование в обществе, а порой Даже и у ко всему привычного французского правительства. Начинались суды и конфискации имущества у зарвавшихся дельцов, тюрьмы, ссылки и эшафоты, но система продолжала существовать. Деньги были нужны, и правительство, едва расправившись с одной бандой наживал, принуждено было обращаться к другой. Это был самый наглый и почти узаконенный грабеж народного достояния. В этом отношении «финансисты» полностью солидаризировались с верхами дворянства. Впрочем, придворные не гнушались принимать и непосредственное участие в грабеже, осуществляемом откупщиками, получали от них деньги и подарки за высокое покровительство и потом принимали непосредственное участие в делах финансистов.

Французская буржуазия, таким образом, уже в это время начинала играть роль ростовщика, наживавшего колоссальные капиталы на податной системе дворянского государства. Это обстоятельство обусловило одну чреватую последствиями черту в характере французской буржуазии – мешало развиться духу предприимчивости. Французский капитал, наживавшийся на эксплуатации государственной податной системы, оказался слишком вялым и в промышленной деятельности, и во внешней (особенно в колониальной) политике, по сравнению с капиталом английским и голландским. Ему незачем было пускаться в далекие опасные предприятия за морем, рисковать в торговле и промышленности. Спокойно сидя дома, он мог пожинать плоды безмерного трудолюбия мужика и получать такие барыши, какие и не снились англичанам со всеми их отважными колониальными предприятиями. Многочисленное и трудолюбивое французское крестьянство было для ростовщического капитала лучшей из колоний[140]. Но, разумеется, и во Франции развивалось промышленное предпринимательство, хотя и в меньших размерах, чем в Англии.

---

[139] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 322.

[140] См. *А. Д. Люблинская.* Французский абсолютизм в первой трети XVII в, М. – Л., 1965 (особенно глава «Финансисты и абсолютная монархия»).

Государственный строй абсолютной монархии

История Франции первой половины XVI в. при трех преемниках Людовика XI – Карле VIII (1483–1498), Людовике XII (1498–1515) и Франциске I (1515–1547) была историей формирования во Франции абсолютной монархии, фундамент которой был заложен всевластием короля Людовика XI. Гордое здание новой монархии, впрочем, еще далеко не было достроено во всех своих деталях.

Монархией правили король и его двор. Последний был важным политическим учреждением абсолютной монархии. Здесь происходил постоянный контакт между господствующим классом и его главой – королем. Здесь, следовательно, определялись основные линии политики государства. «Общественное мнение», т. е. мнение дворянства, сгущалось в волю короля, который, в силу своеобразия абсолютизма, был все же достаточно независим для того, чтобы определять способ осуществления принятых решений и выбирать себе помощников и исполнителей этой воли.

В великолепии королевского двора, этого средоточия блестящего благородного сословия, отражалось значение нового учреждения Европы – абсолютной монархии в той стране, в **Которой** она достигла вскоре своего наиболее полного выражения. Двор в широком смысле этого слова, т. е. дворы короля и королевы, с бесконечным количеством придворных, составлявших пышное и великолепное окружение самого могущественного монарха в Европе, поглощал уже в XVI в. колоссальные суммы. В 30-х годах XVI в. венецианский посол Франциско Джустиниани рассказывает, что на двор, его празднества, пенсии и подачки дворянам, на его гвардию, в которой служат представители самых знаменитых родов Франции, король принужден тратить свыше 50 % государственных доходов[141]. Дворянский король должен был быть таким же расточительным и, с буржуазной точки зрения, таким же бесхозяйственным, как и все дворянство, ибо расточительность короля – его долг перед дворянством, своеобразная форма распределения феодальной ренты, взыскиваемой с крестьянства и буржуазии путем налогового пресса.

Сам король не мог непосредственно управлять государством… Государство выросло, функции государственной власти усложнились. Но король, как неограниченный монарх, мог выбирать себе помощников, мог создавать для себя учреждения, какие он захочет, мог, наконец, воспользоваться одним из старых учреждений и усилить значение одного или нескольких из них в ущерб другим. Ибо он один являлся источником законодательной власти и не нуждался даже в мотивировке своих решений, кроме знаменитой фразы, стоящей в конце его распоряжений и указов: «ибо такова наша воля» (car tel est notre plaisir).

В целом можно сказать, что с окончанием объединения Франции и консолидации абсолютной власти короля, центр тяжести: политической жизни переносится в круг королевских любимцев и приближенных, составляющих «узкий», или частный, совет короля (Conseil prive ou etroit), в котором заседают некоторые принцы крови, крупные сеньоры и несколько второстепенных чинов – докладчиков и секретарей. Впоследствии они мало-помалу превратятся в настоящих министров абсолютной монархии. Состав этого совета неопределенен, функции его весьма расплывчаты. В нем рассматриваются те дела, которые королю угодно разбирать лично, в нем заседают люди, приглашенные королем, и они принимают в нем участие, пока их приглашает король. Все же принцы крови должны принимать в нем участие, ибо такова традиция.

Но абсолютный монарх ревниво относится к своей власти и не хочет терпеть никаких ограничений, даже таких, которые освящены традицией. Поэтому даже «узкий» совет начинает казаться королю чрезмерно широким, и при Франциске I вместо него и наряду с

---

[141] N. Tommaseo. Relations des ambassadeurs venitiens sur les affaires de France au XVI siecle. Francesco Guistiniani. v. I. Paris, 1838, p. 195 (росписи Доходов и расходов королевства за 1537 г.).

ним появляется «деловой совет» короля. В нем заседают 4–5 человек. Иногда он превращается в совещание короля с 1–2 своими любимцами, и тогда дела начинают решаться на московский манер «сам третей у постели». Так же недружелюбно и подозрительно относится король и ко всем прочим освященным традицией учреждениям, как периодически собираемым, так и постоянным.

Одним из таких учреждений был королевский парламент – высшая инстанция королевского суда. С середины XV в. члены парламента стали несменяемыми, с начала XVI в. они становятся фактически наследственными владельцами своих должностей, которые они покупают иногда за весьма значительную сумму. Они превращаются, таким образом, в сплоченную корпорацию привилегированных фамилий, буржуазных по происхождению, но получивших в большинстве случаев от короля дворянское достоинство.

Деятельность королевского правосудия имела огромное значение как средство усиления королевского авторитета, средство борьбы с феодальными сеньорами. Парламент как олицетворение этого правосудия сыграл крупную роль в деле территориального объединения монархии. Политическая роль парламента была закреплена традицией, которая превращалась в молчаливо признаваемое королем право парламента регистрировать королевские указы и отказывать в их регистрации в том случае, если они, по мнению этого высокого учреждения, противоречили прежним указам или обычаям страны. Это право «ремонстрации» высоко ценилось парламентом как показатель его политического значения.

Вполне естественно, что абсолютный монарх непрочь был теперь, когда дело объединения страны было завершено, освободиться от опеки подобного учреждения или по крайней мере ослабить его влияние. В связи с этим еще при Людовике XI появляется особое отделение Королевского совета, так называемый Большой совет (Grand conseil), составлявшийся из нескольких членов Королевского совета и ученых экспертов-юристов и их секретарей. Сюда король отзывал на собственное рассмотрение ряд дел из парламента. В XVI в., особенно Начиная с Франциска I и его сына Генриха II (1547–1559), королевские эвокации, т. е. перенесение дел из парламента в Большой совет по особому приказу короля, становятся особенно частыми, и короли сознательно расширяют компетенцию Большого совета в ущерб парламенту и Счетной палате, которой принадлежало по традиции право разбора судебных дел по вопросам, связанным с взиманием прямых и косвенных налогов.

Если абсолютный монарх стремится ослабити таким путем силу старых постоянных учреждений, без которых он не может обойтись, и превратить их в послушных исполнителей своей «доброй воли», то в еще меньшей степени он считается с учреждениями, периодически созываемыми. Генеральные Штаты, после того как, начиная с 1439 г., короли стали собирать налоги без их разрешения, потеряли прежнее значение. Разноголосица среди «сословий и чинов» и полное бессилие Штатов обнаружились уже в 1484 г., и после этого Штаты не созывались вплоть до 1560 г. Их частые созывы во второй половине XVI в. были прямым результатом упадка, переживаемого королевской властью. Едва она снова окрепла (при Генрихе IV), Штаты снова перестали созываться.

Те же тенденции усиления бюрократии и централизации замечаются и в местном управлении. Представители старой администрации – бальи, сенешалы, прево и губернаторы с их чрезвычайно неопределенной административно-судебной (бальи и сенешалы) и военно-административной компетенцией, вольности и автономии муниципальных учреждений, правда, не исчезают в XVI в. совсем, но постепенно оттесняются на второй план новыми учреждениями, гораздо более послушными приказаниям, идущим из центра. Губернаторы, например, назначались королем по традиции из местной знати и были военной властью в своих губернаторствах. Теперь же они дублируются лейтенантами, назначаемыми королем из своих людей и полностью зависящими от короля. В их ведении находятся отряды постоянных войск и наемников, крепостные гарнизоны и, что особенно важно, склады армейского вооружения и амуниции, включая сюда и начавшую играть важную роль в XVI в. артиллерию. К концу XVI в. в провинциях появляются и такие агенты центральной власти,

как интенданты, ставшие в XVII в. всесильными исполнителями приказов из центра[142]. Наряду со старыми судебными учреждениями Генрих II насаждает (1552) в каждом судебном округе Франции, в каждом из так называемых бальяжей, президиальные суды и сразу продает 550 новых должностей советников этих судов.

Наиболее ярким показателем роста королевской власти были, однако, не судебные и не военные нововведения, а финансовая организация абсолютизма, связанная с непрерывным ростом налогов, как прямых, так и косвенных. Административно-бюрократическая машина абсолютизма уже висела тяжелым грузом на плечах податного населения. Роль абсолютизма, как охранителя привилегий господствующих классов и в то же время покровителя развивающегося капитализма, сказывалась в безмерном увеличении налогового бремени, лежащего не только на французском мужике и ремесленнике, но и на торговце и предпринимателе. Не надо забывать, что блестящее дворянское покровительство, оказываемое буржуазии и развивающемуся капиталистическому хозяйству, стоило этой торговопромышленной буржуазии весьма недешево.

Нам нет нужды подробно описывать здесь финансовые учреждения XVI в., чрезвычайно сложные и запутанные. Достаточно сказать, что и в них заметно стремление к централизации как сбора налогов, так и отчетности, выразившееся в создании по указу 23 декабря 1523 г. так называемой сохранной казны и зависящих от нее учреждений и должностных лиц. В целом можно сказать, что прямые налоги – талья, собираемые непосредственно чиновниками короля, и косвенные налоги, сдававшиеся с XVI в. на откуп компаниям капиталистов, показывали непрерывную наклонность к росту. Так, например, талья с 1517 г. по 1543 г. выросла без малого в два раза (с 2 400 тыс. до 4 600 тыс. ливров).

Если принять во внимание, что дворянство и духовенство были освобождены от прямых налогов, что от них было освобождено довольно внушительное число привилегированных слоев буржуазии, главным образом служилой (члены верховных палат, муниципальные советники, иногда буржуазия отдельных городов и т. д.), то станет понятным, что налоговое бремя, лежавшее на крестьянстве, ремесленниках и известной части городского населения, росло значительно быстрее, чем рост доходов казны в целом.

Этим объясняется то обстоятельство, что беспорядки, бунты и мятежи, крестьянские восстания и, особенно, восстания городских низов, чрезвычайно многочисленные в XVI и XVII вв., в огромном большинстве случаев имели своим поводом введение новых налогов и были направлены в первую очередь против агентов фиска и лишь в дальнейшем своем развитии превращались в движение против феодальных порядков в целом. Но именно многочисленность таких восстаний и бунтов, подавляемых централизованной властью абсолютной монархии, показывает, что машина государственного принуждения действовала безотказно и крестьянские восстания были бессильны свергнуть абсолютную монархию. Ее могла опрокинуть только буржуазная революция, но для нее в XVI в. еще не было необходимых условий.

Итальянские войны

Внешняя политика французской монархии первой половины XVI в. почти целиком была связана с попыткой захватов и подчинения Италии. Едва завершив свое объединение, дворянское государство должно было дать своему господствующему классу достойное его чести и славы занятие. Французское абсолютистское государство, развивавшее в это время оживленную торговлю с левантийскими странами, нуждалось в транзитных пунктах в Италии. Французская монархия устремляется поэтому на завоевание богатой и культурной Италии, которой до великих открытий принадлежало первое место в торговле Европы.

---

[142] См.: А. В. Мельникова. Интенданты провинций в системе французского абсолютизма. Автореферат канд. диссертации. М. 1951. стр. 11.

Итальянские войны занимают всю первую половину XVI в. (1494–1559). Начатые походами французов на Италию, которую эти новые «крестоносцы» рассматривали как остановку на пути в Иерусалим, итальянские войны скоро превратились в то, во что превращаются все крестоносные предприятия – в неслыханный грабеж оккупированной страны. Они осложнились соперничеством и борьбой двух наиболее крупных европейских государств: Франции и огромной державы Габсбургов, которая при Карле V, короле испанском и императоре Германии, включила в себя большую часть тогдашней Европы.

В 1494 г. Карл VIII, сын и преемник Людовика XI, перевалил через Альпы с огромным по тому времени войском и артиллерией. Он прошел Италию с севера на юг и занял Неаполитанское королевство. Здесь французы своими грабежами скоро восстановили против себя население. Мелкие государи Италии, приветствовавшие появление французского короля, силами которого они не прочь были воспользоваться для сведения счетов между собой, теперь составили против французов коалицию (папа Александр VI, герцог Миланский, Венеция). Эта коалиция была поддержана императором Максимилианом I и королем Фердинандом Католиком испанским. Французские войска были вытеснены из Италии, едва избежав полного разгрома.

Людовик XII, едва вступив на престол, повторил (1499) поход Карла VIII, подготовив его дипломатическим союзом с папой, Генрихом VII английским, императором Максимилианом и королем Фердинандом Арагонским, с которым он заключил договор (1500) о разделе Неаполитанского королевства. Но французы Людовика XII ничем не отличались от французов Карла VIII. Своими грабежами они восстановили против себя население и поссорились с испанцами. Испанские полководцы нанесли французам несколько поражений, и Людовик XII отказался от своей части Неаполитанского королевства (договор в Блуа 22 сентября 1504 г.).

Отныне Франция претендовала только на северную часть Италии, где главным препятствием ее завоевательным планам была Венеция. В декабре 1508 г. Людовик XII присоединился к лиге, объединившей против Венеции императора, папу Юлия II и Фердинанда испанского (Камбрейская лига). В январе 1509 г. он объявил Венеции войну, но венецианская дипломатия оказалась достойной своей славы. Искусными действиями она откололa от французского короля его союзников, удовлетворив их претензии. Последние не только покинули Францию, но даже заключили между собой «Священную лигу», в которую вошли: Швейцария, Венеция, император Максимилиан, Фердинанд испанский и новый король английский Генрих VIII. Папа полагал, что раз он добился своей цели, получив от Венеции спорные территории, французы не нужны в Италии. Война скоро приняла неблагоприятный для французов оборот. В 1513 г. они понесли тяжелое поражение от итальянцев при Новаре и от англичан при Гингате. Французская казна была пуста. В 1514 г. был заключен мир с испанским и английским королями. Италия была снова потеряна, и французы стали деятельно готовиться к новой войне.

1 января 1515 г. Людовик XII умер. Новый король, двоюродный брат Людовика XII, Франциск Ангулемский, вступив на престол, снова ринулся в борьбу за Италию. Он перешел через Альпы, разбил у Мариньяно считавшихся до сих пор непобедимыми швейцарцев. Максимилиан, герцог Миланский, сдался, папа был вынужден заключить с французским королем соглашение. Напрасно Максимилиан старался отвоевать Милан. Дело казалось проигранным. Швейцарцы сочли за лучшее заключить с французским королем «венный мир» и обязались за уплату солидной суммы предоставить королю право постоянного набора солдат в швейцарских кантонах.

Вскоре, однако, в борьбе за Италию Франциск I встретился с опасным противником – избранным на императорский престол королем Испании Карлом I (императором Карлом V), который объединил в своих руках Испанию, Германию и Нидерланды, а также часть Италии. Как внук Марии Бургундской, наследницы Карла Смелого, он выступал претендентом на все «бургундское наследство», включая и герцогство Бургундское, захваченное Людовиком XI. Только что занятый французами Милан был леном империи, и молодой Карл V считал

необходимым возвратить его по принадлежности. Предметом спора между Франциском I и Карлом V стало также маленькое пограничное с Францией и Испанией королевство Наварра, большая часть которого была завоевана Фердинандом Арагонским.

Начались продолжительные войны между двумя соперниками. Их напряженность объясняется тем, что обе державы (Франция и Испания) были типично дворянскими монархиями. Для дворянства война являлась одним из важнейших средств существования.

Франциск I вел с Карлом V четыре войны (1521–1525, 1527–1529, 1536–1538, 1542–1544). В эти столкновения были втянуты и большинство других крупных государств Европы: папа, английский король, Венеция и Швейцария, которая поставляла наемников. Вначале они были на стороне Карла V, но, когда он, разбив Франциска I, вытеснил его из Италии, они, боясь чрезмерного усиления императора, перешли на сторону французского короля.

Во время первой войны Франциск I был разбит при Павии (1525) и попал в плен. Его отправили в Мадрид и посадили в тюрьму, как простого узника, и выпустили только после того, как он подписал условия, предъявленные ему Карлом: отказ от Милана и возвращение Бургундии.

Возвратившись из плена, Франциск I, однако, и не подумал исполнить взятые на себя обязательства и вскоре примкнул к новой лиге, составившейся против императора (папа Климент VII, Генрих VIII английский и некоторые итальянские государи). Он даже заключил союз с самым страшным в то время врагом христианства – турецким султаном Сулейманом Великолепным, который, разгромив в 1526 г. при Могаче чешско-венгерское войско, захватил большую часть Венгрии и грозил самой Вене. Франциск I пустил на зимовку мусульманских пиратов в свою гавань Тулон, позволяя им из этого убежища грабить испанцев, и эти пираты беспрепятственно увели свыше 10 тыс. христиан в рабство. Союз Франции с турецким султаном против Габсбургов дал скоро и материальные результаты для французской торговли. В 1535 г. французское правительство заключило с турецким султаном договор о капитуляциях, согласно которому французы получили важные привилегии в торговле с Турцией. Затруднения, которые испытывал Карл на юго-востоке и юге Европы от турок (а турки в 1529 г. дошли до самой Вены), были весьма на руку Франциску I. Союз с турками позволил ему снова занять Милан.

Но последние две войны с Карлом V были неудачны для Франциска I. Во время последней войны Карл вторгся во Францию и находился всего в двух переходах от Парижа. Лишь восстание против него протестантских князей в Германии не дало ему возможности использовать успех, и он пошел на предложенный ему мир. По договору в Крепи (1544) обе стороны отказались от своих завоеваний.

Борьба продолжалась и при сыне Франциска I, Генрихе II (1547–1559). Последний использовал общее недовольство немецких князей против императора после Шмалькальденской войны, в которой император разгромил протестантский союз. Так как усиление власти императора одинаково угрожало и протестантским, и католическим князьям Германии, они заключили союз с французским королем, который пришел им на помощь в самую трудную для них минуту. После поражения Карла V в Германии Генрих II получил за помощь, оказанную немецким князьям, три епископства – Мец, Туль и Верден, но без ущерба для прав империи, т. е. без выключения их из состава имперских территорий. По миру в Като-Камбрези (1559), заключенному между Генрихом II и преемником Карла V Филиппом II испанским, эти приобретения были признаны официально.

Итальянские войны показали, что с появлением крупных централизованных государств во внешней политике начинает господствовать принцип реалистического расчета, не прикрытого никакими моральными и религиозными иллюзиями. Государственный интерес, т. е. в конечном счете интерес господствующего класса, становится основой политических расчетов, международных союзов и комбинаций. Два главных соперника – «христианский» король Франции и «апостолический» Габсбург – вели борьбу, не стесняясь никакими средствами, привлекая на свою сторону даже турецкого султана. Франциск I помогал

протестантским князьям Германии, боровшимся против императора за «исконную немецкую свободу», и немало содействовал торжеству протестантизма, истребляя в то же время протестантов внутри собственной монархии.

Возрождение и гуманизм

Краткий очерк итальянских войн дает представление о той напряженной атмосфере, которая царила во Франции в первую половину века. И все же французское дворянство нашло в этих войнах отдушину для своей воинственности и жажды добычи, а это предохранило Францию от внутренних потрясений. Время итальянских войн было временем сравнительного спокойствия внутри, периодом большой созидательной работы, экономического и культурного подъема.

XVI век в истории Франции – век Возрождения и гуманизма. Немалую роль в этом культурном подъеме сыграла Италия, с которой познакомились французские дворяне-«крестоносцы». Высокая культура и уровень жизни дворянских и буржуазных кругов Италии поразили воображение грубых и воинственных французских сеньоров и рыцарей, когда они в 1494 г. впервые перевалили через Альпы. Вышитые перчатки, носовые платки, парчевые платья, бархатные и атласные костюмы, паркет, лепные потолки приводили спутников Карла VIII в такое же изумление, как и картины и статуи знаменитых мастеров.

Нет ничего удивительного, что среди «трофеев» войны во Францию, наряду со скульпторами, художниками, архитекторами и учеными, из Италии были вывезены толпы парфюмеров, ювелиров, портных, мастеров лепных украшений, садовников и т. д. Итальянская роскошь заполонила Францию. Современники отмечали, что по всему королевству строились громадные здания, общественные и частные; их покрывали позолотой – и не только потолок и стены внутри, но и кровли, башни… Употребление всеми сословиями столовой серебряной посуды возросло до такой степени, что пришлось издать приказ об искоренении этих излишеств. Все хотели иметь чаши, кубки, кувшины, ложки по меньшей мере из серебра. Что же касается сеньоров и крупных торговцев, то они были недовольны, если принадлежащая им всевозможная серебряная посуда, как столовая, так и кухонная, не позолочена, а у иных имелась в большом количестве даже посуда из массивного золота. Платье и образ жизни также стали куда пышнее, чем раньше.

Пятьдесят лет спустя после смерти Людовика XI Францию нельзя было узнать. Элегантные отели и здания в стиле «ренессанс» воздвигались повсюду на берегах Луары, в Париже и его окрестностях, в больших городах – Амбуазе, Блуа, Шалоне, Шамборе, Фонтенбло и др. Они красовались среди мрачных остатков старинных замков, воздвигнутых в стародавние времена для войны **и** защиты. Франциск I пригласил во Францию **знаменитого** флорентийского мастера чекана по металлу Бенвенуто Челлини. Во Франции окончил свои дни сам Леонардо да Винчи (1519).

Ранессанс во Франции был и возрождением античной науки, философии, литературы и сказался прежде всего в изучении древних языков. Замечательным филологом был Гильом Бюде (1467–1540) – знаток греческого языка, на котором он писал, подражая стилю древних. Математик, юрист, историк и филолог, он издал в 1506 г. аннотацию к Пандектам, обнаружив критическое чутье большого историка. В 1514 **г.** появилась его работа о римском ассе (монете), в которой он стремился показать, как научное исследование такого частного вопроса может привести к пониманию целой культуры.

Другим выдающимся гуманистом был Лефевр д'Этапль (1455–1537). Он был учителем Бюде в области математики, Его трактаты по арифметике и космографии создали во Франции школу математиков и географов. Между 1490 и 1517 гг. он опубликовал комментарий к произведениям Аристотеля, но всегда оставался верен своему учителю Николаю Кузанскому. В противоположность итальянским гуманистам, его интерес к вопросам морали и права поставил его во враждебное отношение к католической

ортодоксии. В 1512 г. он издал комментарий к «Посланиям» апостола Павла, где он призывал к непосредственному изучению источников христианской веры – (ad fontes) и формулировал учение об оправдании верой, а не добрыми делами. Это был мечтательный и тишайший гуманист, реформатор, собравший вокруг себя своих учеников (Бюде, Ватабль, Руссель, Фарель и др.).

Лефевр д'Этапль был, однако, своего рода исключением. Французское Возрождение и французская Реформация пошли различными путями. В целом Возрождение сохранило свой первоначальный светский и аристократический дворянский характер. Быть может, поэтому огромное значение в смысле собирания гуманистических сил во Франции сыграла королевская власть. Легкомысленный и блестящий Франциск I покровительствовал ученым, литераторам, художникам; его знаменитая сестра Маргарита была сама поэтессой и деятельницей французского Возрождения.

Наиболее крупным философом XVI в. был Мишель де Монтень. Он высказал мысль о важной роли опыта в познании, тем самым поставив под сомнение церковные догматы. В своих знаменитых «Опытах» он с позиций скептицизма пересмотрел все средневековое мировоззрение, покоящееся на непререкаемых авторитетах и отрицании ценности мирской жизни. Однако не только в гносеологии, но и в морали Монтень опередил свой век. Он проповедовал эпикурейскую этику, хотя и афишировал покорность церкви. Взгляды Монтеня оказали огромное влияние на все последующее развитие философии вплоть до XVIII в.

Мишель де Монтень. Гравюра на фронтисписи сочинений Монтеня

В истории французского Возрождения следует отметить одно важное событие: основание при Франциске I Французского коллежа (College de France). Это была свободная и открытая ассоциация ученых, пропагандировавших одни и те же взгляды в противовес

старой Сорбонне, защитнице ортодоксального католицизма. Франциск I долго колебался и, наконец, решив открыть такое учреждение, пожелал поставить во главе его крупнейшего гуманиста XVI в. Эразма (1517). Но Эразм отказался, и Бюде совместно с парижским епископом Этьеном Понше и исповедником Гильомом При предложили основать институт греческого языка в Милане (1521). Но Милан скоро был утерян для Франции, и Бюде с большим трудом удалось уговорить короля открыть в Париже учебное заведение, где изучались бы три древних языка (1530). Против греческого языка сильно возражала Сорбонна, видя в нем корень лютеровской ереси. Вначале College de France назывался коллежем королевских лекторов при Парижском университете. В 1546 г. он располагал уже тремя кафедрами греческого языка, двумя еврейского, тремя кафедрами математики, одной кафедрой медицины, одной – философии и одной – латыни. С 1547 г. прибавились кафедры восточных языков.

Знание греческого языка и культуры развивалось очень быстро во Франции. К 1547 г. были изданы почти все греческие классики. Еврейский язык изучался наряду с классическими языками. В Фонтенебло была основана огромная библиотека, и в 1540 г. была предпринята первая научная экспедиция на Восток – в Грецию и на острова Малой Азии с целью розыска античных рукописей и вообще памятников древности.

XVI век – это также время создания литературного французского языка, время расцвета французской литературы и поэзии Ренессанса. Достаточно назвать имена Вийона, Ронсара, Рабле. Эти блестящие имена навсегда вошли в историю не только французской, но и мировой культуры.

5. Реформация и религиозные войны[143]

Реформация

С 20~х годов XVI в. во Франции начинают распространяться реформационные идеи. Следует, однако, отметить с самого начала, что Реформация во Франции никогда не имела той силы и того распространения, какое она получила в Германии и некоторых других странах Европы. Крепкая королевская власть и достигнутое уже в XVI в. территориальное единство Франции способствовали тому, что французская церковь, не порывая с Римом, сумела оградить себя от чрезмерных притязаний папы и обирательства римской курии и сохранила свои богатства в интересах французского национального клира.

Одновременно с превращением королевской власти в абсолютную, короли подчинили себе и церковь. Важным шагом в этом направлении был Болонский конкордат, заключенный Франциском I с папой в 1516 г. Папа согласился на то, чтобы король назначал кандидатов на высшие церковные должности во Франции с последующим посвящением их папой, но зато частично было восстановлено право папы на получение аннатов. Король мог подолгу не замещать открывшиеся вакансии и брать в свою пользу доходы от церковных бенефициев. Он мог соединить несколько таких бенефициев в один и жаловать их своим людям, которые не обязательно были лицами, имеющими духовный сан.

Значение конкордата было чрезвычайно велико. Галликанизм церковный превращался в галликанизм королевский, церковь делалась государственным учреждением. Доходы католической церкви, крупнейшего землевладельца Франции, частично попадали в распоряжение короля. Назначение на высшие церковные должности превратилось в особый вид королевского пожалования. Прелаты церкви стали почти сплошь рекрутироваться из дворянских семей, и высшие церковные должности превратились в уделы младших членов благородных фамилий Франции.

---

[143] С. Д. Сказкин

Само собой разумеется, что этих людей в первую очередь интересовали доходы и права церкви, а не обязанности пастырей. Последние выполнялись викариями, людьми скромного происхождения, и они получали за это определенное вознаграждение. Клир становился дворянским вверху и разночинным внизу, и это обстоятельство порождало классовый антагонизм между верхами и низами церкви. Но, так как управление церковью и доходы церкви находились в руках господствующего класса и распределялись тем же порядком, что и пенсии и дворянское жалование, господствующий класс не имел оснований для недовольства Римом и папой. Это значительно суживало базу реформационного движения во Франции в отличие от Германии.

Вторым важным моментом, неблагоприятным для широкого реформационного движения, было почти полное равнодушие крестьянства, т. е. основной массы населения Франции к реформационным идеям. Аграрная эволюция конца XV и XVI в. была в общем более благоприятна для французского крестьянства; во всяком случае такого ухудшения в положении крестьянства, как в Германия, ни в XV, ни в XVI в. во Франции не было.

Тем не менее реформационные идеи нашли распространение и во Франции. Один из французских гуманистов Лефевр д'Этапль еще до Лютера высказывал идеи, близкие к реформационным. Его ученик епископ Брисонне и его последователи («группа в Мо») продолжали дело Лефевра, но ни один из них не обладал жаром проповедничества, ни одному из них не приходило в голову стать мучеником нового религиозного учения. Бриссоне, мечтательно-религиозная душа, близкий друг Маргариты Ангулемской (сестры Франциска I) был слабым человеком и абсолютно не годился на роль вождя. Он был типичной фигурой самого раннего периода французской Реформации, когда она, в испуге от первого выступления Лютера в 1517 г., устами Лефевра заявила, что признает реформацию только «через церковь, в церкви и с церковью» («La reforme par l'Eglise, dans l'Eglise, avec l'Eglise»). За реформацию в это время выступали люди, либо принадлежавшие к аристократическим слоям дворянства, либо тесно связанные с этими кругами интеллигенты, мечтатели и созерцатели, но не деятели.

Булла папы против Лютера в 1520 г. и Вормский сейм 1521 г. дали толчок к выступлениям Сорбонны против реформации. Было сожжено несколько упорствующих. Но ни Франциск I, который в это время поддерживал протестантских князей в Германии, ни тем более его сестра Маргарита, близкая к Лефевру и Бриссоне, не являлись сторонниками решительных действий против еретиков и были недовольны выступлением Сорбонны.

Поэтому с 30-х годов ересь распространялась по Франции довольно беспрепятственно. Но уже в этот первый период французской Реформации обозначилось, что она не имеет широкой базы. Протестантизм находил приверженцев главным образом в больших торговых городах, но едва ли можно преувеличивать число его сторонников. Вплоть до середины 40-х годов общины «верующих» насчитывали лишь в редких случаях сотни (в Париже 300–400 человек), чаще десятки своих адептов. В эти годы ересь распространялась в среде буржуазии, как средней, так и зажиточной, с одной стороны, в кругах ремесленных подмастерьев и городского плебейства вообще, с другой. Но и в этих слоях были весьма влиятельные прослойки, которым реформация была чужда. Большой знаток рабочей Франции XVI в. Озе отмечает, что революция цен и понижение реальной заработной платы, особенно во второй половине XVI в. сильно подорвали материальное положение подмастерьев и плебейства, но мало затронули мастеров[144]. Последние в XVI в. организовались в корпорации, которые всячески поддерживало правительство, наделявшее их за деньги всевозможными привилегиями и монополиями. Классовая борьба в цеховой и внецеховой промышленности, конкуренция со стороны внецеховой промышленности заставляли мастеров крепко держать сторону королевской власти и королевской, т. е. католической веры. Это было одной из

---

144 H. Hauser. La Reforme et les classes populaires en France au XVI siecle. – «Re yue d'histore moderne et contemporaine», 1889, t. I, p. 24–37.

причин того, что католиков повсюду оставалось подавляющее большинство. Католики были организованы и поэтому спокойны. На их стороне было ортодоксальное духовенство, Сорбонна и парламент, Париж, высшие чины в церкви и государстве.

Терпимое отношение короля к протестантам кончилось, однако, когда приверженцы новой веры перешли в открытое наступление. В октябре 1534 г., в связи с арестами нескольких протестантов, в Париже и даже в королевском дворце были расклеены афиши, составленные фанатиком протестантизма Маркуром. Основное их содержание было таково: 1) жертва Иисуса Христа совершенна и не нуждается в повторении. Следовательно, папа, свора его кардиналов, епископы и священники – лжецы и богохульники; 2) идолопоклонством является утверждение, будто в причастии присутствуют истинное тело и кровь Христа; 3) этим католическая церковь затемняет смысл таинства причастия, которое состоит лишь в воспоминании о страданиях Иисуса Христа. Церковь занимается всякими пустяками: колокольным звоном, бормотанием молитв, пением, пустыми церемониями, освящением, каждением, переодеванием и всякого рода ведовством и колдовскими делами. Как видим, критика католицизма Маркуром была куда ярче и радикальнее, чем в опубликованных на семнадцать лет раньше знаменитых 95 тезисах Лютера, положивших начало Реформации в Германии.

Но во Франции эти тезисы Маркура имели как раз обратный результат. Выступление Маркура мобилизовало католическую ортодоксию. Запылали костры. В январе 1535 г. было сожжено 35 лютеран и еще 300 арестовано. Король устроил процессию, в которой он сам принял участие, идя с обнаженной головой и огромной восковой свечой во главе шествия. Среди арестованных было довольно большое количество знатных лиц (52), но массу все же составляли буржуа и ремесленники. Одновременно правительство обратило внимание на прессу – главного, по его мнению, виновника распространения протестантской заразы. 13 января 1535 г. был издан эдикт, которым запрещалась печать и закрывались все типографии. Но так как скоро стало ясно, что это распоряжение невыполнимо, то дополнительным декретом от 23 февраля все печатное дело было поставлено под особый надзор комиссии Парламента. С 1538 г., когда началось сближение между Франциском I, императором и папой, во Франции начались особенно суровые гонения на протестантов. Позиция королевской власти в отношении реформы определилась окончательно.

В 40-х годах вместо лютеранства во Франции распространяется учение Кальвина. Правда, кальвинистская организация французского протестантизма начинается несколько позже, уже при преемнике Франциска I, короле Генрихе II. Особенные успехи кальвинизм сделал в период с 1547 по 1555 г. Генрих II мог сколько угодно грозить приверженцам новой веры всевозможными наказаниями – Реформация распространялась все шире.

В главном сочинении Кальвина «Наставление в христианской вере» (1536) основной мыслью является учение об абсолютном предопределении. На нем зиждется эта важнейшая религиозная доктрина самой смелой части тогдашней буржуазии – буржуазии эпохи первоначального накопления. Кальвин учил, что бог еще до сотворения мира в своем абсолютном предвидении будущего предопределил одних к вечному блаженству, других – к вечным мукам в загробной жизни. Этот приговор бога абсолютно неизменен и неизбежен для человека. Вера в бога, моральная правильность поступков – все это не зависит от воли человека, ест amp; лишь действие в нем божества, предизбравшего его к спасению. Человек не может знать, почему бог одних определил к вечному блаженству, других – к вечным мукам в загробной жизни. Отсюда вытекает и сама идея предопределения как силы, толкающей человека в определенном направлении и либо заставляющей его совершать добро, либо покидающей его в момент совершения им злого поступка.

Вторым важным положением Кальвина был идеал божественного невмешательства в установленную богом закономерность мира, идея трансцендентности бога миру. Эта идея сближала Кальвина и его последователей с позднейшим деизмом и была первым шагом к буржуазно-рационалистическому мировоззрению XVIII в.

Учение об абсолютном предопределении, казалось, должно было обречь человека на

фаталистическую покорность судьбе. В действительности же именно кальвинизм сделался боевой организацией протестантизма в борьбе с надвигавшейся контрреформацией. Никто не знает, учил Кальвин, предопределен ли он богом к спасению или к погибели. Каждый верующий, напротив, должен думать, что он является божиим избранником и напрягать свою энергию, чтобы своей деятельностью и жизнью показать, что он предопределен к спасению. Так как бог при своей трансцендентности миру мог проявить свое благоволение только в закономерностях мира сего, то, учили кальвинисты, благоволение божее проявляется в успехе человека в его профессиональной деятельноности. Буржуа, например, успешно торгующий или вообще накапливающий капиталы и преуспевающий в своей предпринимательской деятельности, явно благословен богом. Таков в основном вывод из учения об абсолютном предопределении, выразившийся в учении о «мирском призвании» и в этике «мирского аскетизма». Пуританский проповедник Бакстер (1615–1691) прямо писал: «Если бог вам указывает путь, на котором вы без вреда для души вашей или для других законным путем можете заработать больше, чем на другом пути, и вы это отвергнете и изберете менее доходный путь, тогда вы вычеркнете одну из целей вашего призвания, вы отказываетесь быть управляющим бога и принимать его дары, чтобы иметь возможность употребить их для него, если он того захочет. Конечно, не в целях плотского удовольствия или греха, но для бога должны вы работать, чтобы разбогатеть»[145]. «Мирской аскетизм», секрет которого состоит в буржуазной бережливости, выражался в уничтожении многочисленных католических праздников и увеличении числа рабочих дней. Кальвинистские проповедники внушали рабочему, что повиновение капиталисту, «добросовестная» работа на хозяина есть долг, жизненное призвание рабочего, определенное самим богом. Кальвинизм дал готовую боевую теорию [3] буржуазии, восставшей против феодализма.

Исторически в кальвинизме была важна не только его теория, но и его организация, превратившая его в боевую силу, направленную, с одной стороны, против еретически-революционных течений вроде анабаптизма, а с другой – против контрреформации. Во главе общины у кальвинистов стояли пресвитеры – старшины, избираемые из светских членов общины, и проповедники, отправлявшие службу духовно-нравственного назидания (министры). Догматические вопросы обсуждались на специальных собраниях пасторов (конгрегации). Пресвитеры и пасторы составляли консисторию, вершившую позже всеми делами общины. Такая организация не только давала простор для экономически сильных людей в общине, но и освящала религией деятельность буржуазии вообще во Франции.

Следует заметить, что Кальвин, боявшийся всякой революции, учил, что в вопросах государственного устройства надо соблюдать сугубую осторожность и даже посвятил французскому королю одно из изданий своего основного сочинения. Однако его республиканские тенденции соответствовали буржуазной революционности (революция в Англии). С другой стороны, организация кальвинистской церкви и ее антимонархичность были удобны для феодально-дворянской оппозиции развивающемуся абсолютизму (во Франции XVI–XVII вв.).

В этот второй период французской Реформации следует отметить две характерные черты: 1) организующая роль в реформационном движении принадлежит католическим клирикам, переходящим в протестантизм; 2) в среду кальвинистов вливается широкая струя дворянства.

Конкордат 1516 г. и классовое разделение духовенства на высший-дворянский и низший-разночинный клир, обострившие борьбу в среде самого духовенства, отбросили часть низшего клира в ряды протестантов. Но в другой части того же низшего клира религиозная индифферентность, царившая в верхах католической церкви, и воинствующее

---

[145] Цит. по: *M. Weber.* Religionssoziologie. Tubingen, 1922, S. 176.

настроение кальвинистов вызывали своеобразную католическую экзальтацию, которая так ярко проявилась несколько позже в деятельности католических лиг.

Правительство Генриха II начало преследовать кальвинистов с первого же дня. Сам король, холодный и черствый человек, больше обращал внимание на внешнюю сторону, чем на существо дела, но нажим на него со стороны католических кругов был настолько силен, что он скоро начал против еретиков жесточайшие гонения. 5 апреля 1546 г. был издан эдикт, повышавший наказание за «богохульство». Если, например, виновный попадал под суд 5-й раз, его привязывали ошейником к позорному столбу; в 6-й раз – разрубали верхнюю губу «так, чтобы видны были зубы»; в 8-й раз – вырывали язык.

13 октября 1547 г. при Парламенте была создана знаменитая «Огненная палата» (Chambre ardente) с 14 советниками и 2 президентами, которая должна была судить по делам ереси. Впрочем, деятельность парламента в этом отношении началась раньше. Работу Огненной палаты изучил в XIX в. протестантский историк Пьер Вейс, который обследовал 439 приговоров, вынесенных палатой за первые годы царствования Генриха II[146]. Выводы, к которым он пришел, таковы: среди привлеченных к суду почти отсутствуют дворяне, редко встречаются также чиновная аристократия и высшее духовенство. Основная масса – черное духовенство и ремесленники. Но это, конечно, не значит, что дворянство осталось чуждым кальвинизму. Последующие события показали, что главной силой кальвинистского движения во Франции были как раз дворяне. Дворяне и богатые буржуа имели много средств, чтобы избежать кровавых лап королевской инквизиции, желавшей подражать испанским образцам. Дворян спасали их замки, их привилегии, а те, кто и при этих условиях не чувствовал себя в безопасности, бежали к Кальвину. Французская эмиграция в Женеве в 1548–1549 гг. была сплошь либо дворянской, либо буржуазно-аристократической.

Характер религиозных войн

Мы стоим, таким образом, у порога тех неурядиц, которые потрясали Францию в течение всей второй половины XVI в. и которые принято называть религиозными войнами, хотя современники предпочитали другое и более верное название – гражданские войны.

В истории Европы XVI в. нет другого события, которое было бы так запутано различными течениями буржуазной науки XIX в., как религиозные войны. Самое название их – дань тому направлению, которое хотело свести понимание реформационных движений XVI в. к столкновению вер и не желало в борьбе религиозных течений видеть великие социальные потрясения, неустранимую для всякого антагонистического общества борьбу классов. Религия, как мышление об абсолютных ценностях была для этого века единственно возможным выражением общности классовых интересов, и именно поэтому она стала идеологией борьбы и знаменем, под которое собирались в классовом отношении одинаково заинтересованные люди. Захватывая человека целиком, задевая все важнейшие стороны его существования, классовые конфликты находили свое выражение в терминах борьбы за абсолютные ценности, за вечное спасение от мук ада, за царствие божие, для одних – там, в потустороннем мире, для других – здесь, на земле. Но историк совершил бы принципиальную ошибку, если бы поддался искушению упростить содержание событий, представив их только в виде борьбы двух вероисповеданий. Он совершил бы ошибку уже по одному тому, что даже современники этих событий, как ни были для них важны вопросы веры, видели в ней часто лишь предлог для выступлений и борьбы за свои интересы.

XVI век – это время, переходное от феодализма к капитализму, время, когда большие народные массы приходят в движение. Интересы не только классов в целом, но и отдельных слоев и групп переплетались самым неожиданным и причудливым образом. Можно утверждать, что даже самим современникам были ясны лишь непосредственные цели борьбы

---

[146] P. Weiss. Chambre ardente. Paris, 1889.

и ошибки политической ориентации для человека этого времени были чрезвычайно легки. Пытаясь понять французскую действительность второй половины XVI в, мы не должны забывать тех трудностей, на которые указывал Энгельс в своем объяснении причин Реформации и Великой крестьянской войны в Германии первой половины того же XVI в. «…Разные сословия империи, – говорит он, – …составляли чрезвычайно хаотическую массу с весьма разнообразными, во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другому и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой борьбе со всеми, остальными. Тот раскол всей нации на два больших лагеря, который имел место в начале первой революции во Франции,… был при тогдашних условиях просто невозможен…» И Энгельс знаменательно прибавляет, что этот раскол нации на два больших лагеря «мог бы *лишь приблизительно* (курсив наш. – *Ред.)* наметиться только в том случае, если бы восстал низший, эксплуатируемый всеми остальными сословиями слой народа: крестьяне и плебеи»[147]. Это последнее условие осуществилось, как известно, в великом крестьянском движении в Германии, но оно отсутствовало в XVI в. во Франции.

В гражданской войне второй половины XVI в. принимало участие плебейство, но почти никакого участия не принимало крестьянство, а между тем состав и положение плебейства во Франции едва ли были иными, чем в Германии. Так же, как и в Германии, вне крестьянского восстания плебейская оппозиция в силу своей чрезвычайной разношерстности «выступает в политической борьбе не в качестве партии, а лишь в виде шумной, склонной к грабежам толпы, которую можно купить и продать за несколько бочек вина и которая плетется в хвосте у бюргерской оппозиции»[148].

Во Франции бюргерская оппозиция, не прошедшая через горнило крестьянского восстания, выступает самостоятельно; «она… требует восстановления монополии городского ремесла в деревне, поскольку возражает против сокращения городских доходов за счет отмены феодальных повинностей в городской округе и т. д.; словом, в той мере, в какой она самостоятельна, она реакционна и подчиняется своим собственным мелкобуржуазным элементам, исполняя тем самым характерную прелюдию к той трагикомедии, которую вот уже в течение трех лет разыгрывает современная мелкая буржуазия под вывеской демократии»[149]. Эта мысль Энгельса особенно важна для тех, кто изучает эпоху гражданских войн во Франции. Здесь, быть может, даже больше, чем в Германии, борьба между свободной и цеховой привилегированно-корпоративной промышленностью заставляла представителей последней в своих выступлениях быть прямо реакционными, несмотря на весь свой внешний демократизм. Это было характерно и для парижской мелкой буржуазии, составлявшей ядро католической лиги, и для гугенотской демократии юга Франции. Надо каждый раз внимательно присматриваться к существу движения для того, чтобы не быть введенным в заблуждение ложным демократизмом.

Если таковы трудности понимания событий, рассматриваемых по существу, то они становятся еще большими от путаницы в оценке их последующей историографией, в особенности буржуазными историками XIX в. Чрезвычайная сложность движения, непопулярность последних Валуа, уродов и дегенератов, попавших случайностью рождения на престол Франции; поддержка гугенотскими вождями нидерландских революционеров, поднявших буржуазную революцию против испанского деспотизма; ореол мученичества, окружающий таких действительно выдающихся людей, как вождь гугенотов адмирал Колиньи, – все это давно уже приводило историков к часто диаметрально противоположным

---

[147] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 357–358.

[148] Там же, стр. 355.

[149] Там же, стр. 355–356.

оценкам религиозных воин в целом, гугенотского движения в частности. Достаточно в качестве образца привести два мнения, дающих противоположную оценку гугенотскому движению.

Мишле, писавший свою знаменитую «Историю Франции» в преддверии буржуазной революции 1848 г, видел в Реформации вторую после христианства ступень во всемирно-историческом развитии движения человечества к свободе. Радикальная буржуазия, к которой принадлежал Мишле, готова была рассматривать всю историю как непрерывное нарастание той ценности, которую ее предшественница, революционная буржуазия XVIII в. провозгласила неотъемлемой принадлежностью, естественным правом человека и гражданина – свободы. Для него гугеноты – это славные защитники свободы, подающие через цепь веков руку героям Французской революции. Героем романа, написанного Мишле (а его история более похожа на роман, нежели на историю), был Колиньи, вождь гугенотов, «идол провинциального дворянства» – единственный человек, который, по мнению Мишле, с гениальной ясностью и трезвостью видел истинные интересы Франции и развил программу ее величия – завоевание Америки, создание в ней протестантской Франции, борьбу с Испанией в Нидерландах, и, следовательно, помощь нидерландским революционерам. Гугенотская Франция кажется историку зародышем Франции «голландской», началом революции, одержавшей свою первую победу в Нидерландах и закончившейся во Франции деятельностью Дантона и Робеспьера.

Наш соотечественник Лучицкий в своем труде, посвященном первому периоду религиозных войн во Франции, видит в гугенотском движении, взятом в целом, типичное проявление феодальной реакции, направленной против абсолютизма и централизма. «Намерен, – говорит он в предисловии к своей книге, – …с возможной полнотой представить фазы развития той борьбы, роковые последствия которой чувствуются во Франции еще и теперь и которую старые средневековые элементы: феодальная аристократия, городские общины и даже целые провинции, являющиеся как выражение стремления к местной независимости, к самоуправлению, вели с той новой силой, которая обнаружила признаки жизни еще в XII в. и которая в течение четырех или пяти веков успела развиться до того, что в состоянии была в значительной степени затянуть тот узел, который должен был задушить старую оппозицию, вечно брюзжащую, вечно недовольную, вечно готовую начать ссору… Я говорю о той централизации, которая с неудержимой силой, хотя и медленно, пускала корни во французской почве, невырванные из нее, несмотря на благородные усилия лучших людей, даже и доселе, о поглощении властью короля местной и личной независимости, с ее стеснительными формами; часто ложившимися тяжелым бременем на народ, с ее узким эгоистичным духом» [150].

Для нас задача установления объективного значения гугенотского движения становится еще более сложной, если мы вспомним, что французская Реформация, ставшая идеологическим выражением борьбы гугенотов, была кальвинистской реформацией, а кальвинизм был, по выражению Энгельса, идеологией «самой смелой части тогдашней буржуазии»[151]. И подтверждением этого как будто является тот несомненный факт, что, когда в 1685 г., вслед за отменой Нантского эдикта, последовало изгнание гугенотов из Франции, изгнанной оказалась главным образом зажиточная буржуазия, унесшая с собой на чужбину огромные капиталы и предпринимательские навыки.

Тем не менее точка зрения Лучицкого ближе к истине, чем точка зрения Мишле. Самый факт реакционного значения гугенотского движения нисколько не противоречит утверждению Энгельса, ибо французские кальвинисты, или, как их называли современники, «гугеноты религиозные», не совсем одно и то же, что «гугеноты политические» –

---

150 *И. В. Лучицкий.* Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции.

151 ч. 1. Киев, 1871. стр. I–II.

действительно активные участники религиозных войн во Франции. Реформация, оказавшаяся во Франции по социальному составу буржуазной и частью плебейской, но никогда не ставшая крестьянской, была слишком слаба и не способна на вооруженное выступление. Те же слои, которые выступали с оружием в руках, были организаторами и деятелями борьбы – борьбы, имевшей место во Франции во второй половине XVI в., – это в первую очередь дворяне, лишь временно влившиеся в среду кальвинистов. Они воспользовались организационными формами кальвинистской церкви, но в массе были мало затронуты ее учением. Когда в конце века их ставка была бита и их притязания окончательно провалились, они снова стали переходить массами в королевскую, т. е. католическую веру, тем самым обнажив первичный, подлинный кальвинистский, т. е. буржуазный фундамент французской Реформации.

Здесь намечается принципиальная разница между гугенотским движением во Франции и Реформацией в Германии. В последней мощное крестьянское восстание грозило феодализму возможной буржуазной революцией, хотя эта возможность оказалась неосуществленной и объективно Реформация усилила феодальных князей. Во Франции, при отсутствии широкого крестьянского движения, инициатива сразу оказалась в руках тех, кто претендовал на роль, аналогичную германским князьям, но их успеху противоречило все предшествующее развитие Франции, тот союз между горожанами и королевской властью, который создал политическое единство Франции и теперь, в XVI в., еще раз отстоял это единство от кандидатов на роль «французских князей» по примеру князей германских.

С другой стороны, мы меньше всего можем сближать, как это делал Мишле, гугенотское движение с Нидерландской революцией, хотя такие аналогии с точки зрения методологической вполне допустимы. Но мы должны иметь в виду, что в Нидерландской революции классом-гегемоном была буржуазия и ее борьба с испанским деспотизмом была подлинно буржуазной революцией. Иным было положение во Франции, где буржуазия не решилась взяться за оружие, не имея поддержки крестьянства, и борьбу начало дворянство, преследуя свои, отнюдь не буржуазные цели, и оно осталось до конца вдохновителем и руководителем движения, а все остальные группировки были лишь в большей или меньшей степени его соучастниками. Но будучи втянутыми в борьбу, одинаково тяжелую для всех, и буржуазия, и крестьянство, и плебейские элементы городов вносили в нее свои собственные требования, защищали свои собственные классовые интересы и, вследствие этого, крайне усложняли обстановку. Главные виновники и зачинщики вынуждены, были менять свое поведение, а в конце концов – и вовсе прекратить борьбу перед лицом народных восстаний.

Если уж искать аналогий, то события второй половины XVI в. во Франции можно сопоставить с событиями не в Нидерландах, а в Германии, и притом в период после крестьянской войны, когда разбитое крестьянство сошло на нет как сила, способная повернуть колесо истории. Во Франции оно не было разбито, но оно в тот период и не способно было на общее революционное выступление. Господствующий класс, распавшийся на ряд группировок, мог до поры до времени спокойно предаваться склокам и раздорам и вести борьбу за власть. В результате этой борьбы могла очутиться у власти вместо одной группы другая, но ничего не меня\ось в классовом существе этой власти. «Возьмите, – говорил В. И. Ленин в 1919 г., – старое крепостническое дворянское общество. Там перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой» [152]. Поэтому позиция дворянства как накануне, так и во время гражданских войн должна быть рассмотрена в первую очередь.

Позиция различных классов в религиозных войнах

В 70-х годах XVI в., когда борьба была в полном разгаре, многочисленные гугенотские

[152] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 443.

публицисты, метавшие громы и молнии против Парижа и короля, устроивших резню Варфоломеевской ночи, обращали внимание на два государства, пример которых им казался достойным подражания, – Англию и Германию. Может показаться на первый взгляд странным, что им порядки этих стран казались почти одинаковыми. Но для XVI в. такая ошибка была простительна. В Англии они видели господство «лучших» людей (optimates, patricii, principes, pares и т. д.), объединенных в Парламенте, в Германии эти же люди господствовали без парламента.

Какова была программа французских «лучших» людей? Крупные сеньоры, главным образом юга Франции, все еще не могли примириться с потерей политических вольностей и готовы были вспомнить времена Лиги общественного блага, выступившей в 60-х годах XV в. под предводительством бургундского герцога Карла Смелого против объединительной политики Людовика XI. «Имя гугенотов, – писал несколько позже венецианский посол во Франции Джовани Микеле, – превратилось в название недовольных, и борьба идет не из-за религии, а из-за „общественного блага“, как во времена Людовика XI»[153]. Почти ту же фразу повторил Гвидо Джанетти, венецианский агент королевы английской Елизаветы в 1560 г.[154] «Франция поглощена только что вспыхнувшей религиозной войной, которая будет хуже, чем война, поднятая Лигой общественного блага в 1465 г. при Людовике XI».

Об этом свидетельствовали не только оценки наблюдателей. Ненависть гугенотов к королю – объединителю Франции, была настолько велика, и, скажем от себя, понятна, что они не могли удержаться от надругательств над останками этого короля. Они разрыли его могилу и развеяли по ветру его прах еще в самом начале религиозных войн. Эти сеньоры охотно переходили в кальвинизм. Реформа сулила им конфискацию церковных земель и – в идеальной перспективе – превращение их в самостоятельных потентатов на манер германских князей[155].

Но кальвинизм нужен был им и по другой причине. Многочисленные дворянские свиты знатных родов юга Франции в церковной организации кальвинистской церкви обретали новые узы, которые связывали их с «оптиматами», превращавшимися в пресвитеров новой церкви. На орлеанских штатах 1560 г. группа сеньоров представила королю мемориал, в котором она высказывала мнение, что каждый крупный сеньор имеет право избрать ту религию, которая ему больше нравится, в полном соответствии с постановлением аугсбургского религиозного мира 1555 г., т. е., прибавляли петиционерм, согласно принципу «cujus regio ejus religio» («чья страна, того и вера»).

Для этих сеньоров религиозная война была и потому желательна, что внешние войны предшествующих царствований подняли авторитет королевской власти и дворянство начало уходить из-под влияния своих сеньоров. Теперь во главе своей религиозной общины сеньоры шли на борьбу с королевской властью за свои вольности, а в случае удачи – и за свою политическую независимость. Один из чрезвычайно наблюдательных современников Клод Атон прямо писал, что «крупные гугенотские сеньоры, группирующиеся вокруг Конде, мечтали вовсе не о высоких должностях при короле, но о разделе королевства на ряд самостоятельных провинций, в которых они были бы суверенными, не признающими над собой ни короля, ни кого-либо другого»[156]. Все дело заключалось в том, как далеко пойдет

---

[153] N. Tommaseo. Les relations des embassadeurs venitiens, v. I. J. Michele. Paris, 1838.

[154] «Calender of State papers» (Engl.), № 931.

[155] [Claude Haton], Memoires de Claude Haton, contenant le recit des evenements accomplis de 1553 a 1582, principalement dans la Champagne et la Brie, publ. par F. Bourquelof, v. I. Paris, 1857, p. 291; Persizet. P. Ronsard et la Reforme. Paris, 1902, p. 49, 50 – протест против осквернения могилы Людовика XI.

[156] [Claude Haton], Memoires de Claude Haton…, v. I, p. 291.

за ними рядовое дворянство и нет ли между интересами сеньоров и дворян такого расхождения, которое помешает дворянству до конца поддерживать этих господ.

Войны показали, что крупные феодалы глубоко ошиблись в своих расчетах на поддержку низшего и среднего дворянства. Если один из деятелей Генеральных Штатов 1576 г. сравнивал гугенотские войны с борьбой германских князей против императора Карла V, то не следует забывать, что политические идеалы рядового дворянства-рыцарства в Германии, наиболее национального из всех сословий, по выражению Энгельса[157], не имеет ничего общего со стремлением князей к независимости от императора. Как раз наоборот, «чем сильнее была имперская власть, чем слабее и малочисленнее были князья, чем более единой была Германия, тем сильнее было и оно»[158]. Перед французским мелким и средним дворянством не стояла задача политического объединения страны, так как таковое было уже осуществлено. Но значило ли это, что дворянство пойдет за своими сюзеренами, когда последние поставят под вопрос существование единой Франции?

Французский абсолютизм был необходимостью, совпавшей с интересами господствующего класса как целого, и, прежде всего, с интересами рядового дворянства, и поэтому это дворянство, в основном, осталось верным принципу сильной королевской власти, несмотря на то, что оно имело основания быть недовольным существующим порядком. Это недовольство органически присуще строю абсолютной монархии. Ее существование, тем не менее, нисколько не затрагивается этим недовольством, ибо абсолютная монархия в условиях мануфактурного периода капитализма в тех конкретных обстоятельствах, в каких она сложилась во Франции, была для господствующего класса объективно единственно возможной формой обеспечения самого его существования.

Что же касается причин недовольства в отдельных прослойках господствующего класса, то они были двоякого рода: во-первых, это были причины постоянные, вызываемые своеобразной организацией самого абсолютизма; во-вторых, причины, вызванные обстановкой данного момента. Гипертрофия королевской власти в абсолютной монархии необходимо влечет за собой произвол в распределении благ между членами общественного класса, органом которого она является. Ущемленное рядовое дворянство всегда имеет основание быть недовольным теми, кто, попав на вершину придворной лестницы, получает королевские пенсии, милости и подарки. Добавочным ресурсом в таком случае является война, кормящая рядовое дворянство; когда же ее нет, недовольство обостряется и выплывает наружу. Именно так обстояло делд после 1559 г., когда была окончена война между Францией и Габсбургами. Дворяне юга были недовольны кроме этого начинавшей проникать сюда при Генрихе II бюрократией и централизацией управления. Крупные феодалы могли, таким образом, вначале рассчитывать на дворянскую поддержку. Но только вначале. Политическое распадение Германии шло нога в ногу с экономическим оскудением ее, с упадком торговли, промышленности и городов, с падением удельного веса ее буржуазии. Наоборот, Франция, несмотря на вызываемое войной разорение, находилась объективно в обстановке экономического подъема, роста промышленности, торговли и городов, усиления ее буржуазии – и, следовательно, усиления тех тенденций, которые превратили ее королей в абсолютных монархов.

Война с необходимостью обостряла антагонизм между дворянством и буржуазией, вызывала революционное движение крестьянства и плебейских слоев города, и это заставляло мелкое и среднее дворянство стремится не к ослаблению, а к усилению королевской власти, т. е. покидать своих сеньоров в тот самый момент, когда они, казалось, были уже у своей цели. Оно готово было идти на смену лиц и династий, но не режима. Не следует забывать, что в результате религиозных войн установилась не олигархия

---

[157] См. К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 393.

[158] Там же.

«оптиматов», а абсолютная власть Генриха IV – главы той самой группы аристократии, которая написала на своем знамени возврат назад к идеалам Лиги общественного блага.

Эту веру, т. е. католицизм, отстаивала и та часть дворянства, которая была связана с церковными доходами. Не следует забывать, что вожди католической партии Гизы владели более чем полутора десятками церковных бенефициев. Большое количество таких бенефициев было рассеяно на севере, и, особенно, на северо-востоке Франции у границы с Германией, близ Рейна – «этой старой поповской дороги». Наконец, естественное для рядового дворянства в целом тяготение к сильной королевской власти было здесь, на севере, еще более сильным благодаря близости Парижа и королевского двора.

* * *

Переходя к позиции буржуазии, следует еще раз подчеркнуть, тот факт, что Реформация во Франции и так называемые религиозные войны – явления, далеко не совпадающие друг с другом. Другими словами, «гугеноты религиозные» далеко не всегда были заодно с «гугенотами политическими»; и, не будь последних, «гугеноты религиозные» в той мере, в какой в их состав входила буржуазия, никогда не подумали бы ни о каком восстании против королевской власти. Если на сторону мятежного дворянства стали южные города, то это вовсе не значит, что кальвинизм, как таковой, распространялся только в южных городах. Южные города не потому стали в оппозицию к королевской власти, что они были гугенотскими. Они стали гугенотскими потому, что в них давно назревала оппозиция абсолютистскому королю и его политике централизации.

Южные города, как и южные сеньоры, были позже включены в состав французского государства, пользовались большими привилегиями, имели самоуправление. Усиление центральной власти здесь сопровождалось нарушением привилегий, и кальвинизм стал в городах знаменем оппозиции. Наиболее крупные из этих городов: Ла-Рошель, Ним, Монтобан, Монпелье. Их участие в гражданских войнах далеко не во все периоды было одинаковым. До Варфоломеевской ночи они лишь защищали свои старые права, и, прежде всего, право свободы от королевских гарнизонов. Значение этой вольности было очень велико. Присутствие королевского гарнизона в городе означало полное подчинение города распоряжениям центральной власти и, прежде всего, полное подчинение налоговым требованиям казны. Усердное выколачивание податей, непрерывный рост их и введение новых давно уже волновали население, которое здесь, на юге, не желало подчиняться гораздо более суровому податному режиму северной и центральной Франции.

В 1548 г. в юго-западной Франции вспыхнуло большое восстание как раз в связи с попыткой королевской власти установить здесь новый налог на соль (габель). Оно охватило провинции Ангумуа, Сентонж, Гиень и Бордо. Губернатор был убит. Председатель бордосского парламента вынужден был примкнуть к восстанию из страха быть казненным. В самом Бордо восставшие ходили с английскими флагами и кричали: «Да здравствует Гиень!» (провинция, главным городом которой был Бордо), как бы желая этим подчеркнуть свои сепаратистские намерения. Буржуазия, сначала помышлявшая о том, чтобы использовать движение для защиты своих вольностей, в конце концов испугалась движения низов и запросила у короля помощи. Восстание было жестоко подавлено.

Но пока в городах не было королевских гарнизонов, города могли отстаивать свободу от налогов, в крайнем случае выторговывать у центральной власти скидки, как делали провинции, сохранившие свои провинциальные штаты. Во время восстания в Гиени бордосцы прямо ссылались на привилегии и вольности, дарованные им королем Карлом VII. В 1568 г. на повторное требование короля впустить в Ла-Рошель королевский гарнизон ларошельцы ответили, «как они отвечали и раньше», что до тех пор, пока король нарушает условия мира с гугенотами, они не допустят в город королевские войска. Они при этом напомни и королю, что ларошельцы были на его стороне даже в те давние времена, когда принадлежали королю английскому, и что они сами добровольно перешли на сторону

французского короля. За это они получили различные привилегии, а вот теперь эти привилегии нарушают и не хотят их признавать.

Но оппозиция городов была еще далеко не достаточна для открытого восстания. Решительным и «мятежным» их поведение становится после Варфоломеевской ночи, когда на юге поднялось против короля почти все дворянство. Даже и тогда города не сразу порывают с королем. Лишь после того, как власть в городах захватывают крайние элементы, оттесняющие зажиточную буржуазию, города выступают вместе с дворянством и начинают финансировать его. Интересно отметить, что крайние элементы, отважившиеся на борьбу с королем, или, как их называют современники, «рьяные» (zeles; homines seditiosi) одновременно квалифицируются как «чернь». По-видимому, это плебейство городов и те мелкие бюргеры, которые еще не осознали, что они превращаются из горожан в буржуазию, т. е. класс в пределах национального государства. Во всяком случае следует отметить, что далеко не вся кальвинистская буржуазия южных городов была решительна в борьбе с центром и нет никакого основания утверждать, что она питала сепаратистские намерения.

Впрочем, вопрос о позиции южных городов., в религиозных войнах остается по сие время не до конца разрешенным. Важно лишь упомянуть, что централизаторская политика королевской власти по отношению к югу сделала известные успехи уже в первой половине XVI в. В 1552 г. были учреждены президиальные суды в ряде бальяжей (судебные округа). Появилось 550 новых чиновников, приобретших свои должности за деньги. В XVI в. стала широко практиковаться система продажи муниципальных должностей. Купившие такие должности оттесняли старую выборную администрацию и становились своего рода королевским бюрократическим «гарнизоном», введенным королевской властью в стены вольных городов. Что эти муниципальные чиновники выходили по преимуществу из рядов зажиточной буржуазии, которая вследствие этого становилась оплотом абсолютизма, едва ли подлежит какому-либо сомнению. Тем большую ненависть должна была вызывать такая политика центральной власти у демократических элементов города, которые раньше имели некоторый доступ к городским делам.

Влияние чиновной бюрократии, вышедшей из среды буржуазии, на исход гражданских воин второй половины XVI в. было, по-видимому, огромно. Феодалам, мечтавшим о том, чтобы превратиться в государей на манер германских князей, пришлось встретиться с сильнейшим сопротивлением со стороны целой сети бюрократических учреждений, которые, как железный каркас, крепили единство Франции и удерживали ее целостность даже в такие моменты, когда, казалось, распадение стало уже фактом.

Если южная буржуазия, или, по крайней мере, часть ее, шла заодно с «гугенотами политическими», то северная буржуазия в основном решительно выступала с лозунгом, который она не раз провозглашала устами своих парижских представителей: «Ваше величество, – сказал Клод Гюйо, купеческий старшина Парижа при первой встрече с новым королем Генрихом II в 1548 г., – символ и девиз нашего доброго города Парижа был с древних времен и до наших дней один и тот же: „единый бог, единый король, единая вера, единый закон“» [159].

Париж занимал не только особое, но и исключительное место во Франции. Это был огромный по тому времени город (по мнению историков его население достигало 300, даже 500 тыс. жителей), который властвовал над громадной крестьянской страной. Система управления, налогов, кредита, имевшая своим центром Париж, делала державный город исконным сторонником единства страны. Буржуазия Парижа была заинтересована в этом единстве: как промышленная и торговая буржуазия, нуждающаяся в единстве внутреннего рынка, так и ростовщическая буржуазия, питавшаяся централизованной системой государственных налогов, откупов и займов. Один современник отметил, что ненависть парижан к королю Генриху III и их восстание против него в 1588 г. объясняются тем, что

---

[159] *C B. Thompson.* The wars of religion. Chicago, 1909, chap. II.

Генрих перестал платить проценты по займам. Если даже такое утверждение чересчур односторонне, все же оно указывает на то, какую огромную роль играли в настроениях буржуазии интересы, связанные с системой государственных финансов. Отмеченная Марксом роль государственных займов в процессе так называемого первоначального накопления для Англии была не меньшей, если не большей во Франции, король которой располагал несравненно более значительными суммами доходов и вел несравненно более энергичную внешнюю политику, чем правительство Англии.

Эта буржуазия выставила лозунг не только «единого короля» но и «единой веры» – и притом веры католической. То была вера той части населения, от которой буржуазия получала свои главные доходы – вера французского крестьянства, главного налогоплательщика, своего рода колонии для ростовщической буржуазии.

* * *

Крестьянство, в основном, осталось верным старой религии. Все историки единодушно отмечают, что ересь среди крестьянства имела незначительное распространение. Ересь была порождением города и была в основном связана с буржуазным мировоззрением.

Французская деревня развивалась чрезвычайно медленно; аграрная эволюция XV–XVI вв. была, в общем, благоприятна для мелкого землевладельца. Устойчивость старинных форм хозяйства и господство мелкого крестьянского хозяйства, не нарушаемое развитием крупных сельскохозяйственных предприятий на английский манер – типичное явление в жизни французской деревни XVI в. Того общего ухудшения крестьянской доли, которое было характерно для Германии накануне Реформации или английской деревни в XVI в., французская деревня не знала. Поэтому не было оснований для перемен и в крестьянском сознании. Оно оставалось не только католическим. Неподвижность крестьянской массы была тем фундаментом, на котором отчасти держалась сама монархия; В. И. Ленин пишет о «наивном монархизме» крестьянства[160], и если это глубокое замечание верно для русского самодержавия XIX в., то оно не менее верно для Франции XVI в., тем более, что в гугеноте перед крестьянином выступал его классовый враг – дворянин и что этот дворянин воскрешал перед ним недавние времена феодальных войн, безудержных грабежей и избиений.

Многочисленные письма Колиньи, дошедшие до нас от времени первой из трех гугенотских войн[161], позволяют отметить два любопытных факта. Колиньи отождествляет гугенотов с дворянами и постоянно жалуется на то, что «чернь» легко возбуждается католическими монахами-фанатиками против гугенотов. Это лишь подтверждает высказанное выше положение, что народные массы были в основном против гугенотов, в которых они видели своих врагов. Отдельные вспышки крестьянских восстаний на юго-западе Франции в начале 60-х годов, которые связывают обычно с проникновением протестантизма в деревню, остаются локальными явлениями и до сих пор настолько мало исследованы, что сказать о них что-нибудь определенное трудно.

Крестьянство, однако, не осталось абсолютно безучастным к гражданской войне. Оно поневоле втягивалось в борьбу по мере развития событий, углубляющегося развала в стране и безобразной разнузданности солдатчины. Грабежи, производимые армиями той и другой стороны, вызывали ответные вспышки крестьянских восстаний вне зависимости от того, были ли дворяне гугенотами или католиками. Уже в 1574 г. упоминавшийся нами венецианский посол Джовани Микеле писал, что «темные французские крестьяне, которые в начале гражданской войны не имели оружия, занимались только своим хозяйством и

---

160 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 88, 89.

161 J. Delaborde. Gaspard de Coligny, amiral de France, v. I–III. Paris, 1871–1881.

ремеслом, стали все вооруженными, до такой степени воинственными и в такой мере научились владеть оружием, что их нельзя отличить от самых опытных солдат…»[162].

Самым трудным является вопрос об участии плебейства в гражданских войнах. Роль плебейства в этих войнах несравненно более заметна, чем роль крестьянина, но поведение плебейства политически было настолько неустойчивым, насколько пестрым было французское плебейство по своему социальному составу. А последнее обстоятельство имело для событий, которые разыгрывались во Франции во второй половине XVI в., несравненно большее значение, чем для Германии времен Реформации. Так, в Германии плебейство и, особенно, предпролетарские слои были сплавлены в огне великого крестьянского восстания в наиболее революционную партию, здесь же, во Франции, плебейство осталось без этой крестьянской основы и поэтому в нем обнаружились все те колебания и все то политическое недомыслие, которые свойственны беднейшим слоям населения, не составившим еще определенного класса и лишенным руководства. В Париже плебейство было фанатизировано католическими монахами, а в южных городах – протестантскими проповедниками, но и там, и здесь к политическим требованиям бюргерства, которые с шумом прокламировались демократической толпой, примешивались социальные требования бедноты, весьма различные по своему содержанию, в зависимости от того положения, в котором находились отдельные элементы этой демократии. В целом, однако, плебейское движение лишь осложняло и обостряло борьбу, но самостоятельное его значение в событиях весьма невелико.

* * *

Таким образом в ходе религиозных войн обозначились два фронта – за централизм и против такового, т. е. за дальнейшее укрепление абсолютизма или за сохранение местных и сословных вольностей. Частично эти два фронта совпадали с делением страны на Францию католическую и Францию гугенотскую. Но только частично! Социальные верхи были представлены двумя группами феодалов, боровшихся за власть. Программа их была одинакова, и они часто забывали о религиозном различии. Основные кадры обеих партий были весьма сложны по своему составу. Как среди католиков, так и среди гугенотов были общественные слои, настроенные более централистски и меньше думавшие об укреплении местных вольностей, чем другие.

В целом это был кризис абсолютной монархии, но кризис роста, и в этом кризисе тенденции антиабсолютистские, несравненно более сильные у гугенотов, были одновременно, в основном, тенденциями к возврату назад, к политическим идеям Лиги общественного блага. Объективно, поскольку гугенотское движение было прежде всего дворянским, и города выступали лищь на втором плане, поскольку оно было направлено к ослаблению центральной власти при отсутствии в экономическом базисе дворянства прогрессивных элементов, это движение было феодальной реакцией и ничем другим.

Но это не значит, конечно, что в гугенотском лагере вовсе не было прогрессивных течений или что в католическом лагере не было элементов феодальной реакции. Присутствие в первом буржуазных группировок, а во втором – дворянско-феодальных, существование среди дворян-гугенотов социально-экономических устремлений, напоминающих деятельность «нового дворянства» в Англии, с одной стороны, и большой удельный вес ростовщических операций у католической буржуазии севера, с другой, – все это, вместе взятое, чрезвычайно усложняет вопрос об оценке гугенотского лагеря и лагеря католического даже в их основных и наиболее общих характеристиках. Можно лишь в общих чертах сказать, что поступательное движение исторического процесса во Франции шло по линии укрепления централизма.

---

[162] N. Tommaseo. Les Relations des ambassadeurs vdnitiens…, v. I. J. Michele.

Нужно лишь помнить, что французский централизм со всеми его отрицательными сторонами был все же лучше, чем «исконная германская свобода» с ее полным политическим развалом и бессилием Германии во внешней политике. Он был все же выражением дальнейшего экономического развития Франции и роста ее буржуазии, а не результатом экономического застоя и слабости буржуазии, каковой была пресловутая немецкая свобода, рассыпавшаяся в прах и подчиненная бесчисленным князьям Германии, в которой абсолютная монархия проявлялась в виде мелкодержавного княжеского абсолютизма, т. е. «в самой уродливой, полупатриархальной форме»[163].

Начало религиозных войн

После Генриха II царствовали три его сына – Франциск II (1559–1560), Карл IX (1560–1574) и Генрих III (1574–1589).

Вырождавшаяся династия с ними прекратила свое существование.

Старшему сыну Генриха II Франциску II в 1559 г. было 15 лет. Это был маленький обжора и сластолюбец, ничего не разумевший в делах государства, – и власть фактически перешла к Гизам, дядям его жены Марии (королевы шотландской Марии Стюарт). Франсуа Гиз стал главой армии, епископ Лотарингский и кардинал взял в свои руки гражданское управление. Появление Гизов у власти было своего рода знамением времени. Они не были ни принцами крови, ни даже знатными французскими сеньорами, хотя и претендовали на честь считаться потомками Карла Великого. Их появление у власти означало, что абсолютная королевская власть могла приблизить к себе кого угодно и сделать его своим орудием.

В связи с этим произошли крупные изменения в составе правительства и двора. Гизы привлекли на свою сторону мать короля Екатерину Медичи, оттерли от власти любимца покойного короля коннетабля Монморанси и его родственников, адмирала Колиньи с двумя братьями, и постарались отделаться от ближайших родственников королевского дома, Бурбонов. Этого было достаточно, чтобы оттесненные от власти принцы крови и вельможи образовали единый фронт против Гизов. Старший представитель Бурбонов Антуан по браку с королевой Наваррской был королем крошечного государства, расположенного на границе Франции и Испании. Его жена была горячей поклонницей Кальвина, и обиженный принц стал тоже склоняться к кальвинизму, а Наварра сделалась центром всех недовольных.

Уже в августе 1559 г. три вождя будущей оппозиции – Антуан Бурбон, его брат Конде и адмирал Колиньи совещались о мерах, которые следовало принять для того, чтобы «освободить короля» от «тирании» Гизов. Следует отметить, что, действуя так, они не сходили, по тогдашним представлениям, с почвы легальности. Хотя король и считался совершеннолетним, требовалась фактическая опека, а, по обычаям королевства, опекуном короля мог быть лишь ближайший его родственник, т. е. Антуан Бурбон. Гизы были для них «иностранцами» (лотарингцами) и выскочками.

Гизы не сознавали трудности своего положения. Блестящие царедворцы, не без успеха домогавшиеся популярности среди парижан, они не поняли того, что своим возвышением они обязаны только фавору короля, и с большим высокомерием относились к рядовому дворянству.

Смена на престоле почти совпала с заключением мира в Като-Камбрези, которым закончился долгий период войн с Габсбургами. В июле 1559 г. королевский указ частично распустил армию. Большое количество офицеров и солдат осталось без занятий. Они сошлись в Фонтенебло, попрошайничая и требуя вознаграждения. Франсуа Гиз уговаривал их разойтись, кардинал пригрозил виселицей. Они удалились, затаив злобу. Многие из них были с юга, из непокорного, теперь кальвинистски настроенного дворянства. Они составили

---

[163] К, Маркс и ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 183.

первые кадры дворянского мятежа.

На запрос недовольных французские и немецкие кальвинистические богословы ответили, что они могут взяться за оружие против «узурпаторов» (т. е. Гизов), но при условии, что это будет сделано в пользу короля, а все предприятие должен возглавить принц крови. Таково начало религиозных смут, их прелюдия – так называемый Амбуазский заговор. Как видим, в нем не было, по существу, ничего религиозного. Во главе его стоял Конде, горевший желанием скрестить шпаги. Он рассчитывал отстранить Гизов, созвать Генеральные Штаты и обеспечить интересы Бурбонов и протестантов. Впрочем, главные заговорщики сочли неосторожным выступать открыто, и все дело сделали недовольные дворяне. Было решено захватить короля и действовать затем от его имени. Если бы король стал упорствовать, решено было низложить его и арестовать Гизов. Королевский двор в это время находился в замке Амбуаз.

Ги зы, однако, узнали о заговоре. Они вызвали Колиньи и спросили его о причинах недовольства. Адмирал объяснил его преследованием протестантов и предложил издать эдикт, который успокоил бы их. Гизы согласились. Эдикт 8 марта 1560 г. приостановил гонения за религию и обещал амнистию, из которой, однако, были исключены кальвинистские проповедники и заговорщики. Вожди успокоились, но их войска (дворяне) попробовали выполнить свой план сами. Они двинулись в Амбуаз, но были разбиты. Гиз отменил эдикт от 8 марта и жестоко расправился с заговорщиками. Их казнили без всякого суда. Когда не хватало виселиц, их топили в Луаре и вешали прямо на зубцах Амбуазского замка. В числе погибших было пятьдесят капитанов. То же происходило и в других городах, куда распространились нити заговора: в Блуа, Туре, Орлеане и др.

Истинные вожди заговора остались, однако, в тени. Они обратились к королеве Елизавете Английской и немецким протестантским князьям за помощью. Они полагали, что в материальной помощи, которую они получали из Англии и Германии, нет ничего предосудительного. Впрочем, так же думали и их противники Гизы, которые охотно обращались к помощи испанского короля, а впоследствии прямо перешли к нему на жалованье. В Париже ходили слухи, что из Гаскони, Пуату, Бретани, Нормандии были сделаны предложения англичанам – высадить в эти провинции десант. В последних двух провинциях английские купцы и моряки подстрекали жителей к восстанию против Гизов, распространяя среди них прокламации на французском языке, напечатанные в Англии. На юге снова подготовлялось движение, дворянство стало захватывать церковные земли. До Гизов дошли слухи, что Бурбон собирается захватить Бордо, с помощью войска и денег Елизаветы двинуться к берегам Луары и заставить короля принять условия протестантов.

Двор был устрашен. Здесь тоже было много недовольных полновластием Гизов. Партия умеренных, или как ее стали впоследствии называть, партия «политиков», считавших, что государственные интересы должны стоять выше религиозных распрей, во главе с канцлером Лопиталем, добилась согласия Гизов на созыв Генеральных Штатов.

От имени короля Гизы вызвали к двору Антуана и Конде и здесь их арестовали. Над ними был наряжен суд, и Конде был приговорен к смерти. Его спасла неожиданная смерть короля 5 декабря 1560 г.

Со смертью короля потеряли легальную почву Гизы. Новый король Карл IX был несовершеннолетним, и законным опекуном его являлся «осел и прохвост», как его называл Маркс [164] , Антуан Бурбон. Ловким маневром Екатерина Медичи заставила Бурбона отказаться от прав на опеку, но в то же время приблизила его, боясь чрезмерного влияния Гизов. Злые языки утверждали, что королева-мать знала об Амбуазском заговоре и даже, может быть, была участницей его в расчете на то, чтобы избавиться от Гизов. Это колебание королевы между двумя партиями дало на время перевес «политикам».

В декабре 1560 г. были созваны после 75-летнего перерыва Генеральные штаты в

---

164 «Архив Маркса и Энгельса» т. VII, стр. 302.

Орлеане. 13 декабря канцлер Лопиталь открыл их большой речью в примирительном духе: кротость приносит больше пользы, чем строгость. «Отложим в сторону эти дьявольские слова: „политические партии", „крамолы" и „восстания", „лютеране" и „гугеноты", „паписты" и будем называться просто христианами»[165].

Прекраснодушие канцлера было по меньшей мере наивным. Духовенство осталось равнодушным к его увещеваниям. Дворянство и третье сословие были настроены крайне оппозиционно. Когда они узнали, что у правительства дефицит на 43 млн. ливров, т. е. на сумму, которая в четыре раза превышала ежегодные доходы государства, они заявили, что у них нет полномочий решать финансовые вопросы, и разошлись в надежде на то, что затруднения правительства заставят его принять их главное требование: постоянный контроль Штатов над финансами и участие в законодательной деятельности. Собравшиеся затем в Понтуазе в августе 1561 г. Штаты требовали продажи церковных имуществ для покрытия долгов. Встревоженное духовенство приняло на себя оплату части долга, и Штаты разошлись, не добившись исполнения остальных требований.

В январе 1562 г. правительство издало «эдикт терпимости», согласно которому кальвинистам дарована была свобода вероисповедания вне городов и даже разрешались собрания внутри городов, но в частных домах. Это был предел тех уступок, на которые могло пойти правительство Лопиталя и равнодушной к вопросам веры королевой. Поэтому в последовавших гражданских войнах протестанты стремились к восстановлению принципов январского эдикта. Право кальвинистов собираться вне городов было правом, которое получили дворяне, жившие в замках; «гугеноты политические» не позаботились о «гугенотах религиозных».

Ян варский эдикт озлобил католиков, но не мог полностью удовлетворить и протестантов. Жалобы со стороны протестантов как раз указывали на то, что их главная паства находилась в городах, а не в деревнях, Но для правительства важна была не веротерпимость, а предотвращение дворянской оппозиции. Дело шло не о религии, а о политике.

Время от времени в Париже избивали кальвинистов. Фанатики-монахи яростно проповедовали против еретиков. Парижские низы врывались в дома кальвинистов, предавая их грабежам и пожарам. Эти парижские кальвинисты были, однако, вовсе не дворяне. Это были мастера различных ремесел, ювелиры, торговцы. Но скопидомство, хозяйственное процветание и кальвинистская организованность этих «людей божиих», накопляющих во славу бога, делали их предметом ненависти со стороны других таких же мастеров. Поскольку кальвинисты выступали как организация, конкуренция принимала форму религиозной борьбы.

На юге жертвами были католики. В Монпелье за то же время было убито 200 католиков. Вне города дворянство по-своему осуществляло реформацию. Губернаторы, т. е. представители местной знати, стали взимать налоги в свою пользу. Дворянство захватывало церковные земли.

В этой обстановке произошли убийства в Васси, положившие начало открытой войне гугенотов с католиками. Франсуа Гиз проезжая с отрядом мимо местечка Васси (1 марта 1562 г.) напал на толпу гугенотов, распевавших в риге свои религиозные песнопения. Было 23 убитых и около 100 раненых. Это событие произвело огромное впечатление во всей Франции и нашло отзвук в других местах. Расправы с кальвинистами произошли в Анжере, Сансе, Оксерре, Туре, Труа и Кагоре. Несмотря на эдикт, парламенты изгоняли протестантов, лишали их покровительства законов и даже давали распоряжения убивать их. Наоборот, там, где имели перевес протестанты, они захватывали в свои руки муниципалитеты, лили из колоколов пушки и чеканили монеты от имени короля, но больше всего занимались уничтожением икон и статуй и разрушением католических храмов. Протестанты заняли

---

[165] *E. Lavisse.* Histoire de France depuis les origines jusqu'a la Revolution, v. VI, 1[er] part. Paris, 1911, p. 35.

Лион, Тулузу, Бурж, Орлеан.

Католический Париж после Васси торжественно встречал Гиза. На улицы вышли представители городского управления и университета и множество парижан, приветствовавших его кликами, как если бы он был королем. Купеческий прево Парижа предложил ему от имени города двадцатитысячный отряд и 2 млн. ливров золотом для того, чтобы он умиротворил королевство. Против кальвинистов в Париже были приняты самые суровые меры: аресты и изгнания под страхом виселиц. Убийства в Васси повели к открытой борьбе двух лагерей.

Первый период религиозных войн. 1562–1572 годы

До 1572 г. (до Варфоломеевской ночи) борьба не отличалась особым ожесточением. Сражались две феодальные клики, стремившиеся захватить короля и править затем от его имени. Религиозные разногласия играли незначительную роль; люди, считавшиеся вождями, не очень стеснялись переходить из одной религии в другую, когда этого требовали обстоятельства. Екатерина Медичи писала одному из своих корреспондентов, что скрытые намерения гугенотов не имеют ничего общего с религией, хотя они и прикрываются ею.

Армии сражающихся были невелики. На большие не хватало денег. Сражались не только дворяне. XVI век – время наемных армий. Кто не прибегал к наемникам, рисковал потерпеть поражение. В рядах католической армии сражались испанцы, итальянцы, швейцарцы, греки и даже албанцы, но особенно много было немцев. Германия XVI в., переживавшая экономический упадок, была рынком наемников. Своими подданными торговали немецкие князья. Французские протестанты, и в частности Конде, держали в Германии своих вербовщиков, полковников и капитанов. Протестантские князья находились в непрерывном общении с вождями гугенотов, и тот религиозный пыл, с которым они были готовы помогать своим французским единоверцам, подогревался звонкой монетой, получаемой от гугенотов за поставку отрядов.

С самого начала гражданская распря во Франции осложнилась вмешательством иностранных государств. Соперничество создавшихся в предыдущем веке крупных монархий заставляло их вмешиваться во французские дела. Борьба между католиками и протестантами нашла отзвук в великой распре между Англией и Испанией, а людские силы для этой борьбы на континенте давала в значительной мере Германия, распавшаяся на множество государств, не способных к самостоятельной политике, – Германия княжеская, торгующая оптом и в розницу кровью своих сыновей.

Но как ни вяло шли события первых трех войн (1562–1563, 1567–1568, 1568–1570), участвующие и с той, и с другой стороны дворянские армии сражались не только как две феодальные группы, спорящие за власть. Среда, из которой вышли и та, и другая группы, давила на сознание борющихся сторон и заставляла бороться за цели, которые, может быть, не всегда совпадали с непосредственными интересами самих борцов. Католическая сторона и материально, и идейно опиралась на Париж: ее неписаной программой была программа Парижа: «единый король, единый закон и единая вера», несмотря на то, что крупные сеньоры и здесь, на севере, вели себя ничем не лучше, чем на юге, и тоже не прочь были обеспечить себе побольше политической независимости от центра, а дворянство католическое так же грабило страну, как и дворянство гугенотское.

Юг, объединившийся вокруг Бурбонов и своих крупных феодальных фамилий, был прежде всего дворянским, города, даже взятые вместе, были несравненно слабее Парижа и играли в движении второстепенную роль. Но дворянская масса, составлявшая армию, как мы указывали выше, вовсе не намерена была безоговорочно поддерживать крупных сеньоров, желавших возвращения старых времен.

Екатерина, правившая до 1563 г. за своего сына, попала между двух огней и фактически потеряла непосредственное влияние на дела. На одной стороне стояли Гизы, незадолго до этого заключившие союз с коннетаблем Монморанси, который перешел на

сторону двора, и маршалом Сент-Андре. Вместе они составили «триумвират». К ним присоединился и Антуан Бурбон, король наваррский. Фактически за их спиной стоял, однако, Шантоне, посол короля Филиппа II во Франции, финансировавший эту группу, как доносили королеве Елизавете ее агенты во Франции еще в марте 1562 г. На другой стороне были вожди гугенотов: Конде и Колиньи.

Большинство вождей, однако, погибло. Во время первой войны погибли Антуан Бурбон, маршал Сент-Андре и Франсуа Гиз, убитый, как уверяли его сторонники, человеком, подосланным Колиньи (Колиньи решительно отрицал это). Во второй войне были убиты коннетабль Монморанси и Конде. К концу третьей войны у протестантов остались сын Антуана Бурбона Генрих, король наваррский (будущий король Франции Генрих IV) и Колиньи; во главе католиков по-прежнему стояли Гизы – кардинал и его племянник, сын убитого Франсуа Гиза Генрих. Их окружали многочисленные и жадные родственники.

События первых трех войн вкратце таковы. Убийства в Васси дали основание «триумвирам» для нажима на колеблющуюся Екатерину. Королеве пришлось отказаться от своей политики равновесия обеих партий. События вынуждали ее заключать соглашения то с одной, то с другой партией.

8 августа 1570 г. после третьей войны Екатерина подписала эдикт примирения в Сен-Жермене. Протестантам была предоставлена свобода совести. Протестантское богослужение было разрешено по всему королевству, в двух городах каждого губернаторства, но только в предместьях. Протестантам разрешили занимать общественные должности. Наконец, в обеспечение этих условий им были предоставлены крепости Монтобан, Коньяк, Ла-Рошель и Лашарите. Довольно равнодушная к религии, Екатерина Медичи считала в данный момент, что ей выгодно сблизиться с партией, которая, по ее мнению, была слабейшей, для того, чтобы иметь противовес Гизам.

Гаспар де Колиньи. Гравюра В. Я. Дельфа

Колиньи был призван ко двору и постарался проложить дорогу своим планам, не рассчитав лишь одного, что в такое время, чтобы быть большим политиком, нужно быть не меньшим интриганом. Он был честен и прямолинеен – пожалуй, даже излишне прост и доверчив.

Гаспар де Колиньи, адмирал Франции (1519–1572)[166] не принадлежал к южному дворянству. Его родовые имения были расположены в центре Франции, в самом старинном домене короля в Орлеанэ. Он происходил из среднего дворянства, возвысившегося в первой половине XVI в. Перейдя в протестантизм, он примкнул к Конде, а вместе с ним вошел в соприкосновение с дворянством далеких от Парижа провинций, сделавшись скоро, как говорит Мишле, «идолом провинциального дворянства». Суровый воин, гугенот, прямой и честный, он был настоящим ходячим кодексом дворянской чести, к которому обращались за разрешением скользких вопросов дворянской морали и поведения. Он плохо подходил ко двору, куда Екатерина Медичи и ее итальянское окружение перенесли придворные нравы итальянских тиранов: разврат, интриги, двуличность и цинизм профессиональных убийц.

Обстоятельства скоро вынудили его не только примкнуть ко двору, но и попытаться осуществить свою программу. Он оставил документ, составленный рукою будущего гугенотского публициста Дюплесси-Морне и отредактированный им самим. Это – докладная записка королю [167], в которой он старался убедить его в необходимости активной внешней политики в интересах внутреннего мира, ибо «характер французов таков, что они, взяв в свои руки оружие, не желают его выпускать и обращают его против собственных граждан в том случае, если они не могут обратить его против внешнего врага». Нужна поэтому война, и такой войной может быть только война против Испании. Испанский король, «жадный к чужому добру, много раз засвидетельствовал желание нанести вред французскому королю. Он захватил у Франции соседние с его государством провинции, он преследует подданных короля в „Западных Индиях“. С неслыханной жестокостью он истребил недавно французов во Флориде. Война против него не нуждается в оправдании. Но для этого необходима реформа. Надо создать национальную армию, а не нанимать иностранцев. Солдаты нации сражаются за родину, жаждут славы и награды, тогда как наемник идет из-за денег, грабежа и добычи. Не заплати ему, он поднимает мятеж, отказывается идти в бой. К этому следует прибавить, что наемник разоряет деревни: поджог, грабеж, воровство – обычное для него дело». Доказывая дальше, что Испания вовсе не так сильна, как раньше, что ее прежнее могущество проистекало не из испанских ресурсов, а от земель, присоединенных к Испании при Карле V, что теперь одна из самых важных испанских частей (Нидерланды) восстала против Испании, Колиньи подчеркивал, что на стороне Франции в ее борьбе с Испанией будет Англия, поддерживающая восстание в Нидерландах, и протестантские князья Германии. У всех же остальных довольно дела у себя дома, и они не придут на помощь Испании. Франция должна подать руку помощи нидерландским гезам и заключить союз с Англией. Колиньи полагал далее, что население Нидерландов охотно пойдет на присоединение его к Франции. Ко всему этому следует добавить, что Колиньи развивал планы гугенотской колонизации в Америке и считал необходимым возобновление союза с турками для совместной с ними борьбы с Испанией.

Перед нами ясная и продуманная программа, не оставляющая никаких сомнений в том, чьи интересы она представляла. На первый взгляд, она была восстановлением традиционной политики Франции, естественным продолжением итальянских войн и войн с Габсбургами, конец которых был как раз началом гражданских войн. Но, в действительности, это был

---

[166] J. Delaborde. Gaspard de Coligny.

[167] *J. A. De Thou* . Histoire universale, t. IV. Paris, 1740, p. 543–553.

новый план, и противники Колиньи были правы, когда они незадолго до этого упрекали гугенотских вождей в том, что, подрывая религию, они разрушают единство монархии и намереваются заменить единое королевство федерацией на манер швейцарских кантонов.

Поддержкой нидерландских кальвинистов Колиньи хотел заставить все французское дворянство служить делу кальвинистов. Включение большой страны с ее первоклассной торговлей и промышленностью, со старинными вольными обычаями, с ее городами, из которых Антверпен был мировым центром торговли, включение, наконец, богатой и привыкшей к самоуправлению буржуазии в состав Франции – все это была программа, неизбежно влекшая существенные изменения в строе французской монархии. Это была программа юга: южных городов, давно уже связанных торговлей и политикой с нидерландскими городами, южных сеньоров, которые давно уже были в контакте с нидерландской знатью. Вся разница была лишь в том, что в Нидерландах буржуазия, а в южной Франции дворяне были главной силой движения. Поэтому дальнейшие события во Франции в корне не похожи на то, что произошло в Нидерландах. Вожди французского дворянства тянули назад, а южным городам, хотели они этого или нет, пришлось действовать заодно с дворянами.

Был ли сам Колиньи одним из таких вождей? Многое говорит за то, что в его лице следует видеть какую-то не до конца осуществившуюся тенденцию, быть может, намечавшуюся в некоторых слоях французского дворянства. Колиньи, поклонник английских порядков, суровый кальвинист, мечтающий о гугенотской колонизации Америки, Колиньи – друг и старинный наставник Сюлли – единственного дворянского министра-скопидома и талантливого руководителя государственных финансов Франции, – не воплощал ли он неосуществившейся мечты некоторой части французского дворянства о преобразовании хозяйственных основ своего класса в том направлении, какое в Англии привело к появлению «нового дворянства», тех слоев дворян-предпринимателей, торговцев и промышленников, сельских джентльменов, рачительных хозяев-овцеводов, которые выколачивали из ближних прибавочную стоимость и копили деньги во имя кальвинистского бога и грядущей славы Британской империи? Но объективно эта программа была антикатолической политикой против Испании, двора, духовенства, Парижа. Во что превратился бы Париж, если бы Антверпен и Амстердам стали французскими городами? Это, следовательно, в конечном счете, была программа: протестантизм над католицизмом, дворянство над двором, провинция над Парижем, провинциальное самоуправление над парижским централизмом. Двор и католический Париж восстали против такой программы. Таково происхождение Варфоломеевской ночи.

Варфоломеевская ночь и второй период Религиозных войн. 1572–1576 годы

Король не сразу дал ответ на докладную записку Колиньи. Но ларошельцы, не дожидаясь решения короля и объявления войны Испании, принялись грабить испанские суда. Не осуществилось и другое важное предложение Колиньи. Королева Елизавета медлила с согласием на союз, а английский посол Мидльмор 10 июня 1572 г. в частном разговоре сказал адмиралу, что Англия не может допустить расширения ни Франции, ни Испании.

Колиньи не терял надежды, он был убежден, что король объявит войну Испании. В такой обстановке произошла давно подготовленная свадьба короля Генриха Наваррского и сестры короля Маргариты. Одни в этом союзе видели акт примирения обеих партий, другие – в том числе Екатерина Медичи – средство привлечь ко двору возможного претендента на престол и, во всяком случае, взять его под надзор. К свадьбе в Париж съехалась гугенотская аристократия. Она вела себя вызывающе и возбудила ненависть парижан. Парижские буржуа были в первых рядах недовольных. Эти усердные католики – буржуа, ремесленники и торговцы – не желали слушать проповедей, в которых не говорилось бы о наглости еретиков,

этих невежественных и грубых провинциальных дворян, которые хотели диктовать свои требования славной буржуазии столичного города, ее великой церкви и ее знаменитому университету и непрочь были бы предать Париж, этот новый Вавилон, забрызганный кровью мучеников новой религии, на «поток и разграбление» в духе тех, какие устраивались в XVI в. испанскими солдатами в Нидерландах. По этому поводу Париж вел переписку с другими городами – Лионом, Руаном, Марселем, Тулузой.

Варфоломеевская ночь

Большой знаток этого периода французский историк Марьежоль убедительно показал, что Екатерина давно замышляла убить Колиньи и лишить гугенотскую партию самого способного вождя [168]. Она была в данном случае вполне последовательна. Колиньи настаивал на своем плане и требовал объявления войны Испании. Если бы ему удалось добиться от короля согласия на это, королева-мать окончательно утратила бы свое влияние.

18 августа была отпразднована свадьба, а 22 августа Колиньи был ранен при выходе из Лувра некиим Моревелем, оказавшимся наемным человеком Гизов. «Рана нанесена вам, а душевная скорбь причинена мне», – сказал король, навестивший раненого. Но те, кто замышлял убийство: Екатерина и ее окружение – итальянские авантюристы и царедворцы,

[168] J. H. Mariejol. Catherine de Medicis (1519–1589). Paris, 1920.

боявшиеся влияния Колиньи, решили, чтобы избежать мести со стороны гугенотов, покончить с ними разом. Королева убедила Карла IX, что единственное средство против якобы подготовлявшегося восстания гугенотов – это перебить их всех.

24 августа 1572 г. в праздник св. Варфоломея, между 2 и 4 часами ночи, с колокольни Сен-Жерменской церкви раздался набат, которому затем стали вторить все церкви Парижа. Купеческий старшина Парижа, предупрежденный Гизом заранее, принял все меры. Были оповещены все начальники кварталов и милиция горожан. Дома гугенотов были отмечены накануне белыми крестами. Едва раздался набат, как началось дикое избиение гугенотов, которых в большинстве случаев застигали врасплох в постелях. Колиньи был убит одним из первых, тело его было выброшено через окно во двор, где оно подверглось оскорблениям. Генрих Наваррский и Конде, жившие в Лувре, спаслись, перейдя в католичество. Резня продолжалась несколько дней и перекинулась в провинцию. В Мо, Орлеане, Труа и Лионе насчитывались сотни убитых. В Париже только к полудню число убитых достигало 2 тыс. человек. Перебили не только гугенотских дворян, приехавших на свадьбу, – их было несколько сот, но и парижских буржуа, подозреваемых в гугенотстве, и даже иностранцев – немцев и, особенно, фламандцев. За резней следовали грабежи.

События Варфоломеевской ночи произвели огромное впечатление на современников. Протестантских государей пришлось уверить, что дело шло не об истреблении их единоверцев, а лишь о наказании мятежников, готовивших покушение на короля. Были довольны только папа и Филипп II. Папа приказал петь «Тебя, бога, хвалим» и заявил, что это событие стоит пятидесяти таких побед, как при Лепанто[169]. О Филиппе II говорили, что видели в первый раз, как он смеялся. Но Екатерина была права, когда она уверяла других, что она разила не столько еретиков, сколько своих политических врагов.

Она скоро забыла о страшной ночи и по-прежнему продолжала плести тонкие нити своей капризной политики, не забывая, впрочем, напомнить Филиппу II о своей «заслуге» перед католицизмом. Но, когда папский легат, который вез поздравление из Рима, появился во Франции, его заставили долго ждать в Авиньоне, прежде чем дали пропуск в Париж, и он был там встречен даже без обычных почестей. Все его попытки пригласить короля примкнуть к антитурецкой лиге и принять постановление Тридентского собора[170] остались тщетными. Политика Франции осталась неизменной.

Если двор, устраивая побоище, думал устрашить гугенотов и, лишив их вождей, привести к покорности, то он жестоко ошибся.

Южные города, действительно, сначала были испуганы и даже склонялись к тому, чтобы впустить королевские гарнизоны. Но среди дворянства вспыхнуло настоящее восстание. Дворяне организовали отряды и побуждали города выступить открыто. Под нажимом дворян крупная буржуазия на юге выпустила власть из своих рук, и демократическая партия «рьяных» присоединилась к дворянству.

Начинается второй период гугенотских войн. От предыдущего он отличается двумя чертами. Это движение уже не направлено к тому, чтобы «освободить» (т. е. захватить) короля и действовать его именем. Задача восставших – смена негодной династии. Борьба идет не за короля, а против династии Валуа. Вторая черта: гугеноты, еще раз убедившись в том, что они – лишь меньшинство в стране, уже не имеют надежды осуществить свои требования в общегосударственном масштабе и поэтому создают на юге свою организацию, настоящее государство в государстве.

---

[169] 7 октября 1571 г. испано-венецианский флот разбил турецкий флот и тем предотвратил дальнейшее продвижение турок в Средиземноморском бассейне.

[170] Собор католической церкви, заседавший в Триесте (латинское название Tridentum) с перерывами с 1545 по 1563 г., под влиянием иезуитов отверг все попытки церковных реформ, предал их анафеме и подтвердил все средневековые догматы католицизма. Постановление Тридентского собора стало, таким образом, главным выражением контрреформации и реакции.

Антидинастический характер дворянской оппозиции во второй период религиозных войн очень ярко отразился в многочисленных гугенотских памфлетах, выпущенных под непосредственным впечатлением событий Варфоломеевской ночи. Эти памфлеты важны также и с той стороны, что в них мы находим отчетливое изложение взглядов гугенотской оппозиции на государство и желательный для них политический порядок. Публицисты, **писав** шие эти памфлеты, известны под именем монархомахов (тираноборцев), так как они в своих сочинениях обосновывали право народа открыто выступать против королей, забывших свой долг и превратившихся в тиранов.

В одном из таких памфлетов, выпущенных под псевдонимом великого римского республиканца Юния Брута, под названием «Иск к тиранам» и, возможно, принадлежавшего перу упоминавшегося выше гугенотского публициста Дюплесси-Морне[171], говорилось, что только бог правит неограниченно, земные же государи – божьи вассалы. Бог может свергнуть государя, если тот нарушит присягу, данную народу. Из библии известно, что государи избираются народом по указанию бога. Если же государь становится тираном, то народ может его свергнуть. Для этого у него есть законный путь: собрание всех сословий. Во Франции это – Генеральные штаты. Такие учреждения существуют всюду, «кроме Московии и Турции, которые должны считаться поэтому не государствами, а соединениями разбойников».

Истинная цель резни, устроенной королем, говорит автор другого памфлета, «Франко-Турция»[172], – это уничтожение аристократии и введение турецкой системы управления. Король хочет поставить себя на такую высоту, при которой он мог бы бесконтрольно распоряжаться имуществом и жизнью своих подданных. Правительство, стараясь сделать себя еще более сильным, натравливает одних дворян на других, лишает их должностей и передает последние иноземцам. А эти авантюристы, пришедшие во Францию босыми и голыми, а теперь занимающие влиятельные посты, заодно с властью изо всех сил трудятся над уничтожением дворянства, над искоренением старой системы государства с целью поставить на ее место невыносимую абсолютную власть, неизвестную предкам. Одним словом, заканчивается памфлет, правительство стремится свободную Галлию превратить в Итало-Галлию. (намек на итальянское окружение Екатерины Медичи).

Но гугенотские публицисты шли и дальше. Они стали развивать теорию, что убийство тирана есть дело, угодное богу. Это заставило их высказаться подробно о существе королевской власти, о народе и об их взаимных правах и обязанностях.

«Народ, – говорит Юний Брут, – существовал прежде королей. Народ создал королей для собственного блага. Во всех странах – в царстве Израиля, как и во Французском государстве, – короли обязаны своим существованием исключительно народному избранию. Избирая их, народ заключил с ними договор, согласно которому они обязаны блюсти его пользу. Звание короля, – не почесть, а труд, не свобода, а общественное служение»[173]. Без согласия представителей народа король не в праве ни заключить мира, ни начинать войны, ни накладывать налоги, ни даже производить самые необходимые расходы. Не больше прав он имеет в сфере привилегий и вольностей: он не должен нарушать ничьих прав, ничьих привилегий. И только в том случае, если он следует вполне всем указанным положениям, он заслуживает названия короля. В противном случае он тиран.

Эта публицистика звучит, на первый взгляд, как теория народного договора и народного суверенитета, и буржуазная наука не раз принимала ее за таковую. Но мы вправе подвергнуть сомнению такое толкование. «Народ», о котором говорят эти памфлеты, это

---

171 J. Brutus. Vindiciae contra tyrannos Stephano Junio Bruto Celta Auctore. Edinburg, 1579, p. 83.

172 «France-Turquie, les lunettes de crystal». Geneve, 1573.

173 *J. Brutus.* Vindiciae contra tyrannos, p. 77.

«лучшие», «пэры», «патриции», «магнаты» – наименования, которые не оставляют никакого сомнения в том, что под «народом» эти публицисты подразумевали всегда аристократию, высшее дворянство, которые представительствуют за народ (que universalitatem populi representat). Они со страхом говорили о настоящем народе, как о «черни», которая может уничтожить дворянство. «Когда мы говорим о народе, – заявлял тот же Юний Брут, – то понимаем под этим словом не весь народ, а лишь его представителей: герцогов, принцев, оптиматов и вообще всех деятелей на государственном поприще». «Берегитесь господства черни или крайностей демократии, которая стремится к уничтожению дворянства». Каков же с точки зрения гугенотов должен быть строй государства? На этот вопрос отвечала знаменитая брошюра Отмана «Франко-Галлия»[174], которая выдержала множество изданий на латинском и французском языках и читалась одинаково с интересом и в гугенотских, и в католических дворянских кругах. Интересно отметить, что Отман, будучи гугенотом, в своем памфлете не касается религиозных различий и распрей. Его точка зрения сословно-классовая, а не религиозная. Этот замечательный памфлет важен не только потому, что он вскрывает политические идеалы южной оппозиции, но и потому, что указывает причины дворянского недовольства – централизацию и бюрократизацию управления и потерю дворянством его самоуправления и местных вольностей. Он интересен тем, что автор его для обоснования своих положений дал гугенотско-дворянскую концепцию истории Франции, попытался исторически подтвердить законность своих политических требований.

«Главная причина зол и бедствий страны», по мнению Отмана, заключается в уничтожении французскими королями – такими, как Филипп IV Красивый и, особенно, Людовик XI – «почтенных учреждений наших предков». Они уничтожили старые свободные учреждения, дворянские вольности, местное самоуправление и насадили бюрократию, создав настоящее царство адвокатов и крючкотворов (regnum rabularium). Влияние и власть этих людей низкого происхождения становится с каждым годом все больше. Более трети горожан превратились в чиновников, живут жалобами, создают процессы, плетут сеть клеветы, изводят бумагу. Судебных мест развелось бездна; мало того, что существует восемь парламентов, члены которых являются чем-то вроде сатрапов, везде появились мелкие сатрапы – местные судьи (намек на учреждение президиальных судов по бальяжам при Генрихе II), усиливающие еще больше заразу, распространяющие грабежи и вымогательства, так хор дно известные дворянству. Нет дворянина, нет аббата, нет епископа, нет купца, которые не были бы разорены. Страдает бедный народ. Надо возвратиться к старым порядкам, восстановить древнюю конституцию Меровингов и Каролингов, когда Франция (Галлия) была федерацией самоуправляющихся республик и все жители принимали участие в управлении, королей избирал народ. Достигнуть этого можно только тем путем, каким в свое время шли принцы против Людовика XI. Они создали Лигу общественного блага, собрали войско и начали войну, чтобы защищать общественное благо и показать королю, как дурно он управляет государством.

Но и Отман далек от народовластия. Монархический принцип и народовластие должны иметь «средостение» в виде благородного сословия, которое, будучи близко к королю по своему происхождению, в то же самое время близко к народу. Таков строй в Англии, и им Отман восхищается. Если государство живет вечно и не умирает, то это потому, что оно опирается на вечную преемственность мудрости и разума, хранящихся в аристократии, которая оберегает и поддерживает и государство, и свободу. В парламенте, подобном английскому, осуществляется «мудрость предков»; его права велики, его власть священна и неприкосновенна. И во Франции Генеральные Штаты должны иметь право избирать и низлагать королей, заключать мир и объявлять войну, издавать законы, создавать должности и назначать на них известных лиц. Итак, король, обуздываемый знатью, король, власть

---

174 [F. *Hotman*]. La France-Gaule. Paris, 1874; *Р. Виппер.* Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн. – «Журнал министерства народного просвещения», № 81, 1896.

которого ограничена Штатами, федерация самоуправляющихся общин на местах – вот политический идеал Отмана.

Теории гугенотских публицистов не остались только на бумаге. Второй период гугенотских войн, как мы уже сказали, был временем создания гугенотского государства на юге Франции. Оно, конечно, не порывало связи с Францией, существовало внутри французского государства, но имело собственное устройство.

Непосредственно за Варфоломеевской ночью последовали одна за другой еще две войны (четвертая и пятая – 1572–1575, 1575). Гугеноты засели в ряде городов. Сансерр был взят королевскими войсками, но Ла-Рошель устояла, несмотря на ряд приступов. Договоры, заключенные после четвертой (ларошельской) и, особенно, после пятой войны (в Болье), были благоприятны для гугенотов.

Король согласился на все требования гугенотов. Протестантам была предоставлена свобода вероисповедания повсюду, кроме Парижа и территории королевского дворца, право организовывать свои отделения при судебных палатах, переданы восемь крепостей, кроме трех, полученных после четвертой войны, т. е. Нима, Ла-Рошели и Монтобана. Король, кроме этого, согласился признать преступлением убийства Варфоломеевской ночи, возвратить конфискованные у гугенотов имения и восстановить честь погибших гугенотских вождей. Он должен был также допустить политическую организацию гугенотов, сложившуюся после Варфоломеевской ночи.

Проект политической организации протестантской конфедерации был составлен на двух съездах в Мило в 1573 и 1574 гг. Города Ла-Рошель и Монтобан фактически превратились в две городские республики, избравшие свои правительства. Затем они объединились в федерацию. Кроме этого, было постановлено, что каждая городская община будет входить в состав генеральных штатов протестантской конфедерации. Но дворяне здесь решительно господствовали над буржуазией и деревенский замок – над городами. Все это вместе еще в 1573 г. дало возможность гугенотам вооружить несколько крепостей и выставить армию в 20 тыс. человек.

В целом внутри Франции образовалась федеративная республика с явным перевесом дворянства и аристократии. В 1575 г. на съезде в Ниме эта организация была установлена окончательно.

Третий период религиозных войн. Католики и Париж против династии

Мы подходим к третьему (и последнему) периоду религиозных войн. Он начинается с того времени, когда окончательный упадок власти и престижа династии при Генрихе III заставил самих католиков создать организацию, подобную гугенотской.

Карл IX умер 31 мая 1574 г. Правление на время снова перешло в руки Екатерины Медичи, так как наследник престола Генрих Анжуйский, будучи королем польским, находился в это время в Польше. Услыхав о смерти брата, Генрих поспешил во Францию, буквально сбежав от своих верноподданных: в ночь с 18 на 19 июня он тайно исчез из своего Краковского замка и в течение трех дней, почти не отдыхая, скакал к границе владений Габсбургов. За королем гнался дворцовый маршал Тенчинский, но королю удалось ускользнуть от «своего слуги», и 24 июня он прибыл в Вену, откуда через Венецию, Феррару и Турин – во Францию. 13 февраля 1575 г. он был коронован в Реймсе и затем совершил свой торжественный въезд в Париж.

Генрих III не был королем, способным восстановить порядок в стране, выйти с честью из чрезвычайно трудной обстановки и примирить партии. Мелочный и самовлюбленный, порочный и легкомысленный, он быстро растрачивал «последние гроши» королевского авторитета. Его первые требования были направлены к увеличению налогов для пополнения пустующей казны, но его расточительность парализовала все добрые намерения в этом направлении и окончательно подорвала престиж власти. Число недовольных росло и среди протестантов, и среди католиков.

Успехи протестантов заставили и самих католиков подумать об обеспечении своих интересов на случай полного крушения центральной власти. Заключение так называемого «мира брата короля» (paix de Monsieur) с протестантами, к которым на этот раз присоединилась часть католиков, недовольных правлением Екатерины и требовавших нейтралитета в вопросах религии (партия политиков, возглавляемых Данвилем-Монморанси), и последовавший за ним эдикт в Болье свидетельствовали о чрезвычайной неустойчивости и слабости политики Генриха III. Беспорядок в стране прогрессировал.

Католическое дворянство стало думать о союзе с протестантской знатью для того, чтобы совместно добиться ослабления центральной власти в свою пользу. Начался настоящий дележ Франции, совершаемый главарями двух партий. По мирному договору в Болье (1576) Франциск Алансонский, четвертый сын Екатерины и младший брат короля, ставший теперь на сторону гугенотов, получил Анжу, Турень, Берри, наваррский король – Гиень и Конде – Пикардию. Гизам досталось пять областей.

Организация протестанюв и их успехи объяснялись их сплоченностью. Надежд на сильную королевскую власть, которая могла бы разрешить спор в пользу большинства, т. е. католиков, тоже не было. Католики решили организоваться. Так возникла Католическая лига (1576). Ее зачатки относятся еще в 1563 г., когда была создана Тулузская лига из представителей духовенства, дворянства и третьего сословия «для охраны славы господа и его католической и римской церкви». В 60-е годы таких местных лиг создалось несколько. Число их резко увеличилось после мирного договора в Болье.

Так же, как и протестантская конфедерация, католические лиги включали в себя низы и верхи. Низы – буржуазия и даже ремесленники, особенно в Париже, были явно настроены роялистски и даже больше того: они были прямыми сторонниками королевского абсолютизма. Наоборот, верхи – крупные сеньоры, дворянство – мало отличались от гугенотских верхов, от сеньоров, мечтавших о феодальных вольностях в духе тех, которые проповедовал автор «Франко-Галлии». Недаром этот памфлет пользовался широким распространением и среди католиков.

Мало-помалу эти разрозненные организации объединились. Возвращение по эдикту в Болье Пикардии одному из вождей гугенотов – Конде, стало толчком к образованию новой католической лиги как раз в этой провинции. Центром ее сделался городок Перонн, отданный принцу Конде в качестве крепости. Весьма вероятно, что эта лига имела бы не больший успех, чем все предыдущие, но в дело ее организации вмешались Генрих Гиз, герой последней кампании против гугенотов, и даже сам король. Вследствие этого лига скоро превратилась в организацию, пытавшуюся раскинуть свои сети по всей Франции.

Генрих Гиз распространил воззвание, в котором он обращался ко всей Франции. Оно может рассматриваться как учредительный манифест новой ассоциации. Во имя святой троицы организация католических принцев, сеньоров и дворян предлагала восстановить полностью божьи законы, возобновить и сохранить впредь богослужение по обрядам и обычаям святой церкви (католической, апостольской и римской); обеспечить королю Генриху III весь блеск и авторитет его власти, службу и повиновение его подданных. При этом было прибавлено, что король обязан будет воздерживаться от всего того, что могло бы нанести ущерб постановлениям Генеральных Штатов. В заключение декларация требовала: «Возвращение французским провинциям тех прав, преимуществ и старинных вольностей, какими они пользовались при короле Хлодвиге, и даже еще более полезных».

Принадлежность к лиге была объявлена обязательной для всех католиков, «которые будут получать от местных правительств тайные приглашения вступать в ассоциацию, доставлять ей оружие и солдат». Все сеньоры должны были действовать единодушно и помогать друг другу, чтобы отомстить своим оскорбителям или посредством судебного преследования, или с помощью оружия, незвирая на лица. Наконец, члены ассоциации должны были повиноваться своему начальнику, т. е. герцогу Гизу, и обязывались отдать за него жизнь. Как и в гугенотской организации, в католической лиге восторжествовали в конце

концов аристократические элементы, а с ними и феодальная реакция[175].

Но в лиге были и элементы, настроенные против аристократии. Многие города шли в лигу весьма неохотно; некоторые же вовсе отказались. Они скоро поняли, что аристократическая верхушка лиги – такие же «гугеноты», как и сами гугеноты. Поскольку лига была направлена против протестантов, как федералистов, они были готовы стать под ее знамена, но поддерживать ее собственные дворянско-федералистские стремления они не были намерены.

Внутри самой лиги завязалась борьба за единство и католицизм против католицизма плюс феодальные вольности. Католицизм, как лозунг единства против расчленения, откуда бы последнее ни шло, стал знаменем парижской буржуазии. Ее героем стал Генрих Гиз, который казался ей лучшим кандидатом на престол вместо окончательно «сгнивших» Валуа. Гиз, таким образом, стал одновременно и главой аристократической лиги, и олицетворением чаяний парижской буржуазии.

Лига отправила в Рим своего представителя – адвоката парижского Парламента Давида. Последний на обратной дороге был убит, и в его бумагах была найдена записка, которая давала формулировку всем этим чаяниям. Гиз – этот истинный, будто бы, потомок Карла Великого – должен был довершить истребление протестантов и свергнуть с престола Генриха III – жалкого потомка Капетингов, которые, получив на время власть от Каролингов, не унаследовали апостольского благословения, пребывающего только в роде Карла Великого. Гугеноты опубликовали эту записку с добавлениями, возможно даже, что она была сочинена ими с начала до конца в целях скомпрометировать Гиза и поссорить его с королем. Впрочем, сам Гиз не далек был от подобного рода планов.

В декабре 1576 г. собрались штаты в Блуа, и это дало возможность лигистам провозгласить свою программу. Самый состав штатов свидетельствует об успехах объединенных лигой католиков. Съехалось 329 депутатов: 104 – от духовенства, 75 – от дворянства и 150 – от третьего сословия. Гугеноты не попали в число депутатов. Духовенство и дворянство заявили королю, что он обещал истребить еретиков. Третье сословие не было единодушным в вопросах религии. Против оратора лиги, парижского депутата Пьера Ле-Турнера, требовавшего решительных мер против гугенотов, выступил знаменитый государствовед Жан Боден, который настаивал на созыве национального собора для решения религиозной распри. К собору, впрочем, буржуазия до поры до времени относилась очень настороженно. Авторитет королевской власти сам по себе был слишком велик и пока охранял даже самого ничтожного ее представителя. Но буржуазия понимала, что слишком категоричное требование религиозного единства означало бы войну. Поэтому она просила короля восстановить это единство «самыми мягкими и святыми» средствами. Против этой резолюции не протестовал даже Боден. Но король, устрашенный популярностью Генриха Гиза, полагал, что возглавить лигу и стать большим католиком, чем сам Гиз, было бы наилучшим средством для того, чтобы обезвредить растущую популярность этого человека, претендовавшего на то, чтобы называться потомком Карла Великого. 1 января 1577 г. король объявил, что он не признает никакой религии, кроме католической. Это была отмена эдикта в Болье.

Протестанты поднялись еще раз. Еще в феврале 1576 г. бежал из Лувра Генрих Бурбон, где он находился под неусыпным надзором Екатерины Медичи. Он стал во главе гугенотов. Протестанты организовали в Ла-Рошели унию, в которую вошли гугеноты, шведский король, датский король, английская королева и немецкие князья. Конде заявил в своем манифесте, что гугеноты вынуждены взяться за оружие для освобождения французов от постыдного рабства. Религиозные разногласия отступали совсем на задний план. Оба предводителя – Генрих Бурбон и Генрих Гиз – только выставляли напоказ свои религиозные верования; они

---

[175] E. Lavisse. Histoire de France depuis les origines jusqu'a la Revolution, v. VI, 1er part. Paris, 1911, p. 173 et suiv.

находили в этом удобное средство увлекать вслед за собой сторонников своих партий, но оба не интересовались религиозными вопросами.

Началась война, сопровождавшаяся не столько столкновениями враждебных армий, сколько грабежом и разорением населения. Даже ларошельцы – и те отказывались впустить к себе банды Конде, так как гугеноты беспощадно грабили окрестное население. Разнузданная солдатчина, жаждавшая добычи, не разбирала ни своих, ни чужих.

Бержеракский мир 17 сентября и последовавший за ним эдикт в Пуатье снова восстановили в несколько суженном виде условия договора в Болье. Мир был восстановлен на три года. Король хвастался, что этот мир – исключительно дело его рук. Католические лиги не принимали, по его мнению, в этом никакого участия. Он, поэтому, поспешил распустить их. 56-й параграф эдикта в Пуатье объявлял ликвидированными все организации как новой, так и католической религии.

В лице Генриха III королевский абсолютизм, казалось, соединил все свои отрицательные стороны. Через руки короля проходили и неизвестно куда исчезали колоссальные суммы. Огромные налоги, займы, которые не оплачивались, финансовые операции сомнительного свойства, откупа косвенных налогов считались прочной системой финансового управления. Талья и другие прямые налоги, достигавшие уже в 1576 г. 7 220 тыс. ливров, быстро повышались и к 1588 г. равнялись 18 млн. ливров. Соляной налог, особенно ненавистный массам населения, с 1 млн. поднялся до 3,5 млн. ливров. Около всех этих операций грели руки откупщики и государственные кредиторы, «финансисты» – шайка воров, набившая себе карманы на народной нужде. С ними были связаны самые высокие аристократические фамилии, придворные и многочисленные королевские любимцы, которые за покровительство и высокое имя вносились в приходно-расходные книги этих акул, как крупные кредиторы, и получали огромные проценты за суммы, которые они никогда не давали взаймы. Особенно процветали приближенные Екатерины – итальянцы. Об одном из них, по фамилии Сардини, сложили песенку: «Маленькая сардинка превратилась теперь в кита, вот как жиреют итальянские рыбки во Франции».

В Париже население вспоминало о счастливых временах «добрых королей» Карла VIII и Людовика XII; тогда налоги были невелики и всем жилось хорошо. Увеличение налогов тем тяжелее чувствовалось населением, что именно в 70-е годы начала сказываться с особой силой во Франции революция цен, и быстро дорожали хлеб и продукты первой необходимости.

80-е годы были временем, когда мотовство короля и беспорядки в управлении достигли своего апогея. Ропот среди населения увеличивался. Вожди распущенной в 1577 г. лиги начали подумывать о восстановлении своей организации. Поводом к тому, чтобы перейти к непосредственному осуществлению этого плана, послужила смерть младшего брата короля герцога Алансонского, последнего мужского представителя династии Валуа. Генрих Бурбон стал наследником французского престола, дофином Франции, а вместе с ним, так сказать, «дофинизировалась» и вся гугенотская программа. Масса католической буржуазии опасалась осуществления гугенотских намерении и нарушения ее лозунга «единый король, единый закон, и единая вера». Парижская буржуазия оказалась перед опасностью сдать свои позиции перед натиском «провинциалов». Гизы полагали, что настало время, когда всеми этими настроениями можно воспользоваться для того, чтобы выдвинуть свои претензии на престол Франции и от намеков о своем происхождения от Карла Великого перейти к подготовке своего торжества.

Крупные католические сеньоры, так же как сеньоры протестантские, считали, что наступил момент, когда можно приступить к восстановлению былых вольностей и политического могущества феодалов доброго старого времени. Смена на престоле во всяком случае гарантировала им великие и богатые милости в меру их влияния и силы, и они не прочь были уже теперь заручиться гарантиями своего влияния в виде губернаторств, замков и крепостей. Одичавшему за время почти непрерывных войн дворянству предстояли новые войны, грабежи и добыча. Одним словом, католики разных мастей, программ и направлений

приняли смерть герцога Алансонского как сигнал к действию.

Король начал опасаться Гизов больше, чем гугенотов, и попробовал привлечь на свою сторону Генриха Бурбона. Он отправил к нему близкого человека с предложением перейти снова в католицизм и обещал публично признать его наследником. Для самого Генриха Бурбона вопрос о религии не был труден. На негодующую реплику пастора Марме по поводу этого предложения короля приближенный Генриха Рокелор сказал: «Ему (Генриху) предлагают на выбор либо корону Франции, либо пару псалмов. Что же он, по вашему мнению, должен выбрать?». Вероятно, также думал и сам Генрих. Но стать католиком, снова попасть в окружение королевского двора с его «итальянскими» нравами, потерять расположение друзей и, наверняка, не приобрести расположения у своих бывших врагов – такая перспектива заставила Генриха остаться пока верным своей религии и отклонить королевское предложение.

Колебания короля и его переговоры с Бурбоном не остались тайной для католиков. Результатом этого было возникновение независимо одной от другой двух лиг, которые затем слились в одну: лиги католических принцев и сеньоров и парижской буржуазной лиги 1584–1585 гг.

Первая была восстановлением старой лиги в Перонне. Во главе ее стояли три сына Франсуа Гиза – Генрих Гиз, его брат Карл, герцог Майенский, и Людовик, кардинал и архиепископ Реймский, – три честолюбца, связавшие свою судьбу с самыми кровавыми представителями католической реакции, начиная от папы Григория XIII и кончая Марией Стюарт и Филиппом II Испанским. 31 декабря 1584 г. лига заключила тайный формальный договор с Филиппом II (в Жуанвиле) в целях зашиты католической религии и полного истребления ереси, как во Франции, так и в Нидерландах. Согласно договору, Бурбоны лишались права наследования. Будущим наследником объявлялся кардинал Бурбон – единственный католик из этого дома, глуповатый и болтливый старик, предмет шуток при дворе и среди его будущих подданных. Он обязывался ликвидировать ересь во Франции, признать постановления Тридентского собора. Филипп II обещал оказывать в случае необходимости помощь деньгами и войсками.

Независимо от этой лиги образовалась буржуазная лига Парижа. В нее входили: парижская буржуазия, возмущенная вымогательствами короля, ремесленники, горевшие пламенем католического фанатизма, низы населения, всегда готовые восстать и теперь волнуемые поборами и притеснениями. Но основой ее и наиболее деятельными элементами были судейская мелкота (basoche), парижские торговцы, низшее католическое духовенство, студенты Сорбонны – одним словом, мелкая и средняя буржуазия Парижа. Известные парламентские фамилии вначале воздержались от участия в ней, да и позже парламент и высшие палаты держались по отношению к лиге и ее учреждениям настороженно. Эта лига начала свою деятельность тайными совещаниями и учреждением комитета из 8-10 лиц, которому поручено было наблюдать за поведением короля и пропагандировать ее идеи. Несколько позже она создала более прочную организацию. Высшая власть была сосредоточена в Совете шестнадцати (по числу кварталов, на которые был разделен город). В военном отношении город делился на пять округов, и во главе каждого стояли один полковник и четыре капитана. Совет шестнадцати закупил оружие и набрал городскую милицию из низших слоев населения – матросов, мясников, мелких торговцев и т. д. Армия Парижа насчитывала 30 тыс. человек. Лига вступила в сношения с другими городами, приглашая их создавать у себя такие же организации. Она обратилась за помощью также к испанскому королю и папе.

Когда в 1585 г. воина между гугенотами и католиками началась снова, Парижская лига, примыкая к Католической лиге, выделилась в особое, третье правительство (наряду с северной Католической лигой и южной Протестантской унией). Четвертым, (и самым слабым) правительством был король и его «центральное» настоящее правительство, которое лишилось почти всякой опоры и «повисло в воздухе». Король пытался быть самостоятельным, но под нажимом лигистов должен был пойти навстречу их требованиям, В

июле 1585 г. он отменил все эдикты, изданные в пользу протестантов, а 9 сентября того же года папа Сикст V опубликовал буллу, в которой он лишил прав на престол Генриха Бурбона и его брата Конде. Вмешательство Ватикана во внутренние дела Франции восстановило против папы многих католиков, сторонников независимости национальной французской церкви (галликанцев).

Война трех Генрихов

Самым странным в положении после смерти Франциска Алансонского и превращения Генриха Бурбона в наследника французского престола было то, что теперь протестанты, шедшие за Бурбонами, весьма бережно относились и к королевскому авторитету, и к самой идее монархической власти. Их вождь ведь должен был стать скоро французским королем! Легальная власть все еще была в руках Генриха III, ненавидимого прежде всего теми, кто был к нему ближе, т. е. Парижем и лигистами.

Пока он был, однако, французским королем, каждый хотел перетянуть его на свою сторону. Нидерландцы предлагали ему звание протектора их страны, Елизавета – свою помощь в борьбе с испанцами в Северной Европе. Венецианцы готовы были дать ему деньги, король наваррский – армию. Король беспомощно метался между всеми, делая себе из друзей врагов и теряя последние остатки уважения. В самый разгар вспыхнувшей войны он остался без армии.

Лигисты в 1587–1588 гг. вели самое энергичное наступление и на гугенотов, и на правительство. Это было время решительных боев между Англией и Испанией. Только что казнена была Мария Стюарт. Филипп II готовил знаменитую Армаду и в инструкциях своему послу в Париж требовал, чтобы были приложены все усилия к ослаблению еретиков. Послу было приказано не допускать никакого соглашения между католиками и гугенотами и всемерно поддерживать внутреннюю смуту во Франции, даже если это будет в ущерб интересам Гиза.

И лига, и гугеноты располагали в это время большими средствами и значительными по тому времени армиями. Напуганная намерениями Филиппа II, королева Елизавета удвоила субсидии гугенотам и уплатила сразу большую сумму, на которую была нанята в Германии вспомогательная армия. Впрочем, Генрих Бурбон, не дожидаясь ее, нанес большое поражение лигистской армии при Кутра (20 октября 1587 г.), но немецкая армия вскоре была разбита и рассеяна отрядами Гиза (24 ноября).

Король встретил поражение немецкой армии с нескрываемым раздражением, до такой степени он боялся и ненавидел Гизов и лигу. Поведение самого Гиза становилось вызывающим. Он уже не скрывал своих претензий на престол. Генрих III снова стал склоняться к протестантам, стараясь восстановить Генриха Наваррского против Гизов. Тогда лигисты, собравшись в январе 1588 г. в Нанси, обратились к Генриху III с требованием уволить от общественных должностей всех тех, кого они укажут, продать все имения еретиков и, наконец, начать беспощадную войну с протестантами. Они уже не скрывали своего союза с Филиппом II, который готовил к отплытию «Непобедимую Армаду», долженствующую отомстить еретикам-англичанам за смерть Марии Стюарт. Гизы готовили отряды и провиант в помощь флоту Филиппа II. Войска католиков стояли у Суассона. Парижане призывали к себе Генриха Гиза, но тот побоялся королевской швейцарской пехоты, расположенной в предместьях, и снова вернулся в Суассон.

Тогда в Париже стали распространяться слухи о готовящейся будто бы новой Варфоломеевской ночи, которую хотят устроить парижанам скрывшиеся в предместьях гугеноты. Антигугенотская и антикоролевская агитация достигла своего апогея. В Сорбонне высказывались идеи монархомахов: профессора утверждали, что народ может отнимать у государей правительственную власть. Екатерина Медичи решила стать на сторону Гизов. По ее приглашению Гиз явился в Париж лично предупредить короля о готовящейся будто бы резне лигистов протестантами. Гиз явился в Лувр, несмотря на прямое запрещение короля.

Взбешенный Генрих III готов был его убить, но побоялся парижан.

Два врага стояли теперь лицом к лицу, наблюдая друг за другом, готовясь к бою. Король стягивал военные силы вокруг Лувра, встревоженные сторонники лиги не без основания думали, что король готовит им расправу и, если бы король был решительным, дело скоро кончилось бы в его пользу. Но его колебания и нерешительность ободрили его врагов.

12 мая 1588 г. на улицах Парижа стали строиться баррикады. Гизу удалось поднять парижских ремесленников, лавочников, матросов и поденщиков на свою защиту. 13 мая в распоряжении короля остались только наемники, и он бежал в Шартр. Он клялся, что возвратится в Париж через брешь, пробитую в его стене. Гиз не решился преследовать короля. «Нарыв еще не лопнул, – писал испанский посланник Филиппу II, – но они уже не в состоянии помогать англичанам».

В Париже «властвовал» Гиз. Но поднятая им буря не улеглась. Фактически он сам попал во власть наиболее энергичных элементов парижской мелкой буржуазии, которая 28 мая приступила в городской думе к выбору «коммуны». Всюду и везде у власти стали представители ремесленников. Ослабление центральной власти влекло заправил движения к восстановлению старинных порядков присяжных коммун Северной Франции XIII в. Новая коммуна обратилась к другим городам с требованием стать на ее сторону, угрожая им в противном случае прекращением торговых сношений. Она утверждала, что виноват во всем Королевский совет, но в то же время обращалась к Генриху III с уверениями в своей преданности и умоляла его возвратиться в Париж.

Буржуазия была прямо испугана действиями низов. Должностные лица и парламент порицали теперь Гиза и действия лиги и старались помирить парижан с королем. В Шартр ездили многочисленные депутации. Даже корпорации ремесленников изъявляли готовность просить прощения у короля.

Гизы и лига стали накоплять силы вне Парижа и предъявили королю свои требования. Они были настолько чрезмерны, «что вывели бы из терпения даже святого». Но Генрих III согласился на все: отдать в распоряжение лиги шесть городов, соблюдать постановления Тридентского собора, пустить в продажу имения протестантов. Он объявил всех принцев-еретиков лишенными прав на престол, соглашался начать войну и назначить Гиза главнокомандующим. Наконец, он соглашался снова созвать Генеральные Штаты в июле 1588 г. в Руане. Генрих надеялся, по-видимому, воспользоваться собранием представителей, чтобы отказаться от уступок, к которым его вынудили; Гиз рассчитывал совершенно подчинить короля своему произволу; общественное мнение стремилось к тому же, что и в 1560–1576 гг., – к установлению постоянного контроля над королевскими учреждениями.

Штаты собрались в Блуа в октябре 1588 г. Почти все депутаты были сторонниками лиги (все духовенство, 150 из 191 членов третьего сословия и большинство дворян). Штаты решили продолжать войну с протестантами. Но одновременно буржуазия выставила ряд требований о контроле над исполнением постановлений Штатов и др., которые не нравились и Гизу.

Генрих III уступал по всей линии. Он знал, что оппозиционность Штатов поддерживалась Гизом. Ему доносили, что кардинал Гиз пил за здоровье своего брата, «французского короля». Сестра Гиза, герцогиня Монпансье, хвастала, что ей придется выстричь на голове короля иную корону, чем та, которую он носит теперь (т. е. выстричь монашескую тонзуру). Терпение Генриха III истощилось.

Вечером 22 декабря он приказал своим дворянам убить Гиза. На следующий день утром герцог был приглашен к королю и убит ударами кинжала. Та же участь постигла его брата день спустя. Штаты были распущены 15 января 1589 г., а за два дня до этого умерла Екатерина Медичи.

Все эти события произвели в Париже впечатление удара молнии. Париж заклокотал. Сдерживаемые Гизом партии и группировки пришли в движение. В Париже оказалось сразу много властей: парижский комендант, генеральный совет лиги, состоявший из 50 человек,

старшина купцов, парламент, 16 начальников кварталов и, наконец, совет шестнадцати. Этот последний превратился фактически в 16 комитетов по 9 человек в каждом. Был учрежден генеральный совет для руководства государственными делами и для связи с провинциями.

Агитация против короля дошла до своего апогея. Особенно свирепствовали представители низшего католического духовенства. Улицы сделались театром бесконечных процессий: похороны Гиза превратились в грандиозную демонстрацию, в которой участвовало более 100 тыс. человек. Люди по сигналу гасили свои свечи и кричали: «Так да погасит господь династию Валуа!». Сорбонна издала декрет, освобождающий всех от присяги королю. В парламенте были арестованы te его члены, которые оставались верными королю. Богатых граждан сажали в Бастилию, требуя уплаты выкупа. Когда Генрих III запретил парламенту и должностным лицам города выносить судебные решения, парламент начал процесс против короля.

Примеру Парижа последовали и другие города. Лига стала центром антироялистского движения. В результате ее деятельности, так же как и в сфере деятельности протестантской конфедерации, во Франции образовывались городские республики, вступавшие в переписку между собой. Такой сепаратизм не ограничился городами. По словам одного современника, «не было ни одной деревни, которая не стала бы независимым государством по примеру деревень немецких, швейцарских или нидерландских».

Протестанты не отставали от католиков. Собравшись в Ла-Рошели в 1588 г., депутаты от гугенотских общин старались навязать свою волю Генриху Наваррскому. «Настало время, – говорил один гугенот, – когда хотят сделать королей подневольными рабами».

Войска короля были разбиты лигистами. С юга надвигался Генрих Наваррский с большой армией. Генриху III, разбитому лигистами и третируемому парижанами, не оставалось ничего другого, как отдаться под покровительство своего кузена Генриха Наваррского. 14 апреля 1589 г. он заключил с ним соглашение и 30 апреля явился со своими отрядами в Плесси ле Тур. Отсюда оба короля двинулись к Парижу. Генрих III заранее предвкушал удовольствие отомстить за «день баррикад» и за все унижения. В Париже поползли зловещие слухи о новой Варфоломеевской ночи. Вожди лигистов арестовали 300 знатных представителей буржуазии в качестве заложников. Пламенные проповедники взывали к молящимся: неужели среди них не найдется ни одного, кто наказал, бы виновника убийства Гиза. 1 августа доминиканский монах Жак Клеман пробрался в лагерь к королю и заколол его кинжалом. Проповедник монархомах Буше воспел этот поступок, как пример самоотверженности и геройства.

После смерти Генриха III легальным наследником престола становился Генрих Бурбон. Но он был гугенот, и католики, организованные в лигу, в особенности парижские фанатики, не желали признавать его королем. Генриху приходилось завоевывать себе королевство. У него было мало средств и военных сил, чтобы разбить своих врагов, а главное: завладеть сердцем Франции – Парижем. Во главе лиги стал брат Генриха Гиза, герцог Карл Майенский, мечтавший о короне Франции. Генриху Бурбону помогали немецкие протестантские князья, боявшиеся усиления Испании и Габсбургов, и заклятый враг Филиппа II – Елизавета Английская.

Генрих отступил в Нормандию для того, чтобы быть одновременно близко и от Англии, и от Парижа. Герцог Майенский направился вслед за ним, дав парижанам обещание, что он привезет Генриха в Париж и посадит его в Бастилию. В битве под Арком он, однако, потерпел поражение и был оттеснен за Сомму. Генрих направился к Парижу и завладел некоторыми его предместьями, но возвращение армии герцога Майенского заставило его снова отступить, на этот раз к Луаре.

1590–1591 гг. были временем полнейшей разрухи во Франции. Разоренная грабежами обеих армий, постоянными набегами дворянских шаек и солдатских банд, страна переживала глубокий хозяйственный кризис и голод. Высшее дворянство, принцы и вельможи абсолютно не считались, как губернаторы, с центром и вели себя как самостоятельные государи. Филипп II Испанский готовился посадить на французский престол своего

ставленника. Папа напоминал католикам Франции о том что Генрих как еретик отлучен от церкви, и поддерживал планы Филиппа II. В самом Париже крайние, входившие в состав комитета шестнадцати и поддерживавшие их низы городского населения, воспламеняемые безудержной агитацией иезуитов и фанатиков-монахов, решительно высказывались за испанского короля.

Однако происки иностранных государей, поведение феодалов, тянувших каждый в свою сторону, начавшаяся разруха и распадение страны обернулись в конечном счете в пользу Бурбона. Он мало-помалу становился центром, вокруг которого собирались силы, стремившиеся к восстановлению единства Франции. К тому же и дворянство и буржуазия были напуганы движением народных масс. Мы уже видели, что еще при Генрихе III люди комитета шестнадцати не церемонились с буржуазией. Еще больший страх вызывали у дворянства все учащавшиеся восстания крестьян, доведенных до отчаяния грабежами и разорением. Гражданская война вырождалась в дворянский грабеж своей собственной страны, от которого страдали города и особенно деревни.

Крестьяне были вынуждены защищать и себя, и свое имущество: они вооружались и начинали бить дворян, не разбирая католиков и гугенотов. В 1586 г. поднялись крестьяне Нижней Нормандии, движимые естественным стремлением защитить свое имущество, своих жен и детей от разбоя и насилия военных. Еще более показательным в этом отношении было восстание в Бретани. Крестьяне избивали всех попадавших им в руки дворян, «роялистов и лигистов католиков и кальвинистов». «Они заботились, – говорит один историк, – не столько об уничтожении еретиков, сколько об искоренении дворянства… Это нужно было сделать, по их мнению, для того, чтобы на землю вернулось равенство, которое должно царить на земле».

Самым крупным из крестьянских восстаний было движение «крокaнов», продолжавшееся с 1593 по 1595 г. в провинциях Пуату, Сентонж, Лимузен, Марш и Перигор. Восставшие выпустили прокламацию, в которой приглашали всех сочувствующих выступить с ними «против козней своих врагов и против короля, а именно против когтей изобретателей косвенных налогов, воров, сборщиков податей и фискальных чиновников и их помощников». Слова «Aux croquants» (на грызунов) служили у них сигналом к нападению на сборщиков налогов, дворян и солдат. Дворяне в прокламации, которую они выпустили со своей стороны, обвиняли крестьян в том, что они хотят освободиться от установленного богом подчинения, разрушают религию и желают установить демократию по образцу швейцарской. Королевским войскам удалось подавить восстание крокaнов в Лимузене и Сентонже. В Перигоре сорокатысячная армия крестьян оказала столь энергичное сопротивление, что правительство предпочло заключить с ними соглашение и простило им недоимки по прямым налогам, которые оно все равно не могло бы собрать.

Скоро дворянство и буржуазия покончили и с комитетом шестнадцати. Зажиточная и чиновная буржуазия явно начала склоняться на сторону Генриха Наваррского, как единственного реального представителя королевской власти. Было ясно, что Париж и в самом Париже наиболее непримиримые к королю-гугеноту элементы могут держаться только испанской помощью и испанским золотом. Однако в рядах лиги, владевшей Парижем, не могло быть единства.

Парижская буржуазия (включая бюрократию) оказалась между двух огней. Она не могла примириться с королем-гугенотом, опасаясь гугенотской программы расчленения Франции, но она не меньше боялась низов парижского населения, которые господствовали в комитете шестнадцати и в квартальных комитетах. Она готова была признать Генриха Бурбона королем, но при условии возвращения его в лоно католицизма национально-французского, галликанского. Для Генриха это было равносильно подчинению программе Парижа, не только главного, но и в своем роде единственного города Франции, господствовавшего над страной и политически, и экономически. Партия крайних в Париже не представляла единства. Чрезвычайно пестрая по своему социальному составу (мелкобуржуазная, торговая и ремесленная масса, рабочий люд, очень значительная

прослойка низшего духовенства и неимущая интеллигенция – учащиеся и мелкое чиновничество), она не могла иметь ни строго продуманной программы социальных преобразований, ни политической платформы. Требование признания Филиппа И, самого абсолютного из всех государей, королем Франции, сочеталось у нее с требованием муниципальной демократии и резкой оппозицией по отношению к дворянству и зажиточной буржуазии. Она добивалась введения в Парламент и другие учреждения своих представителей и конфискации имущества у «подозрительных», т. е. у тех буржуа, которые готовы были признать Генриха.

Примирительная политика правой части лиги к кандидатуре Генриха вызывалась тем обстоятельством, что дальнейшая разруха грозила лишить Париж его значения столицы Франции. Наряду с сеньорами, стремившимися растащить Францию по кускам, города тоже старались усилить свою независимость даже на, севере, где лига господствовала. В городах раздавались негодующие возгласы против дворянства, от которого города страдали не меньше, чем деревни. Города переставали впускать к себе губернаторов, назначенных лигой, захватывали замки и укрепления внутри городских стен и создавали собственные правительства, которые переставали считаться с центром.

Между герцогом Майенским и комитетом шестнадцати начались столкновения, несмотря на то, что лично герцог как один из кандидатов на престол был заинтересован в деятельности этого комитета, решительно протестовавшего против кандидатуры Генриха. Комитет шестнадцати, недовольный одним из решений парижского парламента, схватил и без суда казнил президента парламента и двух других должностных лиц, обвиняя всех в измене. Вслед за этим комитет шестнадцати потребовал создания Огненной палаты для расправы над еретиками и религиозными преступниками. Устрашенная буржуазия просила герцога Майенского немедленно приехать в Париж и «восстановить справедливость». Герцог повесил, тоже без суда, четырех членов комитета шестнадцати, остальные либо бежали, либо были арестованы (4 декабря 1591 г.).

Партия «фанатиков» и «теологов», которая выгнала Генриха III из Парижа и помешала Генриху Наваррскому войти в него, была разбита. Теперь дорога Генриху Бурбону была расчищена. Он остался единственным претендентом, который мог стать королем Франции и притом сильным королем. 25 июля 1593 г. он перешел в католичество, заявив, что «Париж стоит мессы»; в 1594 г. он короновался по обычаю французских королей и вступил в Париж, не встретив никакого сопротивления.

6. Абсолютизм XVII века[176]

Генрих IV

Шестнадцать лет царствования Генриха IV(1594–1610)[177] были временем становления и укрепления французского абсолютизма. Новый монарх пришел к власти после долгой и трудной борьбы, когда вся страна была взбаламучена междоусобной войной.

За свою недолгую жизнь Генрих Наваррский сам многое испытал; он знал и поражения, и победы, падения и взлеты; нелегкий жизненный опыт его многому научил: изворотливости, гибкости, умению маневрировать. Умный, дальновидный, настойчивый в достижении цели, он отдавал себе отчет в трудности стоявших перед ним задач. Первой и самой главной – в том нельзя было сомневаться – было умиротворение, смягчение

---

[176] Л. С. Гордон и Б. Ф. Поршнев (раздел о колониальной экспансии написан М. Н. Машкиным)

[177] З. В. Мосина. Абсолютизм в политике Генриха IV. – «Историк-марксист», 1938, № 2; она же. Франция при Генрихе IV. – «Исторический журнал», 1938, кн. 9.

политического климата в стране, примирение, насколько это было возможно, враждующих партий и группировок, постепенный переход к некоторой стабилизации. Генрих IV не был, конечно, «добрым королем», «королем народа», каким его нередко изображала позднее апологетическая историческая литература. Но он понимал, как шаток королевский трон, и искал средства его укрепления.

Бывший гугенот, ставший католиком, не принимавший близко к сердцу вопросы религии, Генрих IV нащупывал компромиссные решения, могущие постепенно восстановить мир в стране. С помощью толковых и умелых помощников, среди которых первым должен быть назван Сюлли, он сумел в сравнительно короткий срок добиться многого. Кого подкупая деньгами, кого задабривая высокими должностями, он постепенно смягчил ожесточенность вражды и разъединил еще недавно сплоченные ряды противников.

Нантский эдикт 1598 г. объявлял католическую церковь официально государственной религией в королевстве; в то же время он сохранил определенные права и за протестантами. За гугенотами по секретным статьям эдикта были закреплены даже некоторые города на юге Франции (Ла-Рошель, Монпелье, Монтобан и др.), где они могли иметь свои вооруженные силы. Нантский эдикт был компромиссом; он не удовлетворял крайние элементы в обоих лагерях, но был в целом приемлем для большинства. Он создавал основу для перехода от войны к миру и лишал религиозные вопросы их прежней остроты.

Генрих IV и его первый министр Сюлли смогли в какой-то мере ослабить налоговый гнет. Конечно, «курица в каждом крестьянском горшке по воскресеньям», обещанная королевской властью, так и осталась социальной утопией, но все же, благодаря снижению прямых налогов, некоторому упорядочению государственных расходов и прекращению войн, положение крестьянства в целом стало лучшим.

Примиряя враждующих, утишая бушующие страсти, королевская власть становилась над спорящими, она постепенно обретала права арбитра, верховной власти. В конечном счете, это вело к укреплению монархии. Создание сильного бюрократического аппарата, подчиненного непосредственно королю и его министрам, также способствовало этому. Но в сильной королевской власти было заинтересовано и дворянство, чтобы держать в повиновении крестьян, угрожавших возможностью повторения Жакерии. На поддержку королевской власти ориентировалась и растущая, но слабая еще буржуазия. Генрих IV умело использовал эти благоприятные условия; его с должным основанием можно считать виднейшим представителем французского абсолютизма.

Феодально-абсолютистский строй во время правления Ришелье

Смерть Генриха IV от руки католического фанатика Равальяка 14 мая 1610 г. на время прервала предпринятую его сподвижниками работу по укреплению французской государственности. Правда, гражданская война между французами-католиками и французами-гугенотами уже закончилась, и Франция была единым государством, но еще существовали гугенотские города-крепости, числом около 200, сохранились самостоятельные гугенотские армии и флот, независимые от правительства денежные средства и т. п. Феодально-католическая оппозиция, несколько ослабленная казнью маршала Бирона в 1602 г., не хотела мириться с потерей своего прежнего значения и была готова при первой возможности вновь ввергнуть страну в смуту гражданской войны – не столько чтобы утвердить за собой местную власть, сколько чтобы обеспечить себе пенсии, подачки и щедро оплачиваемые синекуры за счет королевской казны.

Генрих IV, Гравюра Муатта с рис. Леписье

Поэтому, когда после убийства Генриха IV ввиду малолетства его сына, Людовика XIII, власть перешла в руки его вдовы, Марии Медичи (фактически сначала управлял страной ее фаворит, флорентинец Кончини, а позже – Люинь), принцы и гранды предъявили регентше свои «права», чем ввергли Францию в новую смуту, продлившуюся с перерывами (когда удавалось откупиться от их требований) около 10 лет. Ни народ, ни буржуазия требований знати не поддерживали, однако, угрожая гражданской войной, гранды вырвали у Марии Медичи (по договору в Сент-Мену) согласие на созыв Генеральных Штатов, а заодно желаемые субсидии; принц Конде получил 450 тыс. ливров, герцог Лонгвиль – 100 тыс. ливров пенсии, Майенн 300 тыс. на «расходы по свадьбе»[178].

На Генеральных Штатах, собравшихся в 1614 г., обнаружилось бессилие оппозиции вельмож. Третье сословие, состоявшее из представителей городской буржуазии и недавно одворянившейся бюрократии, отказалось поддержать ее. Господствующие сословия – духовенство и дворянство – стояли в основном за укрепление монархии, но ревниво выступали против политического возвышения этих выходцев из буржуазии.

Между тем в стране глухо накипала другая оппозиция – простонародная – против феодально-абсолютистского режима. Лидеры третьего сословия осмеливались использовать

---

[178] Об этом и последующем времени см. *А Д. Люблинская.* Франция в начале XVII века (1610–1620). Л., 1959: *она же.* Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М. – Л., 1965; «Внутренняя политика французского абсолютизма (1633–1649)». Под ред. А. Д. Люблинской. М. – Л., 1966.

этот козырь. Устами своего представителя, купеческого старосты Парижа Робера Мирона, третье сословие предъявило трону жалобу на «бесчинства, совершаемые над обществом и личностями, на презрение к справедливости и судьям, на угнетение бедных, на насилия над слабыми», совершаемые сеньорами и властями, и недвусмысленно намекало на возможность того, что народ сам выступит на свою защиту: «Если ваше величество не примет мер, можно опасаться, как бы отчаяние не научило бедный народ, что солдат – не кто иной, как вооруженный крестьянин, а когда виноградарь возьмется за аркебуз, он из наковальни станет молотом». Хотя эту речь представитель третьего сословия произносил, стоя на коленях, все же правительство поспешило распустить Штаты, и выборные разъехались, не приняв никаких решений. Эти Генеральные Штаты в истории Франции были последними до 1789 г.

Аристократическая оппозиция после этого еще несколько раз бралась за оружие, опираясь на недовольные массы, но спешным снижением налогов правительство обеспечивало успокоение народа; одновременно пришлось наградить новыми пенсиями наиболее влиятельных грандов: по соглашению в Лудэне (1616 г.) Конде получил еще 1,5 млн. ливров, и были награждены его сторонники, и особым рескриптом было объявлено, что оппозиция не совершала ничего, что «не было бы очень приятным» королю.

Герцог Ришелье. Гравюра Гедана

Окончательное укрепление французского абсолютизма произошло только в годы

правления кардинала Ришелье, первого министра (1624–1642) Людовика XIII. Именно под его руководством было завершено построение новой государственной системы, позволившей королевской власти удержаться во Франции еще 150 лет, несмотря на чудовищную эксплуатацию народных масс, на хищническое отношение двора к бюджету страны и на вызванные этим почти непрерывные вспышки народных восстаний и частые экономические кризисы. Поэтому политика Ришелье, ее принципы и последствия заслуживают специального рассмотрения.

Арман Жан дю Плесси, кардинал и герцог Ришелье (1586–1642) происходил из дворянской семьи; став на 23-м году жизни епископом города Люсон в Пуату, он принимал участие в Генеральных Штатах 1614 г. как один из многих депутатов от духовенства. Уже в 1616 г. он стал членом, а вскоре и председателем совета при регентше; на время ссоры подросшего короля с его матерью он вместе с нею подвергся опале. Но уже с 1624 г. Ришелье входит в Королевский совет, а с 1630 г. становится первым министром королевства, оплотом и отчасти даже теоретиком абсолютизма.

В книге «Государственные максимы, или Политическое завещание» [179] Ришелье изложил основы своей политики. Книга эта была опубликована лишь после его смерти, и многими историками ее подлинность оспаривалась, но, несомненно, она отражает подлинные мысли самого Ришелье. Хотя в своей государственной деятельности он следовал всегда голосу практики и подчас круто менял курс в зависимости от обстоятельств, от внутреннего и международного соотношения сил, Ришелье сумел здесь обобщить некоторые ее линии и придать ей видимость наперед продуманного плана.

Ришелье говорит в этом «Политическом завещании»: «Моей первой целью было величие короля, моей второй целью было могущество королевства» [180]. Если можно сомневаться в буквальном смысле первого, то могущество абсолютистской власти он действительно стремился утвердить всеми доступными способами, как и внешнюю силу Франции.

Одну из главных своих задач Ришелье видел в обеспечении первенствующего положения дворянства перед поднимающейся буржуазией. Дворянин по происхождению, он явно хотел перевеса дворянства, которому искренне сочувствовал и которое в своем огромном большинстве видело в его политике свою политику. Но королевский двор, выражая интересы дворянства, играл роль как бы воспитателя дворянского класса. Отсюда два положения Ришелье: с одной стороны, пишет он, «богатство и гордость одних [буржуа, чиновников] подавляют бедность других [дворян] – богатых лишь доблестью…»[181], а с другой – «очень распространенный недостаток лиц, родившихся в этом сословии [дворянском], – что они применяют к народу насилие»[182]. Право на насилие Ришелье хотел бы резервировать только за государственным аппаратом монархии.

«Право» же дворян и монархии эксплуатировать народные массы Ришелье не только постулирует, но даже обосновывает психологически: «Если бы народ чересчур благоденствовал, было бы невозможно удержать его в границах его обязанностей…»[183]. Народ для Ришелье – это «мул, который, привыкнув к нагрузке, портится от долгого отдыха

---

179 *Cardinal de Richelieu.* Testament politique. Paris, 1947.

180 Ibid., p. 90.

181 Ibid., p. 218.

182 Ibid., p. 219.

183 Ibid., p. 253.

больше, чем от работы»[184]. Правда, он тут же добавляет, что работа эта должна быть пропорциональной силам мула-народа; но это относилось уже к области благих (и невыполнимых) пожеланий. Практика же взимания невероятных податей и поборов прикрыта у Ришелье теорией гармонии интересов короля и народа. «Можно утверждать, что суммы, извлекаемые королем у народа, к нему же и возвращаются; народ их авансирует, чтобы получить их обратно в виде пользования своим покоем и своим имуществом, что не может быть ему обеспечено, если он не будет способствовать сохранению государства»[185].

Одной из неотложных задач, стоявших перед центральной властью после победы католицизма над реформационным движением во Франции, была ликвидация гугенотской республики на юге страны, ставшей чем-то вроде «государства в государстве». Правительство еще не имело для этого достаточных сил. Хотя, по мнению Ришелье, государь должен заботиться о спасении душ своих подданных, «осторожность не позволяет королям прибегать к рискованным мерам, могущим выполоть доброе зерно при желании выполоть плевелы»[186]. Правительство Людовика XIII не покушалось на религиозные чувства гугенотов, однако оно обрушилось на их политический сепаратизм, на их военно-партийную организацию во главе с герцогом Роганом. Военные действия против гугенотов, длившиеся восемь лет (1620–1628), завершились взятием их основного оплота, города-порта Ла-Рошели; в 1629 г. были ликвидированы последние очаги сопротивления гугенотов в горных районах Лангедока. Их крепости были частью разрушены, частью отобраны, им было запрещено держать свои гарнизоны. Но со своей стороны по соглашению в Але (Лангедок) правительство опубликовало так называемый эдикт милости, подтверждавший Нантский эдикт в смысле гарантирования гугенотам религиозной свободы.

Наряду с этим правительство приняло самые решительные меры, чтобы подчинить себе непокорных аристократов, хотя бы и правоверных католиков. Замки феодалов были срыты и снесены, под страхом смертной казни были запрещены дуэли между дворянами, и в назидание всем был даже казнен особо дерзкий и непослушный бреттер, дуэлянт Бутвиль, хотя смелостью его Ришелье лично и восхищался. Правительство с чрезвычайной подозрительностью и жестокостью подавляло всякую попытку противостоять ему, объявляя такие попытки «заговором». По мнению Ришелье, «бич, являющийся символом правосудия, никогда не должен оставаться праздным»[187]. Карательная политика пренебрегала даже законами судопроизводства, установленными той же государственной властью. «Если во время разбора обыкновенных дел суд требует бесспорных доказательств, – писал Ришелье, – совсем иначе в делах, касающихся государства; в таких случаях то, что вытекает из основательных догадок, должно иногда считаться за ясные доказательства»[188]. Поэтому Ришелье рекомендует начинать с применения закона, а потом уже искать доказательства вины.

Проводниками и исполнителями решений правительства на местах все больше и больше становятся интенданты, назначаемые центральной властью из числа преданных ей и всецело от нее зависящих чиновников. Их исходная задача – обеспечить поступление налогов из провинций в казну. Они окончательно оттесняют на второй план прежние местные органы управления и суда: провинциальные штаты (в некоторых областях

---

[184] Ibid., p 254.

[185] Ibidem.

[186] Ibid., p. 323.

[187] Cardinal de Richelieu. Testament politique, p. 341.

[188] Ibid., p 343, 344.

Франции), провинциальные парламенты, различные судебно-финансовые палаты, губернаторов с их военно-полицейским аппаратом, муниципалитеты, опиравшиеся на поквартальную «буржуазную стражу» в городах. Впрочем, эти местные власти обычно не отстаивали свои устаревшие привилегии, а сотрудничали с интендантами провинций и с правительством.

В самом аппарате центральной власти все больше выдвигаются государственные секретари (министры) и все уменьшается значение принцев крови, герцогов и пэров: они по-прежнему входили в так называемый «большой Королевский совет», но все по-настоящему важные дела государства вершились «малым Королевским советом», который и был настоящим рабочим правительством. Именно к нему стекались донесения интендантов, он отправлял на места полновластных инспекторов (maitres de requetes), он, во главе со своим председателем Ришелье, был подлинной сильной властью.

Ришелье боролся против любых попыток противостоять королевской власти. При Ришелье у парламентов было отнято право письменных ремонтрансов, и подчас правительство прибегало к насильственному выкупу должностей тех или иных неугодных ему членов парламента; некоторых из них отправляли в изгнание или в тюрьму.

У прокурора. Миниатюра А. Восса

Однако решительные меры, какие хотело бы принять старинное дворянство в отношении выскочек в судейских и чиновных мантиях, тут были недоступны, поскольку продажа богачам различнейших должностей (и в том числе должностей адвокатов, прокуроров, советников парламента) была одним из источников государственного дохода абсолютистской Франции. Правительство никогда не имело достаточно средств, чтобы разом покончить с парламентами, выкупив все должности. Отсюда – безрезультатность непрерывно до самой революции 1789 г. длившейся борьбы абсолютистского правительства с парламентами, полная невозможность сломить их сопротивление. Ришелье видел и

социально-политическую сторону дела: система продажи государственных должностей в собственность видным обладателям денежных накоплений приковывала часть буржуазии к колеснице государства, т. е. к судьбам феодально-абсолютистского строя. Кто вложил свои деньги в данный государственный порядок, писал Ришелье, не станет способствовать его разрушению.

Другим источником дохода казны была откупная система: получение денег от финансистов авансом, с уступкой им права **с** избытком компенсировать себя взиманием того или иного налога. Ришелье считал финансистов и откупщиков налогов «особым классом, вредным для государства, но тем не менее необходимым»[189]; по его мнению, «они не могут дальше обогащаться, не разоряя государства» [190]. Поэтому он был склонен к конфискации имущества откупщиков и держателей государственной ренты, но, «даже если справедливость этого акта неоспорима, разум не позволяет прибегать к нему, потому, что его осуществление лишило бы государя на будущее всех способов добыть деньги в случае государственной необходимости»[191].

Это положение «Политического завещания» является выводом из практики борьбы абсолютизма с откупщиками – борьбы, в которой королевской власти иногда приходилось признать себя побежденной. Свидетельством этого является королевский рескрипт, который пришлось опубликовать после очередного мероприятия по «выжиманию губок» – нажиму на финансистов. В этом рескрипте, как бы извиняясь, король заявлял: «Будучи вынужден прибегать к чрезвычайным мерам и требуя, чтобы нам авансировали крупные суммы денег, мы во всех представившихся случаях получали содействие от наших откупщиков и контрактантов; и суммы, которые они обязывались нам уплатить, приносили им столь мало дохода и прибыли, что в настоящее время они, совместно с их пайщиками, обременены долгами… Они и поныне не перестают оказывать нашим делам величайшее содействие в настоящей срочной необходимости, прилагая для этого весь свой кредит, от чего мы испытываем величайшее удовлетворение»[192].

Финансовые трудности были тесно связаны и с военно-политической обстановкой. Чтобы понять это, необходимо представить себе международное положение Франции[193]. На горизонте снова, как в первой половине XVI в., возникла грозовая туча – угроза поглощения всей Европы, всех национальных государств наднациональной католической державой Габсбургов. Кардинал Ришелье долго лавировал между интересами католической церкви и национальной государственности – то склонялся к союзу с габсбургской Испанией и папством (олицетворением этого курса был его советник капуцинский монах Жозеф), то, стремясь ослабить Габсбургов, поддерживал субсидиями протестантских князей Германии.

---

[189] *Cardinal de Richelieu.* Testament politique, p. 250.

[190] Ibidem.

[191] Ibid., p. 252.

[192] *C. d'Avenel.* La noblesse fran‹;aise sous Richelieu. Paris, 1901, p. 296, 297.

[193] См. – 5. *Ф. Поршнев.* Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в М., 1970.

Нищие. Гравюра Жака Колло

В 1630 г. колебаниям пришел конец; Ришелье принял решение ссужать протестантскую Швецию крупными ежегодными суммами для войны с германским императором. Тем самым Франция косвенно, скрыто вступила в Тридцатилетнюю войну. Впрочем, Ришелье стремился не допустить окончательной победы Швеции или немецких протестантов. Однако в 1635 г. крупные неудачи шведов заставили Францию вступить в войну: Франция начала военные действия против испанских и австрийских Габсбургов одновременно в их владениях в Нидерландах, Германии, Италии и Испании. Почти сразу выяснилось, что фактически Франция к этой войне не готова: в 1636 г. немцы вторглись в Бургундию, а испанцы – в Пикардию и Гиень. Разъезды испанцев, вторгшихся из Фландрии, угрожали уже и Парижу; только ополчение, срочно созданное по призыву правительства, разбило испанцев при Корби (20 лье к северу от столицы) и прогнало их дальше на север. В дальнейшем война велась с огромным напряжением денежных и людских ресурсов. При этом потребность в деньгах заставляла выжимать налоги из населения, это вызывало восстания, а восстания подчас требовали отвлечения воинских частей с военных фронтов для борьбы с восставшими.

Укрепление французской монархии, достижение некоторой стабилизации

противоречий между дворянством и буржуазией при Ришелье являлись оборотной стороной жесточайшей эксплуатации трудящихся – как сеньориальной, так и налоговой – и порождаемых ею новых и новых вспышек крестьянско-плебейских восстаний. Историки отмечают три волны крестьянского движения: в Керси (Гиень-и-Гасконь) в 1624 г., в Сентонже, Перигоре и других юго-западных и южных областях в 1636–1637 гг., и в Нижней Нормандии в 1639 г. [194] Восстания эти подавлялись правительством со страшной жестокостью: восставших посылали пачками на виселицу, подвергали колесованию без суда, даже без допроса – по одному подозрению в участии в восстании. Канцлер Франции при Ришелье Сегье обосновывал эти репрессии следующими доводами: «Служение королю, его власти и общественному благу требовало примерных наказаний и заставляло пренебрегать обычными формальностями» [195].

Восстание в Керси в 1624 г. было вызвано распространением соляного налога («габели») на область. Восставшие требовали отмены налога, и, так как определение его размера по дворам и само взимание налога было поручено местным богатеям из крестьян (elus), вся ярость обрушилась на сборщиков налога. Их дома поджигались, имущество подверглось разграблению. Вскоре движение начало перерастать в движение против богатых людей вообще. Армия крестьян выросла до 16 тыс. человек, и городская беднота была готова присоединиться к ней. Восставшие двинулись на город Кагор – центр области, но были разбиты местным дворянским ополчением [196].

Восстание 1636–1637 гг. в Сентонже, Перигоре и других провинциях было связано с установлением налога на вино, который правительство ввело, когда Франция вступила в Тридцатилетнюю войну и нуждалась в средствах для содержания армии. Налог этот сильно ударил по виноделам указанных областей. Кроме того, содержание и бесчинства войск, расквартированных по селам и городам из опасения вторжения Испании, довели население до отчаяния.

Восстание продлилось полтора года и охватило значительную часть территории Франции (ее южные, юго-западные и частично центральные области). Отряды восставших доходили в Сентонже до 40 тыс. чел., в Перигоре – до 60 тыс. Восстанию сочувствовали не только плебейские массы, но и городская буржуазия, и весной 1637 г. отрядам повстанцев удалось даже занять главный город провинции Перигор Бержерак. Но королевские войска под командованием герцога Лавалетт и при поддержке местного дворянского ополчения разбили и рассеяли восставших – и началась расправа.

Восстание в Нижней Нормандии в 1639 г., прозванное восстанием «босоногих» (в начале они называли себя «кроканами»), также вспыхнуло на почве недовольства крестьян ожидаемым распространением «габели» на их область. Восставшие призывали население не платить налогов, присоединяться к ним, вооружаться и убивать сборщиков налогов. Армия восставших, выросшая до 20 тыс. человек, называвшая себя «армией страдания», состояла не только из крестьян: в нее входила и городская беднота, ей сочувствовали и буржуа, не желавшие распространения «габели», тяжесть которой ложилась и на все третье сословие. Но Осенью 1639 г. армия «босоногих» была почти полностью истреблена королевскими частями под командой маршала Гассьона на баррикадах города Авранша; лишь немногие попали в плен, но и они были повешены.

Следует отметить, что, хотя все эти восстания объективно наносили сильные удары

---

[194] См.: *Б. Ф. Поршнев.* Народные восстания во Франции перед Фрондой.

[195] (1623–1645). М. -Л., 1948.,9 *A. Rambaud.* Histoire de la civilisation frangaise, t. 1, p. 579.

[196] *P. Boissonade.* L'administration royale et les soulevements populaires en Angoumois, en Saintonge et en Poitou pendant le ministere de Richelieu (1624–1642). – «Bulletin et memoires de la Societe des antiquaires de I'Ouest», t. XXVI, (2 me serie), 1902, p. XLII–XLVII. Б. Ф. Поршнев. Народные восстания…

абсолютизму, они не ставили себе сознательной цели свергнуть королевскую власть или покончить с господством феодалов; по существу, они никогда и не могли выйти за пределы одной или немногих провинций и найти поддержку всей страны. Происходило это потому, что, как правило, эти восстания вызывались узко-локальными поводами (распространением какого-то налога на данную провинцию, бывшую прежде от него свободной; насилиями местных сборщиков налогов; бесчинствами воинских частей, расквартированных в данной местности и т. п.); даже когда к этому, как в Перигоре, присоединялся протест против сеньориальных поборов или церковной десятины, силы повстанцев оставались разрозненными, а не сливались в мощную крестьянскую армию. Сказывалось также и то, что буржуазия (особенно ее более богатая, более влиятельная часть) городов в провинциях, охваченных крестьянскими восстаниями, гораздо больше боялась восставших, чем правительственных сил. Поэтому правительство всегда, хотя и с большим или меньшим напряжением, даже вынужденное порой вступать в переговоры с восставшими, в конечном счете выходило победителем, после чего старалось жесточайшими карами запугать население; при этом, однако, зачастую с уходом карателей восстание вспыхивало вновь. Так, узколокальное восстание нормандских «кроканов» в 1637 г. переросло в мощное движение «босоногих» 1639 г., получившее отклики и в других провинциях и запечатлевшееся в сознании современников, в том числе и в королевских декларациях, как событие общегосударственного значения; оно прервало надолго поступление в казну каких бы то ни было налогов с экономически высокоразвитой провинции и могло увлечь другие своим примером.

Кроме перечисленных движений сельского и смешанного сельско-городского характера, имели место многочисленные возмущения трудящейся бедноты и ремесленников то в том, то в другом городе во всех частях Франции. Не проходило года без нескольких извержений таких городских вулканов.

Поводами для восстаний городского плебейства опять-таки чаще всего были какие-либо налоговые нововведения, затрагивавшие отдельные профессии или большинство трудового населения, нередко и более зажиточный слой. Эти фискальные новшества или вымогательства военщины служили последним толчком, переполнявшим чашу терпения. Толпы громили налоговые конторы, расправлялись со сборщиками и откупщиками, с «подозрительными», с защитниками порядка, в том числе с представителями центральной власти. Подчас они кричали «да здравствует король без налогов», а были случаи (в 1630 г.), когда топтали и рвали портреты Людовика XIII, в Дижоне портрет короля был сожжен[197]. Как правило, с восставшими после некоторых колебаний расправлялась вооруженная милиция зажиточных горожан, иногда с участием окрестных дворян, а то и лиц духовного звания, а также местные гарнизоны и воинские части. Впрочем, случалось, что дело оканчивалось прощением: по поводу антиналогового восстания «мелкого люда» в Байонне в 1641 г. Ришелье давал инструкцию: «Жители весьма виновны и заслуживают наказания, но настоящее время не позволяет и думать об этом»[198].

Важнейшей задачей абсолютизма и господствовавшего дворянского класса было всемерно содействовать восстановлению и укреплению католической веры. Это было условием всеобщего послушания и терпения. Проповеди приходских священников были основным каналом общественного воспитания неграмотного населения, даже и его информирования о политических событиях и об издаваемых законах. Однако в первой половине XVII в. распространителями новостей и некоторых независимых мыслей стали

---

[197] *Б. Ф. Поршнев.* Народные восстания…, стр. 132–141. *В. В. Бирюкович.* Народные движения во Франции в 1624–1634 гг. – «Труды Военно-политической академии Красной Армии им. Ленина», т. IV, 1940, стр. 245–254; С. *Roupnel.* La ville et la campagne au XVIIe sieele. Etudes sur les populations du pays dijonnais. Paris. 1922.

[198] *Б. Ф. Поршнев.* Народные восстания…, стр. 228.

(сначала в Шампани, вслед и в других провинциях) разносчики по городским домам и кварталам, по бургам (селам) и деревням грошовых брошюрок, примитивно отпечатанных книжонок, которые какой-нибудь грамотей вечерами читал вслух соседям и домочадцам у камина. Тут бывали сказки и предания, хозяйственные сведения и колдовские рецепты, религиозные и светские песни, исторические и любовные романы, рассказы о жизни королей, знати, знаменитых разбойников и многое другое. Народ имел свою фольклорную и эстетическую традицию, свои праздники, игры, представления.

Высоко над этой духовной жизнью простого народа возвышалась культура двора и знати, образованных кругов дворянства и буржуазии.

Ришелье уделял большое внимание науке и культуре, считая, однако, необходимым держать их под неусыпным надзором государства, следя за тем, чтоб они не пошли по нежелательному направлению и не распространились в народе: по его мнению, «подобно тому как было бы чудовищным тело, имеющее глаза на всех своих частях, так было бы чудовищным государство, если бы все его подданные были образованными»[199]. Он полагал, что «нужные государству солдаты лучше воспитываются в грубости невежества, чем в утонченностях науки»[200]. При этом, «если бы знания профанировались среди **всевозможных** умников, в государстве появилось бы больше людей, способных высказывать сомнения, чем людей, способных их разрешать, и многие оказались бы более склонны противостоять истинам, чем защищать их»[201]. Поэтому, пишет он, *«в* хорошо устроенном государстве должно быть больше мастеров механических искусств (maitres es arts mecaniques – искусных ремесленников), чем мэтров свободных искусств (maitres es arts liberaux)»[202]. Покровительствуя писателям и поэтам, подчиняющим свое творчество задачам его политики, Ришелье беспощадно преследовал тех, кто хотел оставаться независимым. Так, милостями был осыпан поэт Шаплен (одновременно получавший пенсию от Лонгвиля), но свободомыслящий писатель Теофиль де Вио (1596–1626) по обвинению в атеизме был приговорен к сожжению на костре (приговор был смягчен, и Вио умер в изгнании).

Ришелье организовал Французскую академию, куда вошли нужные ему писатели во главе с Шапленом; и, когда Пьер Корнель (1606–1684) написал трагикомедию «Сид», не отвечавшую требованиям Ришелье, академики осудили пьесу, до настоящего времени признаваемую шедевром французской драматургии. Корнель извлек урок из судьбы «Сида», и следующая его трагедия, «Гораций», заслужила одобрение властей выраженной в ней апологией «государственного интереса», побеждающего личные чувства. Но позже, когда умер Ришелье, Корнель в трагедии «Смерть Помпея» показывает, как макиавеллистические министры развращают царя; написанная во время Фронды его трагедия «Никомед» (1651) прославляет непокорного царского сына, любимца народа, и развязка последнего акта трагедии построена на победе народного восстания.

При Ришелье с 1631 г. начала выходить первая газета Франции «Gazette de France», являвшаяся пропагандистом его внутренней и международной политики, причем сам он писал для нее статьи и отбирал материалы, подлежащие публикации.

Но отнюдь не с помощью Ришелье – напротив, вопреки идейному гнету абсолютизма, – достигла своей вершины французская мысль того времени: после первых четырех лет правления Ришелье, в 1628 г., покинул родину еще молодым и переселился в Голландию

---

199 *Cardinal de Richelieu.* Testament politique, p. 382.

200 Ibid., p. 395.

201 Ibid., p. 371.

202 *Cardinal de Richelieu* . Testament politique, p. 378.

великий ученый и философ Рене Декарт (1596–1649)[203]. Он не был политическим эмигрантом, но до смерти кардинала ни разу не навестил отчизну. Однако именно он стал олицетворением гения французского народа, его гордостью. Франция Ришелье и Франция Декарта несовместимы, тот и другой были воплощением противоположных начал. Начало, олицетворяемое Декартом, было глубоко укоренено во французском обществе По словам друга Декарта Мерсенна, в 1623 г. в одном Париже проживало не менее 50 тыс. неверующих. А ведь каждый из них, вероятно, умственно кристаллизовал настроения еще многих.

Уже за сто лет до Декарта (его латинское имя – Картезий, откуда «картезианство»), начиная с Коперника, стало формироваться новое, научное мышление, но именно в трудах Декарта оно достигло такой зрелости и универсальности, что и поныне естествознание еще движется в системе основных понятий, заложенной им. Декарт явился основателем современной математики, ибо соединил алгебру и геометрию в единую науку; в основы физики им были включены механика и оптика. Мало того, Декарт наметил, с точки зрения «физики», принципы функционирования всех физиологических механизмов тела животного, включая и принцип рефлекторной деятельности нервной системы. Но к мыслящей душе человека Декарт не усматривал научного подступа и оставлял ее «метафизике». Таким образом, в философии Декарт был лишь частично материалистом, он стремился оставаться в рамках католического вероучения.

Но главное в Декарте и картезианстве – решительная борьба со схоластикой, полноправность сомнения, опора на опыт и разум. В этой реформе науки было нечто демократическое, она апеллировала к естественному разуму обыкновенных людей. «Мне казалось, – писал Декарт в „Рассуждении о методе“, – что я мог встретить гораздо больше истины в рассуждениях, которые каждый делает о делах, непосредственно его касающихся, и результат которых в случае ошибки немедленно должен его наказать, чем в кабинетных рассуждениях ученого по поводу бесполезных спекуляций»[204]. Оправдываясь в том, что писал на простом языке своего народа, Декарт заявлял: «Если я пишу охотнее по-французски, на языке моей страны, чем по-латыни, то это объясняется надеждой, что о моих мнениях будут лучше судить те, которые пользуются лишь своим естественным разумом, чем те, которые верят только книгам древних»[205].

Картезианство широко распространилось во Франции. Оно имело там важные точки соприкосновения с философской материалистической школой Гассенди и с религиозно-интеллектуальным новаторством янсенизма. В дальнейшем из философии Декарта развилась в Голландии и Франции мощная материалистическая струя: философия Леруа, Спинозы, Мелье.

Временный кризис феодально-абсолютистской системы

Всесильный первый министр, фактический диктатор Франции, кардинал Арман Жан дю Плесси Ришелье умер в 1642 г.; вскоре умер и ее безвольный король Людовик XIII (1643). Какое же наследие они оставили новому королю Франции – пятилетнему Людовику XIV и его матери – регентше королевства Анне Австрийской, кроме незаконченной Тридцатилетней войны?

Франция была к этому времени одним из самых больших (площадью около 500 тыс. кв. км) и населенных (по неполным демографическим данным, около 15 млн. человек) централизованных государств Европы. Как указывалось, сословно-политический строй

---

203 См.: В. Ф. Асмус. Декарт. М., 1956.

204 R. Descartes. Oeuvres, t. X. Paris, 1908, p. 325, 326.

205 R. Descartes. Oeuvres. t. XII. Paris. 1910, p. 310.

Франции был внешне прост: духовенство, дворянство и «ротюра», возглавляемые королем, пользующимся неограниченной властью. За кажущейся стройностью и простотой этой схемы, однако, скрывалась сложная социальная реальность, спутанный клубок классовых соотношений. По известному определению Ф. Энгельса, в истории существуют периоды, когда «государственная власть на время получает известную самостоятельность… Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга; таков бонапартизм…» В этой формулировке чрезвычайно важны слова – «на время», ибо долго длиться эта кажущаяся межклассовая посредническая роль власти не может; и крайне существенно, что государство уравновешивает друг против друга *дворянство* и *буржуазию,* что почти столь же иллюзорно, как «уравновешивание» бонапартизмом буржуазии и пролетариата.

Однако буржуазия и в XVII в. была классом эксплуататорским, поэтому некоторое сближение ее с дворянством под сенью абсолютизма было возможно. Общей основой была беспощадная эксплуатация трудовых народных масс.

Подавляющее большинство населения Франции (до 12 млн. человек) составляло крестьянство, разоренное войнами, поборами, вторжением вражеских войск и мародерством своих армий. Кроме небольшой прослойки менмортаблей (они сохранялись преимущественно на монастырских землях), остальные крестьяне были свободными, хотя их личная независимость сочеталась с зависимостью земельной. И если к середине XVI в. около половины всей земли во Франции (от 30 % до 80 % в различных провинциях) обрабатывалась крестьянами-цензитариями, то эта земля не принадлежала им юридически, а только находилась в их держании на правах обусловленной платежами наследственной цензивы. Другие земли обрабатывались на началах краткосрочной или длительной аренды. Правовое положение цензивы рассматривалось фиском как собственность лишь с корыстной целью, так как собственность подлежала обложению; арендатор на срок свыше девяти лет приравнивался к цензигарию и тоже облагался как собственник.

При этом «собственники» земли должны были уплачивать, кроме королевских налогов на собственность и личного налога, также повинности и поборы помещику – действительному собственнику, и, хотя юридически они уже не были «облагаемы податью и барщиной по произволу» (термин средневековой юриспруденции), все же сеньоры постоянно пытались увеличить эти поборы и повинности. В своем стремлении побольше выжать из крестьян сеньоры извлекали из забытья давно изжившие себя поборы, взимая особую плату за проезд и проход по дорогам, пересекающим их владенья, и бродам на их реках и речках. Сломив самоуправство дворян и лишив их власти, Ришелье сохранил за ними их привилегии и не мешал им укреплять свои экономические позиции за счет крестьян.

Помимо прямых налогов (тальи и капитации) крестьяне уплачивали еще косвенные налоги на предметы широкого потребления, в первую очередь на соль, вино и табак. Особенно тяжело ложился на крестьян соляной налог габель. Закон обязывал население покупать определенное количество соли на человека для еды, а на все прочее – не иначе как сверх того, и если крестьянин осмеливался затратить щепотку столовой соли на засол мяса, его ждали самые суровые кары. При этом отсутствие государственного единства сказывалось для населения разными ценами на соль: в областях «большой габели» (Иль-де-Франс, Шампань, Бургундия, Нормандия, Пикардия, Мэн и Турень) за нее должны были платить до 55–60 ливров за квинтал, в областях «малой габели» – 28 ливров, в «откупившихся» – 9 ливров и в «свободных» областях – от 2 до 7 ливров за квинтал. «Стрелки габели»-соляные пристава, врывавшиеся к крестьянам в дом в поисках контрабандной соли, – были в их жизни немалой помехой и тяготой.

Невозможность или, во всяком случае, затруднительность восстановления сельского хозяйства после войн, прошедших по живому телу Франции, неумолимость фиска и сеньоров, требовавших своевременной уплаты взносов и добивавшихся их уплаты всеми способами, вплоть до продажи с молотка сохи и рабочего скота крестьянина (хотя это и запрещалось законом еще со времен Генриха IV), привели к значительному росту

крестьянской задолженности; сверх платежа налогов государству и ценза сеньору крестьяне оказались вынуждены уплачивать тому же сеньору или ростовщику в качестве процентов за ссуду еще сверхценз, зачастую не меньший, чем основной взнос. В 40-х годах XVII столетия, таким образом, крестьянство Франции оказалось в положении худшем, чем в начале века.

Крестьяне, как правило, жили в деревянных хижинах, отапливавшихся «по-черному», без трубы и без окон (тем более, что окна облагались налогом)[206], одевались в грубую домотканую одежду, в зимнюю стужу надевали деревянную тяжелую обувь – сабо; их поля по преимуществу обрабатывались примитивными самодельными орудиями. Небольшая группа крестьян позажиточней выделялась в их среде, образуя прослойку так называемых «землепашцев» (laboureurs); остальные искали выхода в домашних кустарных промыслах, дополняя занятие сельским хозяйством работой на городского скупщика.

Налоги, поступавшие с крестьянства в королевскую казну, шли на содержание армии, королевской администрации и двора. И, поскольку доступ к командным должностям в армии, к руководящим постам в администрации и тем более ко двору был открыт только дворянам, налоговые поступления шли в первую очередь – не говоря уже о прямых сеньориальных поборах – тем же дворянам. Следует отметить, что высшие должности в иерархии католической церкви тоже были привилегией дворянства: туда, как правило, устремлялись младшие сыновья дворянских семей, и высокий церковный сан обычно сопутствовал знатному титулу.

Население городов Франции состояло из торговой и денежной верхушки, к которой примыкали зажиточные ремесленники, цеховые мастера. Они составляли привилегированную прослойку буржуазии, пользующуюся некоторыми правами, начиная от права быть избранными в городское самоуправление и кончая правом откупиться от габели. Они отстаивали свое привилегированное положение, отказывая в нем представителям «механических искусств» – цеховым подмастерьям и ученикам, образующим городское плебейство. Ниже их была деклассированная беднота, разоренные крестьяне, бежавшие в город и здесь работавшие поденщиками, чернорабочими, носильщиками или просто нищенствовавшие.

Экономическое значение имели главным образом приморские города: Марсель, Бордо, Нант, Сен-Мало, Гавр, которые вели заморскую торговлю. Что касается внутренней торговли Франции, то она все еще была затруднена внутренними границами – наследием былой феодальной раздробленности Франции. Наличие областей с разными системами мер и веса, с разными экономическими правами и положениями – старой Франции и провинций, «почитаемых чужими», пользующихся торговыми и таможенными привилегиями по недавним договорам о их присоединении к Франции, или наоборот, отделенных от нее таможенными барьерами, оставшимися от прошлого, – все это мешало развитию единого внутреннего рынка страны. Ища приложения своим капиталам, буржуазия, как и раньше, вкладывала их в откупа налогов[207]. То же наблюдалось и в меньшем масштабе: какой-нибудь деревенский богатей откупал у разорившегося сеньера баналитет на один год или на несколько лет или другие виды сеньериальных доходов, обеспечивая себе прибыли за счет своих односельчан.

---

[206] До первых десятилетий XX в. во Франции можно было видеть в сельской местности дома с разрезной дверью: верхняя деревянная половина откидывается, впуская свет в помещение.

[207] G. R. Treasure. Seventeenth Century France. London, 1966.

Трапеза крестьян. Картина Ленена.

Другим способом вложения денег была покупка поместий. Буржуа приобретал землю разорившегося феодала со всеми правами, связанными с нею, вплоть до пользования титулом владельца и поборами с крестьян. Права эти подтверждались королевским патентом, и буржуа-землевладелец через некоторое время «одворянивался» – хотя родовые дворяне не считали его своим и он не имел, например, права устанавливать над своим домом флюгер.

Можно было также вкладывать деньги в государство, приобретая для себя и своих потомков должности, дающие право войти в так называемое «дворянство мантии», идущее по значению после «дворянства шпаги». Такие должности покупались за сумму от 30 до 100 тыс. ливров[208], но обеспечивали потом доход (не считая выгоды стоять близко к правительственным и государственным постам); они могли передаваться по наследству, как всякое другое имущество; правительство лишь взыскивало с этого наследства особый налог, именуемый «полетта».

* * *

К концу правления Ришелье и Людовика XIII Франция могла продолжать свое участие в войне лишь с чрезвычайным финансовым напряжением. Поэтому с самого начала царствования малолетнего Людовика XIV (за которого правила его мать Анна Австрийская, объявленная регентшей королевства, а фактически ее фаворит и первый министр кардинал

---

208 R. Mousnier. La venalite des offices sous Henri IV et Louis XIII. Paris, 1945.

Джулио Мазарини) повторились те же трудности, что и после смерти Генриха IV. Война еще длилась, а при дворе уже образовалась группка знати (включающая ближайших родственников короля – его дядю Гастона Орлеанского, принцев Конде и Конти, герцога Бофора и Гонди), пользующаяся слабостью регентши, чтобы потребовать от нее наград и пенсий, а заодно и удаления Мазарини от власти. С этим преемнику кардинала Ришелье удалось справиться довольно легко: часть претензий одних была удовлетворена, других отправили в ссылку, и вельможи на некоторое время притихли.

Гораздо сложней было справиться с народом: разоряемые солдатскими постоями, сборщиками налогов и откупными приставами, крестьяне не могли и не хотели больше терпеть: после Ришелье народные бунты продолжались – весной 1643 г. произошел мятеж в Руэрге, а вскоре восстания перекинулись на другие провинции, в Гиень-и-Гасконь, Сентонж, Ангумуа и Пуату. Часть повстанцев уходила в горные и лесистые местности; другие, вернувшиеся в свои хижины, отсиживались, не подавая признаков бунта, но и не уплачивая накопившихся недоимок [209]. Волнения продолжались также в Лангедоке, Провансе и Турени, они волнами перекатывались с запада на восток и с юга на север страны.

Из правительственной переписки эпохи видно, как были озабочены правящие круги проблемой локализации беспорядков, как пробовали умиротворить страну, где незначительными уступками, где террором. Местами провинциальные парламенты шли навстречу требованиям народа и издавали постановления об отсрочке или сокращении платежей, но это еще больше способствовало возбуждению крестьян, уверенных в том, что сами власти на их стороне, против откупщиков и сборщиков налога. Усмирение также далеко не всегда приводило к ожидаемым результатам, ибо зверства усмирителей, вызывая ожесточение крестьян, толкали их на еще большее сопротивление.

Волнения не ограничивались деревней, известны непрекращающиеся бунты в городах Франции: в 1643 г. (история отмечает и много более ранних городских восстаний, но мы начинаем отсчет заново, от избранного рубежа) в том же Вильфранше (Руэрг), где городское плебейство поддержало крестьянское восстание, в Ножане (Гиень-и-Гасконь), Сан-Сальвадоре (Гиень-и-Гасконь), Иссуаре (Овернь), Туре (Турень), Анжере (Анжу), Ангулеме (Ангумуа); в 1644 г. – в Марселе (Прованс), Арле (Прованс), Романе (Дофине), Балансе (Дофине), Даксе (Беарн); в 1645 г. в Монпелье (Лангедок), Безье (Лангедок), Манде (Жеводан) и, наконец, в Бове (Иль-де-Франс), меньше 20 льё к северу от столицы Франции. Но и эти восстания городской бедноты были лишены организующего центра, оставались спорадическими разрозненными вспышками и каждый раз подавлялись городской буржуазной стражей, правительством, а то и дворянским ополчением.

В 1645 г. волнения перебросились на Лангедок, где к социальным корням народного движения прибавлялись религиозные: на юге Франции жило много гугенотов, и они надеялись воспользоваться переходом власти в руки нового малолетнего короля, чтобы попытаться хотя бы силой восстановить свои права, урезанные при Ришелье. Впрочем, в лангедокских волнениях участвовали и «дурные католики».

Волна этих осуществившихся или только назревавших, но подавленных в зародыше, волнений, бунтов и восстаний, острый дефицит бюджета и голод во многих провинциях заставили правительство срочно менять как внутреннюю, так и внешнюю политику. Пришлось временно ослабить налоговый пресс, давивший народ, даровать некоторые поблажки типа отсрочки или снятия платежей и вместо этого обратиться к тактике «выжимания губок», отдавая откупщиков под суд за «злоупотребления» (еще вчера не только терпимые, но и поощряемые) и экспроприируя их богатства. Другим способом извлечения средств был нажим на «дворянство мантии»: распродажа новых должностей, взыскание «полетты» вперед и т. п. Этих средств, однако, для ведения войны не хватало. А, кроме того, Франции вообще мир был необходим, так как правительство опасалось «дурного

---

[209] См.: Б. Ф. Поршнев. Народные восстания…; см. также: E. Bonnemere. Histoire des paysans, t. II, p. 35.

примера» английских событий (успешной борьбы Долгого парламента против Карла I): боялись, что под их влиянием отдельные восстания перерастут во всефранцузскую революцию. Поэтому Мазарини уже в 1645 г. поручил французской делегации на мирных переговорах в Мюнстере выдвинуть лишь самые умеренные требования.

Однако еще прежде, чем мир был подписан, во Франции разразились события так называемой Фронды – серьезнейшего кризиса, потрясшего всю государственную систему феодально-абсолютистской Франции.

Историки условно делят Фронду (дословно – «праща») на два этапа – «старая», или «парламентская» Фронда (1648–1649), и «новая», или «Фронда принцев» (1650–1653).

Фронда началась с того, что парижский парламент, с одной стороны, обиженный финансовым нажимом на «дворянство мантии» и, с другой, побуждаемый примером Англии, выступил 13 мая 1648 г. против финансовых эдиктов Мазарини. Парламент Парижа, представлявший собой, как и все парламенты Франции, только судебное учреждение, обладавшее правом регистрации новых законов, отказался зарегистрировать создание новых судейских должностей. Но, кроме этого, парламент выдвинул широкую программу реформ, напоминавшую программу Долгого парламента в Англии: введение налогов только с согласия парламента, запрещение произвольных арестов и т. п.; он потребовал также отмены института интендантов, как бесконтрольных агентов правительственной тирании, введенных только при Ришелье и чуждых духу и законам Франции. Было также предъявлено требование удалить от власти ненавистного народу сюринтенданта финансов д'Эмери, с именем которого было связано представление о непосильных поборах. Регентша ответила на эти требования заявлением, что «эта сволочь (canaille) оскорбляет королевское величие»[210]. Но двору пришлось маневрировать: Эмери был выслан в свои поместья, была обещана отмена интендантов. Двор лишь запретил совместные заседания палат парламента, но они продолжались.

Воспользовавшись тем, что победа принца Конде при Лансе временно подняла авторитет правительства, Мазарини попытался перейти в наступление на оппозицию и приказал арестовать двух видных членов парламента (в том числе советника Брусселя 73 лет), и 26–27 августа 1648 г. парижский народ ответил на это баррикадами, на которых буржуа боролись вместе с простонародьем против войск правительства[211]. Мазарини был вынужден распорядиться об освобождении задержанных и даже вступить в переговоры с парламентом, пообещав принять ряд его требований.

Одновременно он дал указания французской делегации в Мюнстере подписать мир во что бы то ни стало; и, хотя по условиям Вестфальского договора 1648 г. Франция получила Эльзас (без Страсбурга) и за ней был признан суверенитет над принадлежавшими ей уже 100 лет Мецом, Тулем и Верденом в Лотарингии, это скромное достижение и в малой мере не соответствовало военному превосходству Франции и Швеции над Империей (Германией)[212]. Но Испания, хотя и ослабленная, отказалась подписать мир с французской монархией, рассчитывая, что последняя вскоре рухнет в пожаре внутренней смуты.

Вскоре после подписания Вестфальского мира правительство и двор бежали из Парижа. Войска Конде, вернувшиеся с войны, осадили мятежную столицу; со своей стороны, парламент и парижане приготовились защищаться. Парламент провел самообложение, конфисковал имущество сторонников двора и на эти деньги организовал и вооружил армию защитников города. Парижане держались в течение трех месяцев; некоторые провинции –

---

210 Voltaire Histoire du Parlement de Paris. – «Oeuvres completes», t. XXX, Paris, 1785, p. 313.

211 Р. В. Лившиц. Народное восстание в Париже в 1648 году. – «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 68.

212 См. Б. Ф. Поршнев. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М. 1970.

Гиень, Нормандия, Пуату – поддерживали их; крестьяне вооружались и нападали на правительственные войска.

Однако во время осады Парижа обнаружилось расхождение между народом и буржуазией: беднота требовала мер против хлебных спекулянтов и этим пугала буржуазию. Пугала ее и возможность углубления классовой борьбы «по английскому образцу» – особенно после получения в феврале 1649 г. известий о казни Карла I. Поэтому парламент вступил в переговоры с правительством и 15 марта 1649 г. огласил договор о своем примирении с двором. Королева и Мазарини торжественно въехали в Париж.

Но вскоре Фронда, преданная парижским парламентом, возобновилась снова; на этот раз кучка вельмож, обиженных Мазарини, попыталась использовать в личных целях недовольство масс. Принц Конде потребовал вознаграждения за осаду Парижа; в ответ Мазарини арестовал его и многих его родных. Это вызвало возмущение народа, продолжавшего ненавидеть временщика, и Мазарини вновь пришлось бежать из Парижа. Под давлением народа парижский парламент объявил его вне закона. Парламент Бордо поддержал парижан.

Но население Бордо пошло значительно дальше: там было создано нечто вроде демократического республиканского правительства, которое вступило в переговоры с английскими левеллерами и в своей программе использовало некоторые из их идей. Однако, не встретив поддержки со стороны Кромвеля, который к тому времени все больше порывал с революцией, превращаясь в «лорда-протектора», изолированное бордосское движение было подавлено правительственными войсками.

Тем временем войска принцев в деревне расправлялись с мятежными крестьянами с не меньшей жестокостью, чем войска правительства: социальных различий между фрондерами и сторонниками Мазарини не было. Поэтому война легко закончилась тем, что Мазарини договорился с мятежными вельможами, купив их подачками. 12 октября 1652 г. кардинал-министр вернулся в Париж, укрепив свое положение и могущество. Однако требования феодальной Фронды правительству пришлось принять. Если не сразу, то исподволь абсолютизм во Франции начал все больше превращаться в покровителя феодальной реакции 50-70-х годов.

Абсолютная монархия во Франции продолжала выступать как кажущаяся посредница между буржуазией и дворянством. Для абсолютизма XVII в. характерны: а) стремление правительства повысить доходы дворянства, перенося тяжесть государственного обложения с деревни на торговлю и промышленность (одновременно при этом приходилось содействовать росту этой промышленности – отсюда покровительство промышленникам и торговым кампаниям); б) попытки вырвать из рук финансистов их доходы, что сталкивалось с необходимостью опираться на этих финансистов, чтобы время от времени укреплять режим, несколько раз оказывавшийся на грани государственного банкротства; в) борьба против «дворянства мантии», засевшего в парламенте, при одновременной опоре на бюрократический аппарат, в том числе на интендантов на местах. Этот противоречивый курс на безмерное возвышение дворянства обусловил углубление внутренних противоречий абсолютизма.

Стабилизация французского абсолютизма при Людовике XIV

В 1659 г. война с Испанией закончилась Пиренейским миром. Когда в марте 1661 г. умер Мазарини, ставший за годы своей диктатуры одним из богатейших людей Франции, двадцатидвухлетний король Людовик XIV объявил, что отныне он сам будет своим премьер-министром. В течение 54 лет он лично занимался вопросами внешней и внутренней политики государства, опираясь на государственных секретарей, и особенно на генерального контролера финансов. С точки зрения крайней централизации власти XVII век во Франции можно действительно называть «веком Людовика XIV», которого придворная историография льстиво нарекла «королем-солнцем». Его правление, характеризовавшееся

невиданным блеском и роскошью аристократической верхушки, громкими военными победами в начальный период и катастрофическими поражениями в конце, покровительством наукам и искусствам и жестокими преследованиями свободной мысли, ликвидацией последних остатков прав гугенотов, осуществлялось за счет крайнего напряжения финансов и неоднократно приводило королевство в крайне опасное положение.

Производительные силы страны были поставлены на службу паразитирующему классу дворян. Даже многие одворянившиеся буржуа были лишены своих приобретенных титулов и привилегий и обложены новым повышенным взносом; это рассматривалось как увеличение престижа дворян. Однако дарование дворянского звания служило источником повышения государственных доходов, и финансовое ведомство неоднократно возвращалось к этому способу поправки дел. Так, в 16–96 г., когда казначейство остро нуждалось в деньгах, Людовик XIV возвел в дворянское звание пятьсот буржуа по 6000 ливров с головы. Однако уже в 1715 г. правительство аннулировало все дворянские патенты, выданные после 1689 г., и снова пустило их в продажу.

С самого начала своего правления Людовик XIV, опасаясь новой Фронды, повел решительную борьбу против парламентов, пытаясь лишить их политических и экономических привилегий. Так, он ограничил их право подачи возражений при регистрации новых законов; одновременно было регламентировано право судей на поборы с тяжущихся, зафиксированы предельные суммы и случаи, допускающие или запрещающие взимание подобных сумм. В 1668 г. Людовик лично явился в парижский парламент, потребовал предъявления книги протоколов и сам вырвал из нее все листы, относящиеся к делам Фронды (чем, кстати, значительно затруднил последующие разыскания историков).

Людовик XIV хотел затушить все воспоминания о Фронде, и даже выехал из Парижа, ставшего ему ненавистным, в заново построенную роскошную резиденцию Версаль, возведение которой потребовало огромных денежных затрат (до 500 млн. ливров) и немалых человеческих жертв. Так, известно, что только на постройке водопровода, предназначенного для знаменитых версальских каскадов и фонтанов (потому что марлийский водопровод был недостаточен), в течение трех лет было занято 22 тыс. солдат и 8 тыс. каменщиков. Работы обошлись в 9 млн. ливров, в 10 тыс. человеческих жизней и были заброшены не доведенными до конца [213].

В Версале вокруг персоны короля устанавливается строжайший, почти ритуальный этикет. Его покой и безопасность охраняет гвардия в 10 тыс. кавалеристов и пехотинцев; количество слуг всех рангов доходит до 4 тыс. человек. В число этих слуг входит и высшее дворянство страны. Среди должностей есть такие, как «ординарный хранитель галстуков короля» и «капитан комнатных левреток»[214]. При дворе существует культ короля: его утренний подъем, его туалет, завтрак и т. п. совершаются публично, присутствовать при этом, а тем более священнодействовать, подавая Людовику утром сорочку или неся перед ним вечером свечу (эти права оспариваются принцами крови), считается высшей честью, к которой допускаются только избранные.

Не желая возникновения новых выступлений аристократов, король предпочитает постоянно видеть их при своем дворе. Поэтому вечерами в Версале происходят грандиозные празднества: Людовик любит пышность и требует ее от своих придворных. Балы и костюмы, усыпанные драгоценностями, разоряют их, тем самым они начинают все больше зависеть от милостей и щедрот короля. И он их осыпает наградами, платит их долги, дарит им деньги на карточную игру за королевским столом, награждает их синекурами. Честь стать королевской любовницей оспаривается знатнейшими дамами страны; при дворе существуют партии той или иной фаворитки, и ее родственники, близкие и друзья делают карьеру.

---

213 *A. Rambaud.* Histoire de la civilisation francaise, t. II, p. 5.

214 V-te *de Broc.* La Franc sous l'Ancien Regime. Le gouvernement et les institutions. Paris, 1887, p. 49.

В отношении провинциального дворянства Людовик вел двойственную политику: позволяя им усилить нажим на крестьян и даже сокращая государственную талью, чтобы могли возрасти сеньориальные поборы, он в то же время боролся со всяким проявлением феодального самовольства и сепаратизма. Выездные судебные сессии были направлены в 1665 г. в наиболее глухие провинции (Овернь. Веле) для расследования бесчинств, творимых местным дворянством. Несколько особо злостных нарушителей законов, пытавшихся сохранить средневековые навыки рыцарей-разбойников, были казнены; бежавших от королевского правосудия судили заочно, причем большая часть была присуждена к смертной казни, их замки были разрушены и леса срублены. Но, конечно, Людовик оставался королем дворян: достаточно было преступнику-дворянину выразить покорность и поступить на королевскую службу, чтоб он был восстановлен в правах. Но основным правом и даже долгом дворянина продолжало оставаться безделье: какое бы то ни было занятие сельским хозяйством, промышленностью или торговлей считалось унижением. Дворянин, опустившийся до этого, исключался из своего сословия и мог быть восстановлен в нем только королевской реабилитационной грамотой.

Людовик XIV. Гравюра Б. Л. Анрик по рис. Х. Риго

Снижение государственных налогов на крестьянство заставило правительство искать новых источников дохода – эта задача была возложена на генерального контролера финансов Жана Батиста Кольбера (1619–1683).

Буржуа по происхождению Кольбер был преданным слугой абсолютизма; в своем

стремлении укрепить его финансовое положение Кольбер проводил политику покровительства и поощрения зарождавшейся капиталистической промышленности и торговли. Однако это могло дать результаты лишь много поздней, а вначале еще увеличило расходы государства: крупные мануфактуры, насаждавшиеся Кольбером, на первых порах были не жизнеспособны и могли существовать только благодаря субсидиям и поддержке казначейства. Эдиктом короля с 1664 г. для этой цели ежегодно назначается 1 млн. ливров. Но для этого Кольбер был вынужден в несколько раз увеличить косвенные налоги и от политики «выжимания губок» снова переходить к политике займов у откупщиков. Людовик XIV оказался вынужден даже заискивать перед откупщиком буржуа Бернаром. Несколько раз за время правления Людовика для пополнения опустевшего казначейства приходилось пускать в переплавку золотую и серебряную утварь дворца, конфискуя заодно ее запасы у придворных: в 1688 г. подобная операция уничтожила произведений ювелирного искусства на сумму в 10 млн. ливров, превращенных в 3 млн. ливров в деньгах[215].

Постоянная нужда в деньгах определила экономическую политику Кольбера: изыскивая средства, он пытался осуществить на практике меркантилистские теории активного баланса. Чтобы избавить Францию от импорта и, наоборот, обеспечить ей прилив средств из-за рубежа, он поощрял создание во Франции мануфактур – в первую очередь по производству предметов роскоши: зеркал – по венецианскому образцу, чулок – по английскому, тонких сукон – по голландскому и т. п. Мануфактура голландца Ван Робэ в Абвиле на северо-западе Франции была по тому времени огромным предприятием, на котором работало свыше 6 тыс. человек; на лионских шелкоткацких заведениях выпускалось около половины всех потребляемых во Франции шелковых тканей; в Алансоне (Нормандия) возникло производство кружев, пошлина на экспорт которых приносила значительные средства финансовому ведомству Кольбера. Но одновременно росла и промышленность, связанная с военным делом: из Англии тайно вывозились мастера, знакомые с производством стали, и в Сент-Этьене (Лионнэ) началось производство оружия, в Вьен (Лионнэ) была построена большая сталелитейня.

Кольбер покровительствовал также торговле: при нем был прорыт Лангедокский (или Южный) канал, соединяющий Атлантический океан с Средиземным морем и начата постройка канала, ведущего от Сент-Омера (Артуа) к Кале. Одновременно прокладывались новые дороги и расширялись старые. Была уничтожена часть внутренних таможен. Для развития экспорта товаров были созданы привилегированные торговые компании, основывались колонии. Но монопольные компании и колонии чахли и далеко не полностью давали Франции ожидаемые экономические блага.

---

[215] Voltaire. Siecle le Louis XIV. – «Oeuvres», ed. 1785, t. XXIV, p. 185.

В мастерской сапожника. Миниатюра Б. Абрагама

При всех перечисленных судорожных попытках улучшить финансовое положение Франции самыми различными и порой взаимно противоречащими методами королевский фиск всегда имел к своим услугам один вечный источник; давление на трудящиеся массы страны. Поэтому планы сократить налоги постоянно пересиливались введением новых налогов, выжимавшихся из народа всеми возможными способами. Народ, доведенный налогами фиска, поборами сеньеров, насилиями сборщиков и голодом до отчаяния, отвечал новыми восстаниями.

В конце 50-х годов пограничная с Испанской Фландрией область Булоннэ откупилась от постоя войск, но после заключения Пиренейского мира 1659 г. фиск ввел новый теперь уже постоянный налог на область. Делегация, отправленная к королю с ходатайством об отмене налога, вернулась ни с чем, и в 1662 г. крестьяне Булоннэ, создав вооруженный отряд численностью до 6 тыс. человек, подняли восстание. Правительство выслало войска для его подавления; произошел бой, при котором крестьяне сражались с яростью отчаяния, потеряв около 600 человек убитыми и ранеными. Число взятых в плен составило 3 тыс. человек. Из Парижа было прислано заранее заготовленное судебное решение: осуждено должно быть 1200 человек, из них часть – к колесованию и повешению, а 400 «наиболее здоровых» надлежало отправить гребцами на галеры пожизненно[216].

В 1664 г. поднялась южная область Ланд из-за введения нового налога на соль. Локальный бунт вскоре разросся в крестьянскую войну, известную под названием «восстания Одижо» (от имени ее вождя, небогатого дворянина Бернара Одижо,

---

[216] См.: *Б. Ф. Поршнев.* Народные восстания во Франции при Кольбере. – «Средние века», вып. II, 1946; *E. L. Asher.* The Resistance to Maritime Classes. The Survival of Feudalism in the France of Colbert. Berkley, 1960.

примкнувшего к крестьянам). Это восстание охватило Беарн и Гасконь, и правительству удалось его подавить лишь ценой огромных усилий. За голову самого Одижо были назначены награды – сначала 1200 ливров, потом 1200 экю; захваченных повстанцев не брали в плен, а беспощадно казнили, но и при этих условиях население его не выдало. Лишь в декабре 1665 г. ему пришлось уйти от преследовавших его войск в Испанию, и движение пошло на убыль. Ландам пришлось подчиниться габели. Одижо еще в течение 10 лет временами повторял набеги на Гасконь, всюду восторженно встречаемый населением. В 1675 г. правительство предпочло амнистировать его и дать ему в командование полк драгун; так было обезглавлено опасное движение.

В том же 1664 г., когда произошло восстание в Ландах, волновалась и полунищая область Берри – из-за введения налога на вино. Волнения были подавлены лишь после казней и отправки части захваченных на галеры.

В 1668 г. вспыхнуло восстание из-за введения габели в пограничной области Руссильон. Почти одновременно с руссильонскими событиями происходило восстание в Виварэ, известное под названием «восстания Рура» (также от имени вождя восстания Антуана Рура, принявшего звание «генералиссимуса угнетенного народа»). Восстание началось из-за слуха, будто налогами будут облагаться каждое новое платье, обувь или рубаха, каждый купленный фунт хлеба, рождение каждого нового ребенка; в этом, очевидно, отразились попытки Кольбера начать именно в 1670 г. сбор статистических сведений по Франции[217] и страх населения перед любым актом абсолютистской власти. Восстание быстро разрослось: армия Рура достигла 10 тыс. человек, и власти не смогли мобилизовать местного ополчения против мятежников. После разгрома движения Рура значительными силами правительственных войск было казнено свыше 100 человек и на галеры отправлено около 600.

В 1675 г. восстания вспыхивают почти одновременно в Бордо и в Бретани[218]. Бордосское восстание временно даже увенчалось победой народа: парламент именем короля отменил все новые налоги; из Парижа были вынуждены подтвердить эту меру. Но, как только правительство смогло собраться с силами, начались казни, и цитадель Бордо была перестроена так, чтобы держать под обстрелом сам город.

Бретань попыталась откупиться от введения гербовой бумаги и налога на табак. Приняв этот взнос, правительство все же ввело налог; население ответило восстанием. Это было одно из самых грандиозных крестьянских антифеодальных возмущений XVII в.: крестьяне выдвинули обширную программу требований; крупные города Бретани – Нант, Ренн и др. – поднялись в свою очередь. Бретонское восстание было подавлено правительственными войсками со страшной жестокостью. Кроме казней, население было наказано постоем войск, которым было Предоставлено право бесчинствовать, как в завоеванной стране.

После 1675 г. восстания идут на убыль: абсолютизм победил, Франция была обескровлена и устрашена. Отныне можно было заняться внутренними делами первой очереди.

Одним из таких первоочередных дел для Людовика XIV явилась ликвидация прав протестантов (гугенотов), дарованных им Нантским эдиктом при Генрихе IV в 1598 г. и подтвержденных при Ришелье в 1629 г. Еще в 1665 г. началось наступление на их права: гугенотов побуждают перейти в католичество; новообращенным разрешается не платить долгов их бывшим единоверцам; их освобождают от постоя войск и на два года от взноса

---

[217] *E. Esmonin.* Donnees statistiques sur le regne de Louis XIV. Etudes sur la France du XVII e siecle, Paris, 1964, p. 241–246.

[218] *Б. Ф. Поршнев.* Восстание в Бордо в 1675 г. – «Доклады и сообщения ист. ф-та МГУ», 1945, № 2; он же. Цели и требования крестьян в бретанском восстании 1675 г. – «Труды МИФЛИ», т. VI, стр. 42-118; *Я. С. Елманова.* Народное восстание 1675 г. в Бретани. Автореферат канд. дисс. М., 1968; *Н. С. Трескина.* Плебеи и буржуа в восстании городов Бретани в 1675 г. – «Французский ежегодник 1964». М., 1965.

налогов. В 1677 г. открывается «касса обращения», и каждому перешедшему в католичество уплачивается премия: дворянину до 3000 ливров, а простолюдину в размере 6 ливров. В 1681 г. дается разрешение обращать в католичество детей в возрасте от семи лет, и их начинают силой отнимать от их упорствующих родителей. Гугенотам запрещается состоять на государственной службе, заниматься финансовой деятельностью, быть юристами, врачами, учителями, цеховыми мастерами. Наконец, им запрещаются похороны – они могут хоронить своих покойников только ночью и втайне. В 1684 г. в Беарне, Лангедоке, Пуату – местностях, где большинство населения принадлежало к «R. P. R.» (religion pretendue reformee – «религия, именующая себя реформированной» – официальный термин эпохи), – размещаются «миссионеры в сапогах», т. е. на постой ставят драгунов, позволяя им всеми способами, вплоть До насилий над женщинами и пыток в домашней обстановке, обращать жителей в католичество. Католическая реакция все усиливалась, и наконец в 1685 г. был опубликован завершающий «Эдикт об отмене Нантского эдикта», после чего драгонады еще усилились; галеры и тюрьмы были переполнены гугенотами. За время преследований с 60-х годов около 400 тыс. человек протестантов, особенно из числа ремесленников, ушло за границу, укрепляя экономику Англии, Голландии, Женевы и Пруссии.

В 1702 г. в Лангедоке вспыхнуло крупное восстание крестьян и городских низов, выдвинувших требование отмены налогов, равенства благ и свободы совести. Это восстание, вошедшее в историю под именем движения камизаров[219], начатое угнетенными гугенотами, вскоре распространилось за пределы Лангедока и было поддержано общим сочувствием трудящихся юга Франции. Только этим можно объяснить, что восставшие смогли захватить города Ганж, Предель, Сен-Лоран, 30 дворянских замков, разрушить около 200 католических церквей и продержаться против отлично вооруженных правительственных войск свыше двух лет. Лишь осенью 1704 г. 25-тысячная королевская армия под командой маршала Виллара, отозванная с театра военных действий во Фландрии и подкрепленная дворянским ополчением, смогла подавить восстание. После этого правительству пришлось сочетать репрессии с уступками: снизить в Лангедоке налоги, пустить в продажу дешевую соль и снять недоимки. Но вспышки происходили еще в 1709 и 1715 гг.[220]

Покончив с гугенотами, впавший в ханжество Людовик XIV обрушился с репрессиями на идейное движение янсенистов, остававшееся в главном верным католической церкви, но искавшее синтеза с реформацией и с научным мышлением. Начались ссылки, аресты и преследования янсенистских епископов и священников, внесшие новую смуту в жизнь Франции.

****

После заключения в 1659 г. Пиренейского мира с Испанией одной из задач абсолютистского правительства была перестройка армии и флота. До середины XVII в. у Франции почти не было своих кораблей; в 1661 г. пришлось закупить в Голландии 32 фрегата, вооружив их пушками, отлитыми на амстердамских пушечных заводах. Но уже к 1677 г. усилиями Кольбера была создана кораблестроительная промышленность и Франция смогла спустить на воду собственный флот, состоявший более чем из 300 кораблей. Впрочем, уже к началу XVIII в. из-за истощения финансов и невнимания правительства Франция снова лишилась флота; в 1705 г. все верфи и готовые корабли были переданы в руки частных лиц, арматоров и корсаров, и казначейство выговорило себе лишь пятую часть

---

219 От camisa – рубашка: якобы, приходя в какую-нибудь местность, повстанцу забирали у жителей чистое белье (рубахи), оставляя им взамен старое.

220 См.: *А. И. Коробочко.* Восстание камизаров (1702–1705). – «Средние века», вып. III, 1951; С. *Almeras.* La revoke des Camisards. Paris, 1959.

прибыли.

Несколько лучше удалась перестройка армии: было введено единообразие вооружения (курковое ружье со штыком вместо прежнего фитильного мушкета и копья), внедрена артиллерия, созданы артиллерийские подразделения, роты гренадер и саперные отряды, упорядочена система снабжения, обмундирования и пополнения армии. Немалую «помощь» оказал голод, систематически разорявший страну: голодающие охотно шли в солдаты, где надеялись быть сытыми. Командный состав армии пополнялся дворянами, имевшими достаточно средств, чтобы купить роту или полк. Продажа чинов капитана и полковника по-прежнему оставалась одним из источников дохода для фиска.

После окончания Тридцатилетней войны, значительно ослабившей угрозу немецкой габсбургской агрессии, Франция сама начинает претендовать на господство в Европе. С одной стороны, эти претензии подкреплялись активной дипломатией и субсидиями, которые Людовик XIV раздавал государственным деятелям и даже государям Европы. С другой стороны, со второй половины XVII в. политика абсолютистской Франции становится все более агрессивной.

Еще при заключении Пиренейского мира 1659 г. Мазарини включил в него пункт о браке испанской инфанты Марии-Терезии и молодого Людовика XIV. Мазарини стремился этим браком обеспечить права Франции на испанский престол; испанское правительство попыталось предотвратить это, потребовав отречения Марии-Терезии от всех последующих прав на испанскую корону. При этом, однако, испанская дипломатия дала вовлечь себя в ловушку, согласившись дать за инфантой приданое в 500 тыс. золотых экю, которых Испания не имела. Представитель Испании считал, что можно будет обещать приданое и этим обещанием ограничиться. Мазарини же сохранил за Францией предлог вооруженной рукой потребовать от Испании компенсации за невыплаченное приданое. В 1665 г. после смерти испанского короля Филиппа IV Франция потребовала от Испании уступки принадлежавших Испании Южных Нидерландов взамен невыплаченного приданого; ввиду отказа испанского правительства, Людовик XIV объявил Испании войну, названную «деволюционной» (от закона деволюции, косвенно подтверждавшего права Марии-Терезии по фламандскому наследственному гражданскому праву). Испания была к этой войне не готова; французские войска быстро и легко оккупировали часть Фландрии и Франш-Конте. Но победы Людовика встревожили Европу. Недавние союзники Франции – Англия, Голландия, Швеция – образовали антифранцузскую коалицию, и Людовику XIV пришлось не только срочно идти на заключение мира, но отдать столь легко завоеванную область Франш-Конте. По Ахенскому миру 2 мая 1668 г. Франция сохранила за собой лишь часть Фландрии, в том числе город Лилль.

После этого несколько лет ушло на дипломатическую подготовку последующих событий. Английский король Карл II был подкуплен щедрыми субсидиями. Шведское правительство тоже перешло на сторону Франции. Французский военный министр Лувуа сумел купить большие запасы оружия в самой Голландии, и летом 1672 г. Франция начала военные действия против нее. Французская армия быстро овладела провинциями Утрехт, Оверэйсел, Гелдерн и подходила к Амстердаму; голландское правительство пошло на переговоры, но Людовик XIV предъявил непомерные требования и тогда голландское командование решило открыть плотины, предпочтя затопить большую территорию, чем уступить неприятелю. Французская армия оказалась вынужденной отступить. Центр войны был перенесен в Пфальц (Южная Германия); при этом французские войска применили там принцип «выжженной земли», произведя страшную резню и опустошения среди мирного населения. Война была перенесена также в Сицилию, принадлежавшую испанской короне. В 1678 г. был заключен Нимвегенский мир, по которому Франция приобрела Франш-Конте и города Ипр, Валансьен, Камбрэ, Мобёж и другие в Южных Нидерландах.

Победы чрезвычайно высоко подняли престиж Франции, и Людовик мог диктовать свою волю европейским дворам. Он велел установить у подножья своей конной статуи фигуру, изображавшую реку Эльбу, которую он рассматривал уже как восточную границу

своих владений. Особые палаты, созданные им, выискивали всевозможные поводы и в мирное время присоединять ту или иную область соседней ослабленной Германии. Так, осенью 1681 г. был присоединен Страсбург, аннексированный 20-тысячным отрядом французских войск. Тогда же Людовик потребовал передачи Франции города Алост, принадлежавшего Нидерландам, мотивируя это тем, что его… забыли включить в мирный договор.

В 1684 г. император Священной Римской империи и испанский король по Регенсбургскому договору признали за Францией все ее приобретения. Но против Франции образовалась оборонительная Аугсбургская лига, состоявшая из Империи, Голландии, Швеции, Испании и других государств, которым угрожала Франция. К ним присоединилась в 1688 г. также и Англия, в связи с тем, что голландский штатгальтер Вильгельм III Оранский стал английским королем. К этому времени Франция снова вторглась в Пфальц, а также попыталась вернуть английский престол сыну Карла II Якову: на французских судах он прибыл в сопровождении свиты в Ирландию, но был там разбит. Объединенный англо-голландский флот разбил также французский флот; и, хотя французская сухопутная армия побеждала в Испании, Италии, Нидерландах и на Рейне, англичане с моря бомбардировали Дьепп, Гавр, Сен-Мало, Дюнкерк и Кале.

В конце концов, затратив на войну более 700 млн. ливров и доведя страну до нового голода, осенью 1697 г. Людовик XIV подписал Рисвикский мир, по которому Франция была вынуждена вернуть союзникам все захваченные ею территории, кроме нескольких пунктов на границе с Испанией и Страсбурга; но и в Страсбурге пришлось срыть укрепления, возведенные под руководством знаменитого инженера маршала Вобана. А кроме того Людовику XIV пришлось, отказавшись от ставки на Якова Стюарта, признать Вильгельма III королем Англии.

В 1700 г., после смерти последнего короля Испании из рода Габсбургов – Карла II, не оставившего наследников, Людовик XIV предъявил требование о передаче испанской короны его внуку, Филиппу Анжуйскому. Требование это основывалось на том же «деволюционном праве». Но на таком же основании предъявил свои требования германский император Леопольд I Габсбург, женатый на другой сестре покойного Карла И. В борьбу включились также Англия и Голландия, опасавшиеся перехода Испании под власть Франции, на что недвусмысленно претендовал Людовик XIV (ему приписывается изречение: «Нет больше Пиренеев», высказанное по поводу объявления им Филиппа Анжуйского королем Испании и своим наследником).

В 1701 г. разразилась война между Францией, поддержанной курфюрстами Баварии и Кельна, с одной стороны, и объединенной коалицией Англии, Голландии, Империи, с другой; впоследствии к ним присоединились еще Дания, Португалия, Савойя и Бранденбург, причем в рядах неприятельских армий против Франции дрались целые полки изгнанных или бежавших гугенотов. Военные действия происходили одновременно в Нидерландах, Испании, Италии, на берегах Рейна и на морях.

Франция потерпела в этой войне «за испанское наследство» ряд жестоких поражений на суше и на море, так что после разгрома французского флота под Малагой в марте 1705 г. Людовик XIV попытался вступить в переговоры о мире. Но условия мира, выдвинутые союзниками, показались французской монархии неприемлемыми; они были отвергнуты, несмотря даже на вторжение неприятельских армий во Францию и на появление из разъездов в окрестностях Версаля. Поэтому война продолжалась. Но после взятия Лилля неприятелем осенью 1708 г., после разгрома французской армии под командованием знаменитого Виллара у Мальплаке во Фландрии осенью 1709 г. положение Франции казалось безнадежным: казначейство было пусто, армию нечем было не только оплачивать, но даже кормить; внутри страны господствовал голод, и нечем было доставить зерно из портов Леванта и Африки. Новая переплавка золотой королевской посуды на деньги дала ничтожно мало, и Людовик XIV повторно запросил мира. Противники Франции предъявили ряд требований (в том числе изгнания Филиппа из Испании, уступки Фландрии и Эльзаса), и Франция была готова их

принять. Но изменение международной обстановки изменило и соотношение сил воюющих сторон. Антифранцузская коалиция ослабела в результате внутренних противоречий, и Франции удалось подписать «спасительный мир» с Голландией и Англией в апреле 1713 г. в Утрехте, и с Империей в марте 1714 г. в Раштатте: трон Испании сохранялся за Филиппом V (Анжуйским); но ему пришлось отказаться за себя и своих потомков от претензий на французскую корону.

С гегемонией Франции в Европе было фактически покончено. Война продемонстрировала всей Европе – и самой Франции в том числе – внутреннюю шаткость абсолютизма. Внешняя политика Людовика XIV стоила Франции 3 млн. человек (около 20 % населения Франции), огромного государственного долга (2,6 млрд. франков при годовых доходах в 117 млн. франков)[221], значительного обнищания страны.

Поэтому смерть Людовика XIV в 1715 г. после 54 лет правления была во Франции всеми воспринята с облегчением.

Колониальная экспансия

Начало колониальной экспансии Франции, как и других европейских государств, относится к рубежу XV–XVI столетий [222]. Но первоначально ее результаты были исключительно скромными и не могли идти ни в какое сравнение с результатами колониальной деятельности Испании и Португалии. Впрочем, французские мореплаватели неоднократно достигали берегов Южной и Северной Америки, совершали плавания вокруг Африки, доходили до Мадагаскара, где в 1529 г. высадились братья Пармантье, и даже до Суматры (в 1530 г.) и Китая (в 1531 г.).

Купечество французских городов на атлантическом побережье принимало участие в борьбе с Испанией и Португалией. В первую половину XVI столетия, в частности, очень видную роль в этом отношении играл Жан Анго из Дьеппа, который, при поддержке Франциска I, организовывал дальние экспедиции в Америку, Африку и Азию, походы рыболовецких судов к Ньюфаундленду и пиратские рейды против испанских и португальских судов. Французские корсары и пираты захватывали испанские корабли с грузом драгоценностей из Америки и португальские с грузом пряностей из Азии. Основную роль в этих операциях играла снаряженная Ж. Анго эскадра под командованием Жана Флери, который в 1523 г. захватил и суда с сокровищами, награбленными Ф. Кортесом в Мексике. В 1537 г. корабли Ж. Анго захватили драгоценности империи инков в Перу, добытые Ф. Писсаро.

По инициативе Ж. Анго предпринимались и поиски западного пути в Индию вокруг Северной Америки. Находившийся на французской службе флорентинец Верраццано, близкий к Анго, в 1524 г. на своем корабле прошел путь от Флориды до Ньюфаундленда, назвав эти земли Gallia nova (Новая Галлия, или Новая Франция), и заявил о присоединении Ньюфаундленда, на отмелях которого французские моряки ловили рыбу, к Франции.

Но присоединение Ньюфаундлена не было закреплено, и в 1568 г. остров был объявлен английским, что положило начало англофранцузскому спору, урегулированному только в 1904 г.

---

221 *Voltaire.* Siecle de Louis XIV, – «Oeuvres completes», t. XXIV, p. 191, 192.

222 История колониальной экспансии Франции широко освещена во французской исторической литературе. Большинство авторов работ, появившихся до ликвидации французской колониальной империи, стояли на позициях колониализма. В последние годы происходит пересмотр многих концепций во французской историографии по колониальным проблемам. Новейшей общей работой является книга: F. Mauro. L'expansion europeenne 1600–1870. Paris, 1964. Критические очерки истории французской колониальной политики принадлежат французским коммунистам Э. Терсену и Ж. Арно (*E. Tersen.* Histoire de le colonialisme francais. Paris, 1950; *J. Arnault.* Proces du colonialisme. Paris, 1958).

В поисках золота и западного пути на Восток моряк из Сен-Мало Жак Картье 24 июля 1534 г. достиг залива св. Лаврентия, открыв для Европы Канаду, поднялся вверх по течению реки св. Лаврентия, объявил эти земли принадлежащими королю Франции. В 1535 г. Ж. Картье объявил территорию, где в будущем возник город Квебек, французской и основал там в 1542 г. город Шарльсбурруаяль. 15 января 1541 г. Франциск I назначил гугенота Ж. Ф. де ля Рока-Роберваля вице-королем Канады. Во французской традиционной историографии эта дата считается днем основания Французской Канады и французской колониальной империи. В 1541 г. Ж. Картье направился в Канаду с партией колонистов, а в 1542 г. с другой партией колонистов отплыл и Роберваль, который 9 сентября 1542 г. подписал в г. Франсруа (бывшем Шарльсбуре) первый официальный документ как вице-король Канады.

В середине XVI в. во время религиозных войн деятельное участие в попытках колониальной экспансии приняли французские гугеноты. Адмирал де Колиньи поддержал инициативу Дюрана де Вильгайона основать колонию в Бразилии. В 1555 г. ему были даны средства, он навербовал 600 человек различных вероисповеданий и самого различного происхождения (дворян, ремесленников, бродяг и т. д.) и отплыл в Бразилию. В заливе Рио-де-Жанейро на острове были основаны «форт Колиньи в антарктической Франции» и Анривиль. Начавшиеся вскоре раздоры среди колонистов и враждебность португальцев, разрушивших в 1560 г. форт Колиньи, привели в 1568 г. к гибели эту колонию. Испанскими колониальными властями была пресечена и другая попытка гугенотов основать французскую колонию во Флориде в 60-е годы XVI в.

В эти же годы буржуазия Марселя значительно расширила торговлю с Левантом и североафриканскими городами. Выросла торговля Марселя с Марокко, откуда во Францию ввозили сахар, кожи, воск, миндаль, финики и т. д. Марсельские купцы в 1560 г., получив право добычи кораллов в Алжире, добились возможности основать свое неукрепленное поселение в Восточном Алжире – Бастион Франции, разрушенное алжирцами в 1568 г.

Первые попытки создания французской колониальной империи не дали ощутимых результатов; основанные колонии фактически прекратили свое существование. Соотношение сил в борьбе на океанских путях складывалось не в пользу Франции. Вместе с тем в результате торговых операций французкая буржуазия получила значительную часть из 1800 тонн золота и 17 тыс. тонн серебра, ввезенных в Испанию в 1500–1640 гг. Большие средства дали буржуазии захваты французскими корсарами и пиратами испанских и португальских кораблей и приносившая большие барыши контрабандная торговля с португальскими и испанскими колониями.

Все это оказало большое влияние на процесс первоначального накопления капитала во Франции [223], а оно в свою очередь, явилось импульсом к дальнейшему расширению колониальной экспансии.

Колониальная экспансия нашла отражение в идеологии. Французские гуманисты отрицательно высказывались о колониальной практике соперников Франции – Испании и Португалии. Монтэнь, стремясь «снять маску как с вещей, так и с людей», возмущался жестокостью конкистадоров, говорил о «народах-детях» (индейцах), которых поработили и уничтожают так называемые цивилизованные европейцы. Ф. Рабле советовал обращаться с туземцами, как с новорожденными, с только что посаженным деревом или же с человеком, спасенным от долгой и тяжелой болезни. Выступления гуманистов способствовали распространению мнения, что в стране не должно быть негров-рабов; в ряде случаев они были освобождены, хотя в это же время буржуазия нормандских портов расширяла торговлю рабами-неграми.

В начале XVII столетия колониальная экспансия Франции осуществлялась уже в конкурентной борьбе с Англией и Нидерландами. Король Генрих IV посылал экспедиции в

---

[223] См.: F. Braudel. La Mediterranee et le Monde mediterraneen a l'epoque de Phillippe II. Paris, 1949 (2-е изд. 1968); F. Spooner. Les frappes monetaires et l'economie mondiale (1493–1680) Paris, 1956.

Канаду, назначал туда вице-королей, направлял партии колонистов. В 1604 г. Пьер де Мон и Самуэль Шамплен основали колонию в Акадии (теперь Новая Шотландия), в 1608 г. Шамплен основал Квебек. Используя межплеменные противоречия между союзами алгонкинских и гуронских племен и союзом ирокезских племен, которых поддерживали англичане, Шамплен сумел установить влияние Франции на большой территории в бассейне реки св. Лаврентия и Великих озер. Шамплен ввел новую форму эксплуатации колоний: вместо добычи золота он стал насаждать сельское хозяйство. «Наилучшие рудники, которые я знаю, – писал современник Шамплена Лекарбо, – это зерно, вино и откорм скота. Кто их имеет – имеет деньги» [224] . В Канаду стали направляться эмигранты-земледельцы. Французская Канада становилась реальностью.

Во время правления Генриха IV, который оказывал поддержку колониальным мероприятиям, несколько окрепли позиции французских купцов в торговле с Левантом и была сделана попытка организовать Ост-Индскую компанию. Колониальная экспансия осуществлялась и кардиналом Ришелье[225]. В его колониальной политике большую роль играли как религиозные цели, так и стремление к укреплению «могущества», «престижа» или «достоинства» (dignite) французского короля. Поэтому Ришелье поддерживал миссионерскую деятельность за океанами, ратовал за переселение во французские колонии ремесленников, которые оставались бы подданными французского короля. Ришелье организовал строительство флота, оказывал широкую поддержку заморским торговым компаниям. В 1626 г. была основана компания св. Христофора (в 1635 г. реорганизована под названием Компания островов Америки), которая в 1635 г. захватила остров Гваделупу, в 1638 г. – остров Мартинику и вскоре ряд других островов Малого Антильского архипелага. Французы пытались закрепиться и на южноамериканском континенте – в Гвиане. В 1626 г. французское поселение появилось в Кайенне, впоследствии французские власти распространили свое влияние на прилегающий район. Продолжалось освоение Канады. В 1642 г. был основан Монреаль.

Были сделаны попытки укрепиться в Африке. В 1633 г. Компания Зеленого мыса получила десятилетнюю монополию, в 1638 г. уже три компании действовали на побережье Сенегала. Агенты французской Ост-Индской компании в 1642 г. попытались прочно утвердиться на Мадагаскаре, построив в Форт-Дофине свою базу; на остров прибыли первые французские колонисты, компанией был назначен «генеральный комендант острова Мадагаскара».

Во второй половине XVII в. снова усиливается колониальная экспансия, в которой большую роль сыграл Кольбер, осуществлявший политику меркантилизма. В 1664 г. Кольбер основал Вест-Индскую компанию для Атлантического океана и Ост-Индскую компанию для Индийского океана, а потом и другие компании для заморской торговли. Капитал Ост-Индской компании, например, был первоначально определен в 6 млн. ливров, но потом увеличен до 15 млн., из них король внес 3 млн., королевский двор – 2 млн., города и дворянство – 4 млн. Между буржуазией отдельных городов не было единства мнений в отношении деятельности этих компаний. И если буржуазия портовых городов, в особенности Руана, Нанта и др., была очень заинтересована в торговле с Востоком, то буржуазия Лиона была обеспокоена перспективами конкуренции шелка-сырца из Индии.

Активная колониальная экспансия проводилась в Северной Америке, где непрерывно расширялись французские владения. Французы продвигались все дальше в глубь материка, устанавливая свой контроль (правда слабый) над огромными территориями. Власти Новой

---

[224] M. Reinhard. Henri IV ou la France sauvee. Paris, 1943, p. 229–230; см. также: C. L. Jaray. L'Empire frangais d'Ameiique 1534–1803. Paris, 1938.

[225] О колониальной политике Ришелье см.: *L. A. Boiteux.* Richelieu grand maitre de la navigation et du commerce en France. Paris, 1955; *B. Schnapper.* A propos de la doctrine et de la politique coloniale au temps de Richelieu. – «Revue d'histoire coloniale», 1954, t. XLI.

Франции претендовали на весь североамериканский континент, «во всю его длину и ширину», как они заявляли в 1671 г. Французские отряды достигли Огайо и Иллинойса. В 1682 г. территории бассейна реки Миссисипи были объявлены владениями французского короля под названием Луизиана, в 1718 г. был основан Новый Орлеан. К середине XVIII в. французские владения охватили значительную часть Северной Америки, хотя к этому времени некоторые районы и пришлось уступить Англии.

Феодально-абсолютистская Франция стремилась установить в Канаде тот же общественный строй, что и в метрополии. Были сделаны попытки распространить на Новую Францию феодальные отношения с феодальным держанием земли, верховным собственником которой считался французский король. В 1627 г. Канада превратилась в лен, в феодальное держание Компании ста объединившихся, которая впоследствии стала Компанией Новой Франции. Со своей стороны эта компания пожаловала около шестидесяти ленов. С 1666 г. земли уже раздавались феодальным владельцам непосредственно от имени короля. Канадой с этого времени управляли королевские губернаторы и интенданты. Огромную роль играла в Канаде католическая церковь, там действовали различные религиозные ордена, и в том числе орден иезуитов. Церковные держания занимали видное место в Новой Франции.

В Новой Франции постепенно росло французское население, развивалась экономика. В 1734 г. в Канаде на освобожденной от леса земле урожай пшеницы составил 738 тыс. бушелей. В 1740 г. Поголовье рогатого скота достигло 39 тыс. Постепенно развивалась и промышленность. Возникли местные мелкие предприятия по производству предметов потребления и питания, а также довольно крупные мануфактуры – лесопилки, верфи, каменноугольные копи.

Наряду с Канадой во французской колониальной империи со второй половины XVII в. все большее значение приобретали Антильские острова. Колония на острове Сан-Доминго, куда еще в 1655 г. был назначен губернатор, под властью которого находилась часть острова, вскоре заняла основное положение среди французских колоний. Мероприятия Кольбера способствовали известному росту колониальной торговли. Торговые компании получали субсидии и монополию торговать с Антильскими островами, Канадой, Гвинеей и т. д. Уже со второй половины XVII в. на Антильских островах стали организовывать французские плантации сахарного тростника, табака, хлопка, индиго, позднее кофе.

Для работы на плантациях из Ля-Рошели и других атлантических портов направлялись завербованные бедняки [226], так как использование на плантациях индейцев, массами погибавших на работе, не приносило больших прибылей. Но потом основную рабочую силу на плантациях стали составлять негры-рабы, привозимые большей частью на французских кораблях с берегов Гвинейского залива в Африке, где находился ряд французских факторий. Эту грабительскую торговлю африканцами вели богатые купцы из Нанта, Руана, Бордо и др. Широкие размеры работорговля приняла во второй половине XVII и, в особенности, в XVIII столетии.

Французская экспансия развертывалась и в других районах мира. В 1674 г. успешное восстание коренного населения ликвидировало французскую базу Форт-Дофин на Мадагаскаре; несмотря на это, в 1686 г. Мадагаскар был объявлен владением Франции. Были устроены другие базы на пути в Индию на Маскаренских островах Бурбоне (теперь Реюньоне) и Иль-де-Франс (теперь остров Маврикия), где создавались французские плантации по производству сахара, кофе и какао на основе эксплуатации труда негров-рабов.

Феодально-абсолютистская Франция стремилась укрепиться и в Индостане. Французская Ост-Индская компания в 1668 г. основала первую факторию там – Сурат в районе Бомбея. Число французских опорных пунктов и факторий в Индии и даже на Цейлоне

---

[226] C. *Debien.* La societe coloniale aux XVIIe et XVIIIe siecles. Les Engages pour les Antilles (1634–1715). – «Revue d'histoire coloniale», v. XXXVIII, Paris, 1951.

росло, в 1701 г. Пондишери был объявлен центром французских владений в Индии (Маэ. Карикал, Янаон, Шандернагор и др.). Рос вывоз из Индии шелка, чая, красителей и т. д.

С середины XVII в. борьба за колонии, являвшиеся закрытыми рынками, играла очень большую роль во всех войнах в Европе, в первую очередь в соперничестве Франции и Англии, экономическая мощь которой росла. Соперничество нередко перерастало в войны, которые часто велись на колониальной периферии, даже без разрыва дипломатических отношений, но в ряде случаев военные действия принимали большие размеры – когда и Франция, и Англия находились в составе двух враждующих группировок держав. Уже по Утрехтскому миру 1713 г. Франция была вынуждена уступить Англии ряд своих колониальных владений в Америке. В дальнейшем англо-французская борьба после поражения Франции в Семилетней войне привела к почти полному уничтожению первой французской колониальной империи.

Культура и идеология

Одной из задач укрепившегося абсолютизма было обеспечение своих идейных позиций. Отсюда – внимание правительства к вопросам идеологии, попытка направлять ее, диктуя свои идеи обществу. Этой цели служила в первую очередь широчайшая организация католической церкви, включая также святошеские пропагандистские союзы вроде «Общества святых даров», имевшие свою агентуру и в компаньонажах ремесленных подмастерьев, и в охваченных голодом районах, и среди буржуазии. Проповедники благочестия, смирения и воздержания, несчетные «святые» – жертвователи на бедных, благотворители, попечители, ревнители добрых нравов, как тучи комаров, висели над французским народом, «успокаивая» его. Но просвещение мирян стояло бесконечно низко. Царили темные суеверия, судейские чиновники еще вели всерьез нескончаемые процессы против колдовства и ведовства. По-прежнему единственным источником чтения в народной среде оставались очень широко расходившиеся книжонки разнообразнейшего содержания. Они свидетельствуют об ориентации умов на светскую тематику, о некотором расширении круга интересов и запросов.

В формировании же сознания образованных кругов большую роль играли академии, создаваемые государством. Еще в 1634 г. при Ришелье была создана Французская академия; по ее примеру были созданы академия живописи, академия наук, академия архитектуры. Людовик XIV пытался выступать в роли покровителя искусств. В живописи насаждается помпезный стиль, короля изображают мифическим полубогом; за рамки этого стиля вырываются немногие – пейзажист Клод Лоррен (1600–1682) и мастер гравюры Жак Колло (1593–1635).

В литературе особым доверием двора пользовался любимец Ришелье поэт Шаплен. По представлению Шаплена назначались пенсии и премии художникам и писателям; превращенные таким образом в придаток двора, они должны были прославлять мощь и величие абсолютизма, развлекать Людовика XIV и его свиту. И здесь насаждается тот же дух исключительных привилегий: так, с 1668 г. привилегия на создание опер закрепляется за аббатом Перрэном, в 1672 г. она передается композитору Люлли. Тот, в свою очередь, разделил ее со своим постоянным либреттистом, второстепенным драматургом, автором галантных трагедий Филиппом Кино (1635–1688).

Не все, однако, удается подчинить – и литература XVII в. развивалась своим путем. Регламентация, насаждавшаяся абсолютизмом, не смогла окончательно заглушить раскрепощающееся сознание эпохи Возрождения, и оно продолжало развиваться в творчестве «либертэнов» (вольнодумцев), которых правительство не только не поддерживало, но даже часто подвергало репрессиям. Во время и после Фронды продолжал свою вольнодумную деятельность философ-материалист Пьер Гассенди (1592–1655), опровергавший богословов и излагавший публично систему Коперника.

С трагедией «Смерть Агриппины», разоблачающей тиранию римского императора

Тиберия, выступил Савиньен Сирано де Бержерак (1619–1655), в годы парламентской Фронды осыпавший ненавистного народу Мазарини острыми памфлетами; наиболее значительными его произведениями являются научно-фантастические утопии «Иной свет, или Государства и империи Луны» и «Комическая история государств и империи Солнца». Другим либертэном был писатель Поль Скаррон (1610–1660) – автор многочисленных «мазаринад» и популярных комедий, поэм жанра «бурлеск» и одного из первых реалистических романов французской литературы – «Комического романа».

В оппозиционно настроенной аристократической среде также продолжает существовать своя литературная традиция, идущая стороной от насаждаемого официозного классицизма. В этой среде выдвинулись два писателя, творчество которых далеко вышло за пределы салонной забавы: это Франсуа де Ларошфуко (1613–1680) и Мари де Лафайет (1634–1693). В своих прославленных «Максимах» Ларошфуко выступил как глубокий знаток психологии людей своего класса (которую он принимал за общечеловеческую психологию и был поэтому настроен очень пессимистически) и тонкий стилист. Мари де Лафайет, писавшая, очевидно, при участии Ларошфуко, оставила первый психологический роман Франции «Принцесса Клевская».

Стремясь подчинить себе художественные течения в искусстве, правительство делало ставку на классицизм как направление, пользующееся широким признанием и выдвинувшее ряд крупнейших мастеров. Однако виднейшие из них смогли выйти за пределы абсолютистской идеологии и оставили заметный след в истории литературы. Таковы Николя Буало (1636–1711), Жан Расин (1639–1699), Мольер (Жан Батист Поклен) (1622–1673), Жан Лафонтен (1621–1695) и Жан Лабрюйер (1645–1696).

Мольер. Портрет Шарля Леорена

Николя Буало, известный как поэт и сатирик, критик и теоретик литературы, опубликовал в 1674 г. стихотворный трактат «Поэтическое искусство», в котором рассматривал искусство как подражание природе и проявление разума. Борясь против крайностей изысканно-искусственной эстетики аристократических салонов и против грубости народного («площадного») искусства, он создал довольно гибкие и широкие каноны поэзии, в которые легко уложилась как психологическая трагедия Расина, так, впоследствии, и политическая трагедия классицизма.

Жан Расин – крупнейший мастер классицистической трагедии, которая под его пером превратилась в тонкие психологические этюды; современники считали его лучшим знатоком женского сердца. Основное содержание его трагедий составляла не только победа страстей над долгом, опасность страстей, когда они управляют самодержцем («Андромаха», «Британик»), исполнение долга, приводящее к подавлению страстей («Береника»), но и боль растоптанного личного счастья, которая сильней удовлетворенности от сознания выполненного долга. Написанные на античные, библейские или мифологические сюжеты (лишь трагедия «Баязет» написана на современном автору, хотя и «экзотическом», материале), его произведения понимались современниками как скрытое осуждение

нравственной гнили и произвола двора.

Мольер в своих комедиях уже частично выходит за пределы классицизма; ему свойственны черты реализма и народности, за которые его осуждал его друг Буало. Его пьесы активно вторгаются в жизнь: не случайно Мольер навлек на себя ненависть духовенства комедией «Тартюф» и нелюбовь аристократии «Дон-Жуаном». В ряде произведений Мольер поставил вопрос о самосознании третьего сословия: «Жорж Данден» и «Мещанин во дворянстве» учили выходцев из низов знать себе цену, не смешиваться с дворянами и не унижаться перед ними. Вместе с тем в «Скупом» осмеивалось преклонение третьего сословия перед деньгами, утверждалась здоровая мораль, человечные отношения в семье и браке. Любовь короля к пышным зрелищам, а также его претензии самому выступать в балете породили в творчестве Мольера такие гибридные произведения, как комедии-балеты, которые ему пришлось писать вместе с Кино и Расином («Принцесса Элидская» и др); они обеспечили Мольеру покровительство Людовика.

Наряду с Мольером, Лафонтен являлся представителем народного языка во французской литературе XVII в. Ученик вольнодумцев, он в своих озорных «Сказках» переложил в изящные стихи ряд новелл эпохи Возрождения (Боккаччо, Маргариты Наваррской, Брантома), чем чрезвычайно содействовал борьбе французского общества против ханжества, насаждавшегося стареющим королем и его морганатической супругой, госпожой Ментенон. Басни Лафонтена в прозрачной форме повествований о животных выводили перед читателями все общество Франции второй половины века; при этом Лафонтен не щадил ни Льва, царя зверей, ни его придворных (Лиса, Волка и Медведя), обирающих «простой народ» – Зайца, Ягненка, Оленя.

Особое положение в литературе Франции второй половины XVII в. занимает Лабрюйер, автор книги «Характеры». Задумана она была как ряд обобщенных портретов своего времени, как жанровые зарисовки различных встречающихся в обществе застывших характеров (в этом отношении она полностью укладывалась в теорию классицизма); но автор перерос свой замысел и создал ряд реалистических и резко очерченных образов. Многие места его книги дышат чувством социального протеста, подготавливая тем самым литературу следующего века.

Абсолютизм пытался разработать и свою собственную теорию. Таким теоретиком абсолютизма был видный деятель католической церкви, епископ Жан-Бенэн Боссюэ (1627–1704); в своих проповедях и сочинениях на исторические и политические темы он отстаивал идею божественного происхождения абсолютной власти государя и утверждал его право на жизнь, имущество и убеждения подданных. Поэтому он горячо приветствовал отмену Нантского эдикта и содействовал созданию сельских школ, имевших целью парализовать воздействие гугенотских проповедников.

Другим теоретиком абсолютизма был сам Людовик XIV, оставивший сочинение, известное под названием «Мемуары Людовика XIV, составленные для воспитания дофина». Полный уверенности в том, что ничем не ограниченная власть короля спасительна не только для правителей, но и для подданных, он принципиально отвергал всякие попытки противопоставить ему какие бы то ни было представительные органы. Крайне характерно его желание не брать в советники и министры людей, имеющих не зависимое от короля общественное положение; он считал, что, возвышая чиновника из третьего сословия до положения министра, он не делится с ним властью, а имеет в его лице только безличного исполнителя королевских предначертаний.

Претензии идеологов абсолютизма встретили решительный протест в оппозиционной печати, выходившей на французском языке в Голландии и Англии и подпольно распространявшейся во Франции. Так, в анонимном памфлете «Вздохи порабощенной Франции», вышедшем в 1689–1690 гг. (приписывается гугенотскому проповеднику Жюрье, а по другим источникам – эмигрировавшему из Франции священнику М. Левассору), утверждалось, что французский народ не смирится с насилием и что это является постоянным «зерном восстания». Против абсолютистской доктрины о том, что

собственность французов есть собственность короля и он имеет на нее право, выступал буржуазный мыслитель Клод Жоли (1607–1700), утверждавший учение о святости и неприкосновенности частной собственности, об ограничении всевластия монарха.

Среди представителей дворянства и чиновной администрации, лучше правительства видевших реальное положение дел во Франции, выдвинулись идеологи, намечавшие пути спасения государства путем облегчения и перестройки налогового обложения (маршал Вобан, 1633–1707) или путем прямой помощи крестьянскому хозяйству (интендант Баугильбер, 1646–1716); наконец, воспитатель дофина, епископ Фенелон (1651–1715), создал для своего питомца поучительный роман-утопию «Телемак», в котором изобразил панораму крушения правителей в ряде вымышленных государств, кроме тех немногих, где общественный строй не дает оснований для недовольства народа; однако книга эта, ставшая известной королю, подверглась запрету, а ее автор – опале.

Среди передовых авторов оппозиционного направления следует назвать Пьера Бейля (1647–1706), гугенота-эмигранта, прославившегося критикой религиозной нетерпимости и пропагандой философского скептицизма. В его «Историческом и критическом словаре» поставлен вопрос, может ли существовать общество, состоящее из атеистов; Бейль ответил на этот вопрос утвердительно, чем навлек на себя гнев даже других гугенотов-эмигрантов, в том числе и П. Жюрье. Книга эта, конечно, была запрещена во Франции. Но после смерти Людовика XIV, в 1715 г., новый правитель королевства регент герцог Филипп Орлеанский снял с нее запрет и разрешил ее читать. По свидетельству современника, датского писателя Гольберга, в Париже с раннего утра перед еще закрытыми дверьми королевской библиотеки выстраивалась очередь желающих попасть в нее: кончался искусно иллюминованный полумрак абсолютизма, поднималась заря Просвещения.

7. Упадок монархии. Век просвещения[227]

Регентство

Положение Франции ко дню смерти Людовика XIV (1 сентября 1715 г.) было крайне тяжелым: семьдесят два года его царствования истощили и измучили страну, поставили ее на грань банкротства, привели к упадку ее международного престижа. Поэтому все, в том числе и правящие круги королевства, чувствовали необходимость изменения политического курса, тем более что заново встал вопрос о власти. Новому королю, правнуку прежнего, Людовику XV, не было и шести лет; поэтому, по законам Франции, надлежало учредить регентство.

Вопреки специально оговоренной в завещании воле покойного короля, регентом был назначен дядя малолетнего Людовика герцог Филипп Орлеанский, сумевший обещаниями и интригами привлечь на свою сторону различные враждовавшие между собой придворные клики. Удачным ходом с его стороны было обещание возвратить парламентам отнятое Людовиком XIV право ремонстраций. Кроме того, он обещал расширить свой совет за счет привлечения старой родовитой аристократии, с одной стороны, и дворянства мантии, с другой; наконец, его известное религиозное вольнодумство служило гарантией прекращения преследований янсенистов, которым сочувствовало большинство магистратов. Так Филипп Орлеанский, привлекая на свою сторону одних, обманывая других, сбивая с толку третьих, легко получил поддержку всех заинтересованных сторон.

Следует отметить, что происшедшее в первые же дни регентства возвышение парижского Парламента, юрисдикция которого распространялась на треть территории страны, наложило отпечаток на всю историю Франции XVIII в.; в дальнейшем вплоть до начала Великой французской революции 1789 г. парламенты Парижа и провинций несколько

---

[227] Л. С. Гордон

раз становились центрами мощной оппозиции абсолютистскому правительству. Как огмечал Ф. Энгельс, судебное дворянство и вообще юристы «фактически тоже составляли привилегированное сословие и обладали в парламентах значительной силой, противостоявшей королевской власти; в своей *политической* деятельности они выступали как защитники учреждений, ограничивавших королевскую власть, и таким образом оказывались на стороне народа, но в качестве судей они были воплощением коррупции» Провозгласив себя хранителями законов и привилегий, парламенты на протяжении всего столетия противились любым, даже самым слабым, попыткам ввести хотя бы необходимейшие реформы. При этом, по иронии истории, эти упрямые консерваторы в глазах общественного мнения неоднократно сходили за защитников свободы: правительство было столь скомпрометировано, что народ сочувствовал любому сопротивлению властям.

С приходом Филиппа Орлеанского к власти во Франции началась новая глава в нисходящей эволюции монархии – время упадка, самодискредитации привилегированных сословий и кризиса абсолютизма, приведшее страну в конце концов к революции. В годы регентства «оба величества» (les Deux Majestes – правительство и церковь) равно дискредитировали себя в глазах страны. После длительного периода показного благочестия, насаждавшегося покойным королем и его морганатической супругой госпожой Ментенон, регентство ознаменовалось поразительным падением нравов: двор во главе с Филиппом Орлеанским и его дочерью, герцогиней Беррийской, почти афишировавшими свои пороки, подавал пример такого чудовищного распутства, что скоро стал «притчей во языцех» во всей Европе; при нем абсолютизм стал представлять собой открытое «зрелище гниения и распада»[228]. Примеру двора следовало высшее дворянство. Об оргиях распутства и преступлениях знати говорили вслух; поэтому не удивительна запись в дневнике парламентского адвоката Маре, отражающая взгляд просвещенного буржуа на дворянство: «Никогда благородное сословие Франции не было менее благородно, чем теперь»[229].

---

[228] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 88.

[229] *8* [M. *Marais]*. Journal et memoires He Mathieu Marais sur la Regence et le regne de Louie XV (1715–1737), v. I. Paris, 1863–1868, p. 281.

Утро. Гравюра Мальбёста по рис. Моро

Не менее скандальной была и внутренняя жизнь галликанской церкви: появление в 1713 г. папской буллы Unigenitus, направленной против янсенистов, привело к раздорам, даже почти к расколу среди духовенства и верующих, В церковные распри оказались втянуты правительство, сам регент, парламенты и общественное мнение страны. Споры молинистов (сторонников буллы) и янсенистов, отвергавших ее, лихорадили Францию на протяжении почти полстолетия: религиозная оппозиция превращалась в политическую, правительство несколько раз отправляло парламенты (целиком или отдельными палатами) в ссылку (в 1720, 1732, 1740 гг.), парламенты отказывались регистрировать королевские эдикты или регистрировали их только под прямым нажимом правительства, сопровождая регистрацию ремонтрансами и оговорками, сводившими значение этих эдиктов на нет.

В глазах Франции булла становилась знаменем церковной реакции и иезуитов; этого было достаточно для того, чтобы все объединились против буллы. Вокруг нее создается огромная анонимная литература: против ее сторонников публикуется множество памфлетов, сатирических брошюр и насмешливых куплетов, и общественное сочувствие позволяет авторам, типографам и уличным продавцам укрываться от преследования властей. Так, в

течение десятилетий не удавалось обнаружить типографию оппозиционной янсенистской газетки, хотя она помещалась в дровяном складе на окраине Парижа. Поэтому нельзя считать преувеличением запись в дневнике д'Аржансона, сделанную им в 1731 г.: «Королевская власть потеряла значение, так как ей ни в чем не повинуются»[230].

«Чудеса» янсенистского святого – дьякона Париса, кликушеские выходки его почитателей, бившихся в конвульсиях на его могиле, и «контрчудеса» выдвинутой иезуитами монахини с комическим именем Марии Алякок[231] сделали все эти споры темой насмешливых песенок и в большой мере способствовали ослаблению религиозного чувства у французов[232].

Регент попытался маневрировать между иезуитами и янсенистами, но в результате уже к 1720 г. рассорился с Парламентом и даже направил несколько его членов в ссылку. Он вызвал недовольство финансистов, знати и церкви попытками облегчить налоговый гнет, ложившийся исключительно на низы третьего (податного) сословия, и как-то упорядочить налоговую и финансовую систему страны. Из доклада Буленвилье, поданного регенту, стало известно, что из 750 млн. ливров податей и налогов, уплачиваемых народом, в государственную казну поступает только 250 млн. [233] При этом привилегированные сословия – церковники и дворянство – налогов почти не платили. В связи с этим вновь прибегли к системе «выжимания губок»: на многих откупщиков были наложены огромные штрафы (от которых откупились крупными взятками министрам и знатным особам), а некоторых выставили к позорному столбу, после чего отправили на галеры.

Одновременно регент обратился к шотландскому финансисту Джону Лоу, основавшему во Франции в 1716 г. частный банк (с правом выпуска банкнот). Банкир Лоу был теоретиком кредитной системы [234]: по его мнению, выпуск бумажных денег может возместить недостаток металлической монеты, а дешевый кредит, сам по себе обеспечивая циркуляцию денег и товаров, приводит благоденствие в страну. Эти теории пленили регента: в 1718 г. банк Лоу был преобразован в королевский, а сам он поставлен во главе Индийской компании, объединившей несколько прежних монополий и получившей исключительное право на всю заморскую торговлю Франции. В январе 1720 г. Лоу был назначен генеральным контролером финансов; его банк авансировал правительству 100 млн, ливров по неслыханно низкой цене – всего 3 % [235]. В обществе начались ажиотаж и спекуляция акциями Индийской компании, сулившими огромные прибыли; при номинале в 500 ливров акции котировались по 18–20 тыс. ливров[236].

Безудержная эмиссия банкнот и одновременно с этим – махинации откупщиков, стремившихся отстранить Лоу от контроля над финансами, вскоре привели к краху и банкротству банка. В декабре 1720 г. Лоу бежал из Франции; десятки тысяч людей оказались разорены. Правительство было вынуждено признать государственное банкротство; ликвидация дел банка и образовавшегося дефицита была поручена известным финансистам

---

230 [R. d'Argenson]. Journal et memoires du marquis d'Argenson. Paris, 1859. t. I, p. 82.

231 A la coque по-французски означает «всмятку».

232 См.: P. Barriet et F. Vermillet. L'Histoire de France par les chansons, 4 vols. Paris, 1955 t. Ill, p 154, 155.

233 A. Tocqueville. Histoire philosophique du regne de Louis XV. Paris, 1847. t. I. p. 90.

234 Им написан труд: J. Law. Considerations sur la numeraire et le credit. Edinburgh, 1710.

235 M. Marion. Histoire financiere de la France depuis 1715. Paris, 1927, p. 95.

236 Ibid., 0.96.

братьям Пари, нажившимся на этой операции дополнительно, а государственный долг Франции вырос на 625 млн. ливров. Следует отметить все же, что деятельность Лоу привела и к некоторым положительным результатам: толчок, данный ею капиталистическому развитию страны, вывел экономику Франции из того состояния застоя, в каком она пребывала в последние годы правления Людовика XIV.

Время Людовика XV

После смерти регента Филиппа Орлеанского в 1723 г. Францией стал править молодой король Людовик XV. Население Франции к тому времени возросло примерно до 18 млн. человек (по другим данным даже до 21 млн.). Историки отмечают, что, начиная с первой трети XVIII столетия, Франция пережила мощный демографический подъем[237], связанный со снижением смертности, благодаря чему к последней трети века население страны выросло до 25–27 млн. человек; из них привилегированные сословия насчитывали около 250 тыс. человек, остальные же составляли третье сословие. Не следует, однако, полагать, что все оно представляло собой равно бесправную массу: так, экономист первой трети XVIII в. Мелон в своей попытке демографического описания Франции отделяет финансистов и буржуа от земледельцев и ремесленников[238]. Финансисты, присосавшиеся к налоговой системе, отлично уживались с абсолютизмом, обеспечивавшим им их доходы: 40 генеральных откупщиков, а с ними 800 младших акционеров и директоров откупной системы получили за период с 1726 по 1754 г. 1132 млн. ливров, а по 1776 г. – 1720 млн. ливров. Генеральные откупщики Бернар и Монмартель «заработали» за это время по 30 млн. ливров каждый, трое других – по 10 млн. ливров, наименьший пай составил около полумиллиона[239].

Богатство и значение верхушки третьего сословия росли и другими путями. Возрастали доходы негоциантов: обороты колониальной торговли в 1716 г. составили 40 млн., а к 1756 г. – 204 млн. ливров.

В эти же самые годы в поисках дополнительных источников дохода абсолютистское правительство продолжало политику продажи должностей, т. е. фактически отчуждения власти по частям: в одном Лионе в 1745 г. правительство создало 150 должностей инспекторов шелковых мануфактур и продало их за 200 тыс. ливров. В 1758 г. операция была повторена и фиском получено 133 тыс. ливров. Купив наследственную должность, буржуа совершал восхождение по социальной лестнице и через некоторое время «одворянивался»; числясь формально орудием королевской власти и став бюрократом, он фактически оказывался независимым от нее, так как правительство никогда не имело средств выкупить у него эту должность.

Промышленность Франции в начале XVIII в. еще находилась на стадии мануфактуры, причем наибольшая ее часть приходилась на долю так называемой «рассеянной мануфактуры» – работы на дому со сдачей продукта мануфактуристу или скупщику. Но, кроме этого, существовали уже и централизованные мануфактуры типа предприятия Ван-Робэ в Абвиле, где под одной крышей работало 1200 прях. В Лионе «Grande fabrique» представляла собой несколько десятков предприятий; тысячи ткачей работали частью в хозяйских мастерских, большей частью же на дому. «Королевские мануфактуры», пользовавшиеся рядом привилегий, завоевали французским изделиям видное место в Европе. К. Маркс отмечает богатство и разнообразие французской продукции; он пишет, что во

---

237 E. Labrousse. La crise de l economie franyaise a la fin de l'Ancien Regime. Paris, 1944, p. 71.

238 J. F. Melon. Essai politique sur le commerce. Paris, 1734. См «Economistea-financiers du XVIIIe siecle». Paris, 1851, p 747. u Sena c de Meilhan. Considerations sui les richesses et le luxe. Ainsteidam. 1789. p. 351, 332.

239 Senac de Meilhan. Considerations sui les richesses et le luxe. Amsterdam. 1789. p. 351, 332.

Франции «уже в первой половине XVIII столетия ткалось более 100 видов разнообразных шелковых материй»[240].

При росте мануфактур, при все возрастающих торговых связях между отдельными провинциями Франции внутренние таможни и неравномерное обложение отдельных провинций (наследие феодальной раздробленности) и жесточайшая регламентация (наследие меркантилистской опеки) мешали техническому и экономическому прогрессу, в котором была заинтересована вся страна, все ее третье сословие, вся нация, кроме привилегированных верхов. Вследствие этого по уровню промышленного развития Франция сильно отставала от Англии, вступившей во второй половине XVIII в. в стадию промышленной революции. Это отставание, почти незаметное в начале века, уже сильно сказывалось к его концу.

Так в 1789 г. в текстильной промышленности Франции работало 900 «дженни» (механических прядильных веретен), а в Англии их насчитывалось к этому времени 20 тыс.

Несмотря на все помехи, в XVIII в. во Франции наблюдается рост производства. Число привилегированных (королевских) мануфактур выросло со 135 в 1715 г. до 532 в 1789 г. В 1722 г. были освоены результаты исследований Реомюра по производству ковкого, чугуна, и семейство Вандель начинает в последней трети века главенствовать во французской металлургии. Параллельно этому начинают разрабатываться каменноугольные копи; близ селения Анзена около 1720 г. открыт каменный уголь, и уже в 1734 г. в Анзене начинается его добыча. Тогда же впервые во Франции была введена первая паровая машина для работы в копях[241]; в 1757 г. в копях акционерного общества Анзена было занято 4 тыс. рабочих. К середине века относятся и первые опыты конструирования усовершенствованного ткацкого станка (Вокансон, 1747). Изделия мануфактур и ремесленников шелковых производств Лиона, руанских мастерских бархата, ковровщиков Парижа (гобелены) и Арраса широко вывозятся за пределы страны[242]. Рост производства потребовал иного транспорта: Франция покрывалась сетью дорог, среди которых было немало улучшенных. К концу правления Людовика XV в стране было построено 12 тыс. лье дорог, нуждавшихся, правда, в постоянном ремонте; современники жаловались на их чрезмерную, не оправданную реальными нуждами страны, широту. Требования заморской торговли побуждали к новым географическим открытиям и техническим усовершенствованиям: в 1734 г. Бугер публикует свою теорию кораблестроения, в 1748 г. Леруа создает хронометр, необходимый для точных наблюдений в открытом море. Открытия французских путешественников наводят ученых на смелую мысль произвести измерение Земли. Отсюда известные экспедиции Лакондамина (1735–1745) к экватору и Мопертюи (1734–1737) в Лапландию, давшие мощный толчок астрономическим знаниям эпохи.

На протяжении всего XVIII в. неуклонно росла внешняя торговля Франции: с 1714 по 1785 г. французский вывоз возрос в следующих размерах (в млн. ливров):

---

240 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 366.

241 Ф. В. Потемкин. К истории каменноугольной промышленности во Франции в первой половине XIX века. – «Из истории общественных движений и международных отношений. Сб. статей в память академика Евгения Викторовича Тарле». М., 1957, стр. 376; он же. Промышленная революция во Франции, т. I. М. 1971.

242 «Этот сектор, который вчера еще был только „мануфактурой“, уже превращается в „индустрию“ (см предисловие к книге: „1789. Les Francais ont Ta parole. Cahiers des Etats Generaux, presentes par P. Goubert et M. Denis“». Paris, 1964, p. 13).

Вывезено товаров	1714 г.	1785 г.
Сельскохозяйственных	36	93
Промышленных	45	123
Произведенных в американских колониях	16	165
Произведенных в азиатских колониях	2	4
Иностранный транзит	6	40

При таком размахе торговли особое значение приобретают порты Бордо, Нант и Марсель; в середине века крупным портом становится Гавр. Из колоний вывозят сахар, кофе, какао, ценные породы дерева, красильные и дубильные вещества, хлопок и кожи. Из этих товаров во Франции оседало не больше трети, остальное же, переработанное в продукты роскоши, отправляют в другие страны – от Испании до России. В колонии вывозятся солонина, мука, вино, ткани и рабы. Постоянные рейсы торговых судов идут по маршруту, называемому «треугольником»: от французского порта к Берегу Слоновой Кости в Африке за неграми, оттуда к берегам Америки, где их сбывают и грузятся колониальными товарами, и затем к Франции. О размахе этой торговли можно судить хотя бы по данным о денежных оборотах «треугольника» (с 27 млн. ливров в 1730 г. до 108 млн. ливров в 1790 г.) и по сведениям о росте кораблестроительной промышленности в порту Бордо, где было спущено в 1754 г. 14 кораблей общим водоизмещением 3640 тонн, в 1756 г. – 16 кораблей (3722 тонны) и в 1763 г. – 22 корабля общим водоизмещением 5240 тонн. И если в конце XVII в. на Антильских островах насчитывалось около 40 тыс. негров-рабов, то к 1789 г. их число достигло полумиллиона.

Этот путь экономического развития страны противопоставлял третье сословие двум первым. Но и внутри каждого из привилегированных сословий обнаруживаются расслоение и противоречия. Первое сословие королевства, духовенство, пользовалось огромными привилегиями и доходами. Церкви принадлежало около 10 % земель Франции, она была почти полностью освобождена от налогов, одна земельная рента приносила от 90 до 130 млн. ливров ежегодно и около 100–120 млн. ливров давала церкви «десятина», собираемая с прихожан. За вычетом так называемого «добровольного дара» в пользу казны, составлявшего от 3,5 млн. до 5 млн. ливров в год, остальное поступало в доход церкви.

Однако пользование этими доходами было очень неравномерно, наряду с богатейшими епископами (к 1789 г. их число составляло 139 человек, все они были выходцами из знатнейших дворянских семей, обладателями ежегодной ренты по 100–150 тыс. ливров) и со светскими аббатами, пользовавшимися доходами аббатств по милости короля, существовало еще низшее полуголодное духовенство, доходы которого не превышали (по статуту 1786 г.) 750, ливров в год для кюре и 300 ливров для викария. Зачастую реальная оплата сельского кюре и его викария была намного ниже этой условной суммы; поэтому часть кюре и викариев составляла подлинное церковное плебейство, вышедшее из народа, живущее с ним, разделявшее его взгляды, иллюзии и надежды.

Расслоение наблюдалось и во втором сословии Франции – дворянстве, владевшем около 20 % территории страны. Наряду с вельможами, жившими за счет пенсий двора (около 4000 человек) [243], существовало так называемое «дворянство мантии» и «дворянство колокольни», состоявшее из одворянившихся буржуа, купивших или унаследовавших должность в бюрократическом аппарате королевства, и буржуа, купивших у разорившихся

---

[243] В 1778 г. на армию, флот, колонии и расходы министерства иностранных дел было израсходовано 125 млн. ливров, а на содержание королевского двора и пенсии придворным 52 млн. ливров (J. Ntcker. Compte rendu au Roi. Paris, 1781, p. 140).

дворян поместья со всеми феодальными привилегиями. Наряду с ними существовало провинциальное дворянство, косное, отсталое, прозябавшее в своих полуразвалившихся замках и усадьбах, замкнувшееся в своей нищете. Ненавидимое крестьянами, презираемое вельможами, завидующее роскоши и блеску придворных, их доходам, извлекаемым из королевской казны, завидующее богатству буржуазии городов, которые та сумела накопить, провинциальное Дворянство, застыв в своем заскорузлом невежестве, со страхом и негодованием отвергало все новшества и искало спасения в возврате к старине. И если эти провинциальные дворяне больше всего боялись уронить свое «дворянское достоинство», занимаясь какой-нибудь полезной деятельностью, и предпочитали голодать, бедствовать, то высшее дворянство охотно вступало (непосредственно или через подставных лиц) в компании откупщиков, пополняя таким образом свой доходы [244]. Характерно в этом отношении признание современника: «Во времена моей юности низшие должности откупной системы бывали вознаграждением лакеев. Ны не там больше вельмож, чем простолюдинов».

В городах намечались также конфликты, между мастерами цеха и их подмастерьями и учениками, Которых фактически все больше превращали в наемных рабочих, всячески ограничивая и затрудняя им доступ к званию самостоятельного мастера (в ряде цехов это звание давалось лишь по уплате большого, почти непосильного денежного взноса, в других оно стало передаваться лишь по наследству и т. п.). Во-вторых, назревал уже конфликт между наемными рабочими и работодателями. Мелочная опека над цехами, строжайшая регламентация цехового производства, затруднявшая внедрение новой, более прогрессивной техники, приводили к тому, что цехи все более теряли свое значение, отступая перед мануфактурой, в первую очередь перед «рассеянной мануфактурой». Но и большие централизованные мануфактуры оказывались опасными конкурентами для цеховых ремесленников, безуспешно пытавшихся бороться против их «нечестных» нерегламентированных изделий. Но остановить их роста они не могли.

А внутри мануфактур возрастала рознь между буржуа-предпринимателями и их рабочими. Королевская власть становилась на сторону буржуа: после лионской стачки 1744 г. несколько ткачей было повешено, других сослали на галеры. Вслед за тем буржуа, испуганные стачкой, добились от правительства принятия антирабочего закона, в котором содержался запрет «всем подмастерьям и рабочим собираться в сообщества под предлогом братства или иначе сговариваться между собой, чтобы обеспечивать друг другу работу у хозяев или уходить от них, а также каким бы то ни было образом мешать означенным хозяевам самим выбирать себе рабочих» [245].

Крестьянство составляло примерно 80 % населения Франции. После кратковременного облегчения его положения в годы регентства (снижение тальи, полное освобождение от налогов на шесть лет тех, кто осваивает заброшенные земли, повторный запрет продавать за недоимки сельскохозяйственный инвентарь и орудия труда) крестьяне вскоре встретились с новыми трудностями. Введенный еще при Людовике XIV эдикт о триаже позволял сеньорам присваивать треть земли, ранее принадлежавшей крестьянской общине; пользуясь поддержкой местной администрации, зависевшей от них, сеньоры при этом присваивали себе лучшие земли. Кроме того, земля, принадлежавшая лично свободным крестьянам, продолжала считаться инфеодализированной, т. е. ее владельцы были обязаны нести множество повинностей в пользу сеньора.

В конце XVII и в первой трети XVIII в. в связи с изгнанием гугенотов из Франции[246]

---

[244] О структуре французского дворянства XVIII в. см. в книге: *F. L. Ford.* Robe and Sword. The Regrouping of the French Aristocracy after Louis XIV. Harvard Univ. Press, 1953.

[245] *E. Levasseut.* Histoire des classes ouvrieres et de I'industrie en France avant 1789, t. II. Paris, 1901, P 834.

[246] В 1724 г. Людовик XV опубликовал новый эдикт против протестантов, вызвав тем самым новую волну преследований и эмиграции.

произошла значительная утечка капиталов за ее рубежи. Это вызвало повышение стоимости денег, т. е. падение цен, в том числе и на сельскохозяйственные продукты. Стремясь возместить снижение своих доходов, сеньоры усилили нажим на крестьян, восстанавливая всевозможные забытые повинности и зачастую сдавая их на откуп городским буржуа или местным крестьянским богатеям. Последнее в свою очередь способствовало все возрастающему классовому расслоению деревни.

Особенное раздражение крестьян вызывала сеньориальная привилегия охоты, согласно которой крестьянин не имел права убивать куропаток, кроликов или голубей, пожиравших его посевы, – дворянин же мог, охраняемый старинными «священными правами», скакать на лошади по его полям, топтать посевы, преследуя зверя; местами крестьянам запрещалось даже убирать урожай, пока не окрепнут птенцы куропаток, или возводить изгороди, чтобы не мешать скачке охотников[247]. При этом право охоты было не только феодальным пережитком, но представляло собой добавочный – и порой значительный – источник дворянского дохода[248].

Нажим на крестьян не прекратился и после 1730 г., когда цены перестали падать. Дворяне стремились выжать из крестьян все платежи. Если же они продавали свои земли буржуа, желающим одворяниться, и уступали им свои сеньориальные права, то новые хозяева жестоко взыскивали с крестьян все недоимки, чтобы возместить свои затраты. По мере роста ценности денег этот нажим все усиливался. Так, в 1767 г. королевский эдикт разрешил ввести огораживание земель; в преамбуле это объяснялось необходимостью улучшения земледелия, но фактически лишало беднейших крестьян права выпаса их скота на скошенных участках. Поэтому многие историки называют вторую половину века, 1750–1789 гг., периодом феодальной реакции в стране[249].

В 1737 г. в связи с ростом внутренних рынков и потребностью в улучшенных дорогах генеральный контролер Орри возложил на крестьянство новую повинность – дорожную: ей подлежали все крестьяне – мужчины в возрасте от 12 до 70 лет и женщины до 60; при недостатке мужчин община могла заменить их женщинами из расчета две за одного. Поскольку правительство поощряло интендантов и их субделегатов к ускорению и удешевлению работ, они заставляли крестьян покидать свои хижины на срок до 30 дней в году. Лишь постепенно установилась повсеместная норма в 12 рабочих дней в год для работника и его рабочего скота. За отказ участвовать в выполнении работ и укрывательство тягла сельские общины карались штрафами и постоем отрядов конной стражи. И все же историки приводят случаи массового сопротивления этой повинности; так отмечается, что в Барсюр-Об (Бургундия) в 1771 г. насчитывалось 408 ослушников эдикту[250]. Лишь во время короткого министерства Тюрго дорожная повинность была временно отменена, но установлена затем вновь (с правом откупиться от нее). В 1787 г. был выпущен эдикт, повсеместно заменивший натуральную дорожную повинность новым налогом. Но крестьяне, и без того разоряемые все возрастающими налогами в пользу фиска и поборами в пользу сеньоров, не были рады этой замене.

Особенно тяжело ложилась на крестьянство неравномерность налогового обложения: сбор тальи был возложен на местную администрацию. Интенданты и их субделегаты

---

[247] См выписки из крестьянских наказов 1789 г., привел. иные в книге: «1789. Les Fianyais ont ia paioie…», р 91–94.

[248] С. Lefebvre. Etudes orleanaises, t. I. Paris, 1962, р 69.

[249] См.: *Н. М. Лукин.* Избр. труды, т. I. М., 1960. стр. 178–195.

[250] *A. Babeau.* Le Village sous l'Ancien Regime. Paris, 1879, p. 254.

налагали талью на общины по своему усмотрению: богатая (по их мнению) община должна была платить больше, бедная – меньше; внутри общины талья распределялась не менее произвольно. Поэтому для крестьянина показаться зажиточным зачастую означало полное разорение, ибо откупные приставы уводили за недоимки скот, увозили остатки зерна, уносили из хижины всю жалкую утварь.

Не меньше донимали крестьян «стрелки габели», соляные надсмотрщики, врывавшиеся в дома в поисках контрабандной соли; контрабандной считалась даже просто соль хорошего качества, так как откупщики, пользуясь монополией, зачастую засоряли соль примесями, чтобы повысить свои доходы. Известны и случаи преднамеренного отравления соли, отпускаемой для технических целей (засолка кожи и т. п.), чтобы потребители не воспользовались дешевым продуктом. Для целей надзора содержались огромные отряды ненавистных народу «габелеров»; ежегодно в тюрьмах Франции содержалось не меньше 2–3 тыс. нарушителей соляной монополии, ожидавших приговора к казни или галерам[251].

Сохранилось письмо епископа Масильона, отправленное им в 1740 г. из Клермона в провинции Овернь министру Людовика XV Флери. В этом письме мы читаем: «Народ в наших деревнях живет в чудовищной нищете, не имея ни постели, ни утвари. Большинству около полугода не хватает их единственной пищи – ячменного или овсяного хлеба, в котором они вынуждены отказывать себе и своим детям, чтобы иметь, чем оплачивать налоги… Негры наших островов бесконечно более счастливы, так как за работу их кормят и одевают с женами и детьми, тогда как наши крестьяне, самые трудолюбивые во всем королевстве, при самом упорном труде не могут обеспечить хлебом себя и свои семьи и уплатить причитающиеся с них взносы. Если в этой провинции находятся интенданты, говорящие иным языком, это значит, что они пожертвовали истиной и своей совестью ради презренной карьеры» [29]. Не во всех провинциях, однако, положение было столь катастрофическим: если в Пикардии четыре пятых крестьян не имеют лошадей [30] (но все же владеют третью земли), то Фландрия или Лангедок считаются гораздо зажиточней.

Усиливается классовое расслоение деревни, в которой выделяется, с одной стороны, прослойка крепких фермеров, покупающих или арендующих земли разоряющихся сеньоров или даже перекупающих их от временного владельца – буржуа, и, с другой, значительно большая масса парцеллярных крестьян и совсем безземельных батраков. Многие из них пытались укрепить свой нищенский бюджет работой на «рассеянной мануфактуре», другие становились рабочими-сезонниками, уходя в города или оседая на местных бумажных мельницах, росших в связи с развитием книгопечатания в стране. И если у рабочих-горожан, занятых на централизованных мануфактурах, оставалась еще надежда на поддержку тайного, хотя бы запретного, союза, то в еще более жалком положении оказывались крестьяне-рабочие рассеянных мануфактур: работая поодиночке или всей семьей у себя дома, отданные во власть предпринимателя-скупщика, они прирабатывали гроши, позволявшие им как-то существовать после уплаты королевских налогов и сеньориальных поборов, и еще почитали себя счастливыми, что, кроме нищенского земельного надела, в их собственности имеется станок.

Реальная заработная плата (при которой на хлеб расходуется до 50 %, а на питание в целом до двух третей заработка) падала на протяжении всего столетия: с периода 1726–1741 гг. по 1771–1789 гг. прожиточный минимум возрос на 56 %; за то же время денежная заработная плата выросла на 17 %, т. е. реальная заработная плата снизилась за полстолетие в среднем на 24 %[252]. Резюмируя положение, французские историки пишут: «Когда цены поднимаются наполовину, прибыль удваивается, а заработная плата скромно

---

[251] не революции XVIII в. – «Европа в новое и новейшее время». М., 1966.

[252] C. E. Labrousse. Esquisse du mouvement des prix et des revenue en France au XVIII e siecle. Paris, 1933, t. I, p. 147; t. II, p. 492–610.

возрастает на четверть. Экономический и социальный XVIII век целиком укладывается в эти три цифры: трудящимся – крохи со стола экспансии, держателям земельной ренты – непомерные прибыли»[253].

Поэтому пришедшие в города разнорабочие без специальности, прозванные современниками gagne-deniers («зарабатывающие гроши»), рабочие бумажных мельниц и даже кустари-надомники представляли собой постоянный источник беспокойства для королевской администрации как самые необеспеченные и вследствие этого самые бунтовщические слои населения. И если, по словам крупного французского историка Марка Блока, «сельское восстание представляется столь же неотделимым от сеньориального порядка, как забастовка от крупного капиталистического предприятия»[254], то XVIII в. являет переходную картину, сочетая вспышки бунтов с первыми попытками самоорганизации рабочего класса и первыми стачками. Антисеньориальные бунты при этом сливаются с голодными бунтами в деревнях и городах, когда городские низы и крестьянская беднота захватывают хлеб, устанавливают на него «справедливую» цену и пускают его в продажу населению[255]. Современник-мемуарист отметил бунт прядильщиц-надомниц (Руан, 1752), протестовавших против снижения цен на пряжу, поддержанный всеми рабочими города[256]. Появляются сведения о рабочих стачках, в первую очередь среди рабочих бумажных мельниц (1750, 1772) в той же несчастной голодающей Оверни[257]. И крайне характерным показателем настроения народных масс является то, что в течение всего XVIII в. во Франции держалась и получила особое распространение в 70-х годах легенда о так называемом «голодном заговоре» короля, правительства и аристократов против народа[258].

К середине века народные выступления стремительно нарастают. 1747–1748 гг. выдались неурожайными. И в селах, и в городах крестьяне, рабочие, беднота испытывали величайшую нужду. Доведенные до отчаяния люди брались за вилы и топоры. То здесь, то там, в разных концах королевства вспыхивали народные восстания. Огонь народных мятежей, перекидываясь по всей стране, подошел к Парижу. В 1750 г. столица оказалась также втянутой в водоворот событий. На улицах начались вооруженные выступления бедноты, с трудом подавляемые королевскими войсками. Был момент – в середине года, когда казалось, что королевская власть не сможет устоять – она будет снесена половодьем народного негодования.

Но час крушения феодально-абсолютистской монархии еще не пришел. С помощью верной ей армии монархия подавила народные выступления. Но внутренняя гнилостность режима, его историческая обреченность становились все очевидней. «Мы приходим к последнему периоду упадка», – писал в июне 1758 г. видный правительственный чиновник

---

[253] «1789. Les Frangais ont la parole»…, p. 19.

[254] М. Блок. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957, стр. 230.

[255] А. И. Коробочко. Из истории социальных движений во Франции в первой половине XVIII в. – «Французский ежегодник. 1965». М., 1966.

[256] *E. -F. Barbier.* Chronique de la Regence et du regne de Louis XV (1718–1763)…, Paris, 1857, v. V, p. 212, 213.

[257] С. *А. Лотте.* «Республиканское сословие» (из истории французского предпролетариата XVIII в.). – «Французский ежегодник. 1960». М., 1961.

[258] См. материалы о «деле» распространителя этой легенды, узнике Бастилии с 1765 по 1789 г., в книге: L. Say. Turgot. Paris, 1887, p. 99–101.

аббат де Берни, и это слово «упадок» (decadence) вскоре стало одним из самых распространенных, когда речь заходила о положении в королевстве.

В 50-60-х годах области «большой габели» на востоке Франции были охвачены «движением Мандрена» – широко развернувшимся движением контрабандистов солью, переросшим в народную войну [259] против откупной системы. Властям пришлось послать против Мандрена отряд в 2 тыс. человек, но правительственным войскам трудно было бороться с контрабандистами, окруженными всеобщим сочувствием народа. В конце концов Мандрен был предательски схвачен на территории Сардинского королевства, привезен во Францию и казнен, но песня о Мандрене, la Complainte de Mandrin, живет в памяти французского народа и в середине XX в.

В этой стране голода, нищеты, народных бедствий королевский Версаль представлял собой совсем иной, обособленный мир. Голоса народной нужды не проникали за зеркальные окна версальского дворца. Здесь звучала музыка – клавесин, лютни, скрипки. По вечерам бессчетные ряды окон озарялись ярким светом. Королевский дворец ослеплял роскошью, богатством, великолепием. Приезжие знатные гости удивлялись: какая легкая, счастливая, беззаботная жизнь неторопливо течет в этих парадных праздничных залах.

То были иллюзии. Верным было лишь то, что здесь никто не думал о бедственном положении королевства. Кому какое дело до того, что кто-то страдает, что кто-то мучается? Здесь развлекались: королевские охоты сменяли костюмированные балы; театральные представления чередовались с пышными празднествами. Деньги текли без счета. Король Людовик XV уверенно говорил: «На мой век хватит». Ему приписывали и другое изречение: «После меня хоть потоп». Эти циничные афоризмы весьма точно передавали дух царствования Людовика XV. Избалованный, капризный, ограниченный и слабый человек, король видел главное назначение монархии в том, чтобы безоговорочно и немедленно удовлетворять все прихоти, все самые взбалмошные и необузданные желания ее главы.

Но этот монарх, любивший позу могущественного властителя, всесильного самодержца, был лишь по видимости единственным повелителем своих подданных. В действительности страной правили его фаворитки – по очереди – госпожи Шатору, Помпадур, Дюбарри, или, вернее сказать, фавориты фавориток. Праздничная жизнь во дворце скрывала за собою тайные козни, происки, интриги. Сведущие люди знали, что добиться королевского указа или иного решения можно было, действуя не через министров, а через субреток или возлюбленных госпожи де Помпадур. Было также хорошо известно, что мнение этой дамы важнее любых официальных инстанций.

---

[259] Не склонный преувеличивать народные восстания историк говорит о «гражданской войне между контрабандистами и откупной системой». См.: M. Ma*rion.* Histoire financiere de la France…, p. 19.

Фрейлина королевы. Гравюра Мальбеста по рис. Моро

Не удивительно, что при этом растлении нравов, распутстве, казнокрадстве, всеобщей продажности государственные интересы и нужды подданных находились в величайшем пренебрежении. Прихоти королевской метрессы в глазах короля и двора были в сто раз важнее требований народа. Единственно, что заботило монарха и его двор – это пополнение усердно опустошаемой казны. Все средства хороши, чтобы казна не скудела. Откуда и каким путем выкачивают золото? Кто расплачивается за безумное мотовство, бессчетные расходы двора? Что будет с государством завтра? Об этом не хотели думать. В Версале жили сегодняшним днем.

Под стать этому хищническому, близорукому, преступному ведению дел внутри государства, с неотвратимостью влекущему монархию к крушению, которое трудно даже назвать внутренней политикой, была и внешняя политика королевства.

Основное содержание внешней политики Франции в годы Людовика XV составляло соперничество с Англией, то проявлявшееся экономическим соревнованием, то прорывавшееся ожесточенными войнами. При этом безвольный и легкомысленный король зачастую лично вмешивался в дипломатические отношения, вступая (тайно от своих министров иностранных дел) в переписку с иностранными дворами, посылая им своих

эмиссаров, запутывая и без того сложную ситуацию [260]. Отсюда – неожиданные повороты и скачки во внешней политике Франции и даже войны, стоившие стране огромных жертв, но не оправданные интересами страны и не популярные у народа.

Одной из таких войн была так называемая война за польское наследство (1733–1735), в которую Франция оказалась втянута из-за династических соображений. Людовик XV, женатый на дочери незадачливого польского короля Станислава Лещинского (возведенного некогда на трон Карлом XII и сброшенного с трона после разгрома Карла Петром I), захотел вернуть ему утерянный трон, ставший вакантным в 1733 г. В сентябре 1733 г. Станислава даже вновь избрали королем Польши; но уже через три недели он был свергнут с престола сторонниками другого претендента на польский трон – саксонского курфюрста Фридриха-Августа, поддержанного Россией и Австрией.

Станислав укрылся в Данциге, куда Франция смогла выслать только небольшой отряд в 1500 человек; вскоре Станиславу пришлось бежать в Пруссию, а отряд, посланный ему на помощь, попал в плен в Россию. Французские войска вторглись в австрийские владения на Рейне и в Италии, но несколько безрезультатных сражений привели только к охлаждению между Францией и ее Союзником королем Сардинии. В конце концов Франция оказалась в состоянии дипломатической изоляции и была вынуждена прекратить военные действия. По Венскому договору (3 октября 1735 г.) Людовик XV отказался от польской короны за Станислава Лещинского; последнему, правда, за это оставили титул короля и предоставили в пожизненное владение Лотарингию и герцогство Бар. По дополнительному договору (28 августа 1736 г.) Франция обязывалась выплачивать ежегодно герцогу Лотарингскому компенсацию в 4,5 млн. ливров. Зато Франция должна была после смерти Станислава получить Лотарингию навечно. Но все влияние Франции в Польше было сведено к нулю.

В 1740 г. Франция вступила в «войну за австрийское наследство» (1740–1748), начатую спором между Фридрихом II прусским и австрийской императрицей Марией-Терезией. Фридрих требовал себе Силезию, на которую Пруссия давно претендовала; Австрия отказывалась ее уступить Так началась война, в которую Франция вступила союзницей Пруссии. В войну оказались втянуты, с одной стороны, кроме Пруссии и Франции, Испания, Бавария, Саксония, Неаполь, Сардиния, Швеция, а с другой – Австрия, Англия (вступила в войну в 1744 г.), Голландия, а с 1747 г. и Россия. Французы потерпели ряд поражений от австрийцев (под Линцем, под Прагой, под Деттингеном); лишь в Голландии французы одержали несколько побед (сражение под Лоуфельдом, взятие крепости Берг-оп-зоом). Франция сделала также попытку перенести войну на территорию Англии, доставить туда претендента (Карла Стюарта) и разжечь там гражданскую войну; но отряды претендента потерпели поражение, а флот Англии наголову разбил французский флот 14 июня 1747 г. В это время Фридрих II договорился с Австрией о прекращении войны. По Аахенскому договору (18 октября 1748 г.) Силезия закреплялась за Пруссией, Мария-Терезия была признана императрицей Австрии, к Испании отходили некоторые итальянские владения Австрии (Пьяченца и Парма); Франции же пришлось отказаться от поддержки претендента, признать права Ганноверского дома на английский престол, срыть укрепления Дюнкерка и очистить провинции Голландии, занятые ее войсками. Эта война принесла Франции только жертвы и потери. Государственный долг возрос на 1200 млн. ливров.

В 1756 г. Франция оказалась уже союзницей Австрии в войне против коалиции Пруссии и Англии; к Франции и Австрии присоединились также Россия, Саксония, Польша и Швеция, с тревогой наблюдавшие за усилением Пруссии. Так началась война, получившая позднее название Семилетней (1756–1763 гг.). Еще до официального объявления войны Франция и Англия столкнулись в Индостане, Африке и Америке: в Индии войска лорда Клайва разбили (1752) войска французского резидента Дюпле, в Африке английский флот

---

260 *De Broglie.* Le secret du roi. Correspondance secrete de Louis XV avec sea agents diplomatiques, 1752–1774. Paris, 1878; *E Caro.* La Fin du dixhuitieme siecle. Etudes et portraits, v. 1. Paris, 1880, p 126–154.

уничтожил прибрежный французский форт Анамабу (Сенегал), в Америке шли споры и происходили вооруженные столкновения из-за Антильских островов, которыми Франция очень дорожила, и из-за неуточненной границы между английскими колониями и Французской Канадой и Луизианой.

Военные действия Семилетней войны развивались вначале благоприятно для Франции, одержавшей несколько незначительных, но громких побед на море и в Канаде, но вскоре недисциплинированность командного состава (доходившая до того, что морские офицеры из дворян, носившие красные мундиры, отказывались подчиняться «синему» адмиралу из третьего сословия)[261] и дезорганизация снабжения армии, отданного на откуп денежным воротилам из окружения министра Шуазеля, обернулись для Франции рядом катастрофических поражений на суше и на море. Французская армия оказалась разбитой в сражениях при Росбахе, Кревельте, Миндене и Филингхаузене на территории Германии; в Канаде англичане овладели Квебеком, в Карибском море – островами Мартиника и Гваделупа (Антильские острова); в Индии англичане разбили войска французского командующего Лалли, который возбудил против Франции все туземное население и тем самым значительно ослабил возможности сопротивления; наконец, французский флот был разгромлен и потоплен в ряде столкновений. Морской министр Берье объявил, что Франция вообще неспособна противостоять Англии на море, и продал частным лицам военный флот королевства и все запасы адмиралтейства.

В конце концов после неудачной, непопулярной и изнурительной войны Франции пришлось в ноябре 1762 г. пойти на мирные переговоры; по мирному договору, подписанному в Париже 10 февраля 1763 г., Франция теряла свои владения в Индии, кроме пяти городов, где ей запрещалось возводить укрепления, уступала Англии всю Канаду и владения по левому берегу Миссисипи; кроме того, Франция отдавала Луизиану Испании в возмещение понесенных ею потерь. Но по настояниям негоциантов Бордо, Гавра и Нанта, связанных с импортом колониальных товаров и с негроторговлей, французской дипломатии удалось добиться возвращения Франции Антильских островов, причем считалось, что это с лихвой возмещает все потери.

Все это вместе взятое – полная неспособность абсолютистского правительства, проявлявшаяся в течение стольких лет как во внешней, так и во внутренней политике, нищета народных масс, наряду с этим вызывающая роскошь и разврат двора, неумелое ведение войн, чуждых интересам страны, бессмысленность преследований протестантов и янсенистов, ссоры с парламентами, которых абсолютизм так и не сумел сломить, – все это неоднократно на протяжении XVIII в. приводило Францию к экономическим, Политическим и социальным частным кризисам, отражавшим общий кризис и загнивание феодально-абсолютистского строя. Некоторые дальновидные современники видели и понимали это. Так, уже в 1751 г. бывший министр иностранных дел Людовика XV д'Аржансон записывал в своем дневнике: «Все это горючий материал, бунт может перерасти в мятеж, а мятеж во всеобщую революцию…»[262]. Несколько поздней о том же писал и Вольтер: «Все, что я вижу, бросает семена неминуемой революции»[263], Даже некоторые лица в правительстве настолько не доверяли своим силам, что были готовы в любой момент бросить свой пост. Так, в 1758 г. министр Людовика XV, ставленник маркизы Помпадур аббат Берни, обращался к своей покровительнице с просьбой об отставке: «Я больше не могу отвечать за мою работу… Я вижу, куда мы идем, и не хочу быть обесчещенным»[264].

---

[261] *A. Tocqueville.* Histoire philosophique du regne de Louis XV, t. II, p. 167, 168.

[262] «La France au milieu du XVIIIe siecle d'apres le journal du marquis d'Argenson…». Paris, 1398, p. 133.

[263] *Voltaire.* Oeuvres completes. Kehl, 1785, t. 76, p. 256 (Lettre au m-quis de Chauvelin, 2 avril 1764).

[264] Цит. по: *Ch. Aubertin.* L'Esprit public au XVIII siecle Paris, 1873, p. 350.

Поэтому весь период правления Людовика XV может быть определен как период самодискредитации королевской власти. Результаты этого ярко сказались в примере, приводимом в 1774 г. парижским книгоиздателем Арди: когда Людовик XV заболел в 1744 г… за его здоровье в соборе Парижской богоматери было заказано 6 тыс. месс: в 1757 г., после покушения Дамьена на короля и соответствующего подъема роялистских чувств, – только 600: и, наконец, когда Людовик XV действительно умирал, было заказано только 3 мессы; во всем Париже не нашлось и пяти человек, желающих молиться за короля[265]. И когда он умер (10 мая 1774 г.), Франция вздохнула с облегчением.

Канун революции

Первые годы правления Людовика XVI показывают, что в правящие круги Франции уже проникло смутное представление о невозможности управлять страной по-старому. Девятнадцатилетний король начал свое царствование многообещающе. Он отказался от 24 млн., поднесенных ему при вступлении на престол. Он уволил и выслал из Парижа вызывавшего всеобщую ненависть канцлера Мопу и аббата Терре, ревностных приспешников режима Людовика XV, и призвал на должность генерального контролера финансов популярного в кругах буржуазии Робера Тюрго.

Но это продиктованное необходимостью стремление нового монарха править по-новому натолкнулось на энергичное сопротивление реакционных феодальных сил; привилегированные сословия изо всех сил цеплялись за свои привилегии. Так, например, придворная партия в 1780 г. добилась королевского ордонанса, по которому недворянам и даже новым дворянам, не имеющим четырех поколений дворянских предков, закрывался доступ к офицерским чинам в армии и флоте.

С особой силой сопротивление привилегированных сказалось во время недолгого министерства Тюрго (1774–1776). Он принадлежал по происхождению к высшим кругам служилого дворянства и рано выдвинулся как мыслитель, проводник взглядов новой экономической школы физиократов, создавших еще в середине века, т. е. в период полного господства феодально-абсолютистского строя, «первую систематическую концепцию капиталистического производства»[266]. Назначенный еще во времена Людовика XV (1761) интендантом Лиможского генералитета (области Лимузен и Ангумуа), он внес значительные улучшения в дело взимания налогов во вверенных ему областях, добился отмены ненавистной натуральной дорожной повинности, заменив ее денежным сбором, и провел ряд мероприятий по борьбе с неурожаями и голодом. Однако предложенная им система свободы торговли зерном встретила тройное сопротивление: со стороны голодных народных масс, требовавших, чтобы власти обеспечивали их дешевым хлебом, со стороны местной администрации, боявшейся хлебных бунтов, и со стороны генерального контролера (министра) финансов Людовика XV аббата Террэ, противника физиократов и вообще врага всяких новшеств.

В августе 1774 г. Терре был смещен, и на его место был назначен Тюрго, бывший к тому времени морским министром; он предложил новому королю широкий план реформ. В первую очередь он рекомендовал Людовику XVI ввести режим строгой экономии. «В будущем можно надеяться, – писал он королю 24 августа 1774 г., – путем поднятия сельского хозяйства, уничтожения злоупотреблений при сборе налогов и более справедливого распределения повинностей добиться значительного улучшения положения народа, не уменьшая при этом сколько-нибудь чувствительно доходов государства; но никакие

---

[265] *Ф. Рокэн.* Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке 1715–1789 гг СПб., 1902, стр. 336.

[266] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 24, стр. 405.

реформы невозможны без предварительной экономии»[267]. В числе его реформ следует в первую очередь отметить введение полной свободы внутренней торговли зерном, упразднение по всей Франции натуральной дорожной повинности, замененной денежным сбором, падавшим на всех собственников, т. е. не только на третье сословие, но и на привилегированных. Вслед за тем была объявлена отмена цехов, ставших препятствием на пути технического прогресса. В преамбуле эдикта об отмене цехов и цеховых привилегий провозглашалось, что труд – естественное право человека, а не «королевское право», которое «государь правомочен продавать, а его подданные должны приобретать за деньги».

Но реформам Тюрго не дано было осуществиться. Уже весной 1775 г. во Франции в результате неурожая предшествующего года начался голод и по всей стране, включая Париж, прокатилась волна голодных бунтов. Существует довольно обоснованное предположение, что эти бунты, отмеченные историками как события «мучной войны», были не только стихийными, но и Сознательно направлялись провокационной деятельностью противников свободной торговли[268]. Тюрго жестоко подавил бунты, но не мог справиться с противниками справа. Против Тюрго была вся придворная камарилья во главе с королевой Марией-Антуанеттой, недовольной его попытками экономить на содержании двора; против него выступили дворянство и церковь, разъяренные его стремлением упразднить их налоговые привилегии; церковь, кроме того, противилась намерению Тюрго ввести веротерпимость в стране; против Тюрго были цеховые мастера и парламенты, выступавшие в защиту незыблемых «законных» привилегий. Тюрго ставили в вину, что из-за него волновались народные массы, страдавшие от дороговизны хлеба и видевшие в его деятельности источник своих бед. В конце концов весной 1776 г. Тюрго уволили в отставку и все его нововведения были отменены: правительство вновь ввело дорожную повинность и цехи, восстановило хлебные и прочие пошлины, вернулось к внутренним таможенным барьерам.

В 1778 г. Людовик XVI назначил на место Тюрго женевского банкира Неккера (но как иностранец он получил звание директора финансов), известного противника свободной торговли. Но и Неккер видел необходимость каких-то реформ; поэтому, несмотря на сопротивление парламентов, он провел ряд мер: отмену крепостной зависимости в королевских доменах[269] и там, где еще держалось крепостное право, предоставление крепостным возможности выкупиться на свободу (но нужно отметить, что местами, и в первую очередь на монастырских землях, крепостные отношения сохранились до самой революции 1789 г.); отмену пытки при допросах и т. п. Неккер попытался также внести порядок в денежные дела королевства, выпустив несколько займов и ограничив расходы двора. Но предотвратить развал королевской Франции не удалось и ему.

Война за независимость американских колоний (американская буржуазная революция XVIII в.) вызвала во Франции огромный энтузиазм. Со своей стороны правительство Людовика XVI попыталось воспользоваться ситуацией и отплатить Англии за поражения, нанесенные Франции в прошлых войнах. Поэтому, несмотря на внутренние финансовые трудности, еще весной 1776 г. из личных средств короля повстанцам была дана ссуда в 1 млн. ливров; в дальнейшем французские субсидии и займы молодым Соединенным Штатам составили свыше 8 млн. долларов[270]. В 1777 г. из Франции в Америку направился

---

[267] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 405.

[268] A.R.J. Turgot. Oeuvres, t. VII. Paris. 1810, p. 154.

[269] 61 Парламент Франш-Контэ отказывался зарегистрировать этот «незаконный» акт в течение девяти лет.

[270] *J. R. Alden.* American Revolution. London, 1954, p. 182. *D. Mornet.* Les Origines intellectuelles de la Revolution francaise. Paris, 1933.

отряд волонтеров, в который входили молодой либеральный маркиз Лафайет, будущий основоположник утопического социализма Сен-Симон и другие воодушевленные идеями свободы молодые люди, чтобы вместе с восставшими колонистами сражаться против Англии за свободу американского народа. В то же время французская буржуазия через подставную фирму «Родриго Горталес», во главе которой стоял энергичный делец и известный писатель Бомарше, снабжала повстанцев вооружением и припасами.

В феврале 1778 г. Франция заключила договор с восставшими колониями; по этому договору она признавала американскую независимость и обязывалась поддержать территориальные претензии США; те обязались за это поддержать претензии Франции на английские колонии в Вест-Индии. В 1779 г. Франция в союзе с Испанией выступила на помощь Соединенным Штатам. В этой войне французские волонтеры отличились в сражении под Йорктауном (19 октября 1781 г.); французский флот, перестроенный заботами Тюрго, имел несколько удачных столкновений с англичанами. Французская эскадра немало содействовала разгрому английских сил под Йорктауном, отрезав им возможность отступления морем.

В сентябре 1783 г. в Версале был подписан мирный договор, по которому Англия признавала независимость 13 американских колоний и удовлетворяла некоторые претензии Испании. Договор подтверждал право Франции на острова Табаго и Св. Лючии из группы Антильских островов, города Пондишери, Чандернагор и фактории Карихал, Янаон и Маэ в Индии и возвращал Франции Сенегал и Горэ в Африке и право рыболовства у берегов Ньюфаундленда. Но вскоре министр иностранных дел Вержен подписал невыгодный для Франции торговый договор с Англией, по которому английским купцам была предоставлена возможность свободно закупать хлопок во французских колониях; одновременно были снижены импортные пошлины на английские товары. Поэтому договор Вержена вызвал сильнейшее негодование в стране, особенно среди негоциантов.

Ощущение неблагополучия в стране, неспособность феодально-абсолютистского правительства справиться с внутренними кризисами и внешними противниками не могли не волновать современников. Долгие годы царствования Людовика XV и неудачи реформ Людовика XVI с полной очевидностью показали, что абсолютная монархия, еще недавно – во времена «короля-солнца» Людовика XIV – казавшаяся могущественной, несокрушимой твердыней, теперь вступила в полосу упадка и разрушения. Великолепный парадный фасад уже никого не вводил в заблуждение. Все знали, что за ним скрывается развал, распад, нищета. Преступления, ошибки, просчеты, нагромождаемые королевской властью, раскрывали ее внутреннюю слабость.

С последних лет царствования Людовика XIV, в годы регентства и царствования Людовика XV, Людовика XVI шло в общем нисходящее развитие абсолютной монархии. В этом была своя закономерность. Если во времена Генриха IV абсолютизм во Франции отвечал потребностям исторического развития, то в XVIII в. он превратился уже в его оковы. Более того, вся феодально-абсолютистская система вступила в конфликт с задачами – общественного развития страны.

Как это было видно из предыдущего, феодально-абсолютистскую Францию раздирали глубокие внутренние противоречия. Их было много, и они по-разному проявлялись на поверхности политической жизни. Но как ни многообразны и различны были эти противоречия, в каких бы разных аспектах они ни проявлялись, все они в конечном счете сводились к глубокому, непримиримому конфликту между третьим сословием и феодально-абсолютистским режимом, возглавляемым монархией, защищающей интересы привилегированных сословий.

Третье сословие составляло девять десятых населения Франции. Оно было неоднородно в классовом отношении, и между буржуазией, крестьянством и плебейством, входившими в его состав, существовали немалые расхождения интересов. Но поскольку и буржуазия, являвшаяся экономически наиболее сильным классом, претендовавшим на первенство, и крестьянство – самая многочисленная часть населения, жизненно

заинтересованная в ликвидации феодальных порядков, и плебейство – самая обездоленная классовая группировка – все страдали от существовавшей феодально-абсолютистской системы, это создавало условия для возникновения единого антифеодального союза. В борьбе против феодализма, против привилегированных сословий все классы и классовые группы третьего сословия, несмотря на существовавшие между ними противоречия, выступали пока едиными. Третье сословие вступало в борьбу с феодально-абсолютистским строем.

Просвещение

Общественно-политические процессы нашли свое отражение в идеологической борьбе – в оживлении идейной жизни, в появлении целой плеяды мыслителей, ставивших в своем творчестве самые острые проблемы философии, социологии, искусства и т. п. XVIII век во Франции поэтому носит имя века Просвещения, и писатели этой эпохи известны в русской исторической литературе под общим именем просветителей. Ф. Энгельс писал об их деятельности: «Религия, понимание природы, общество, государственный строй – все было повергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него»[271].

Но это не означает, что просветители были единомышленниками во всем: понимая гнилость режима, который надо было еще свалить, одни предлагали скромные реформы, другие же ставили вопрос о решительной ломке существующего строя. Выступая вместе против изжившего себя феодально-абсолютистского строя, одни думали о его замене «разумным» устройством, не подозревая, что «это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии»[272], другие выдвигали идею глубокого социального переустройства мира. Литература эпохи Просвещения являлась ареной ожесточенной идейной борьбы. Просветители обсуждали и оспаривали проблемы собственности и отношения к народу, их мнения разделялись по вопросу о том, давать ли народу полноту истины или оставить ее привилегией избранных; одни из них делали ставку на просвещенный абсолютизм, надеясь с помощью «философа на троне» устранить наиболее вопиющие язвы режима, другие же готовы были искать выход в народном восстании или даже во всеевропейской революции. Отсюда – острая полемичность их произведений.

Довольно широкое распространение грамотности во Франции XVIII в. (историки считают, что во Франции накануне 1789 г. было больше 47 % грамотных мужчин, около 27 % грамотных женщин) привело к весьма развитому книгопечатанию, и если правительство боролось со смелой мыслью, отправляя писателей в Бастилию и сжигая их книги на костре, то это вызвало лишь расцвет торговли потаенной книгой, печатавшейся в типографиях Голландии, Женевы или Авиньона и контрабандой проникавшей во Францию. Поэтому, по свидетельству современников, книги просветителей были у всех на руках[273].

Одним из зачинателей французского Просвещения по праву считается скромный сельский кюре Жан Мелье (1664–1729), сочинение которого «Завещание» не было опубликовано при жизни автора, но, переписанное им самим в трех экземплярах, стало распространяться по Франции в рукописных копиях. Сын деревенского кустаря, Мелье хорошо знал жизнь и нужду народных низов Франции; его «Завещание» остро критикует не только феодально-абсолютистский строй, но и основы общества, построенного на присвоении одними результатов труда других, на господстве привилегированных (по

---

[271] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 16.

[272] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 17.

[273] D. Mornet. Les Origines intellectuelles de la Revolution franaise. Paris, 1933, p. 430 et suiv.

знатности или по богатству) над народом. Кюре из Этрепиньи выступал как убежденный и последовательный безбожник. Обличая алчность и лицемерие духовенства, он подчеркивал связь церкви с королевской властью как опоры тирании, как орудия угнетения народа. «Религия, – пишет Мелье, – поддерживает даже самое дурное правительство, а правительство в свою очередь поддерживает даже самую нелепую, самую глупую религию…»[274] Мелье высказывался не только против французского абсолютизма, но и против частной собственности. По его мнению, «зло, принятое и узаконенное почти во всем мире, заключается в том, что люди присваивают себе в частную собственность блага и богатства земли, тогда как все должны были бы владеть ими сообща на равных правах и пользоваться ими точно так же на одинаковом положении и сообща» [275].

Мелье стремился просветить народ, чтобы побудить его совершить революцию. Он призывал своих современников: «Постарайтесь объединиться, сколько вас есть, вы и вам подобные, чтобы окончательно стряхнуть с себя иго тиранического господства,… ниспровергните повсюду все эти троны несправедливости и нечестия, разможжите все эти коронованные головы, сбейте гордость и спесь со всех ваших тиранов»[276]. К революции в XVIII в. призывали немногие. Мелье был одним из первых мыслителей, смело поставивших вопрос о насильственном освобождении от тирании.

В те самые годы, когда «Завещание» Мелье начало расходиться в списках по стране, в Париже был опубликован «Политический опыт о коммерции»[277] экономиста Жана-Франсуа Мелона (?-1738 гг.). Признавая, что труд может явиться источником богатства, он ставил вопрос о том, как из этой способности труда обеспечить извлечение максимальной прибыли – а это, с его точки зрения, и является основной целью экономической жизни. Поэтому он чрезвычайно высоко оценивал владельцев мануфактур. «Мануфактурист, – пишет Мелон, – заслуживает всяческого внимания законодателя»[278]. Стремясь обеспечить мануфактуристу большие прибыли, Мелон предлагал ввести во Франции юридически закрепленное рабство для рабочих. Мелон доходил до того, что объявлял рабство лучшим уделом для рабочего, чем наемный труд: «Во всяком случае, он может быть уверен, что его будут кормить, когда немощь или старость сделают его неспособным к работе». Предвидя возражения рабочих против своего проекта, Мелон пишет: «Предоставить суждение по вопросу о рабстве самим рабам, а не хозяевам, значит плохо разбираться в политике вообще. Поставьте вопрос, должны ли быть батраки, слуги, солдаты милиции, и представьте им судить: они все предложат равенство. Но так как законодатель знает невозможность этого равенства, ему и надлежит судить о том, какое подчинение лучше обеспечивает спокойствие и благополучие нации в целом»[279].

Шарль Луи Монтескье, барон де ла Бред де Секонда (1689–1755 гг.), занимавший

---

[274] p. 430 et suiv.

[275] *Ж. Мелье.* Завещание, т. I. M.. 1954, стр. 67.

[276] *Ж. Мелье.* Завещание, т. III, стр. 356. О Мелье см.: *В. П. Волгин.* Мелье и его «Завещание». – *Ж. Мелье.* Завещание, т. I; *Б. Ф. Поршнев.* Народные истоки мировоззрения Жана Мелье. – «Из истории социально-политических идей». М., 1955; он *же.* Мелье. М., 1964; *M. Dommangеt.* Le cure Meslier. Athee, communiste et revolutionaire sous Louis XIV. Paris, 1965; *Г. С. Кучеренко.* Судьбы «Завещания» Ж. Мелье в XVIII веке. М., 1968.

[277] *J. F. Melon.* Essai politique sur le commerce. [Paris]. 1734.

[278] Цит. no: «Economistes-financiers du dixhuitieme siecle», p. 693. Сочинение Мелона заслуживает внимания как одно из первых откровенных выступлений корыстной буржуазной мысли.

[279] «Economistes-financiers du dixhuitieme siecle», p. 681–682.

видный пост в провинциальном управлении Франции (сначала советник, а потом президент бордоского парламента), писатель, социолог и историк, был выдающимся представителем просветительского движения во Франции. В анонимном романе «Персидские письма» (1721 г.) он создал острую сатиру на феодально-абсолютистский строй, высмеяв бездарность государственного управления, нелепые и дорогостоящие прихоти двора, религиозную нетерпимость и т. п. В «Рассуждении о причинах величия и упадка римлян» (1734 г.) он делал попытку объяснить историю Рима, обходясь одними естественными причинами, отбрасывая теологическое объяснение исторического процесса. Но наибольшее впечатление на современников произвел его теоретический трактат «О духе законов», опубликованный им анонимно в Женеве (1748 г.).

Главное в учении Монтескье – различение трех форм государственного управления: деспотии, основой которой является страх, монархии, основанной на «принципе чести», и республики, покоящейся на добродетели. Признавая теоретически преимущество республики, Монтескье объявлял ее осуществимой только в малых странах; деспотия же, по его учению, характерна для огромных государств Востока – Персии, Индии, Китая и т. п. Наиболее пригодной для Франции формой правления объявлялась, таким образом, монархия. При этом Монтескье желал перенести на родину идеализируемые им особенности английского государственного устройства, выдвигая учение о благотворном значении разделения властей на независимые, но контролирующие друг друга инстанции – законодательную, исполнительную и судебную.

Взгляды Монтескье были для своего времени прогрессивными, хотя они и проникнуты духом компромисса. Не признавая революционных методов борьбы, Монтескье все же пытался поставить преграду законов на пути произвола власти. Поэтому его учение нашло много сторонников среди либеральных верхов. Оно отразилось в американской конституции и в ряде конституционных документов первых этапов французской революции.

Но среди современников были и критики Монтескье: особые возражения среди просветителей радикально-демократического крыла вызвали его метафизические положения о трех принципах государственного управления. Так, революционно настроенный Лабомель писал: «В Европе больше нет ни монархии, ни демократии, ни деспотизма. Сегодня все – торговля… Прибыль стала принципом всех государств»[280]. Через несколько лет эти же возражения («Собственность – вот дух законов»[281]) выставил Ленге, отточенную формулировку которого так высоко оценил К. Маркс[282].

Из всех французских просветителей наибольшее влияние на современников оказал Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ, 1694–1778), чьим именем иногда обозначают всю эпоху Просвещения[283].

---

280 *[L. A. de la Beaumelle]*. Mes pensees. Londres, 1752, p. 63.

281 [N. *Linguel]*. Theorie des loix civiles, ou Principes fondantentaux de la societe.. 1 Londres, 1767, p. 236.

282 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 748.

283 О Вольтере существует огромная литература. См.: *М. Bamm.* Bibliography of Writings on Voltaire, 1825–1925. N. Y., 1929.

Вольтер. Скульптура Гудона

То был писатель, драматург, публицист, историк и философ огромного таланта, оставивший глубокий след в развитии общественной мысли своего времени во Франции и далеко за ее пределами.

Всю свою долгую творческую жизнь, начавшуюся в 1717 г. трагедией «Эдип», Вольтер отдал борьбе против религиозного фанатизма, против остатков крепостничества во Франции, против придворной камарильи, против бессмысленности войны. Его «Философские письма» (1734), опубликованные им после трехлетнего пребывания в Англии, противопоставляли (с позиций, враждебных абсолютизму) английские порядки, английскую философию (Локк), науку (Ньютон) и литературу (Свифт, Поп) французским. Читателя тех лет поражала казавшаяся тогда крайне смелой мысль автора; «Не знаю, кто полезней для государства, – отлично напудренный сеньор, точно знающий, в котором часу король встаег и в котором ложится, и напускающий на себя важный вид, играя роль раба в прихожей какого-нибудь министра, или негоциант, обогащающий свою страну, рассылающий из своей конторы приказы Сурагу и Каиру и содействующий счастью вселенной»[284].

Этими строками Вольтера верхушка третьего сословия заявляла свои претензии на господство в стране. Абсолютистское правительство ответило на это конфискацией и сожжением книги, автору же пришлось спасаться на окраине Франции, в Лотарингии, где он провел (с короткими перерывами) около 15 лет. И раньше, и позже Вольтер подвергался

---

284 Voltaire. Lettres philosophiques ou Lettres anglaises, ed, de R. Naves. Paris, 1964, p. 46, 47.

гонениям властей; в молодости он узнал казематы Бастилии, позже предпочел не испытывать судьбу и последние десятилетия жизни провел в положении изгнанника на самой границе Франции и Женевы, в Фернейском поместье. Лишь весной 1778 г. он снова приехал в столицу. Париж устроил ему торжественную встречу, но через три месяца он умер.

Вольтер выступал крайне активно во всех жанрах, берясь решать проблемы современных точных наук («Основы физики Ньютона»), истории («Опыт о нраве и духе народов», «Век Людовика XIV» и др.), философии («Философский словарь»). Кроме того, Вольтер – зачинатель и мастер нового жанра, философской повести («Задиг», «Кандид», «Белый бык» и др.), в которой основные идеи Просвещения представали перед читателем в доступной и блистательно-остроумной форме. Он известен и как блестящий поэт-сатирик («Орлеанская девственница»), мастер великолепных трагедий, долго шедших на сценах театров всего мира. Особенно выдвинула Вольтера в глазах современников предпринятая им защита жертв католической церкви (Каласа, Сирвена и Лабарра); мужественно, смело он боролся против могущественной церкви.

Следует, однако, отметить, что Вольтер был все же чужд низам третьего сословия; так, оставаясь деистом, он считал религию необходимой для «простонародья». Отсюда его формула: «Если бы бога не было, его следовало бы изобрести». Еще более откровенные мысли о роли, отведенной народу, высказаны им в статье «Собственность»: «Нужны люди, не имеющие ничего, кроме своих рук и доброй воли… Они будут свободны продавать свой труд тому, кто захочет его лучше оплатить. Эта свобода заменит им собственность»[285]. Но самые выразительные высказывания Вольтера обнаруживаются в его маргиналиях, не предназначавшихся им для печати и прочитанных лишь в наше время. Так, на ряде книг его библиотеки обнаруживается надпись «опасная книга», а на книге Неккера «О законодательстве и торговле зерном», высоко оцененной К. Марксом [286], Вольтер надписал со страхом: «Эта книга была бы очень опасной, если бы народ умел читать»[287]. Однако огромное влияние Вольтера на современников и последующие поколения определялось не столько его позитивными взглядами, сколько тем духом вольнолюбивого, насмешливого сомнения во всех законах и нормах старого мира, которое рождало блещущее талантом, иронией, умом его яркое творчество.

Громадное значение в развитии просветительской идеологии имел философ-материалист и писатель большого таланта Дени Дидро (1713–1784), создатель и многолетний редактор знаменитой «Энциклопедии наук, искусств и ремесел», ставшей чем-то вроде идейного штаба третьесословной мысли. Среди сотрудников «Энциклопедии» были Монтескье, Тюрго, Вольтер, Руссо, Даламбер, все самые крупные мыслители эпохи, ученые, инженеры, врачи и т. д.

Новым в «Энциклопедии» было ее подчеркнутое (даже в названии) внимание к ремеслам, технике и т. п. Дидро сам изучал вопросы технологии и ряд статей заказал никому не известным авторам, мастерам различных отраслей производства, квалифицированным рабочим и т. д. «Энциклопедия» была одновременно справочным, научным и полемическим изданием. Многое, чего авторы не могли написать из опасения цензурных преследований, было высказано намеком и в таком виде доходило до читателей, умевших понимать недосказанное. Но реакция не упускала случая помешать публикации «Энциклопедии»: ее дважды запрещали (в 1752 и 1759 гг.), многие статьи искажались и смягчались (тайно от

---

[285] Voltaire. Oeuvres completes, ed. 1785, t. 54, p. 362, 363; см. также: В. С. Люблинский. Маргиналии Вольтера. – «Вольтер». Статьи и материалы под ред. М. П. Алексеева Л., 1947.

[286] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. I, стр. 301–304.

[287] См.: *Л. С. Гордон.* Вольтер – читатель Бейля и Неккера. – «Французский ежегодник. 1961». М., 1962.

Дидро) его издателем Лебретоном [288]. Все же Дидро довел издание до конца, выпустив с 1751 по 1772 г. 28 томов (17 томов текста и 11 томов иллюстраций и гравюр).

Большое внимание в «Энциклопедии» было уделено социальной проблематике – в той мере, как это было допустимо для подцензурного издания. И здесь ясней всего вырисовывается новизна и смелость – и вместе с тем ограниченность – этой чисто буржуазной идеологии. Крайне характерно, например, принципиальное положение, обнаруживаемое в сугубо практической по характеру статье самого Дидро «Кредит». «Наиболее надежным гарантом, который могут иметь люди в своих взаимных обязательствах, является – после религии – выгода» И хотя лично Дидро порой выражал какие-то смутные симпатии взглядам утопистов XVIII в. [289], в целом «Энциклопедия» отстаивала идеал некоей «демократической монархии», основанной на «разумных» началах частной собственности и умеряемой сочувствием народу [290].

Дидро также выступил как художественный критик, пропагандируя (в рукописной «Литературной корреспонденции» Мельхиора Гримма, рассылаемой избранным коронованным подписчикам различных европейских дворов) новое – третьесословное по содержанию – искусство. Выступая против галантного, откровенно эротического искусства аристократических салонов и против помпезно-парадных картин, украшающих дворцы, он призывал художников обратиться к иному жанру: «Мне по душе этот жанр – нравоучительная живопись. И так уже кисть долгие годы была посвящена восхвалению разврата и порока» [291]. Дидро, таким образом, требовал от художника правдивого и морально здорового отражения жизни.

Около Дидро и «Энциклопедии» группировался кружок философов-материалистов, именуемых «энциклопедистами», хотя не все они сотрудничали в этом издании. Из этого кружка единомышленников нужно в первую очередь отметить Гольбаха (1723–1789) и Гельвеция (1715–1771), оставивших заметный след в развитии материалистической мысли. Гольбах также известен как одни из крупнейших воинствующих атеистов своего века; в отличие от Вольтера, он выступал не только против фанатизма и нетерпимости католической церкви, но и против религии вообще, отрицая существование бога. Его антирелигиозные памфлеты не потеряли своей остроты до настоящего времени; когда Ленин рекомендовал учиться у публицистики атеистов XVIII века [292], он, несомненно, имел в виду работы Гольбаха.

---

[288] *D. E. Cordon* and *N. L. Torrey.* The Censoring of Diderot's Encyclopedic and the Reestablished Text. N. Y., 1947.

[289] *Д. Дидро.* Собр. соч., т. VIII. М. *Л.,* 1937, стр. 498.

[290] См. в книге: J. *Proust,* Diderot et I'Encyclopedie. Paris, 1962, p. 9–81(главы I и II о социальном происхождении и воззрениях «энциклопедической буржуазии»).

[291] *А Дидро.* Собр. соч… т. VI. М. – Л., 1937. стр. 81.

[292] *В. И. Ленин.* Поли. собр. соч., т. 45, стр. 25–26.

Дени Дидро. Портрет Карла Ван Лоса

Материализм XVIII в., однако, был еще ограничен: его ограниченность, по словам Энгельса, «заключалась в неспособности его понять мир как процесс» [293]. Поэтому французские материалисты XVIII в. остались в пределах материализма механического, а в вопросе о структуре и сути общества они находились в плену идеализма и так и не вышли за пределы положения о том, что взгляды людей предопределяют законы, а законы предопределяют их взгляды.

Политические взгляды Гольбаха и Гельвеция отличались умеренностью. Гольбах писал, что социальное «неравенство является опорой общества… Благодаря различию людей и их неравенству слабый вынужден прибегать к защите сильного; оно же заставляет последнего прибегать к знаниям, мастерству более слабого, если он их считает полезным для

[293] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 287.

самого себя» [294].

Гельвеций очень близок Гольбаху и как философ, и как социальный мыслитель[295]. Однако в своем обосновании этики как высшего социального закона он вносит новые понятия, доводя учение утилитаристов до последовательного конца. Утверждая, что «единственным критерием поступков человека является интерес»[296], он приходил к выводу о том, что «польза есть принцип всех человеческих добродетелей и основание всех законодательств»[297]. И здесь, Таким образом, третьесословный (а точней – буржуазный) принцип «пользы» выдвигался как критерий новой этики и нового – еще не осуществленного, но нетерпеливо ожидаемого – законодательства.

С «Энциклопедией» была тесно связана и группа экономии стов-физиократов. Крупнейшие из них – Франсуа Кенэ (1694-¦ 1774) и Тюрго – кроме сотрудничества в «Энциклопедии» оставили значительные теоретические труды. По словам Маркса, их теория была выражением «нового капиталистического общества, пробивающего себе дорогу в рамках феодального общества» «По его мнению, это „делает их настоящими отцами современной политической экономии“»[298].

Физиократы выдвигали идеал общества, основанного на частной собственности и наемном труде; они проповедовали переход на капиталистический (фермерский) способ ведения сельского хозяйства. Они выступали сторонниками свободы предпринимательской инициативы и требовали от правительства невмешательства в экономическую жизнь: отсюда их знаменитый лозунг «Laissez faire, laissez passer», т. е. «предоставьте свободу действовать». В своем труде «Размышления об образовании и распределении богатств» Тюрго писал, выражая претензии верхушки третьего сословия: «Класс собственников есть единственный, который не вынужден добывать средства к существованию… Вследствие этого он может быть использован для таких главных потребностей общества, как война и руководство правосудием, посредством личной службы или уплатой части своих доходов, с помощью которых государство или общество нанимает людей для выполнения этой функции» [299]. В этих словах отчетливо видно, что деньги уже претендуют на власть: класс собственников стремится оттеснить дворянство от управления страной.

Из среды народа, как и Дидро, вышел и Жан-Жак Руссо (1712–1778 гг.), один из зачинателей нового направления общественной мысли – эгалитаризма. Сын женевского ремесленника, рано встретившийся с нуждой, он был сначала незаметным сотрудником «Энциклопедии» и впервые привлек к себе внимание сочинением по конкурсу, объявленному Дижонской академией на тему: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» (1750). На этот вопрос Руссо ответил трактатом, в котором читателю сообщалось, что наука и искусство только «обвивают гирляндами цветов оковывающие людей железные цепи, заглушают в них естественное чувство свободы, для которой они, казалось бы, рождены, заставляют их любить свое рабство и создают так

---

[294] *П. Гольбах.* Система природы, или о законах мира физического и мира духовного. М., 1940, стр. 74.

[295] *Г. В. Плеханов.* Избранные философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 33-127.

[296] К А. Гельвеций. Об уме. М. 1938, стр. 47.

[297] К А. Гельвеций. Об уме. М. 1938, стр. 49.

[298] Там же стр 12.

[299] *A. R. J. Turgot.* Oeuvres. Paris, 1844, p. 14, 15.

называемые цивилизованные народы»[300]. С этим трактатом в идейную борьбу эпохи вступал новый социальный слой – трудовые низы третьего сословия.

Идеи Руссо, высказанные затем в статье «О политической экономии» («Энциклопедия», 1754) и в работах «Рассуждение о происхождении и основах неравенства среди людей» (1754), «Об общественном договоре» (1762) и др., сначала произвели на современников впечатление смелых парадоксов. Дидро счел нужным смягчить впечатление от статьи Руссо, опубликованной в «Энциклопедии», и поместил впоследствии в т. XI «безопасную» работу Буланже на ту же тему и под тем же названием, что привело к разрыву между ним и Руссо.

Не менее дерзкими и непривычными для эпохи были мысли, высказанные Руссо в романе «Эмиль, или О воспитании» (1763). Здесь он заявлял: «Труд… есть неизбежная обязанность для общественного человека. Всякий праздный гражданин – богатый или бедный, сильный или слабый – есть плут»[301]. Руссо этим высказал отношение трудящихся масс Франции к привилегированным сословиям, включая «класс собственников», интересы которого отстаивал Тюрго.

И саму собственность, как таковую, Руссо отвергает, объявляя ее Виновницей всех социальных зол. «Первый, кто, отгородив участок земли, напал на мысль сказать „это мое“ и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы поверить ему, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, от скольких бед и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы своим ближним: „Остерегайтесь слушать этого обманщика: вы погибли, если забудете, что плоды принадлежат всем, а земля никому!“»[302], – писал он.

Особое значение имеет трактат Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического права». Не сразу понятый современниками, по мере приближения революции он начал оказывать все большее влияние на читателей. Хотя содержащееся в нем учение о суверенитете народа и его праве на сопротивление не было абсолютно новым (оно было за десять лет до того высказано в памфлете Лабомеля «Терпимый азиат»[303], но Тогда памфлет, к счастью его автора, прошел незамеченным), в книге Руссо это учение было изложено как строгая и последовательная система, по логичности и убедительности не уступавшая построениям Монтескье, – и в то же время несравненно более демократичная.

Руссо известен и как романист: кроме уже упомянутого романа «Эмиль», он произвел огромное впечатление на современников своим романом в письмах «Жюли, или Новая Элоиза» (1761–1763), где психологический накал страстей подчеркивается социальным противопоставлением влюбленных: героиня романа аристократка Жюли д'Этанж любит выходца из третьего сословия, своего домашнего учителя Сен-Пре. Большое значение имела также «Исповедь» Руссо (1782) – произведение мемуарного жанра, открывшее новую страницу в истории литературы.

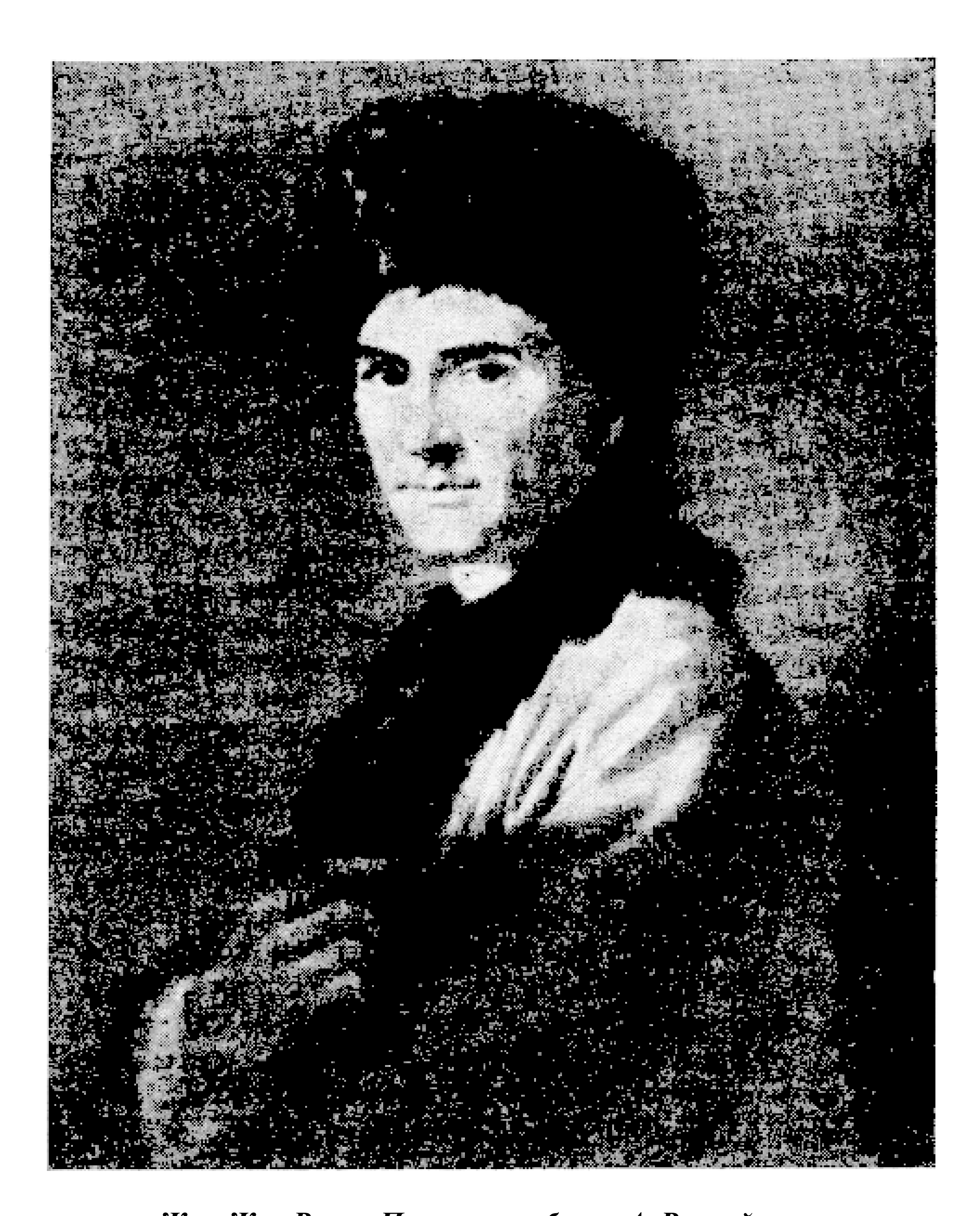
---

300 *Жан-Жак Руссо.* Избранные сочинения в трех томах, т. I. М., 1961, стр. 45.

301 Жан-Жак Руссо. Эмиль, или О воспитании. М., 1911, стр. 269, 270.

302 J. J. Rousseau. Discours sur l'origine et les fondements de l'inegalite parmi les hommes. Paris, 1964, p. 102.

303 [L. A. de la Beaumelle] L'Asiatique tolerant… Amsterdam [Paris?], s. a. [1748].

Жан-Жак Руссо. Портрет работы А. Рамзей

Громадное влияние Руссо на современников и передовых людей конца XVIII – начала XIX в. объяснялось не только его большим и оригинальным талантом, но и главным образом тем, что он выражал в ясной и образной форме неотчетливые, смутные чувства и социальные чаяния народа, что он выступил провозвестником надвигавшейся революционной бури. Сильнее, чем кто-либо из писателей Просвещения, Жан-Жак Руссо поставил проблему равенства как главное требование века. При всей противоречивости и многосторонности толкования понятия равенства в его политических и социальных аспектах, само это требование в эпоху борьбы против сословной монархии приобретало огромное революционизирующее влияние.

Значительно менее известно имя другого эгалитариста, Анжа Гудара (1720–1791). Не поднимаясь до теоретических обобщений Руссо, он все же с большой силой отразил ярость народных масс Франции второй половины века, их нежелание дальше мириться со своей участью. Поэтому он сочувственно посвятил движению Мандрена один из своих ранних памфлетов («Политическое завещание Луи Мандрена», 1755), в котором обращался к имени популярного контрабандиста, чтобы решительно заклеймить ненавистную народу откупную систему и оправдать вооруженную борьбу народа за свои права.

В своем основном экономическом труде Гудар предлагал абсолютистскому

правительству устранить ряд препятствий, мешающих процветанию Франции: расходы на содержание королевского двора, привилегии старой феодальной знати и новых выскочек – одворянивающихся буржуа: откупщиков, арматоров, финансистов, привилегии духовенства, владеющего, по его словам, третью земельных угодий страны. Гудар требовал от правительства парцелляции земельных богатств феодалов и церкви для распределения их между крестьянами, а также он предлагал государству обложить неограниченными налогами имущество финансистов, обещая, что Франция воспримет это «как акт справедливости и милосердия, а не как действие деспотической власти»[304].

Впоследствии, в эпоху революции, Робеспьер объявил Руссо своим идейным предшественником и учителем; и если идеи Монтескье легли в основу первых (буржуазных) конституций, то политическое учение Руссо об общей воле и диктатуре было использовано якобинцами в их борьбе за построение демократической республики. Выдвинутое эгалитаристами требование парцелляции земельных угодий было впоследствии подхвачено в аграрной программе «Социального кружка», организатор и идеолог которого Никола де Бонвиль писал: «Каждый человек имеет право на землю и должен владеть земельной собственностью, обеспечивающей существование. Он вступает во владение при помощи труда, и его доля должна быть ограничена правами ему равных»[305].

Кроме просветителей, отражавших претензии верхних слоев третьего сословия, кроме эгалитаристов, отразивших чаяния трудовых низов, эпоха выдвинула несколько передовых мыслителей, представителей (или зачинателей) утопического коммунизма. Они идут дальше эгалитаристов, усматривая источник всех зол общества в частной собственности. Взамен нее они выдвигают идеал социального строя, основанного на началах общественной собственности, совместного труда и уравнительного распределения. История сохранила их имена – это Морелли и Габриель Бонно де Мабли (1709–1785). Лично наименее известен из них был Морелли, о котором не сохранилось никаких сведений; но его основной теоретический труд «Кодекс природы, или истинный дух ее законов» (1755), опубликованный затем в собрании сочинений Дидро (1773), оказал в эпоху революции большое влияние на Бабефа, который и называл Дидро в первую очередь одним из своих учителей вместе с Руссо и Мабли.

Особенностью коммунистической теории Морелли является ее подчеркнутый рационализм[306]. Общество, построенное на частной собственности, представляется ему неразумным, и он разрабатывает, по его словам «образец законодательства, согласно с намерениями природы»[307]. В реальности или осуществимости своего «кодекса» он не сомневался; при этом, далекий от мысли о революции, он возлагал все надежды на абсолютизм, заботящийся о благе своих подданных. Но строй, основанный на началах общественной собственности и обобществленного труда, представлялся ему демократией.

Для Мабли таким идеальным общественным строем является коммунизм; но, в отличие от Морелли, он исходит не из рационалистических построений, а из учения о страстях. Он уверен в том, что частная собственность – источник всех «дурных страстей общества», но именно эти «дурные страсти», по его мнению, делают теперь, т. е. в XVIII в., невозможным построение бесклассового общества. При этом, по его мнению, не только собственники

---

[304] [A. Coudar]. Les Interets de la France mal entendus…, t. II. Amsterdam, 1756, p. 147.

[305] Цит. по: *IV. Markov.* Grenzen des Jakobinerstaates. – «Grundpositionen der franzosischen Auflarung». Berlin, 1955, S. 335.

[306] См.: В. П. Волгин. Коммунистическая теория Морелли. В кн.: Морелли. Кодекс природы, или истинный дух ее законов. М., 1956.

[307] *Морелли.* Кодекс природы… М. 1956, стр. 209-24§.

никогда не откажутся от своей собственности, но и народ «слишком развращен» вековой привычкой подчиняться.

Особенностью Мабли по сравнению с другими мыслителями XVIII в. является то, что он отчетливо представлял себе необходимость и неизбежность насильственного изменения существующего строя. В произведении «О правах и обязанностях гражданина» (1789) он писал: «Гражданская война является благом, когда общество без помощи этой операции подвергается гибели от гангрены и… риску погибнуть от деспотизма» [308]. Эту мысль высказывали, кроме него, только ныне полузабытые Гудар и Лабомель.

Историки общественной мысли Франции XVIII в. отмечают и других утопистов: Леже-Мари Дешана (1716–1774), Шарля-Франсуа Тифэня Делароша (1729–1774), Никола-Эдма Ретифа де-ла-Бретон (1734–1806) и Луи-Себастьена Мерсье (1740–1814). Но первый из них оставил свои основные положения в рукописи, по-видимому, оставшейся недоступной его современникам и поэтому не оказавшей влияния на общественную мысль эпохи. Остальные же изложили свои идеи в беллетристической форме и восприняты были больше как художники, чем как мыслители.

Необходимо знать, что идеи буржуазных просветителей, эгалитаристов и утопистов отнюдь не просто укладывались рядом, а вступали в ожесточенную борьбу: так, Морелли протестует в «Кодексе природы» против учения Монтескье о трех основах государственного строя, а Вольтер в книге «Век Людовика XV» яростно выступает против «людей, достаточно безумных, чтобы утверждать, будто термины „мое“ и „твое“ – преступление»[309]. Кружок энциклопедистов тоже с некоторым опасением присматривался к тому, как «полуобразованная молодежь», по их словам, склоняется к «анархии».

Художественная литература эпохи Просвещения, как и изобразительное искусство, отражает эту борьбу идей. Лучшие и наиболее заметные произведения французской литературы XVIII в., от «Похождений Жиль Власа де Сантильяна» Алена-Рене Лесажа (1668–1747) до «Безумного дня, или Женитьбы Фигаро» Пьера-Огюстэна де Бомарше (1732–1799), в той или иной форме полны духа протеста; далеко не случайно действие обоих названных произведений, отражающих общественные отношения Франции XVIII в., было перенесено их авторами в некую условную Испанию, чтобы не возбудить преследований французской цензуры. Характерно для эпохи и то, что король Франции Людовик XVI, поняв политическое значение веселой комедии Бомарше, яростно противился ее постановке – и был вынужден уступить.

Цензурный гнет подчас приводил к тому, что значительнейшие произведения эпохи не могли быть своевременно опубликованы: так, антиклерикальная повесть Дидро «Монахиня», разоблачавшая преступления и разврат церковников, была опубликована впервые в 1798 г., а Вольтер, осмелившийся бороться с цензурой, выпускал свои произведения то анонимно, то под псевдонимом и постоянно отрекался от них. Самая боевая и самая острая из его философских повестей «Кандид», несомненно, была написана с оглядкой на цензуру и с намерением обойти ее бдительность: отсюда вытекали сама композиция повести, сжатость ее изложения и краткость, позволившая опубликовать ее маленьким томиком in 12°, удобно скрываемым от полиции. Известно, впрочем, что уже через три дня после появления книги в подпольной продаже в Париже полиции было предписано принять меры «для прекращения распространения столь скандальной брошюры и обнаружения авторов» [310].

Говоря о французской литературе XVIII в., следует упомянуть забытого ныне писателя Анри-Жозефа Дюлорана (1719–1793). Представитель плебейского крыла французского

---

[308] *Г. Мабли.* Избранные произведения. М. -Л… 1950, стр. 266.

[309] *Voltaire.* Oeuvres completes. 1785, t. 25, p. 500.

[310] C. *Lanson.* Note sur Candide. – «Annales de la Societe Jean-Jacques Rousseau», t. 7. Geneve, 1905, p. 132.

Просвещения, автор антирелигиозных поэм, романов и философских очерков, он широко использовал в своем творчестве народную лексику, легенды и песни. Важнейшее его произведение – роман «Кум Матье, или Превратности человеческого разума» (1766). Интересен также его памфлет против власти денег «История моего кузена Омвю», – история о человеке из золота и о всеобщем преклонении перед ним. В 1766 г. Дюлоран был схвачен церковными властями и осужден, как автор «кощунственных» произведений, на пожизненное заключение. Судьба Дюлорана, сошедшего с ума и умершего в монастырской тюрьме, – показатель отношения реакции к Просвещению [311].

Даже в книгах писателей XVIII в., не связанных с просветительским движением и не ставивших перед собой задач непосредственной пропаганды просветительских взглядов, все же отражено разложение французского абсолютизма: так, в известном романе Антуана-Франсуа Прево д'Экзиль (1697–1763) «История шевалье де Грие и Манон Леско», опубликованном в 1731 г., мимоходом показано всевластие откупщиков, жертвами которых оказываются герои романа, а в романе в письмах «Опасные связи» (1782) Пьера-Амбруаза-Франсуа Шодерло де Лакло (1741–1803) моральное разложение и деградация привилегированной верхушки общества составляет основное содержание книги.

Близкие явления – смену и борьбу направлений – мы находим и в других видах французского искусства XVIII в. Со смертью Людовика XIV холодное величие придворного классицизма перестало удовлетворять даже близкие ко двору круги. Если эпоха Регентства, а затем Людовика XV характеризуются изнеженным искусством рококо, то к концу века сама королева Фоанции Мария-Антуанетта переселяется из пышного Версаля в «уютный» дворец Малого Трианона, где пытается «приблизиться к природе» в соответствии с заветами Руссо.

Но по мере приближения революции, по мере отвращения общественного мнения от вкуса привилегированной верхушки происходит новый поворот к классицизму, насыщенному уже иным, революционным содержанием. Поэтому, например, в живописи происходит изменение тематики (и колорита) картин от изысканного эротизма Буше (1703–1770) и его ученика Жана-Оноре Фрагонара (1732–1806) к жанру Жана-Батиста Симеона Шардена (1699–1779) и Жана-Батиста Греза (1725–1805), высоко ценимых Дидро, и, наконец, к неоклассицизму у Жака-Луи Давида (1745–1825), ставшего вскоре признанным художником революции.

В музыке эпохи также шла борьба между придворно-галантным направлением, ярко представленным в творчестве композитора Жана-Филиппа Рамо (1683–1763) и более демократическим-комической оперой, создателем которой считается Андрэ-Эрнест-Модест Гретри (1741–1813). Во второй половине века внимание верхушки общества было привлечено спорами «глюкистов и пиччинистов» – борьбой между сторонниками более демократического искусства поселившегося во Франции австрийского композитора Кристофа-Виллибальда Глюка (1714–1787) и салонно-галантной музыки итальянца Пиччини. Но характерно и то, что в памфлете уже упоминавшегося эгалитариста Анжа Гудара «Разбой итальянской музыки» (1780) отношение автора к этим спорам резко отрицательно: по его мнению, народ не заинтересован в споре ученых меломанов, его интересует лишь песенка на политическую тему.

Но не проблемы музыкального искусства и не споры о музыке определяли судьбу страны. Кто прислушивался к этим спорам? Страна жила иным. Ряд верных примет предвещал близость грозы. Все чувствовали: так долго не может продолжаться, все были недовольны. Уже не землетрясение в Лиссабоне и не освободительные сражения восставших против британской короны американских колонистов волновали умы во Франции. Вода подступала к горлу в собственном доме. То здесь, то там, в разных концах королевства

---

[311] О Дюлоране см.: *Л. С. Гордин.* Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения (вторая половина XVIII в.). – «Французский ежегодник. 1959», М., 1961; *K. Schnelte.* Aufklarung und klerikale Reaktion. Der Prozess gegen den Abbe Henri-Joseph Laurens. Ein Beitrag zur deutschen und franzosischen Aufklarung. Berlin, 1963.

вспыхивали крестьянские выступления; их нельзя было ни искоренить, ни даже подавить. Год от году волна крестьянских мятежей поднималась все выше и выше, она захлестывала уже всю страну.

В Версале, в королевском дворце, не хотели замечать этих грозных предвестников бури. Здесь танцевали. Беззаботная, неудержимая в своем изобретательном легкомыслии молодая королева Мария-Антуанетта смеялась над тягостными сомнениями ее медлительного и нерешительного супруга. Здесь по-прежнему жили сегодняшним днем.

А страна шла навстречу надвигавшейся буре. Из уст в уста передавали слова Руссо из ставшего знаменитым его романа «Эмиль»: «Мы приближаемся к состоянию кризиса и к веку революций» [312]. Этот «век революций» уже надвигался вплотную. Тысячелетняя французская монархия вступала в полосу решающих испытаний.

Хронологическая таблица

125-*118 до н. э.* Вторжение римлян в южную Галлию и образование Нарбоннской провинции

58-*51 до н.* э. Походы Юлия Цезаря в Галлию, завершившиеся завоеванием северной части Галлии

52-*51 до н. э.* Восстание галлов под предводительством Верцингеторига против римского владычества

68–70 Восстание Цивилиса против римского владычества в Галлии

270 -280-е гг. Антиримское движение багаудов в Галлии

406 Образование государства бургундов

418 Образование на юге Галлии государства вестготов

435 -447 Восстание багаудов

451, 15 июня Битва иа Каталаунских полях (в Шампани), приостановившая наступление гуннов

481 -511 Правление Хлодвига

476 Падение последнего римского императора

486 Захват франками Суассонской области

496 Принятие христианства королем Хлодвигом и его дружиной

497 Занятие франками Парижа

Начало VI в. Запись «Салической Правды»

534 Завоевание франками Бургундского королевства

536 Присоединение к франкскому государству Прованса

579 Народное восстание в Лиможе

614 Парижский эдикт французского короля Хлотаря II, содержавший уступки светской и духовной знати

687 Объединение франкского государства под властью майордома Пипина Геристальского

715 -741 Карл Мартелл – майордом франкского государства

720 Вторжение арабов в южную Галлию

732, *октябрь* Битва при Пуатье. Победа франков над арабами

741–768 Правление Пипина Короткого

751 Провозглашение майордома Пипина Короткого королем франков

751 -987 Династия Каролингов

768–814 Правление Карла Великого

Ок. 800 «Капитулярий о поместьях»

---

[312] *Жан-Жак Руссо.* Эмиль. М., 1896, стр. 255.

843 Верденский договор. Раздел империи Карла Великого. Выделение западно-франкского королевства в самостоятельное государство

843 -877 Правление Карла II Лысого

847 Мерсенский капитулярий, предписывавший обязательность вассальных отношений

870 Мерсенский договор между западно-франкским и восточно-франкским королями о разделе Лотарингии

877 Керсийский капитулярий, устанавливавший наследственность должности графа

987-1328 Династия Капетингов

987 -996 Правление Гуго Капета

997 К)рестьянское восстание в Нормандии

1008–1024 Крестьянские волнения в Бретани

1031–1060 Правление Генриха I

1060–1108 Правление Филиппа I

1077 Учреждение городской коммуны в Камбрэ

1096–1099 Первый крестовый поход

Ок. 1100 «Песнь о Роланде» (дошла в списке XIV в.)

1108–1128 Борьба за коммуну в г. Лане, завершившаяся победой

1137 -1180 Правление Людовика VII

114J -1149 Второй крестовый поход. Утрата Францией Аквитании, отошедшей Англии

1163 Начало строительства собора Нотр-Дам в Париже, строился в основном в XII–XIII вв.

1180 -1223 Правление Филиппа II Августа

1186 Присоединение к королевскому домену графства Вермандуа

1189 Присоединение к королевскому домену Реймского графства

1189 -1192 Третий крестовый поход

1200 Официальное утверждение Сорбонны королем и папой

1202 -1204 Завоевание французами Нормандии

1204 -1206 Присоединение к королевскому домену Анжу, Мена, Турени и части Пуату с г. Пуатье

1209 -1229 Альбигойские войны

1211 -1480 Строительство Реймского собора

1214, 2 июля Битва при Ларош-о-Муане (Анжу). Победа французов над англичанами

1214, 27 июля Битва при Бувине (Фландрия). Победа Филиппа II Августа над английским королем Иоанном Безземельным и его союзниками

1226-*1270* Правление Людовика IX

1229 Включение графства Тулузского (Лангедок) в королевский домен (окончательно в 1271 г.)

1248 -1254 Седьмой крестовый поход

1251 Крестьянское восстание «пастушков» в северной Франции

1254 Ордонанс о правах и обязанностях бальи, способствовавший укреплению королевской власти на местах

1258 Ордонансы, запрещавшие частные феодальные войны на территории королевского домена и отменявшие судебные поединки

1258, 28 мая Парижский договор с Англией. Отказ английского короля от притязаний на Нормандию, Мен, Анжу, Турень, Пуату

1260 Ордонанс о праве апелляции тяжущихся сторон к королевскому суду

1261 -1270 «Книга ремесел» (первая дошедшая до нас запись уставов парижских цехов)

1263 Королевский указ о введении единой монетной системы на территории королевского домена

1270 Восьмой крестовый поход

1284 Присоединение графств Шампани и Бри к королевскому домену

1285–1314 Филипп IV Красивый

1294–1299 (с перерывом 1296 -1297) Война с Англией

1296–1303 Борьба Филиппа IV Красивого с папой Бонифацием VIII, закончившаяся победой французского короля

1302 Созыв первых Генеральных штатов во Франции

1302 Битва При Куртре («битва шпор»). Победа цеховых ополчений фландрских городов над войсками французского короля

1303 Создание Счетной палаты

1307–1312 Процесс тамплиеров, роспуск ордена

1308–1309 Присоединение К королевскому домену графства Ангулемского и графства Марш

1309-/377 «Авиньонское пленение пап»

1314–1316 Правление Людовика X

1315, 3 июля Ордонанс Людовика X об освобождении крестьян за денежный выкуп

1325-*1589* Династия Валуа

1337-*1453* Столетняя война между Францией и Англией

1340, 24 *июня* Поражение французского флота в сражении при Слейсе (Эклюзе) во Фландрии

1346, Битва при Креси. Поражение французских войск *26 августа*

1347, август Взятие англичанами Кале

1347–1349 Эпидемия чумы («черная смерть»)

1351, 30 января Королевский ордонанс, устанавливавший максимум зарплаты для сельских и городских рабочих и принудительный наем на работу

1350–1354 Правление Иоанна II Доброго

1356, 19 сентября Разгром французских войск в битве при Пуатье и пленение французского короля Иоанна II Доброго

1356, 17 октября Созыв Генеральных штатов, потребовавших у дофина Карла контроля над государственным управлением

1357 февраль -1358 июль (иногда датируется 1356–1358) Парижское восстание с Этьеном Марселем во главе

/*357, март* «Великий Мартовский ордонанс»

1358, май-июнь Жакерия – антифеодальное крестьянское восстание, охватившее северные и северо-восточные провинции

1360, 8 мая Мир с Англией в Бретяньи *1382* Восстание майотенов в Париже

1382–1384 Восстание тюшенов на юге Франции

1408–1420 Феодальная междоусобица между Арманьяками и Бургиньонами

1413, апрель -август Восстание ремесленников и городской бедноты, возглавленное Кабошем

1415, 25 *октября* Битва при Азенкуре. Победа англичан над французами

1420 Договор между Францией и Англией в Труа

1422 -1461 Правление Карла VII

1423 -1424 Захват англичанами Шампани и Мена

1428 Начало широкого патриотического движения против английских захватчиков. Выступление Жанны д'Арк

1429, 8 мая Освобождение Орлеана французским войском, возглавленным Жанной д’Арк

1430, май Пленение Жанны д’Арк

1431, 30 мая Сожжение Жанны д'Арк в Руане

1435 Заключение союзного договора между Карлом VII и герцогом Бургундским

1436 Изгнание англичан из Парижа

1438 Прагматическая санкция. Признание верховенства вселенского собора и ограничение прав римского папы

1439 Введение постоянного поземельного налога (тальи)

1445 -1448 Ордонансы о создании постоянной армии

1453 Победа Франции, изгнание англичан с французской территории (за исключением г. Кале с округом)

1435 -1536 (или 1537)Лефевр д'Этапль, философ-гуманист

1461 -1483 Правление Людовика XI

1463 Учреждение ярмарки в Лионе

1464 -1465 Образование Лиги общественного блага – коалиции крупных феодалов с Карлом Смелым во главе

1461 -1540 Г. Бюде, филолог-гуманист

1410 Начало книгопечатания во Франции

1477 Поражение бургундцев в битве при Нанси. Гибель Карла Смелого

1477 -1482 Присоединение к королевскому домену Бургундии и Пикардии

1481 Присоединение к Франции Прованса

1483 -1498 Правление Карла VIII

1484 Генеральные штаты в Туре

1489 -1490 Крестьянское восстание в Бретани

1491 Присоединение к королевскому домену Бретани на

основе личной унии. Завершение территориального объединения Франции

1494 -1559 Итальянские войны

1494 Неудачный поход Карла VIII в Неаполь

1494 -1553 Ф. Рабле, писатель-гуманист

1498 -1515 Правление Людовика XII

1501 Завоевание Неаполитанского королевства французскими и итальянскими войсками

1502 -1504 Неудачная для Франции война с Испанией из-за обладания Неаполем

1508 Камбрейская лига

1315-*1547* Правление Франциска I

1515 Победа французских войск при Мариньяно и вступление в Милан

1516, 18 августа Болонский конкордат Франциска I с папой Львом X

1519 -1572 Гаспар де Колиньи

1521-/525 Первая война Франциска I с Карлом V

1524–1585 П. Ронсар, поэт, глава «Плеяды»

1525, Поражение французского войска в битве при Павии,

24 февраля пленение Франциска I

1526, 14 января Мадридский договор между Франциском I и Карлом V (аннулирован Франциском I 18 марта 1526)

1527-*1529* Вторая война Франциска I с Карлом V

1529, 5 августа Мир в Камбре, сохранение за Францией Бургундии

1530 Основание в Париже гуманистической школы (впоследствии Коллеж де Франс)

1530 -1563 Э. Ла Боэси, гуманист

1532 Окончательное присоединение Бретани

1530 -1596 Ж. Боден, политический мыслитель

1533 -1592 М. Монтень, философ-гуманист

1534 Начало реформации во Франции (выступление протестантов в Париже)

1535 Договор с Турцией о привилегиях Франции на Востоке

1536 -1538 Третья война Франциска I с императором Карлом V

1539–1544 Стачки типографских подмастерьев в Париже и Лионе

1541 Эдикт короля, направленный против подмастерьев

1542 -1544 Четвертая война Франциска I с Карлом V. Мирный договор в Крепи

1547 -/559 Правление Генриха II

1547, октябрь Учреждение «Огненной палаты» для суда над еретиками

1548 Антиналоговые восстания городских низов в Гиени, Пуату, Сентонже и Лимузене

155215 января Соглашение Генриха II с немецкими протестантскими князьями для борьбы с императором Карлом V

1552, *март* Захват французскими войсками лотарингских епископств Мец, Туль, Верден

1552 Учреждение президиальных судов

1558 Отвоевание у Англии города Кале

1559, 2–3 апреля Мирный договор между Францией и Испанией в Като-Камбрези. Отказ Франции от притязаний на Италию. Признание за Францией крепостей Мец, Туль, Верден

1559 -1560 Правление Франциска II

1560, февраль-март Амбуазский заговор

1560 -1574 Правление Карла IX

1560 Генеральные штаты в Орлеане. Выступление канцлера Лопиталя

1561, август Генеральные штаты в Понтуазе

1562 -1594 Религиозные войны во Франции

1562 Эдикт терпимости

1562, Избиение гугенотов в Васси *март*

1566 Муленский ордонанс против бродяжничества

1572, 24 августа Варфоломеевская ночь

1574 -1589 Правление Генриха III

1575 Съезд гугенотов в Ниме. Утверждение самостоятельной гугенотской республики на юге Франции

1576 Основание Католической лиги

1576, Генеральные штаты в Блуа *декабрь*

1584–1595 Парижская лига

1587, 20 октября Победа Генриха Бурбона при Кутре

1588, 12 мая «День баррикад». Бегство Генриха III из Парижа

1589, 2 *августа* Убийство Генриха III

1589, сентябрь Победа Генриха Бурбона над Лигой при Арне

1590, март Разгром Генрихом Бурбоном армии Лиги при Иври

1592–1598 Восстание кроканов в юго-западной Франции (Сентонж, Ангумуа, Лимузен, Пуату, Перигор, Марш)

1592 -/655 П. Гассенди, философ

1593, 25 *июля* Переход Генриха в католичество

1594, Вступление Генриха в Париж *22 марта*

1594–1792 Династия Бурбонов

1594–1610 Правление Генриха IV

1595–1598 Война с Испанией. Верденский мир, подтверждавший условия договора в К)ато-Камбрези

1596-*1650* Р. Декарт, философ, физик, математик

1598 Нантский эдикт. (Значительные уступки протестантам)

1604 12 декабря Эдикт, устанавливавший наследственность должностей при условии уплаты особого налога «полетты»

1604, Начало колонизации французами Канады

1606–1684 П. Корнель, драматург

1610, 14 мая Убийство Генриха IV

1610–1643 Правление Людовика XIII

1614 Генеральные штаты (не созывались более до 1789 г.)

1614–1620 Феодальные смуты в малолетство Людовика XIII
1618–1648 Тридцатилетняя война
1624–1642 Правление кардинала Ришелье
1621–1695 Ж. Лафонтен, баснописец
1622–1673 Ж. Б. Мольер, драматург
1624 Антиналоговое крестьянское движение в Креси
1626–1628 Военные действия против гугенотов
1629, июнь «Эдикт милости» – отмена политических привилегий гугенотов
1632 Разгром мятежа феодальной аристократии. Казнь герцога Монморанси
1634–1635 Основание Французской академии
1635 Открытое вступление Франции в Тридцатилетнюю войну
1635 Народные восстания в городах Гиени, Лангедока и др. провинций
1636–1637 Крестьянские восстания в провинциях Гиень, Гасконь, Перигор, Бурбонне, Пуату, Лимузен и др
1636–1711 И. Буало, поэт, теоретик классицизма
1638 Захват французскими войсками Руссильона
1639 Восстание «босоногих» в Нормандии
1639–1699 Ж. Расин, поэт, драматург
1643 -1715 Правление Людовика XIV (с 1661 самостоятельное)
1643–1661 (с перерывами) Кардинал Мазарини – первый министр Франции
1643–1645 Народное восстание в ряде южных, западных и северных провинций *1648–1653* Фронда
1648, 24 октября Вестфальский мир
1648 Основание Академии живописи и скульптуры
1659, 7 ноября Пиренейский мир Франции с Испанией
1662 Волна крестьянских восстаний во Франции (Булоннэ, Лангедок, Берри и др.)
1664 Народное восстание в Гаскони
1664 Ордонанс об отмене внутренних таможенных барьеров между северными и южными провинциями Франции
1664–1729 Ж. Мелье, философ-материалист
1665–1683 Кольбер – генеральный контролер финансов
1666 Основание Академии наук
1666–1681 Прорытие Лангедокского канала
1666–1669 Народные восстания в Руссильоне
1667–1668 Деволюционная война с Испанией, закончившаяся Ахенским миром. Приобретение Францией Лилля и др. территорий
1667 Введение нового таможенного (покровительственного) налога
1668–1672 Военные реформы Лувуа
1670 Народное восстание в Лангедоке
1672–1678 Война Франции в союзе с Швецией и Англией против коалиции, возглавляемой Голландией *1674–1675* Народные восстания в Гиени и Бретани
1678–1679 Нимвегенские мирные переговоры (Франция приобрела Франш-Конте к др.)
1682 Декларация французского духовенства, подтвердившая вольности галликанской церкви *1684* Регенсбургский договор между Францией и «Священной Римской империей» с Испанией
1685, 17 октября Отмена нантского эдикта
1688–1697 Война с Аугсбургской лигой
1689 -1755 Ш. Л. Монтескье, просветитель
1692 Отмена выборных должностей в муниципальных органах
1694–1774 Ф. Кене, экономист, основоположник школы физиократов
1694–1778 Вольтер, философ-просветитель, писатель

1701–1714 Война за испанское наследство

1702–1705 Крестьянско-плебейское восстание камизаров в Лангедоке (возобновлялось в 1709 н 1715 гг.)

1709–1785 Т. Мабли, утопический коммунист

/7/2-*1778* Ж. Ж. Руссо, философ-просветитель, писатель

1713–1783 Ж. Л. Д'Аламбер, философ-просветитель

1713–1784 Д. Дидро, философ-материалист

1713, 11 апреля Утрехтский мирный договор

1715 -1771 К. А. Гельвеций, философ-материалист

1714, 7 *марта* Раштатский мирный договор, дополнивший Утрехтский договор

1715 -1774 Правление Людовика XV

1723 -1789 П. А. Гольбах, философ-материалист

1732 -1799 П, О. Бомарше, драматург

1733, 7 *ноября* Эскуриальский договор Франции с Испанией (первый так называемый «фамильный» договор Бурбонов)

1733–1735 Война с Австрией за польское наследство

1738, 8 ноября Венский мир, завершивший войну за польское наследство

1741 -1748 Участие Франции в войне за австрийское наследство

1743, 25 октября Договор в Фонтенбло между версальским, мадридским и неаполитанским дворами (второй «фамильный» договор)

1748, 18 октября Ахенский мир, закончивший войну за австрийское наследство

1755 Опубликование «Кодекса природы» Морелли, утопического коммуниста. (Годы жизни не установлены)

17.56 -1763 Участие Франции в Семилетней войне

1761, *15 августа* Франко-испанский договор в Сан-Идельфонсо (третий «фамильный» договор)

1763, 10 февраля Парижский мирный договор, закрепивший основные результаты Семилетней войны

1766 Присоединение к Франции Лотарингии

1768 Покупка Францией Корсики

1772 -1837 Ш. Фурье, утопический социалист

1774 -1776 Реформы Тюрго

1774-*1792* Правление Людовика XVI

1778, 6 февраля Союзный договор Франции с восставшими английскими колониями в Америке

1779 Возобновление союза Франции с Испанией; совместное выступление на помощь США

1780–1857 . П. Ж. Беранже, поэт

1783, *3 сентября* Участие Франции в подписании Версальского мирного договора, завершившего войну за независимость США

1786, 26 сентября Англо-французский торговый договор

1787 февраль -май Собрание нотаблей в Версале

1788 Судебные реформы Ламуаньона де Мальзерба (уничтожение парламентов)

Библиография

Библиография к тому в целом

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Выписки из «Истории Франции» Мартена. – «Архив Маркса и Энгельса», т. X. М., 1948.

Маркс К. Капитал, т. I. – Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23.

Маркс К. Хронологические выписки. – «Архив Маркса и Энгельса», т. V–VIII. М., 1938–1946.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – Маркс. К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20. Энгельс Ф. К истории древних германцев. – Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19. Энгельс Ф. Марка. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21.

Энгельс Ф. Франкский период. – Маркс К и Энгельс Ф. Соч., т. 19.

Ленин В. И. Государство и революция. – Поли. собр. соч., т. 33.

Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. – Полн. собр. соч., т. 39.

Lenin V. I. A piopos de la France, t. 1–2. Moscou, 1970.

Источники

Агрикультура в памятниках западного средневековья. Под ред. О. А. Добиаш-Рождественской. М., 1936.

Collection de documents inedits sur l'histoire de France. P., 1835–1870.

Recueil general des anciennes lois francaises, depuis l'an 420 jusqu'a la revolution de 1789… par Jourdan, Decrusy, Isambert. V. 1–29. P., 1821–1833.

Collection des principaux economistes. T. 1-13. 2eme ed. P., 1841–1842.

Cille B. Les sources statistiques de l'histoire le France. Des enquetes du XVIIesiecle a 1870. Geneve – Paris, 1964.

Oidonnances des rois de France de la troisieme race, recueillies par ordre chronologique. V. 1–22. P., 1723–1849.

Recueil des historiens des Gaules et de la France. V. I–XI. P., 1738–1767.

Общие работы

Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. Изд. 2. Д., 1936.

История французской литературы. Гл. ред. В. М. Жирмунский. Т. 1–4. М. Л., 1946–1963.

Кареев Н. Очерк истории французских крестьян с древнейших времен до 1789 года. Варшава, 1881.

Ковалевский М. М. Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции. СПб., 1912.

Колесницкий Н. Ф. Феодальное государство (VI–XV вв.). м., 1967.

Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.

Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., 1969.

Люблинская А. Д., Прицкер Д. П., Кузьмин М.Н. Очерки истории Франции. Л., 1957.

Русско-французские экономические связи. La Russie et I'Europe. XVII–XVIII siecles. Ред. коллегия: Ф. Бродель, А. Губер, А. Манфред, Р. Порталь, М. Ферро. Москва-Париж, 1970.

Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.

B'toch M. Les caracteres originaux de l'histoire rurale francaise. Nouv. ed. P., 1952.

Пер.: Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.

Block M. Melanges historiques. T. I–II. P., 1963.

Block M. Les Rois thaumaturges. Etude sur le caractere surnaturel attribue a la puissance royale particulierement en France et en Angleterre. P., 1961.

Block M. La societe feodale. T. 1–2. 2eme ed. P., 1949.

Bouvier-Ajam M. Histoire du travail en France des origines a la Revolution. P., 1957.
Braudel F. Ecrits sur l'histoire. P., 1969.
Calmette J. La formation de la France au Moyen Age. P., 1959.
Calmette J. et Higounet Ch. Le monde feodal. Nouv. ed. P., 1951.
Chedeville A. La France au moyen age. P., 1969.
Duby C. L economie rurale et la vie des campagnes dans I'Occident medieval. P., 1962.
Duby C. et Mandrou R. Histoire de la civilisation fran^aise. T. 1. P., 1958.
Engelmann E. Zur stadtischen Volksbewegung in Sudfrankreich. Kommunenfreiheit und Gesellschaft. B., 1960.
Febvre L. Combats pour l'histoire. P., 1953. Febvre L. Pour une histoire a part entiere. P., 1962.
Fevrier P. A. Le developpement urbain en Provence. De l'epoque romaine a la fin du XIVe siecle (archeologie et histoire urbaine). P., 1964.
Fustel de Coulanges N. D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. T. I–III. P., 1888–1890.
Пер.: Фюстель де Куланж Н. Д. История общественного строя древней Франции. Т. 1–6. СПб., 1901–1916.
Cuizot F. Essais sur l'histoire de France. 4eme ed P., 1884.
Cuizot F. L' Histoire de France, depuis les temps les plus recules jusqu'en 1789. T. I–V. P., 1872–1876.
Grand R. et Delatouche R. L'agriculture au moyen age de l'Empire romain au XVI siecle. P., 1950.
Hanotaux C. Histoire de la nation fran^aise. V. 1–15. P., 1920–1929.
Histoire economique et sociale de la France. Sous la red. de E. Labrousse et F; Braudel. T. 1–2. P., 1970.
Histoire de France depuis les origines jusqu'a la Revolution. Sous la red. d'E.Lavisse.
T. I–IX. P., 1900–1911. Histoire des institutions frangaises au Moyen Age. Publ. sous la dir. de F. Lot et
R. Fawtier. T. 1–3. P., 1958–1962. Le Coff J. La civilisation de I'Occident medieval. P., 1967.
Maurois A. Histoire de la France. P., 1947. Michelet J. Histoire de France. T. 1-16. P., s. a.
Michelet J. Le peuple. Bruxelles, 1846.
Пер.: Мишле Ж. Народ. М., 1965. Petit-Dutaillis Ch. Les communes francaises. Caracteres et evolution des origines au XVIIe siecle. P., 1947.
Picot C. Histoire des Etats Generaux. T. 1–5. 2eme ed., P., 1888.
Sagnac Ph. La formation de la societe francaise moderne. V. 1–2. P., 1945–1946.
See H. Les classes rurales et le regime domanial en France au moyen age. P., 1901.
See H. et Schnerb R. Histoire economique de la France. P., 1948.
Seignobos Ch. Histoire sincere de la nation frangaise. Essai d'une histoire de revolution de peuple frangais. P., 1933.
Thierry Au. Oeuvres completes. T. I–V. P., 1867–1868.
Пер.: Тьерри О. Избр. соч. М, 1937.
Tocqueville A. Oeuvres completes. T. 1–5. P., 1856–1867; 2eme ed. T. 1–12. P., 1952–1964.
Пер.: Токвиль А. Старый порядок и революция. Пг. 1918; О демократии в Америке. М., 1897; Воспоминания… М., 1893. Vidal de la Blache P. La France, tableau geographique. P., 1906.
Willard C. et Ш ill aid C. Formation de la nation fran‹jaise (du Xe siecle au debut du XIXe siecle). P., 1955.
Пер.: Виллар Ж. и Виллар К. Формирование французской нации (X – начало XIX в.). М., 1957.

Библиография. Справочные издания

Bibliographie annuelle de l'histoire de France (Centre national de la recherche scientifique). P.

(annuelle). Bibliographie critique des principaux travaux paius sur l'histoire de 1600 a 1914 (Travaux de langue frangaise ou relalifs a l'histoire de France). Annee 1932–1935. P. 1935–1937. Caron P. et Stein H. Repertoire bibliographique de l'histoire de France. T. 1–6. P., 1923–1938.

Dictionnaire de biographie fran^aise. Publ sous la dir. de R. d'Amat. T. I–VII. P., 1929–1970 (издание продолжается).

Dujarric C. Precis chronologique d'histoire de France. P., 1960.

Monod C. Bibliographie de l'histoire de France. Catalogue methodique et chronologique des sources et des ouvrages relatifs a l'histoire de France depuis les origines jusqu'au 1789. P., 1888.

Raux H. F. Repertoire de la presse et des publications periodiques frangaises, P., 1961.

Les sources de l'histoire de France depuis les origines jusqu'en 1815. Par A. Molinier, H. Hauser, E. Bourgeois (et autres). Pt. 1–3. P., 1909–1912.

Главы 1-3

Источники

Французская деревня XII–XIV вв. и Жакерия. Документы. Пер., вводная статья и примеч. Н П. Грацианского. М. – Л., 1935.

Les affaires de Jacques Coeur. Journal du procureur Dauvet. Proces verbaux de sequestre et d'adjucation. T. 1-II. Ed. par M. Mollat. P., 1952–1953. Buchon J. A. Collection des chroniques nationales frangaises… T. 1-47. P., 1826–1828.

Capitularia regum francorum. Ed. A. Boretius. – In: Monumenta Germaniae historica. Hannoverae, 1890–1897. Correspondence des legats et vicaires generaux. Par J. Glenisson et G. Mollat. P., 1964.

Froissart Jean. Chroniques. Ed. S. Luce et Raynaud. V. I–IX. P., 1869–1899. Les Grandes chroniques de France. Publ. par I. Viard. V. I–VIII. P., 1934. Collection d^s memoires relatifs a l'histoire de France depuis la fondation de la monarchic frangaise jusqu'au XIIIe siecle avec une introduction des supplements, des notices et des notes par Guizot V. 1–31. P., 1823–1835. Lex Saiica. Hrsg. von V. A. Eckhardt. Weimar, 1935. Пер.: Салическая Правда. 1Ъд. ред. В. Ф. Семенова М., 1950

Livre des metiers de Paris par Etienne Boileau. Publ. par Depping. P., 1838.

Пер.: Регистры ремесел и торговли города Парижа. Под ред. и с предисловием А. Д. Люблинской. – «Средние века». Вып. X. М, 1957. Polyptique de l'abbaye de Saint-Germain des Pres… Publ. par A. London. V. I–II. P., 1885–1886.

Recueil des actes de Philippe Auguste, roi de France. Publ. par H. F. Delaborde. T. I. P., 1916.

Recueil des actes de Louis IV, de Lothaire et de Louis V. Ed. Lot et Halphen. P., 1908.

Литература

Бартенев А. С. Из истории крестьянского восстания в Нормандии в конце X в. – «Уч. зап. пед. ин-та им. Покровского», т. V. Л., 1940. Бессмертный Ю. Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII–XIII вв. М., 1969.

Грацианский Н. П. Бургундская, деревня в X–XII столетиях. М. Л., 1935.

Грацианский Н. II. Крепостное крестьянство на поместьях аббатства св. Германа в начале IX ст. (по данным «Полиптика» аббата Ирминона). Харьков, 1913.

Грацианский Н. П. Парижские ремесленные цехи в XII–XIV столетиях. Казань, 1911.

Керов В. Л. Восстание «пастушков» в Южных Нидерландах и Франции в 1251 г. – «Вопросы истории», 1956, № 6.

Конокотин А. В. Очерки по аграрной истории Северной Франции в IX–XIV веках. Иваново, 1958.

Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.

Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956. Себенцова М. М. Восстание тюшенов (из истории народных движений во Франции XIV в.). – «Уч. зап. Моск. пед. ин-та», 1954, т. 68, вып. 4. Серовайский Я. Д. К вопросу о распределении прав собственности срёди бургундских феодалов в X–XII вв. – «Средние века», вып. 28–29, 1965. Сидорова Н. А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953.

Райцес В. И. Процесс Жанны д'Арк. М. – Л., 1964.

Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII вв.). Саратов, 1969.

Удальцов А. Д. Из аграрной истории каролингской Фландрии. М. – Л., 1935. Удальцов А. Д. Свободная деревня в Западной Нейстрии в эпоху Меровингов и Каролингов. СПб., 1912.

Baratier E. La demographie provengale du XIII[e] au XVI[e] siecle. Avec chiffres de comparaison pour le XVIII[e] siecle. P., 1961.

Belperron P. La croisade contre les albigeois et l'Union du Languedoc a la France (1209–1249). P., 1946. Bloch M. Rois et serfs. Un chapitre d'histoire capetienne. P., 1920.

Bosl K. Franken um 800. Strukturanalyse einer frankischen Provinz. Miinchen, 1959.

Boutruche R. Seigneurie et feodalite. P., 1959.

Dopsch A. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit… 2 Aufl. Bd I–II.

Weimar, 1921–1922. Duby C. La societe aux XI et XII siecles dans la region Maconnaise. P., 1953.

Duval P. M. La vie quotidienne en Gaule pendant la paix Romaine. P., 1952.

Eydoux H. R. La France antique. P., 1962.

Fawtier R. Les Capetiens et la France. Leur role dans sa construction. P., 1942.

Febvre L. Philippe II et la Franche-Comte. Etude d'histoire politique, religieuse et sociale. P., 1912.

Fevrier P. A. Le developpement urbain en Provence de l'epoque romaine a la fin du XIV siecle. P., 1964.

Fossier R. La terre et les hommes en Picardie jusqu'a la fin du XIII[e] siecle. P., 1969.

Fournier G. Le peuplement rural en Basse Auvergne durant le haut Moyen Age P., 1962.

Fourquin G. Les campagnes de la region parisienne a la fin du Moyen Age. P., 1964.

Genicot L. L'economie rurale Namuroise au bas Moyen Age (1199–1429). T. 1–2. Louvain, 1943–1960.

Gouron B. A. La reglamentation des metiers en Languedoc au Moyen Age. Geneve-Paris, 1958.

Grand R. et Delatouche R. L'agriculture au Moyen Age de l'empire romain au XVI[e]siecle. P., 1950. Grenier A. Les Gaulois. P., 1945.

Halphen L. Charlemagne et l'Empire Carolingien. P., 1947. Halt J. J. Histoire de la Gaule romaine. 2[e] ed. P., 1966.

Hubert H. Les celtes et l'expansion celtique jusqu'a l'epoque de la Тёпе. P., 1950.

Jullian C. Histoire de la Gaule. T. 1–8. P., 1908–1926.

Latouche R. Etudes medievales. Le haut Moyen Age. La France de l'Ouest. Des Pyrenees aux Alpes. P., 1966.

Lemarignier J. F. Le gouvernement royal aux premiers temps capetiens (987-1108). P., 1965.

Lot F. La Gaule. P., 1947.

Lot F. La France des origines a la Guerre de cent ans. P., 1949.

Michelet J. Jeanne d'Arc (1412–1432). P., 1888.

Пер.: Мишле Ж. Жлнна д'Арк. Пг… 1920.

Miiller-Mertens E. Karl der Grosse, Ludwig der Fromme und die Freie.n. B., 1963.

Pacault M. Louis VII et son royaume. P., 1964.

Perrin Ch. E. La seigneurie rurale en France et en Allemagne. T. I–III. P., 1951–1953.
Perroy E. La guerre de cent ans. 7e ed. P., 1945.
Petit-Dutaillis Ch. La monarchie feodale en France et en Angleterre du X au XIII siecle. P., 1933.
Пер.: Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков. М., 1938.
Pognon E. Hugues Capet, roi de France. P., 1966.
Richard J. Les dues de Bourgogne et la formation du duche du XII au XIV siecle. P., 1954.
Riche P. Les invasions barbares. P., 1953.
Salin E. La civilisation merovingienne. T. I–IV. P., 1950–1959.
See H. Les classes rurales et le regime domanial en France au Moyen Age. P., 1901.

Главы 4-5

Источники

Документы по истории внешней политики Франции (1547–1548). Под ред.
А. Д. Люблинской. М. -Л., 1963. Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561–1563 гг. Под ред. А. Д. Люблинской. М. – Л., 1962.
Commines Philippe de. Memoires… Ed. par J. Calmette. V. I–III. P., 1924–1925.
Hauser H. Les sources de l'histoire de France au XVI siecle (1494–1610). Pt. 1–4. P., 1906–1915.
Hermite A. et Hermite G. Lettres des negociants marseillais: les freres Hermite (1570–1612). Ed. par M. Baulant. P., 1953.
La Boetie E. de. Discours de la servitude volontaire. P., 1922.
Пер.: Аа Боэси Э. Рассуждения о добровольном рабстве. М., 1952.
Lettres de Catherine de Medicis prep, par H. de la Feriere et Baguenault de Puchesse. T. 1-10. P., 1860–1909.
Lettres missives d'Henri IV prep, par Berger de Xivrey. V. 1–7. P., 1843–1876.
Montaigne M. Essais. Livres 1–2. Bordeaux, 1580. Пер.: Монтень М. Опыты. Книга первая. М. – Л., 1954.

Литература

Лесохина. Э. И. Движение кроканов, 1592–1598. – «Средние века», вып. 6, 1955.
Лучицкий И. В. Гугенотская аристократия и буржуазия на юге после Варфоломеевской ночи. СПб. 1870. Аучиикий И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции. Т. I. Киев, 1877.
Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Ч. 1. Киев, 1871.
Boissonnade P. Le socialisme d'Etat. L'industrie et les classes industrielles en France pendant les deux premiers siecles de Гёге moderne (1453–1661). P., 1927. Dagens J. Berulle et les origines de la restauration catholique (1575–1611). P., 1852.
Deveze M. La vie de la foret fran?aise au XVI siecle. T. 1–2. P., 1961.
Febvre L. Le probleme de l'incroyance au XVIe siecle. La religion de Rabelais. P., 1942.
Hauser H. Etudes sur la reforme fran?aise. P., 1909.
Hauser H. La modernite du XVI siecle. 2-e ed. P., 1963.
Hauser H. L'ouvrier du temps passe. P., 1898.
Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. V. 1–2. P., 1966.
Mariejol J. H. Catherine de Medicis (1519–1589). P., 1920.
Michelet J. Henri IV et Richelieu. 3eme ed. P., 1861.
Michelet J. Histoire de France au seizieme siecle. V. 1–10. P., 1855–1857.

Пер.: Мишле Ж. Реформа (из истории Франции XVI века). СПб., 1861.
Mousnier R. La venalite des offices sous Henri IV et Louis XIII. Rouen, 1945.
Renaadin P. Resurrection de la France (1589–1640). P., 1941.
Scoville W. C. The Persecution of the Huguenots and French Economic Development, 1680–1720. Berkeley – Los Angeles, 1960.
See H. L'evolution commerciale et industrielle de la France sous I'ancien regime. P., 1925.
See H., Rebillon A. et Preclin E. Le XVI siecle. P., 1950.
Zoff O. Die Hugenotten. Geschichte eines Glaubenskampfes. Weimar, 1949.

Главы 6-7

Источники

Внутренняя политика французского абсолютизма. 1633–1649 гг. Сборник документов. Под ред. А. Д. Люблинской. М. -Л, 1966.
Сказкин С. Д. Старый порядок во Франции. М. -Л., 1925 (История в источниках).
Les droits feodaux. Instruction, recueil des textes et notes. Publ. par la Commission de rech. et de publ. des doc. relatifs a la vie econ. de la Revolution. P., 1924.
d'Argenson R. L. Memoires et journal inedit du marquis d'Argenson, ministre des affaires etrangeres sous Louis XV. T. 1–9. P.. 1857.
Correspondance des controleurs generaux des finances avec les intendants des provinces (1683–1715). Publ. par A. M. BoisiUe. T. 1–2. P., 1874–1897.
Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'Etat du cardinal de Richelieu. Prep, par G. d'Avenel. T. 1–8. P., 1853–1877.
Louis XV. Extraits des memoires du temps recueillis par J. B. Ebeling. T. 1–2 P., 1938.
Nouvelle collection des memoires pour servir a l'histoire de France depuis le XI IT siecle jusqu'a la fin du XVIII siecle… par J. F. Michaud et J. Poujoulat V. 1 – 32.. P., 1836–1839.
Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs de France depuis les traites de Westphalie jusqu'a la Revolution fran^aise. Publ. sous les auspices de la Commission des archives diplomatiques au Ministere des affaires etrangeres. T. 1-25. P., 1889–1929.
Regnault H. Les Ordonnances civiles du chancelier Daguesseau. Les Testaments et I'Ordonnance de 1735. P., 1965.
Richelieu A. J. Oeuvres du cardinal de Richelieu avec une introd. et des notes par R. Gaucheron. P., 1929.
Richelieu A. J. Testament politique, publ. par L. Andre. P., 1947.
Les sources de l'histoire de France depuis les origines jusqu'en 1915, Pt. 3. Le XVIIe siecle (1610–1715). Par E. Bourgeois et L. Andre. T. V–VIII. P., 1926–1935.
Thou J. A. de. Histoire universelle. T. 1-11. La Haye, 1740.
Vauban S. Projet d'une dime royale. – In: Economistes-financiers du XVIII siecle.2eme ed. P., 1851 (1re ed. -1707).

Литература

Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774–1789. Т. 1–2. СПб. – Киев, 1900–1906.
Далин В. М. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII в. в освещении «русской школы». – В кн.: Люди и идеи. М., 19/0.
Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. Тбилиси. 1959.
Кареев Н. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879.

Ковалевский М. М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Т. I–II. М., 1906.
Коробочко А. И. Восстание камизаров (1702–1705 гг.). – «Средние века», вып. 3, 1951.
Лившиц Н. А. Французское искусство XV–XVIII веков. Очерки. Л., 1967.
Лотте С. А. «Республиканское сословие» (из истории французского предпролетариата XVIII в.). – «Французский ежегодник 1960». М., 1961.
Лукин Н. М. Судьба общинных земель во Франции в последний период старого порядка. – Избр. труды, т. 1. М., 1960.
Лучицкий И. В. Крестьянское землепользование во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене). Киев, 1900.
Лучицкий И. В. Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789–1793 гг. К)иев, 1912.
Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой половине XVII в. М., 1965.
Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М. -Л., 1948.
Поршнев Б. Ф. Народные восстания при Кольбере. – «Средние века», вып. 2, 1946.
Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.
Савин А. Н. Век Людовика XIV. М. 1930.
A travers la Normandie des XVIIe et XVIIIe siecles. Caen, 1963.
Almeras Ch. La Revoke des camisards. P., 1960.
Arnault J. Proces du colonialisme. P.; 1958.
D'Avenel G. Richelieu et la monarchie absolue. T. 1–4. P., 1884–1890.
Baehrel R. Une croissance: La Basse-Provence rurale (fin du XVI-1789) P., 1961.
Belt H. Hi stoire de la colonisation frangaise, t. I. Naissance et declin d'un Empire. Des origines a 1789. Paris – Grenoble. 1946.
Boissonade P. et Charilat P. Colbert et la Compagnie de Commerce du Nord (1661–1689). P., 1930.
Bouvier J. et Germain-Martin H. Finances et financiers de l'Ancien regime. P., 1964.
Charmeil /. P. Les tresoriers de France a l'epoque de la Fronde. P., 1964.
Cole Ch. IV. Colbert and a century of french mercantilism. V. 1–2. N. Y., 19 59
Deschamps H. Les methodes et les doctrines coloniales de la France du XVIe siecle a nos jours. P., 1953.
Deyon P. Etude sur la societe urbaine au XVIIe siecle. Amiens, capitale provinciale. Paris – La Haye, 1968.
Du Peloux Ch. Repertoire general des ouvrages modernes relatifs au dixhuitieme siecle frangais (1715–1789). P., 1926.
Egret J. Louis XV et l'opposition parlementaire. P., 1970.
Egret J. La Pre-Revolution frangaise, 1787–1788. P., 1962.
Erlanger P. Louis XIV. P., 1965.
Esmonin E. Etudes sur la France des XVIIe et XVIIIe siecles. P., 1964.
Faure E. La disgrace de Turgot (12 mai 1776). P., 1961.
Freville H. L'intendance de Bretagne (1689–1790). Rennes. 1953.
Gille B. Les forges frangaises en 1772. P., 1960.
Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 a 1730. Contribution a l'histoire. sociale de la France au XVIIe siecle. P., 1960.
Hanotaux G. Histoire du cardinal de Richelieu. Nouv. ed. T. 1–6. P., 1896–1947.
Hanotaux G. et Martineau A. Histoire des colonies fran^aises. V. I-'VI. P., 1929–1933.
Histoire du commerce de Marseille. Publ. par la Chambre du commerce de Marseille sous la dir de G. Rambert. T. 4 (1599–1789). P., 1954.
Kossmam E. H. La Fronde. Leiden, 1954.
Labrousse C. E. La crise de l economie frangaise a la fin de l'ancien regime et au debut de la

Revolution P., 1944.
Labrousse C. E. Esquisse du mouvement des prix et des revenue en France au XVIIIe siecle. T. 1–2. P., 1933.
Levasseur E. Histoire des classes ouvrieres et de l'industrie en France avant 1789, 2eme ed. T. 1–2. P., 1900–1901.
Levasseur E. Histoire du commerce de la France. Pt. 1. Avant 1789. P., 1911.
Lewis IV. H. The splendid century. L., 1953.
Ligou D. Montauban a la fin de l'Ancien regime el aux debuts de la Revolution. -1787-1794. P., 1958.
Logie P. La Fronde en Normandie. T. I–III. Amiens, 1952.
Lorris P. La Fronde. P., 1961.
Lough J. An introduction to seventeenth century France. London – New York – Toronto, 1955.
Luthy H. La Banque protestante en France de la revocation de I'edit de Nantes a la Revolution. T. I–II. P., 1959–1961.
Mandrou R. Classes et luttes de classes en France au debut du XVII siecle. Flo-[1]rence, 1965.
Marion M Histoire financieie de la France depuis 1715. T. 1. P., 1927.
Methivier H. L'ancien regime. P., 1961.
Michelet J. Richelieu et la Fronde. P., 1858.
Pages C. La monarchie d'ancien regime en France (De Henri IV a Louis XVI). 4eme ed. P., 1946.
Preclin E. et Tapie V. L. Le XVIIe siecle. Monarchies centralisees (1610–1715). P., 1949.
Preclin E. er Tapie V. L. Le XVIII siecle. T. 1–2. P., 1952.
Rascol P. Les Paysans de l'Albigeois a la fin de l'ancien regime. Aurillac, 1961.
Rigaudiere A., Tulbermann?., Mantel R. Etudes d'histoire economique rurale au XVIII siecle. P., 1965.
Saint Jacob P. de. Les paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siecle de l'ancien regime. P., 1960.
Saintoyant J. La colonisation fran^aise sous l'Ancien Regime. T. I–II. P., 1929.
See H. Les idees politiques en France au XVIIe siecle. P., 1923.
See H. La France economiqiie et sociale au XVIIIe siecle. P., 1925.
Sorel J. A. Le declin de la monarchie (1715–1789). P., 1948.
Shankiewicz W. J. Politics and religion in seventeenth century France. A study of political ideas from the Monarchomachs to Bayle, as reflected in the toleratian controversy. Berkeley- Los Angeles, 1960.
Tapie V. L. Le Dixhuitieme sihch (1715–1789). P., 1945.
Tapie V. L. La France de Louis XIII et de Richelieu. P., 1952.
Tapie V. L. La guerre de Trente ans. T. 1–2. P., 1964–1965.
Tersen E. Histoire du colonialisme fran^ais. P., 1950.
Treasure C. R. P. Seventeenth century France. L., 1966.
Venard M. Bourgeois et paysans au XVIIe siecle. Recherche sur le role des bourgeois parisiens dans la vie agricole au sud de Paris au XVIIe siecle. P., 1957.
Zeller C. Aspects de la politique fran^aise sous l'Ancien regime. P., 1964.

Французское просвещение

Источники

Boisguillbert P. Detail de la France. Factum et opuscules divers. In: Economistes-financiers du XVIIIe siecle. 2$^{'me}$ ed. P., 1851. Boulainvilliers H. L'etat de la France. T. 1–2. L., 1727.
D'Alembert J. Essai sur les elements de philosophie. P., 1805 (Oeuvres philosophiques,

historiques et litteraires. T. 2). Пер*: Д'Аламбер Ж. Л. Динамика. М. -Л., 1950.
D'Aubignee Th. A. Oeuvres completes. V. 1–6. P., 1873–1892.
Пер.: Д'Обинье
Агриппа. Трагические поэмы (и сонеты). Мемуары. М., 1949.
Diderot D. Oeuvres completes. Ed. par J. Assezat et M. Tourneux. T. 1-20. P., 1875–1877.
Пер.: Дидро Дени. Собрание сочинений. Т. 1–10. М. -Л., 1935–1947.
Encyclopedic, ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des metiers. T. 1-35. P., 1751–1780.
Fenelon F. Ecrits et lettres politiques, publ. par Ch. Urbain. P., 1921.
Пер.: Фенелон. Телемак. Ч. 1-›-2. СПб., 1839.
Coudar A. Le Brigandage de la musique italienne. Amsterdam, 1750.
Coudar A. Les interets de la France mal entendus. Amsterdam, 1756.
Helvetius C. A. Oeuvres completes. T. 1–5. P., 1795.
Пер.: Гельвеций К А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938, Об уме. М., 1938; Счастье. Поэма. М. 1936.
Holbach P. EthoCratie ou le Gouvernement fonde sur la morale. Amsterdam, 1776; La morale universelle. T- 1–3. P., 1820; La politique naturelle. T. 1–2- L.,1773; Systeme social T. 1–3. L.f 1773.
Пер.: Гольбах П. А. Галлерея святых. М., 1937; Карманное богословие. М., 1937; Письма к Евгении. Здравый смысл. М. 1956; Священная зараза. Разоблаченное христианство. М., 1936; Система природы. М., 1940.
La Mettrie J. O. de. Oeuvres philosophiques. T. 1–3. P., 1796.
Пер.: Ламетри Ж. Избр. соч. М. -Л., 1925.
Linguet S. N. H. Collection complete des oeuvres. La Haye, 1780.
Mably G. B. Oeuvres completes. T. 1–6. P., 1818.
Пер. Мабли Г. Избр. произв. М. – Л., 1950.
Marais Mathieu Journal et memoires de M. Marais avocat au parlement de Paris sur le regence et le regne de Louis XV (1715–1735). T. 1–4. P., 1863–1868.
Marechal S. Almanach des republicans. P., 1793.
Marechal S. Dictionnaire des honnetes gens. P., 1791.
Melon J. F. Essai politique sur le commerce. Amsterdam, 1754.
Meslier J. Testament. Ed. R. Charles. V. 1–3. Amsterdam, 1864.
Пер.: Мелье Ж. Завещание. Т. 1–3. М., 1954.
Montesquieu Ch. L. Oeuvres completes. Texte presente et annote par R. Caillois. T. 1–2. P., 1949–1952.
Пер.: Монтескье Ш. Избр. произв. М. 1955; Персидские письма. М., 1956.
Morelli. Code de la nature ou le veritable esprit de ses loix. Amsterdam. 1755.
Пер.: Морелли. Кодекс природы, или истинный дух ее законов. М. – Л., 1956.
Naigeon J. Dictionnaire de la philosophie ancienne et moderne. V. 1–3. P., 1791–1793.
Пер.: Нэжон Ж. Солдат-безбожник. М., 1925.
Quesnay F. Oeuvres economiques et philosophiques de F. Quesnay. Publ. par A. Oncken. Francfurt a/M. Paris, 1888.
Пер.: Кенэ Ф. Выбранные места. М., 1896.
Rousseau J. J. Oeuvres completes. T. 1–13. P., 1887–1908.
Пер.: Руссо Жан-Жак. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. М., 1949; Трактаты. М., 1969.
Les soupirs de la France esclave qui aspire apres la liberte (attribues a P. Jurieu). Amsterdam, 1689.
Voltaire F. M. Oeuvres completes. Sous la red. de L. Moland. Nouv. ed. T. 1-52. P., 1874–1885.
Пер.: Вольтер Ф. М. Избр. произв. М., 1947; Письма (новые тексты переписки Вольтера). М. – Л., 1956

Voltaire F. M. Voltaire's correspondence. Ed. by Th. Besterman. V. 1–107. Geneve, 1953–1965.

Литература

Асмус В. Ф. Декарт. М., 1956. Баскин М. П. Монтескье. М., 1965.
Век Просвещения. – Au siecle des lumieres. Сб. статей. Ред. коллегия: Ф. Бродель, А. Губер, А. Манфред, Р. Порталь, М. Ферро. Москва – Париж, 1970.
Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII В. м., 1958.
Вольтер (1694–1778). Статьи и материалы. Под ред. В. П. Волгина. М. – Л. 1948.
Гордон Л. С. Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения (вторая половина XVIII в.). – «Французский ежегодник. 1959». М., 1961.
Гордон Л. С. Никола Антуан Буланже и кружок энциклопедистов. – «Новая и новейшая история», 1962, № 1.
Кузнецов В. Н. Вольтер и философия французского Просвещения XVIII века. М., 1965.
Кучеренко Г. С. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке. М., 1968. Луппол И. К. Дени Дидро. М. – Л., 1934.
Люблинский В. С. Вольтер и мучная война. – Из истории общественных движений и международных отношений. Сб. статей в память акад. Е. В. Тарле. М., 1957. Манфред А. 3. Марат. М., 1962. Момджян X. Философия Гельвеция. М., 1955. Плеханов Г. В. Очерки по истории материализма. Л., 1938.
Поршнев Б. Ф. Мелье. М., 1964.
Alatri P. Voltaire Diderot e il «Partito filosofico» Messina-Firenze. 1965.
Barr M. Bibliography of Writings on Voltaire. 1825–1925. N. Y., 1929.
Brunello B. C. G. Rousseau – filosofo della politica. 2-a ed. Bologna, 1961.
Calloi E. La philosophie de la vie au XVIIIe siecle etudiee chez Fontenelle, Montesquieu. Maupertuis, La Mettrie, Diderot, d'Holbach, Linne. P., 1965.
Derathe R. Jean Jacques Rousseau et la science politique de son temps. P., 1950.
Despoireterres C. Voltaire et la societe fran?aise au XVIIIe siecle. 2eme ed. V. 1–8. P., 1871–1876.
Diaz F. Filosofia e politica nel seltecento francese. Torino, 1962.
Dommanget M. Sylvain Marechal, l'egalitaire. – «L'homme sans dieu». Sa vieson oeuvre (1750–1803). P., 1950.
Dommanget M. Le cure Meslier, Athee, communiste et revolutionnaire sous Louis XIV. P., 1965.
Durant IV. and Durant A. The age of Vohaire. A history of civilization in Western Europe from 1715 to 1756, with special emphasis on the conflict between religion ana philosophy. N. Y., 1965.
«L'Encyclopedie» et le progres des sciences et des techniques. P., 1952.
(Centre international de synthese. Section d'histoire des sciences). Cay P. Voltaire's Politics: the Poet as Realist. Princeton, 1959. Jean Jacques Rousseau. 1712–1778 P., 1962.
Lioublinsky W, S. Voltaire Studien. Berlin, 1964.
Markov IV. Grenzen des Jakobinerstaates. Grundpositionen der franzosischen Aufklarung. B., 1955.
Mornet D. Les origines intellectuelles de la revolution frangaise (1715–1789). 5eme ed. P., 1954.
Mousnier R. et Labrousse E. Le XVIIIe siecle. L'epoque des «Lumieres» (1715–1815). Avec la collab de M. Bouloiseau. 4eme ed. P., 1963.
Proust J. Diderot et l'encyclopedie. P., 1962.
Schnelle K.. Aufklarung und klerikale Reaktion. Der Prozess gegen den Abbe Henri-Joseph Lauvens. Ein Beitrag zur deutschen und franzosischen Aufklarung. B., 1963.
Schalk F. Studien zur franzosischen Aufklarung. Miinchen, 1964.

Spink J. S. French freethougth from Gassendi to Voltaire. L., 1960.
Studies on Voltaire and the eighteenth century. Ed. by Th. Besterman. Geneve, 1963.
Winwar F. Jean Jacques Rousseau. Conscience of an era. N. Y., 1961.